

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2025, Том 8, №1

Подписано к публикации: 15.01.2025

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна** (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентиновна Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

Е-mail: hb-journal@yandex.ru

Сайт: <http://hb-journal.ru>

© Исторический бюллетень, 2025

Содержание

Квартникова О.А.

Воинская дисциплина и морально-политическое состояние в рядах Красной Армии накануне и в начале Великой Отечественной войны 5-10

Чернышов С.А.

Эволюция мифа о «Казанском взятии» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти 11-19

Штепа А.В., Кукушкин В.М.

Стальные магистрали Российской империи: историческое наследие железной дороги на территории г. Калуга 20-28

Габдрафиков И.М.

Субэтнические группы и отражение их численности в постсоветских переписях населения (на примере Поволжья) 29-37

Волков А.С.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии Солнечного затмения, описанного Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны») 38-48

Кун Вэйжань

Исследование самоидентификации этнических русских в Китае на примере региона Хулунбэйр 49-54

Максимов А.Н.

Церковные грамоты Уватского храма как отражение политической, социальной и экономической жизни местного населения 55-64

Демин А.В.

Химические и огнеметные подразделения русской армии Первой мировой войны: генезис и вооружение 56-70

Романенко Л.В.

Символы памяти: роль монументов и мемориалов в формировании национальной идентичности Великобритании после мировых войн 71-76

Смирнов В.В.

Образ идеального самурая в литературе самурайского круга XIII-XVI веков 77-82

Ян Вэньхуэй

Общественный диалог по вопросам приграничного сотрудничества России и Китая на современном этапе 83-91

Курков В.В., Тимонина И.Е.

Военное противостояние СССР и Финляндии в 1939-1944 гг.: к вопросу об отборе учебного материала при изучении причинно-следственных связей 92-99

Штепа А.В., Сапожников М.В.

Хроника поиска погибших бойцов и командиров отряда «Особые» ОМСБОН НКВД СССР под командованием майора П.А. Коровина и результаты увековечения памяти о них 100-112

Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н. Кенийско-сомалийский территориальный спор 1960-х гг. в документах ЦРУ	113-120
Малкина А.В. Вклад профессора Ивана Степановича Якимова (1847-1885) в развитие отечественной ветхозаветной библеистики	121-126
Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603-1867)	127-132
Мельниченко О.В. Экуменическая деятельность Русской православной церкви	133-138
У Цзыпэн Земляные валы, абатис, линия крепостей: формирование и эволюция фронта в период Российской империи	139-154
Кирюшин А.Д. Объекты исторического наследия Таганрога как информационные ресурсы формирования историко-культурной среды города	155-161
Кутищев А.В. Битва при Бленхейме 13 августа 1704 г.: военно-профессиональный взгляд и оценки современников	162-174
Сурков М.Ю. «Недопустимое поведение» народного артиста как препятствие к выезду за границу: ВОКС и несостоявшаяся поездка в Иран В.К. Папазяна в 1934 г.	175-180
Крайнев В.В. Этническая идентичность антов: археологические и историографические основания	181-186
Бедретдинова Л.Н. Иван III в ранних работах С.М. Соловьева	187-193
Мязин Н.А., Мязина Н.А. Роль периода испытаний в развитии католической церкви в Мексике	194-200
У Цзыпэн Крепость-город-пограничная административная единица: модель управления на Северо-Кавказском фронте России в XVIII веке	201-209
Антонов И.В. Этногеография башкир по данным эпических сказаний	210-219
Садым К.Б. Возрождение национальных общественных организаций на Кубани в конце XX – начале XXI вв.	220-225
Крайнев В.В. Анты как народность в сочинениях Прокопия Кесарийского	226-232
Володина Ю.А. Анализ санитарного законодательства Российской Империи XIX в.	233-238
Хорошевский Г.А. Эволюция стратегического партнерства в ФРГ: от В. Брандта до Г. Шредера	239-244

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.85

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-5-10

Воинская дисциплина и морально-политическое состояние в рядах Красной Армии накануне и в начале Великой Отечественной войны

¹ Квартникова О.А.,

¹ Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия

Аннотация: в данной статье рассматриваются отдельные аспекты состояния воинской дисциплины и морально-политического состояния в рядах Красной Армии накануне и в начале Великой Отечественной войны. Подчеркивается, что еще до нападения фашистской Германии на СССР руководство страны осознавало важность укрепления воинской дисциплины и военно-политической работы в рядах армии.

В статье упоминается ряд приказов и постановлений, направленных на реализацию задач по повышению воинской дисциплины, на воспитание военнослужащих в духе строгого соблюдения военной присяги и воинских уставов, в частности Дисциплинарного устава. Показано значение известного приказ № 227 от 28 июля 1942 года, который оказался своевременным и содержал ряд практических требований, направленных на укрепление дисциплины, а также способствовал подъему морально-политического и психологического состояния в рядах Красной Армии.

Особое внимание в статье уделяется практическим мерам руководства страны, направленным на борьбу с пьянством, дезертирством и иными происшествиями в рядах Красной Армии накануне и в самом начале войны. Они осуществлялись в форме проведения семинаров, совещаний, лекций, докладов, бесед и т.д.

Подчеркнута важность использования ряда мер по укреплению воинской дисциплины, поднятию боевого духа и мотивации на победу, показавших положительный результат в ходе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: воинская дисциплина, морально-политическое состояние, Красная Армия, Великая Отечественная война, Дисциплинарный устав, Приказ № 227, боевой дух

Для цитирования: Квартникова О.А. Воинская дисциплина и морально-политическое состояние в рядах Красной Армии накануне и в начале Великой Отечественной войны // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 5 – 10. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-5-10

Поступила в редакцию: 18 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Military discipline and the moral and political state in the ranks of the Red Army on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War

¹ Kvartnikova O.A.,

¹ Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

Abstract: this article examines certain aspects of the state of military discipline and the moral and political state in the ranks of the Red Army on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War. It is emphasized that even before the attack of Nazi Germany on the USSR, the country's leadership realized the importance of strengthening military discipline and military-political work in the ranks of the army.

The article mentions a number of orders and resolutions aimed at implementing tasks to improve military discipline, to educate military personnel in the spirit of strict observance of the military oath and military regulations, in particular the Disciplinary Statute. The importance of the well-known order No. 227 of July 28, 1942, which turned out to be timely and contained a number of practical requirements aimed at strengthening discipline, as well as contributed to the rise of the moral, political and psychological state in the ranks of the Red Army, is shown.

Special attention is paid in the article to the practical measures of the country's leadership aimed at combating drunkenness, desertion and other incidents in the ranks of the Red Army on the eve and at the very beginning of the war. They were carried out in the form of seminars, meetings, lectures, reports, conversations, etc.

The importance of using a number of measures to strengthen military discipline, raise morale and motivation for victory, which showed a positive result during the Great Patriotic War during the Russian Federation's Special Military Operation in Ukraine, was emphasized.

Keywords: military discipline, moral and political condition, the Red Army, the Great Patriotic War, Disciplinary regulations, morale

For citation: Kvartnikova O.A. Military discipline and the moral and political state in the ranks of the Red Army on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 5 – 10. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-5-10

The article was submitted: September 18, 2024; Approved after reviewing: November 16, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

«Качество солдата – это не только его умение стрелять, выполнять боевой устав и знать технику, словом, бить врага. Это, прежде всего боевой дух, его сознательность, его патриотизм, его идейность».

И.С. Конев, Маршал Советского Союза

Введение

Результаты боевых действий в годы Великой Отечественной войны во многом определялись не только тактическими и стратегическими решениями, но и высоким уровнем воинской дисциплины, а также морально-политическим состоянием солдат и офицеров. Эти факторы играли ключевую роль в способности военнотружущих переносить тяжести войны, преодолевать страх перед лицом врага и сохранять решимость к победе. Воинская дисциплина, как основа боеспособности и готовности войск, всегда была важнейшим условием для достижения успеха на поле боя.

В современных условиях, когда Российская Федерация проводит Специальную военную операцию на Украине, поддержание высокой воинской дисциплины остается критически важным. Как и в годы войны, нынешнее руководство страны принимает ряд мер, направленных на укрепление дисциплины и морального духа личного состава. Это отражается в законодательных инициативах, таких как Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 231-ФЗ «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнотружущих, принимающих участие в специальной военной операции». Этот закон подчеркивает важность соблюдения дисциплины и правопорядка в рядах Вооруженных сил и других воинских формирований.

Таким образом, следует отметить, что воинская дисциплина и морально-политическое состояние личного состава остаются основополагающими факторами для успешного выполнения боевых задач как в прошлом, так и в настоящем. В условиях современных конфликтов, где каждый день может приносить новые вызовы, важно продолжать работать над укреплением этих основ, чтобы обеспечить не только победу на поле боя, но и стабильность и безопасность страны в целом.

Материалы и методы исследований

В основе методологии данного исследования лежат принципы историзма и объективности, которые служат важными инструментами для глубокого и всестороннего анализа состояния воинской дисциплины и морально-политического климата среди солдат Красной Армии в преддверии и в начале Великой Отечественной войны. Эти принципы помогают не только понять, как формировалась дисциплина в условиях войны, но и выявить, какие факторы влияли на моральный дух бойцов.

Историзм подразумевает изучение событий в их временном контексте, что позволяет увидеть, как военные и политические решения, принимаемые на высшем уровне, отражались на рядовых солдатах. Объективность, в свою очередь, требует от исследователя беспристрастного подхода к анализу источников, включая приказы и постановления, а также практические меры, направленные на улучшение воинской дисциплины.

Критический анализ состояния воинской дисциплины и морально-политического климата в Красной Армии в указанный период требует внимательного изучения множества факторов. Это позволяет не только понять, как формировалась военная культура в условиях Великой Отечественной войны, но и извлечь уроки для будущих поколений, чтобы избежать повторения ошибок и укрепить дух и дисциплину в армии.

Результаты и обсуждения

Вероломное нападение фашистской Германии и её союзников на Советский Союз в 1941 году стало катастрофическим событием, которое потребовало от страны не только мобилизации колоссальных материально-технических ресурсов, но и значительного повышения морально-политического потенциала среди личного состава Красной Армии (до ноября 1939 года – Рабоче-крестьянская Красная Армия).

В тяжелых условиях начального периода войны, когда враг продвигался вглубь нашей страны и на кону стояло существование государства, было необходимо не только укрепление воинской дисциплины, но и создание устойчивого морального духа среди солдат, что в свою очередь способствовало бы уверенности в победе над врагом.

Уже в преддверии войны руководство страны осознавало, что необходимо предпринимать активные шаги для улучшения дисциплины и военно-политической работы в рядах армии. В частности, в своем докладе «О работе Политического Управления Красной Армии» начальник Политуправления Л. Мехлис в мае 1940 года поднимал вопрос о низком уровне дисциплины среди солдат. Он отмечал, что распространёнными нарушениями были перепалки с начальством, нарушения строевого устава, небрежное отношение к сбережению оружия и даже случаи дезертирства. Эти факторы подрывали боеспособность армии и ставили под угрозу выполнение поставленных задач.

Для решения этих проблем было необходимо задействовать все возможные механизмы. Л. Мехлис подчеркивал, что борьба за укрепление воинской дисциплины требует комплексного подхода, включающего воспитательную работу, исправление ошибок в пропаганде и военной идеологии, а также применение строгих методов принуждения [1, с. 199]. Это требование было поддержано рядом приказов и постановлений, изданных незадолго до начала Великой Отечественной войны, которые были направлены именно на повышение уровня воинской дисциплины [2, 3, 4, 5].

Ситуация с дисциплиной в армии была также осложнена социальными факторами. В преддверии войны общество переживало значительные

изменения, связанные с индустриализацией и коллективизацией, что влияло на моральный дух солдат. Многие из них были призваны из сельской местности и не имели опыта военной службы. Это создавало дополнительные трудности в воспитании и обучении. Командиры, понимая это, старались адаптировать свои методы работы к условиям, в которых находились их подчиненные.

Одним из важных мероприятий стало введение системы регулярных политических занятий и агитационных кампаний, направленных на повышение морального духа среди солдат. Политработники активно участвовали в жизни частей, проводя беседы о важности защиты Родины, о героизме советских людей в борьбе с фашизмом. Важным элементом этих мероприятий стало использование опыта предыдущих конфликтов, в частности Гражданской войны, когда Красная Армия демонстрировала высокую степень самоотверженности и преданности.

Помимо этого, в армии начали внедрять систему поощрений для тех, кто проявлял образцы доблести и дисциплины. Различные награды, грамоты и другие формы поощрения стали важными инструментами для повышения мотивации солдат. Важно отметить, что такая работа велась не только на уровне командиров, но и среди рядовых солдат, что способствовало созданию атмосферы единства и сплоченности.

К тому же, в условиях войны возникла необходимость в создании новых форм организации и управления, что также влияло на уровень дисциплины. В условиях постоянных боевых действий и нехватки ресурсов, командиры должны были принимать быстрые решения, что требовало от солдат высокой степени доверия к своему руководству и готовности выполнять приказы без колебаний.

В 1940-1941 годах, в условиях нарастающей угрозы со стороны нацистской Германии, советское руководство предприняло ряд мер, направленных на укрепление воинской дисциплины в Красной Армии. В этот период особое внимание уделялось воспитанию военнослужащих в духе строгого соблюдения военной присяги и установленных уставов, особенно Дисциплинарного устава. Это включало в себя различные указы и приказы, касающиеся наказаний за такие серьезные нарушения, как пьянство, самовольное оставление воинских частей и дезертирство.

Согласно исследованиям О.Ф. Сувенирова, в первом полугодии 1940 года в армии фиксировалось в среднем 19 дезертирств и 315 самовольных отлучек в день. Однако к началу 1941 года ситуация улучшилась: количество дезертирств сократилось до 11 в день, а самовольных отлучек – до 52

[6]. Эти цифры говорят о том, что принятые меры начали приносить свои плоды, и воинская дисциплина в определенной степени укрепились.

Тем не менее, начавшаяся Великая Отечественная война в 1941 году внесла значительные коррективы в эту картину. В первые месяцы войны значительно была подорвана дисциплина в рядах Красной Армии. Фактор внезапности, тяжелейшие сражения, превосходящие силы противника и огромные потери среди личного состава негативно сказались на уровне дисциплины в войсках. Многие солдаты, столкнувшись с военными трудностями и тяготами начали проявлять признаки дезертирства и паники. Это стало серьезной проблемой, требующей немедленных и решительных действий со стороны командования.

В условиях военной обстановки основные положения Дисциплинарного устава 1940 года не могли реализовываться в полном объеме. Важно было понимать, что в условиях фронта, когда военнослужащие выполняли боевые задачи, акцент на мелкие дисциплинарные проступки терял свою актуальность. Вместо этого командование должно было сосредоточиться на более важных задачах: поддержании морального духа войск, предотвращении паники и дезертирства.

Одним из ключевых направлений работы командования стало создание системы морально-психологической поддержки военнослужащих. Важным аспектом этого процесса стало внедрение практики использования политработников, которые должны были вести разъяснительную работу среди личного состава, объясняя важность выполнения приказов и поддержания дисциплины. Политруки и комиссары стали неотъемлемой частью военной структуры, их задача заключалась в том, чтобы поддерживать моральный дух солдат и напоминать им о долге перед Родиной.

Кроме того, в условиях войны началось активное внедрение различных форм поощрения за доблесть и выполнение боевых задач. Это способствовало укреплению дисциплины, так как солдаты понимали, что их усилия и отвага будут замечены и оценены. Таким образом, командование пыталось создать атмосферу, в которой военнослужащие чувствовали бы свою значимость и необходимость в выполнении поставленных задач.

Важным шагом в восстановлении дисциплины стало также ужесточение наказаний за дезертирство и другие серьезные проступки. В условиях войны, когда каждая потеря личного состава могла привести к катастрофическим последствиям, командование стало применять более строгие меры к тем, кто покидал свои позиции, проявлял неорганизованность, распространял провокационные

слухи и т.п. Это включало в себя как судебные разбирательства, так и применение военных трибуналов.

Нельзя не отметить важность приказа № 227, изданного 28 июля 1942 года, который стал знаковым событием в истории Красной Армии и всей страны в период Великой Отечественной войны. Он был издан в условиях, когда советские войска несли значительные потери и ситуация на фронте была крайне напряженной. В тексте приказа подчеркивается, что в рядах армии наблюдается недостаток порядка и дисциплины, что являлось одной из главных причин неудач на фронте. В условиях, когда каждая потеря могла иметь фатальные последствия, необходимость в строгом соблюдении воинских уставов и дисциплины становилась особенно важной.

Приказ № 227 стал не просто очередным указом, а настоящим манифестом, призывающим к единству и стойкости. В нем четко обозначались требования к командирам и рядовым солдатам: «ни шагу назад без приказа высшего командования!» [7]. Это требование стало основой для формирования новой моральной и психологической атмосферы в армии. Каждый командир, каждый красноармеец понимал, что от его действий зависит не только его собственная судьба, но и судьба Родины, всего народа. Это ощущение ответственности способствовало повышению боевого духа и готовности к сопротивлению.

Кроме того, приказ стал важным инструментом в борьбе с таким явлением, как дезертирство, которое также имело место в рядах Красной Армии. Дезертирство, как и пьянство, подрывали боеспособность войск и вызывали недовольство среди оставшихся на фронте солдат. В условиях войны, когда каждый боец на счету, такие действия воспринимались как предательство и наносили удар по моральному духу всей армии. Приказ № 227 четко определял, что командиры и политработники, которые отступают без приказа, должны быть наказаны как предатели Родины. Это создало атмосферу, в которой каждый солдат осознавал, что его действия будут оцениваться не только с точки зрения военной необходимости, но и с точки зрения патриотизма и верности своему народу.

Важно отметить, что приказ также оказал влияние на политическую ситуацию в стране. Он стал символом единства и сплоченности народа в борьбе с врагом. В условиях войны, когда общество было на грани разобщенности, такие призывы к дисциплине и порядку помогли укрепить дух народа. Люди начали осознавать, что каждый из них, независимо от своего положения, может внести свой вклад в общую победу.

Думается, что данный приказ был своевременным, ибо он был принят в момент, когда СССР и все советские граждане стояли на грани смертельного поражения и содержал ряд практических требований, направленных на укрепление дисциплины и поднятия боеготовности в рядах Красной Армии.

Следует также упомянуть, что значительной проблемой, «бичом Красной Армии», как указывалось в официальных документах 1930-х годов, было пьянство среди бойцов и их командиров, которое негативно сказывалось на дисциплине. В ответ на эту проблему был издан приказ «О борьбе с пьянством в РККА» от 28 декабря 1938 года, который запрещал употребление алкоголя в армии и вводил строгие меры наказания для нарушителей. Однако, несмотря на эти усилия, проблема не была решена, и пьянство было распространено среди красноармейцев. Приказ № 227 стал продолжением борьбы с этой негативной практикой, подчеркивая, что дисциплина и порядок – это не просто требования, а жизненно важные условия для выживания и победы в войне.

На состояние воинской дисциплины в советской армии в преддверии Великой Отечественной войны оказывали негативное влияние не только чрезмерное пьянство, но и множество чрезвычайных происшествий, которые приобрели угрожающие масштабы. В частности, по данным Центрального архива Министерства обороны, в IV квартале 1940 года в армии было зафиксировано 3669 происшествий. Однако уже в I квартале 1941 года их количество возросло до 4649, что составляет увеличение на 26,6%. Эти происшествия привели к значительным потерям среди личного состава: из строя выбыло 10 048 человек, среди которых 2921 погиб и 7127 получил ранения. В I квартале 1941 года из строя выбыло 3244 человека, из них убитыми оказались 945, а ранеными – 2290. Таким образом, среднее количество убитых и раненых в день возросло с 27–28 до 36 человек [8].

Низкий уровень дисциплины и связанные с этим негативные последствия в рядах Красной Армии, приводили к реализации практических мер. Среди них была организация семинаров, совещаний и лекций для командиров, которые касались таких важных вопросов, как единоначалие в Красной Армии и роль командира как воспитателя и руководителя. Например, в частях 1-й гвардейской танковой армии прошла лекция о роли офицера в укреплении воинской дисциплины, а также

двухдневные сборы командиров танков и батальонов, на которых обсуждались методы воспитания дисциплинированности у солдат.

Эти мероприятия проводились вплоть до окончания войны и были направлены на обучение командиров эффективным методам работы с личным составом. Важно отметить, что подобные действия не только способствовали повышению уровня дисциплины, но и помогали формировать морально-политическое состояние в армии. Командиры, прошедшие обучение, должны были не только следить за исполнением приказов, но и понимать, как мотивировать своих подчиненных, создавая атмосферу доверия и уважения.

Выводы

В заключение стоит отметить, что в условиях войны и постоянной угрозы со стороны противника, военная дисциплина становилась не только вопросом внутреннего порядка, но и вопросом сохранения государственности. Дисциплинированные солдаты, способные выполнять приказы и действовать слаженно, были ключевыми факторами успешного ведения боевых действий. В этом контексте роль командиров, способных обеспечить порядок и строгую дисциплину, становилась особенно важной.

Мероприятия по укреплению воинской дисциплины и морально-политической работы в Красной Армии стали важным фактором, который способствовал успешному сопротивлению фашистским захватчикам. Они позволили не только сохранить боеспособность армии, но и создать условия для формирования нового типа солдата – патриота, готового сражаться за свою страну до последней капли крови.

Думается, что ряд мер по укреплению воинской дисциплины и стойкости, поднятию боевого духа и мотивации на победу, показавших положительный результат в ходе Великой Отечественной войны, могут быть учтены в ходе проведения Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине. Время идет, совершенствуется материально-техническая база, тактика ведения боя, но неизменным остается одно – это сила русского духа, который необходимо поднимать у военнослужащих, участвующих в СВО, эффективными методами, опираясь на опыт Великой Отечественной войны. Только железная дисциплина, неукоснительное выполнение приказов командиров и осознание важности проведения Специальной военной операции для Родины приведут Россию к победе над неофашизмом.

Список источников

1. Мехлис Л.З. О работе Политического Управления Красной Армии (Из доклада Политического Управления Красной Армии Центральному Комитету ВКП (б) о работе Политического Управления Красной Армии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3 (302). С. 192 – 201.
2. Приказ о порядке отчисления курсантов из военных училищ по политическим мотивам. 26 февраля 1938 г. / Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс] URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (дата обращения: 15.07.2024)
3. Приказ об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство. 8 июля 1940 г. / Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (дата обращения: 27.07.2024)
4. Приказ с объявлением Положения о дисциплинарном батальоне в Красной Армии. 15 июля 1940 г. / Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (дата обращения: 27.07.2024)
5. Приказ о введении в действие Дисциплинарного устава Красной Армии. 12 октября 1940 г. / Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (дата обращения: 27.07.2024)
6. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. Москва, 1998. С. 339.
7. Бобылев П.Н., Бокарев В.П., Липицкий С.В., Монин М.Е. Советские Вооруженные силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. М.: Политиздат, 1987. 416 с.
8. Шпаковский В. Дисциплина в армии – основа основ или... в архивах – сила! [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 29.07.2024)

References

1. Mekhlis L.Z. On the work of the Political Directorate of the Red Army (From the report of the Political Directorate of the Red Army to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the work of the Political Directorate of the Red Army. Izvestia of the Central Committee of the CPSU. 1990. No. 3 (302). P. 192 – 201.
2. Order on the procedure for expelling cadets from military schools for political reasons. February 26, 1938. Electronic Library of Historical Documents [Electronic resource] URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (accessed: 07/15/2024)
3. Order on criminal liability for unauthorized absences and desertion. July 8, 1940. Electronic Library of Historical Documents [Electronic resource]. URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (accessed: 07/27/2024)
4. Order announcing the Regulations on the disciplinary battalion in Red Army. July 15, 1940. Electronic library of historical documents [Electronic resource]. URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (date of access: 07/27/2024)
5. Order on the introduction of the Disciplinary Regulations of the Red Army. October 12, 1940. Electronic library of historical documents. [Electronic resource]. URL: [//historyrussia.org](https://historyrussia.org) (date of access: 07/27/2024)
6. Suvenirov O.F. Tragedy of the Red Army 1937-1938. Moscow, 1998. P. 339.
7. Bobylev P.N., Bokarev V.P., Lipitsky S.V., Monin M.E. Soviet Armed Forces. Questions and Answers. Pages of History. Moscow: Politizdat, 1987. 416 p.
8. Shpakovsky V. Discipline in the army – the basis of the basis or... in the archives – strength! [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru> (date of access: 29.07.2024)

Информация об авторе

Квартникова О.А., кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, olesia140579@mail.ru

© Квартникова О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 94(57)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-11-19

Эволюция мифа о «Казанском взятии» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти

¹ Чернышов С.А.,

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу возникновения и эволюции мифа о «Казанском взятии» в октябре 1552 г. в символической политике и локальной исторической памяти. На основе реконструкции исторического контекста и военно-политической динамики делается вывод о малозначительном характере событий октября 1552 года, которые стали очередным эпизодом во внутриэлитарной борьбе Казанского ханства и противостоянии Москвы и Казани одновременно. Для анализа практик коммеморации «Казанского взятия» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти используются правительственные (в том числе, дипломатические) официальные источники, материалы личного происхождения, краеведческая и художественная литература, материалы СМИ различных эпох. Анализ этих материалов демонстрирует, как исторический нарратив «Казанского взятия» как ключевого эпизода локальной и национальной истории, будучи сконструированный для решения ситуативных задач различных субъектов коммуникаций (правительства, Церкви, части элит Московского царства), становится устойчиво, общепризнанной и не подвергаемой критическому анализу версией событий. В результате эволюции мифа о «Казанском взятии» для национальной истории этот локальный эпизод интерпретируется как акт цивилизационного значения, как сатисфакцию Руси в отношении одного из последних преемников Золотой орды, как начало принципиально нового, «евразийского» периода отечественной истории. Для локальной исторической памяти «Казанское взятие» интерпретируется как важный, но (обратный героическому) трагический акт политической истории татарского народа, знаменующий завершение самобытного и начало колониального периодов. В таком виде этот нарратив начинает воспроизводиться в локальных СМИ, художественных текстах, региональных учебниках истории. Оказывается, что вырваться из колеи однажды сконструированного исторического нарратива – почти невозможная задача.

Ключевые слова: Казанское взятие, Иван Грозный, Андрей Курбский, историческая политика, историческая память, региональная идентичность, история Татарстана

Для цитирования: Чернышов С.А. Эволюция мифа о «Казанском взятии» в официальных коммуникациях и локальной исторической памяти // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 11 – 19. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-11-19

Поступила в редакцию: 18 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Evolution of the myth about the “Capture of Kazan” in official communications and local historical memory

¹ Chernyshov S.A.,
¹ National Research Tomsk State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the emergence and evolution of the myth of the “Capture of Kazan” in October 1552 in symbolic politics and local historical memory. Based on the reconstruction of the historical context and military-political dynamics, a conclusion is made about the insignificant nature of the events of October 1552, which became another episode in the intra-elite struggle of the Kazan Khanate and the confrontation between Moscow and Kazan at the same time. To analyze the practices of commemoration of the “Capture of Kazan” in official communications and local historical memory, government (including diplomatic) official sources, personal materials, local history and fiction literature, and media materials from different eras are used. The analysis of these materials demonstrates how the historical narrative of the “Capture of Kazan” as a key episode of local and national history, being constructed to solve the situational problems of various subjects of communications (government, Church, part of the elites of the Moscow kingdom), becomes a stable, generally accepted and not subject to critical analysis version events. As a result of the evolution of the myth of the “Kazan Capture” for national history, this local episode is interpreted as an act of civilizational significance, as satisfaction of Rus' in relation to one of the last successors of the Golden Horde, as the beginning of a fundamentally new, “Eurasian” period of national history. For local historical memory, the “Capture of Kazan” is interpreted as an important, but (the opposite of heroic) tragic act in the political history of the Tatar people, marking the end of the original and the beginning of the colonial periods. In this form, this narrative begins to be reproduced in local media, literary texts, and regional history textbooks. It turns out that breaking out of the rut of a historical narrative once constructed is an almost impossible task.

Keywords: Capture of Kazan, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky, historical politics, historical memory, regional identity, history of Tatarstan

For citation: Chernyshov S.A. Evolution of the myth about the “Capture of Kazan” in official communications and local historical memory. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 11 – 19. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-11-19

The article was submitted: September 18, 2024; Approved after reviewing: November 16, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Взятие Казани войском во главе с московским царем Иваном IV в октябре 1552 г. – один из центральных эпизодов символического нарратива Москвы о завоевании татарских ханств Поволжья и Западной Сибири второй половины XVI века. Важность «Казанского взятия» не только для локальной, но и для общенациональной истории не ставится под сомнение среди историков различных стран, регионов и периодов. К концу XIX века в отечественной историографии фактически сложился консенсус: именно «Казанское взятие» стало точкой отсчета для качественно иного этапа развития Московского царства, ставшего «подлинно царством» [7, с. 53] и совершившего акт сатисфакции за «все вековые притеснения и причиненные Руси обиды» [6, с. 51]. Этот нарратив безо всякого критического осмысления перекочевал в работы современных российских (в том числе, татарских) и зарубежных историков. Так, ка-

занский историк Б.Р. Рахимзянов оценивает взятие Казани так: «русский «царь» превратился в Царя» [19, с. 168]. Европейский историк А. Каппелер представляет события 1552 г. как рубежный этап для московской государственности: «с этого момента североευропейское Московское государство с преобладающим в нем до сих пор восточнославянским населением окончательно превращается ... в мультирелигиозную и полиэтническую империю» [9, с. 35].

А если и встречаются авторы, оспаривающие цивилизационное значение завоевания Казани в 1552 г., то даже и в этом случае принципиальная важность этого эпизода не оспаривается, но слово выворачивается наизнанку – например, из героической становится трагической. Например, современный татарский писатель Зиннур Мансуров пишет о важности завоевания Казани в следующем ключе: «цветущие болгарские города и села разрушены и стерты с лица земли, будто их и не

было. От нас ушел Касимов, потеряна Казань. Рассеялись татары, исчезли ханы... и нет у нас теперь ни государства, ни былой славы!» [13]

Одним словом, практики коммеморации завоевания Казани войсками Ивана IV в 1552 г. как важного, определяющего для цивилизационного пути Московского царства и для Казани (и шире – приволжских татар в целом) события является доминирующими. Цель настоящего исследования – реконструировать события октября 1552 года в широком историческом контексте, основываясь на классической и современной историографии, и проанализировать истоки и эволюцию исторического нарратива о принципиальном значении «Казанского взятия» для локальной и общероссийской истории.

Материалы и методы исследований

В основе этого исследования лежит терминологический ряд и инструментарий исторической политики и исторической памяти. Совокупность публичных актов «воспоминания» исторических фигур или событий и их переосмысления в современном контексте мы вслед за О.Ю. Малиновой в именуюем в статье «коммеморацией», «символической политикой», «исторической памятью» [12, с. 28]. Конструирование стройных нарративов исторической политики в этой концепции происходит на основе набора «исторических случайностей», которые теоретически образуют неограниченное количество вариаций» [25]. Если так, то любая коммуникативная конструкция подразумевает наличие субъекта коммуникаций (в том числе, коллективного), который обладает собственными целевыми установками, очевидно, далекими от идеалистических: легитимизация собственной власти, оправдание принимаемых решений, укрепление солидарности группы, демонстрация несостоятельности оппонентов, приобретение материальных и организационных ресурсов и прочее [11, с. 33]. Согласно концепции польского историка Ежи Топольски, сама ткань «официальной истории», кроме собственно информации и риторики всегда содержит идеологический компонент, определенные ценностно-мировоззренческие установки авторов продвигаемого нарратива [26, с. 202].

В такой оптике миф о «Казанском взятии» (важно подчеркнуть, что термин «миф» используется здесь не как синоним «выдуманной истории», а как синоним «сконструированного нарратива») имеет под собой некоторый набор исторических фактов, существующих в определенном событийном и коммуникативном контексте, на основе которого определенные субъекты коммуникаций конструировали и развивали тот нарратив, с кото-

рым мы имеем дело сегодня. Реконструкции состава этого «набора фактов», контекста их существования, и особенностям конструирования нарратива о принципиальном (героическом и/или трагическом) значении взятия Казани в октябре 1552 года и посвящена эта статья. Анализ «Казанского взятия» в такой оптике составляет новизну этого исследования.

Для реализации поставленной цели в исследовании, кроме архивных материалов, летописей и литературных памятников, используется широкий спектр источников: официальная документация, материалы личного происхождения, в том числе, местных историков, краеведов, журналистов, педагогов, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия указанных регионов – словом, весь пласт материала, фиксирующего локальные коммеморативные практики.

Результаты и обсуждения

Взятие Казани в октябре 1552 года в историческом контексте

Интеграция татарских ханств Поволжья и Западной Сибири Московским царством во второй половине XVI века не была линейным военно-политическим актом. Также, как и сами взаимоотношения Московского царства и татарских ханств, череда военно-политических побед и поражений на этом направлении имела неомогенный, часто слабо связываемый в единую сюжетную линию характер. На примере московско-казанских взаимоотношений этот тезис выглядит особенно очевидно. Период с конца XV до середины XVI века в этих отношениях характеризуется то «русским протекторатом» 1487-1521 гг., когда после захвата Казани Москва стала по своему усмотрению ставить на казанский престол угодных татарских царевичей [23, с. 130], то периодами относительной самостоятельности Казани и даже прямой военной конфронтации. Так, в 1506 г. Василий III отправил на Казань армию из 100 тысяч воинов, которую казанский хан Мухаммед-Али (проводивший независимую от Москвы политику) наголову разбил в мае того же г., а в июне – 60-тысячное конное войско русских [22, с. 131]. Военный поход Ивана IV на Казань в 1552 г. таким образом был далеко не первым (и далеко не последним) крупным эпизодом военного противостояния Москвы и Казани. Политической «пикантности» этому противостоянию добавлял и «серый» статус пограничного Касимовского ханства, которое в 1510-е гг. одновременно считали своей вотчиной московский великий князь, и своим юртом – хан Муххамед-Гирей [19, с. 169].

Непосредственно событиям октября 1552 г. предшествовал довольно противоречивый политический контекст. В 1549 г. ханом в Казани провозгласили двухлетнего Утямыш-Гирея при регентстве его матери Сююмбике. В 1551 г. они были увезены в «почетный плен» в Москву, а Сююмбике насильно выдали замуж за касимовского хана Шах-Али [23, с. 134]. На короткий период престол занял Шах-Али, затем – Ядыгар-Мухаммед, и эта череда смены верховных правителей не может не демонстрировать слабость и зависимость казанского престола от Москвы. К 1552 году Казанское ханство зависит от Москвы и переживает череду внутренних противоречий, центральная власть ханства ослаблена.

В 1549 и 1550 гг. московская армия предпринимает неудачные попытки захватить Казань. По итогам этих походов москвичи приняли решение о смене тактики – так появилась крепость Свияжск в непосредственной близости от Казани, которая стала центром нового похода на Казань в 1552 г. Важный вопрос: почему татары никак деятельно не мешают строительству Свияжска? Представляется, что основная причина – в неоднородном составе строителей города-крепости. В строительстве Свияжска, помимо москвитов, участвовало по меньшей мере 500 казанских мурз и князей, противников хана Сафа-Гирея, ранее ушедших в Москву [2, с. 226].

Но даже и после начала строительства Свияжска военный исход противостояния не был предопределен. Известно, что в феврале 1552 г. в Казань прибывает А.Ф. Адашев, чтобы мирно низложить Шаха-Али. 6 марта Шах-Али уехал из Казани в Свияжск, в Казани была объявлена царская грамота о ликвидации ханства и назначении наместником свияжского воеводы князя Семена Ивановича Микулинского, однако часть казанской элиты эти перестановки не приняла и устроила «переворот» [17, с. 126]. В таком контексте события 1552 г. представляются уже не просто конфликтом Москвы и Казани, а эпизодом локального противостояния одной части элиты против другой внутри самого Казанского ханства с участием Москвы на стороне одной из противоборствующих сторон. При этом (с учетом действий Адашева) поход на Казань войска во главе с Иваном IV следует рассматривать уже не как завоевательный, а как карательный: не для смены власти и интеграции ханства, а для «закрепления» уже принятых решений.

Согласно «Казанской истории», подошедший к стенам Казани царь Иван IV отправил казанскому хану следующее послание: «пожалей себя, казанский царь, устрасишь меня, видя разорение земли

своей и гибель многих своих людей, сдайся мне добровольно, и верно служи мне, как служат мне прочие цари, и будь мне братом и верным другом, а не рабом и слугою, тогда посажен будешь ты мною царствовать в Казани до самой своей смерти» [24, с. 101] (курсив мой – С.Ч.). Если это свидетельство корректное (а в описываемом контексте оно представляется именно таким, не противоречащим предшествующим и последующим событиям), то Иван IV здесь не демонстрирует стремление завоевать или ликвидировать ханство, напротив – он стремится восстановить status quo, который в его интерпретации состоит в подчиненном положении казанского хана московскому царю.

После взятия Казани и ее разорения (в 1557 г. из 30-40 тысяч жителей Казани осталось лишь 6 тысяч татар, к которым прибавилось 7 тысяч русских [23, с. 152]) де-юре Казанское ханство перестало существовать, а управлять Казанью был поставлен московский наместник Горбатый-Шуйский. Можно ли в связи с этим событием утверждать, что в октябре 1552 г. московское войско покорило (или завоевало) Казанское ханство? Мы полагаем, что такое утверждение было бы некорректным. Да, город был взят, но сопротивление части «несогласной» элиты продолжилось и после 1552 г., и это сопротивление было не «стихийным» (как его обычно принято описывать), а хорошо организованным и ресурсно обеспеченным. Так, некий князь Мамыш-Берди в Чалымском городке на левом берегу Волги на марийской земле почти сразу после «Казанского взятия» разбил карательный отряд русских, высланный из Казани и Свияжска [22, с. 151]. Этот городок удалось взять только в 1556 г. – и это притом, что действовала там армия, которая вот только что взяла укрепленную Казань. Это должно говорить нам многое о качестве организации сопротивления.

Восстания татар и других местных народов происходили систематически вплоть до конца XVI – начала XVII вв., то есть, на протяжении жизни по меньшей мере двух-трех поколений. Современные татарские авторы называют этот период «отечественной войной татарского народа» [5, с. 13], однако это не совсем справедливое определение, поскольку на стороне новой власти была и значительная часть локальной татарской элиты – таким образом, эта война в современных терминах (которые можно применять к рассматриваемым событиям только очень условно) скорее «гражданская», чем «отечественная». Тем более, что значительная часть татарского войска стала боевой силой в многочисленных более поздних походах Москвы. Так, казанские полки участвовали в со-

ставе русской армии в Ливонской войне, Шах-Али в первый год войны был главнокомандующим армией, а в 1562 г. он возглавил русскую армию в походе на Польшу. С ним же в походе участвовали бывшие ханы Утямыш-Гирей и Едигер [23, с. 155].

Саму колонизацию края со стороны Москвы тоже нельзя назвать удачной. Да, в Прекамье появились русские поместья (что могло бы свидетельствовать об успехах колонизации), но значительное количество из них (24 из 37) вообще не имело крепостных дворов к концу 1560-х годов – то есть, вряд ли приносило дивиденды своим владельцам. Поместий, в которых насчитывалось 10 и более крепостных дворов, в регионе в этот период было всего 2,7% [5, с. 128].

Не удавалась и христианизация края. Да, русская церковь еще в 1552 г. могла говорить о победе христианства над мусульманством в Приволжье в связи с известным приказом «все мечети помести и в конец их извести» [23, с. 152]. Однако аналогичную формулировку мы встречаем, скажем, и в государственной грамоте казанским воеводам Ворытскому и Вяземскому от 18 июля 1593 г. «мечетем татарским в Казани быть никак не велено» [23, с. 154]. В 1555 г. царь Иван IV отправил архиепископа Гурия насильно крестить татар, однако в 1593 г. митрополит Гермоген признал, что попытка христианизации края не удалась, больше того, русские, перелившиеся в этот край, перенимают местные верования: «живут новокрещены с Татари и с Чувашиею и с Черемисою и с Вотьяки вместе... и к церквам Божиим не приходят» [1, с. 436].

В таком контексте «Казанское взятие» октября 1552 года представляется очередным карательным походом в сложной череде локальных военнополитических противостояний, в которых Москва участвует на стороне одной из частей татарской элиты в раздираемой противоречиями и ослабленном Казанском ханстве. Взятие Казани долгие десятилетия не приносило дивидендов ни правительству, ни хозяйственным элитам, ни Церкви.

Конструирование мифа о «Казанском взятии»

Миф о «Казанском взятии», несмотря на очевидно противоречивое значение этого военнополитического эпизода истории Поволжья, возник и стал доминирующим практически мгновенно благодаря действиям сразу нескольких интересантов. Первый субъект коммуникаций – это московское правительство, которому взятое с боем (причем, с боем эпического характера) Казанское ханство, несомненно, было куда выгоднее в официальных коммуникациях и конструировании героического мифа, чем Казанское ханство, ликвидированное бюрократическими инструментами. В нарративе, который конструировало правительство

(включая дипломатические службы), последние случайно оказавшиеся на казанском троне ханы реконструировались как полновластные правители, Казанское ханство – как давний и экзистенциальный, а главное – сильный враг Московского царства, а взятие ханства – как восстановление исторической справедливости и закрепление «царского» статуса московского правителя.

В полулегендарной «Казанской истории» (несомненно, созданной в русле правительственного нарратива), написанной в 1564-1565 гг. якобы русским шпионом, жившим в Казани пленником и слугой казанских ханов с 1532 по 1551 год, этот нарратив воспроизводился следующим образом: «и узнал царь и великий князь Иван Васильевич, что издавна стоит на Русской его земле (курсив мой – С.Ч.) сарацинское царство Казань, а по-русски – Котел золотое дно, и что приносит оно большие несчастья и беды пограничным русским землям» [24, с. 79]. При этом последние ханы Казани (поставленные во многом при протекции Москвы) репрезентируются как полновластные правители. Скажем, ребенка Утямыш-Гирей, ненадолго ставшего ханом в двухлетнем возрасте и умершего в 1566 г. в возрасте 19 лет, большую часть жизни прожившего в Москве, на надгробии в московском Архангельском соборе рекомендовали следующим образом: «В лето 7074, июня в 11 день, на память Святых Апостол Варфоломея и Варнавы, преставися Царь Казанский, а во крещении Александр Сафагиреевич, сын Царя Казанского» [10, с. 42].

Второй интересант – Церковь, в чьих интересах было придать походу 1552 г. значение принципиального противостояния христианства и мусульманства с естественной в этой логике героизацией случившегося и вписывании результатов похода в единый нарратив торжества православия в северной Евразии. Московский митрополит Макарий, встречая царя Ивана IV и его войско из похода 1552 г. сконструировал нарратив, который в дальнейшем и будет использоваться как доминирующий: «прародителю твоему великому князю Владимиру, просветившему Рускую землю святым крещением, и многих иноплемennых победить, достохвальному же великому князю Дмитрию на Дону варвары победить, и святому Александру Невскому Латынь победить. Но тебе же ... превзыде свыше Божия благодать: царствующий градъ Казанский со всеми окрестными тебе дарова» [16, с. 226]. Таким образом, в церковных коммуникациях взятие Казани 1552 г. ставится в один ряд с крещением Руси, Куликовской и Невской битвами, и в целом демонстрирует линейное раз-

витие событий – перманентное и постоянно подтверждаемое торжество христианской веры.

Наконец, третьим неочевидным интересантом конструирования этого нарратива внезапно становится один из наиболее известных в Европе того времени оппонентов царя Ивана IV князь Андрей Курбский – участник похода 1552 года на Казань. В интерпретации Курбского поход на Казань – это борьба с «великим и грозным измаильским племенем, от которого трепетала некогда вселенная» [8, с. 104]. «Сказание о взятии Казани» – вообще единственная часть «Истории о великом князе Московском», где Курбский никак не обличает действия царя Ивана IV. В интерпретации Курбского московское войско не просто совершало очередную карательную операцию, а воевало едва ли не с самой мощной армией тогдашнего мира: «и не с одним царем воевали, но с разу с тремя великими и могучими царями, то есть с крымским, казанским и князьями ногайскими» [24, с. 118]. Естественно, Курбскому хотя бы для поддержания собственного героического образа в глазах европейских визави было важно интерпретировать поход 1552 г. именно таким образом, гипертрофируя его значение и основные детали. Однако эта сознательная героизация не могла существовать без одновременной героизации лидера похода – царя Ивана IV, что в итоге удивительным образом способствовало закреплению нарратива «Казань – важное и героическое приобретение Московского царства» среди внешней европейской аудитории.

Как видно, у каждого из этих интересантов были свои причины героизировать «Казанское взятие», однако эти факторы ситуативно совпали и способствовали конструированию непротиворечивого мифа о походе 1552 года. Уже к концу XVI – началу XVII вв. этот миф будет закреплён не только в постоянно осуществляемой дипломатической переписке, но и в летописях (Никоновская, Воскресенская, «Летописец начала царства», Львовская и другие [8, с. 104]), став фактически правительственно-общественным консенсусом.

*Эволюция мифа о «Казанском взятии»
в локальной исторической памяти*

Дальнейшая эволюция нарратива о «Казанском взятии» демонстрирует удивительную устойчивость ситуативно сконструированных идей. К XIX веку в локальных практиках коммеморации закрепляется как общепризнанная идея о цивилизационном значении «Казанского взятия». В 1823 г. на братской могиле русских воинов открылся мемориал в память победы над Казанским ханством, на фризе которого с четырех сторон написали «в память победы над татарами 1552 г.», а на стенах разместили два щита с изображением гидры, у ко-

торой вырастали головы – как выражение опасности, которую представляли татары для Москвы [6, с. 33]. В 1852 г. здесь же праздновали 300-летие завоевание Казани, ради которого Сенат и Государственный совет даже установили выходной у чиновников и учащихся Казанской губернии [6, с. 41]. Концепция «Казанского взятия» была закреплена в трудах классика «государственной» школы историка С.М. Соловьева: «завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христиански (...) здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского» [20, с. 461].

В советский период официальная локальная историография подчеркивала исключительно прогрессивное значение событий 1552 г. – опять же, придавая им принципиальное историческое значение. Эта идеологическая задача оказалась настолько значимой, что ей было посвящен отдельный пункт Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», которое прямо отрицало роль Золотой орды в истории и культуре татарского народа [23, с. 5]. В официальной советской идеологизированной локальной истории 1552 год стал водоразделом между варварством и цивилизацией в среднем Поволжье. Вот классический нарратив советской популярной литературы 1970-х годов по поводу значения событий 1552 г.: «много событий пережил и хранит в памяти своей главный город ТАССР – Казань. И крушение Золотой Орды, и междоусобицы самовластных ханов, и упорство Ивана Грозного, с которого начинается другая биография края; несправедливость, гнет царского самодержавия и жестокие пожары...» [3, с. 5].

Безо всякого критического осмысления «героически-трагический» нарратив событий 1552 г., интерпретирующий «Казанское взятие» как водораздел для локальной истории и важную веху для цивилизационного развития Московского царства в целом, перешел и в современные массовые практики коммеморации в сфере образования, науки, культуры и политики. Этот нарратив удивительным образом оказывался «ко двору» в любой ситуации. Так, в период «парада суверенитетов», когда Татарстан оспаривал само существование внутри Российской Федерации, на праздновании 5-летия принятия декларации о суверенитете рес-

публики Татарстан в 1995 г. председатель Госсовета региона Василий Лихачев в своей речи говорил: «образование в 1920 г. Татарской социалистической республики стало шагом в восстановлении государственности народов нашего края, утраченной еще в XVI веке» [14, с. 21]. Первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев в таком же цивилизационном ключе интерпретировал в своих поздних интервью и строительство Свияжска, и завоевание Казани в 1552 г.: «вы думаете, мне нравится, как Иван Грозный завоевал Казань? Нет. (...) В то же время нас тоже считают завоевателями Руси, установившими свою власть лет на триста. И русские имеют право обижаться» [15, с. 72].

В аналогичном виде эти идеи присутствуют и в региональных учебниках истории. Здесь события октября 1552 г. интерпретируется как «рубежные в истории существования Казанского ханства» [21, с. 104], за которыми следовала партизанская «отечественная война»: «были уничтожены правительство и войско, ликвидированы все государственные структуры (...) Однако татары и другие народы Казанского ханства не прекратили свою борьбы за независимость» [22, с. 232].

Наконец, в том же виде «Казанское взятие» как нарратив локальной исторической памяти сохранился и в местной художественной литературе. Конечно, в основном татарские писатели интерпретируют события октября 1552 г. негативно, иногда даже резко негативно, например: «осенью 1552 г. Иван Грозный уничтожил Казань. На этот раз русские не только победили, но и поставили себе целью смести татар с лица земли. (...) В истории часто встречаются схожие ситуации. Гитлер тоже хотел уничтожить русские столицы – Москву и Ленинград, и сравнять эти города с землей» [18, с. 333]. Однако классический набор мифологем все равно сохраняется: «Россия появилась после присоединения Казанского ханства к Великому княжеству Московскому» [4, с. 13].

Выводы

Как показывает реконструкция военно-политического контекста и самого хода противостояния Москвы и Казани, события октября 1552 года были далеко не первым (и далеко не последним) эпизодом длительных и неомогенных отношений различных политических субъектов в среднем Поволжье. На протяжении многих десятилетий до 1552 года, а также непосредственно перед «Казанским взятием» престол Казанского ханства занимали правители, обладающие символической властью, и к тому же находящиеся в зависимости

от Москвы. Состав войска (известно, что в строительстве Свияжска участвовали более 500 татарских мурз и князей), характер коммуникаций царя Ивана IV и его посланников с казанской элитой – все это не позволяет интерпретировать «Казанское взятие» как завоевательную акцию Московского царства. Более вероятным представляется интерпретация этой войны как противостояния одной части татарской элиты с другой, в которой Москва участвовала на стороне одной из противоборствующих сторон, используя внутриэлитарный конфликт как повод для проведения «карательной операции». Взятие Казани в октябре 1552 года долгие десятилетия не приносило Москве никаких реальных дивидендов, и никак принципиально не изменило характер политического взаимодействия на этой территории.

Тем не менее, довольно быстро события октября 1552 года в политических коммеморативных практиках стали интерпретироваться как рубежный акт цивилизационного значения – как для самой Казани, так и для Московского царства в целом. Успех этих практик был обеспечен благодаря ситуативному совпадению интересов нескольких субъектов коммуникаций: правительства, Церкви, и князя Курбского (работавшего на внешнюю репрезентацию событий). Руководствуясь разными задачами, эти субъекты конструируют из малозначительного на деле эпизода московско-татарских взаимодействий акт вселенского значения, знаменующий победу христианства над мусульманством, добра – над злом, восстановления исторической справедливости и начала принципиально нового периода в отечественной истории.

В дальнейших практиках коммеморации в публичной символической политике (в том числе, конструировании «мест памяти»), искусстве, образовании и локальной научной деятельности «Казанское взятие» продолжает интерпретироваться как принципиально важное историческое событие, не подвергаясь сколько-либо существенному критическому анализу. Таким образом, ситуативно сконструированный миф, будучи повторенный в нескольких авторитетных источниках и актах символической политики, становится общепризнанной версией и начинает самовоспроизводиться. Оказывается, что вырваться из колеи однажды сконструированного исторического нарратива – почти невозможная задача. Даже критика транслируемого в нем сюжета работает на его развитие, подчеркивая важность критикуемой версии.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

Список источников

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Санкт-Петербург: в Тип. 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии Т. 1: 1294-1598. 1836. 2000 с.
2. Алишев С.Х. Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ, 1995. 608 с.
3. Аристов В., Каримуллин А., Климентовский В. Казань в художественной литературе. Казань: Татарское книжное издательство. 1977. 359 с.
4. Валеев Р.С. Татары у себя дома. Казань: Кагариф, 2005. 254 с.
5. Галлямов Р.Ф. После падения Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2001. 143 с.
6. Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX вв. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара. 5 февраля 2002 г. 2002. С. 4 – 71.
7. Иван Грозный. Двойной портрет. М.: Ломоносов, 2020. 248 с.
8. Измайлов И.Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое. The New Past. 2022. № 1. С. 102 – 118.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
10. Карл Фукс Научно-биографический сборник. Казань: Жиен, 2005. 480 с.
11. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. СПб: Нестор-История, 2018. С. 27 – 53.
12. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7 – 37.
13. Мансуров З. Татарский кодекс по Тукаю (из книги «Беседы с Тукаем»). Казань: Татарское книжное издательство. 2019. С. 100 – 130.
14. Мухаметшин Ф.М., Измайлов Р.Т. Суверенный Татарстан. М.: ИНСАН, 1997. 304 с.
15. Овруцкий Л.М. Беседы с Минтимером Шаймиевым. Казань: Татарское книжное издательство, 2013. 384 с.
16. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904.
17. Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000. 95 с.
18. Проза татарских писателей. С востока свет: повесть, рассказы, эссе. Казань: Казань: Татарское книжное издательство, 2019. 178 с.
19. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445-1552). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
20. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5-6. М.: Мысль, 1989. 783 с.
21. Султанбекова Б.С., История Татарстана: учебное пособие для основной школы. Казань: ТаРИХ, 2001. 544 с.
22. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана (древность и средневековье): учеб. для сред. общеобразоват. школ, гимназий и лицеев. Казань: Магариф, 2000. 255 с.
23. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 2021. 255 с.
24. Хузин С.Ф., Ситдилов А.Г., Древняя Казань глазами историков и современников. Казань: Издательство «Фест», 1996. 444 с.
25. Levi-Strauss C. Mythologiques I, Le cru et le cuit // Paris. 1964. P. 22 – 38.
26. Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Construction Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 2. P. 198 – 210.

References

1. Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: in the Type. 2 department of His Imperial Majesty's Chancellery T. 1: 1294-1598. 1836. 2000 p.
2. Alishev S.Kh. Materials on the history of the Tatar people. Kazan: IYALI, 1995. 608 p.

3. Aristov V., Karimullin A., Klimentovsky V. *Kazan in fiction*. Kazan: Tatar book publishing house. 1977. 359 p.
4. Valeev R.S. *Tatars at home*. Kazan: Kagarif, 2005. 254 p.
5. Gallyamov R.F. *After the fall of Kazan*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2001. 143 p.
6. Zagidullin I. Celebration of the conquest of Kazan in Russia in the second half of the 16th – early 20th centuries. *Kazan Khanate: current research issues. Proceedings of the scientific seminar. February 5, 2002*. 2002. P. 4 – 71.
7. Ivan the Terrible. *Double portrait*. Moscow: Lomonosov, 2020. 248 p.
8. Izmailov I.L. Basic concepts of the conquest of the Kazan Khanate in Russian historiography: between ideology and science. *New past. The New Past*. 2022. No. 1. P. 102 – 118.
9. Kappeler A. *Russia – a multinational empire: Emergence. History. Collapse*. M.: Progress-Tradition, 2000. 342 p.
10. Karl Fuchs *Scientific and biographical collection*. Kazan: Zhien, 2005. 480 p.
11. Malinova O.Yu. Memory politics as a field of symbolic politics. *Methodological issues in studying the politics of memory: Collection of scientific papers*. St. Petersburg: Nestor-History, 2018. P. 27 – 53.
12. Malinova O.Yu., Miller A.I. *Introduction. Symbolic politics and the politics of memory*. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2021. P. 7 – 37.
13. Mansurov Z. *Tatar Codex according to Tukai (from the book “Conversations with Tukai.”* Kazan: Tatar Book Publishing House. 2019. P. 100 – 130.
14. Mukhametshin F.M., Izmailov R.T. *Sovereign Tatarstan*. M.: INSAN, 1997. 304 p.
15. Ovrutsky L.M. *Conversations with Mintimer Shaimiev*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2013. 384 p.
16. *Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. T. 13. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle*. SPb.: Printing house I.N. Skorokhodova, 1904.
17. Pokhlebkin V.V. *Tatars and Rus'*. Moscow: International Relations, 2000. 95 p.
18. *Prose of Tatar writers. Light from the East: novella, stories, essays*. Kazan: Kazan: Tatar Book Publishing House, 2019. 178 p.
19. Rakhimzyanov B.R. *Kasimov Khanate (1445-1552). Essays on History*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2009. 207 p.
20. Soloviev S.M. *Works. Book III. Vol. 5-6*. Moscow: Mysl, 1989. 783 p.
21. Sultanbekova B.S., *History of Tatarstan: a teaching aid for basic school*. Kazan: Ta-RIH, 2001. 544 p.
22. Fakhrutdinov R.G. *History of the Tatar people and Tatarstan (antiquity and the Middle Ages): textbook. for medium general education schools, gymnasiums and lyceums*. Kazan: Magarif, 2000. 255 p.
23. Fakhrutdinov R.G. *History of the Tatar people*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2021. 255 p.
24. Khuzin S.F., Sitdikov A.G., *Ancient Kazan through the eyes of historians and contemporaries*. Kazan: Publishing house "Fest", 1996. 444 p.
25. Levi-Strauss C. *Mythologiques I, Le cru et le cuit*. Paris. 1964. P. 22 – 38.
26. Topolski J. *The Role of Logic and Aesthetic in Construction Narrative Wholes in Historiography. History and Theory*. 1999. Vol. 38. No. 2. P. 198 – 210.

Информация об авторе

Чернышов С.А., старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет

© Чернышов С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 656.2; 908

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-20-28

Стальные магистрали Российской империи: историческое наследие железной дороги на территории г. Калуга

¹ Штепа А.В.,

¹ Кукушкин В.М.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: развитие транспортной инфраструктуры и путей сообщения оставляет свой след не только в экономическом и социальном развитии региона, но и в объектах, которые были построены для нужд обслуживания той или иной дороги. Железнодорожный бум и активное развитие железнодорожной сети в конце XIX – начале XX века оставило после себя обширное наследие в виде зданий и сооружений, построенных на средства или для удовлетворения потребностей железной дороги. Облик городов Российской империи неповторимо изменился. Авторы статьи ставят цель выявить объекты исторического наследия Рязско – Вяземской, Сызрано – Вяземской и Московско – Киево – Воронежской железных дорог на территории г. Калуги раскрыть их влияние на формирование облика современного города. Задачи исследования: 1. Выявить объекты исторического наследия железной дороги на территории г. Калуга. 2. Определить состояние данных объектов, выявить изменения в области их функционального применения и внешнего вида. 3. Составить экскурсионный маршрут для возможного осмотра выявленных объектов.

В настоящей статье авторами привлекается для анализа достаточно широкий круг источников и литературы, которые раскрывают влияние железной дороги на облик губернского центра в конце XIX – начале XX века и в настоящее время.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, историко-культурное наследие, транспортная инфраструктура, железнодорожный бум, Калужская губерния, Калуга

Для цитирования: Штепа А.В., Кукушкин В.М. Стальные магистрали Российской империи: историческое наследие железной дороги на территории г. Калуга // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 20 – 28. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-20-28

Поступила в редакцию: 19 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Steel highways of the Russian Empire: the historical heritage of the railway in Kaluga

¹ Shtepa A.V.,

¹ Kukushkin V.M.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the development of transport infrastructure and communication routes leaves its mark not only in the economic and social development of the region, but also in the facilities that were built for the maintenance of a particular road. The railway boom and the active development of the railway network in the late XIX – early XX century left behind an extensive legacy in the form of buildings and structures built at the expense or to meet the

needs of the railway. The appearance of the cities of the Russian Empire has changed in a unique way. The authors of the article aim to identify the objects of the historical heritage of the Ryazhsko – Vyazemskaya, Syzrano – Vyazemskaya and Moscow – Kiev – Voronezh railways on the territory of Kaluga to reveal their influence on the formation of the appearance of a modern city. Research objectives: 1. To identify the objects of the historical heritage of the railway in the territory of Kaluga. 2. Determine the condition of these objects, identify changes in their functional application and appearance. 3. Make an excursion route for a possible inspection of the identified objects. In this article, the authors use a fairly wide range of sources and literature for analysis, which reveal the influence of the railway on the appearance of the provincial center in the late XIX – early XX century and at the present time.

Keywords: railway transport, historical and cultural heritage, transport infrastructure, railway boom, Kaluga province, Kaluga

For citation: *Shtepa A.V., Kukushkin V.M. Steel highways of the Russian Empire: historical heritage of the railway in Kaluga. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 20 – 28. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-20-28*

The article was submitted: September 19, 2024; Approved after reviewing: November 17, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Исторически транспортные артерии имели большое значение в жизни континентов, государств, отдельных населённых пунктов. С течением времени развитие научно-технического прогресса позволило снизить время передвижения, улучшить межрегиональные экономические связи, торговлю как внутри отдельных стран, так и на международной арене, дало толчок бурному развитию промышленного производства. Для России одной из важнейших вех становится 1837 год. Именно в период правления Николая I была построена Царскосельская железная дорога, которая открыла новое направление в государственной политике Российской империи – строительство стальных магистралей. Вплоть до второй половины XX века железная дорога оставалась ведущей артерией внутригосударственного и международного сообщения в рамках как СССР, так и стран «народной демократии».

В провинциальные регионы, каким на момент второй половины XIX века являлась Калужская губерния, железная дорога привнесла промышленный, капиталистический уклад экономики, улучшила взаимодействие с соседними губерниями Нечерноземья, в том числе упрочило торговые связи, изменила социальный облик городов и посёлков, через которые прошла стальная магистраль. Открывались учебные заведения, больницы, магазины, ориентированные именно на железнодорожников. С прибытием новых кадров возникала необходимость в учреждениях социальной инфраструктуры. И, конечно же, воплощением меняющихся времён стала постройка новых объектов – станций, вокзалов, депо, мастерских по обслуживанию подвижного состава, других зданий и объектов,

связанных с железной дорогой и её обслуживанием. В отличие от нашей предыдущей работы, в нынешней акцент будет сделан именно на историческом наследии железной дороги, тогда как в прошлой рассматривались вопросы социально – экономического влияния на облик г. Калуги в конце XIX – начале XX века [24].

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании используется несколько групп источников. В первую очередь это работы современников, посвящённые анализу влияния железных дорог на облик губерний Российской империи. В этом контексте нельзя не упомянуть работу А.А. Головачёва «История железнодорожного дела в России», изданную в 1881 г. В одной из глав этого труда автор описывают историю Рязско-Вяземской железной дороги [5]. Сотрудником железной дороги И.Я. Мирославским в «Памятной книжке Калужской губернии» подробно изложена история появления управления железной дороги и краткий анализ её деятельности в 1885 г. [15]. В 1886 г. выходит «Курс родиноведения для местных учебных заведений» А.М. Вусовича, в котором автор отдельное внимание уделяет истории РВЖД [4]. Вопрос, связанные со строительством Рязско-Вяземской и Московско-Киево-Воронежской железных дорог (далее – МКВЖД) на территории Калужской губернии освещены в «Своде постановлений Калужского губернского собрания за 40 лет (с 1865 по 1905 гг.)». [22]. В очерке Д. Разломалина «Железные дороги Калужской губернии» (1925 г.) приведены статистические данные по истории железной дороги в регионе [21]. В нашей работе используются как дореволюционные публикации в периодических изданиях (газета «Калужские губернские

ведомости») [9], так и современные новостные публикации и другие работы, посвящённые истории развития железнодорожного транспорта на территории калужского региона [2-3, 13-14, 17, 20, 23-24] и сайты профильных учреждений, имеющих отношение к железной дороге [6, 8, 10-12]. Кроме этого, нельзя не отметить такой важный источник личного происхождения, как дневник Николая II за 1904 год [18], справочники и картографический материал [1, 7], краеведческие работы общего характера [16] и использование видеоматериалов, включающих в себя отрывок из художественного фильма «Ворошиловский стрелок» [19], съёмки которого происходили непосредственно на территории г. Калуга и некоторых объектов железнодорожной инфраструктуры. В исследовании были использованы хронологический и историко-сравнительный метод, которые в своей совокупности позволяют получить наиболее достоверные результаты.

Результаты и обсуждения

В 2024 г. исполняется 150 лет появлению железной дороге в г. Калуге, и в преддверии полуторавекового юбилея как никогда актуальным является вопрос исторического наследия железной дороги на территории города. Его поиск стоит начать в первую очередь с территории станции Калуга-I. Здесь нами были выявлены несколько исторических объектов, имеющих прямое отношение к железной дороге.

В первую очередь, это здание вокзала Ряжско-Вяземской железной дороги (далее – РВЖД), построенный в 1874 году. После открытия здания нового вокзала в 1902 г., старое здание было передано железнодорожному училищу, в советское время (после постройки отдельного здания для железнодорожного техникума) был передан калужскому машиностроительному заводу, капитально перестроен, ныне является частью зданий ПАО «Калужский электротехнический завод» [4-6, 9, 16, 21, 23].

Рис. 1. Вокзал РВЖД. Конец XIX века и настоящее время.
Fig. 1. Russian Eastern Railways station. Late 19th century and present.

Сравнив фотографии начала XX века и фотографии, сделанные в наши дни, можно увидеть, что вокзал МКВЖД (Калуга, Вокзальная площадь, д. 3) до сих пор сохранил свой первоначанный облик практически неизменным и не утратил своего первоначального значения. Кроме самого здания вокзала, сохранилось здание багажного отделения, которое находится со стороны платформы для пригородных электропо-

ездов. Общая конфигурация железнодорожных путей на станции сохранилась со времён Российской империи, только пути Сызрано-Вяземской железной дороги (далее – СВЖД) на сегодняшний день принадлежат депо Калуга и Калужскому машиностроительному заводу. Пути МКВЖД используются для пассажирского сообщения и грузоперевозок [7, 10, 16-17, 21-23].

Рис. 2. Вокзал МКВЖД. Начало XX века и настоящее время.
Fig. 2. Moscow Eastern Railway station. Beginning of the 20th century and present.

Сохранился и обходной участок СВЖД, на котором в 1904 г. император Николай II проводил смотр войск (в районе о. п. 168 км, ул. Грабцевское шоссе) [7, 18].

Депо (ст. Калуга-I) – одно из наиболее важных мест железнодорожной Калуги. Часть корпусов депо сохранило своё первоначальное расположение, но скорее всего в советское время было капитально перестроено, возможно, после Великой Отечественной войны, в конце 40-х – начале 50-х годов. Стоит отметить ещё один интересный факт: на территории депо сохранился «треугольник» железнодорожных путей, который исторически использовался для разворота паровозов на территории депо. Будучи фактически невостребованным долгий период времени, тем не менее, он использовался в период 2020–2022 гг. для разворота паровозов, которые приходили в Калугу вместе с туристическими ретро-поездами из Москвы [7].

По соседству с депо находится Калужский машиностроительный завод (ныне – АО «Калуга-путьмаш», г. Калуга, ул. Ленина, д. 23)

В ходе исследования было выяснено, что на территории машиностроительного завода (бывших Главных ж/д мастерских РВЖД (СВЖД)) часть цехов не претерпела значительных изменений с конца XIX – начала XX века [10].

Недалеко от вокзала находился Брянский мост. Построенный для нужд МКВЖД, в 1960-е годы он оказался не востребован и был разобран. К настоящему моменту сохранились 4 опоры, на двух из которых (по улице Московской) стоят в качестве памятника 2 орудия эпохи Отечественной войны 1812 г. и 2 орудия периода Великой Отечественной войны, две другие опоры находятся между улицами Ленина и Баррикад [16].

Участок Калуга-Товарная – Ока – пристань в последнее время не эксплуатируется по причине закрытия фанерной фабрики, и надобность в этой ветке железной дороги отпала [1]. На данный мо-

мент на этом участке местами сохранилось железнодорожное полотно. В настоящее время высказываются различные предположения о судьбе Окской ветки, от постройки на её месте автомобильной дороги до благоустройства и прокладки велосипедных дорожек [2]. На сегодняшний день вопрос так и не был решён. Своеобразным «прощальным аккордом» стала установка в качестве памятника паровоза серии «Л» в сквере им. 50-летия ВЛКСМ. В ночь с 12 на 13 августа 2020 г. по Окской ветке в последний раз прошёл железнодорожный состав из тепловоза М62 – 1625 и паровоза Л–3540 (настоящий номер 4514) [3, 13-14]. Установка памятника именно в данном месте отсылает нас к фильму Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок», когда главный герой картины Иван Фёдорович Афонин – железнодорожник, ветеран Великой Отечественной войны, пенсионер (которого сыграл актёр Михаил Ульянов) по пути домой, в сквере им. 50-летия ВЛКСМ встречает сплотку локомотивов из паровоза серии «Л» и тепловоза серии «ТЭМ2». Из дальнейшего разговора с бывшим коллегой Шурой становится понятно, что главный герой когда-то работал именно на этом паровозе. На вопрос, куда именно везут паровоз, машинист Шура отвечает, что на металлолом в Турцию [19]. К сожалению, судьба паровоза Л-4176 и правда оказалась печальной: в начале 2000-х гг. он ещё находился на территории депо Калуга, но в дальнейшем, скорее всего, был порезан на металлолом [20].

Паровоз, который установлен в сквере в 2020 г., никогда не работал на Московской железной дороге, и при «жизни», с большей степенью вероятности, в Калуге никогда не был, эксплуатируясь в Сибири, на Красноярской железной дороге [13-14].

Станция Калуга-Товарная сохранилась до сих пор, но фактически заброшена и не эксплуатируется. Кроме того, в Калуге находятся следующие объекты, прямо или косвенно относящиеся к же-

лезной дороге:

Управление Рязско-Вяземской железной дороги (ул. Кутузова, д. 2).

Управления РВЖД располагалось в г. Калуге в доме купцов Носовых с 1870 по 1890 годы. Здесь служили выпускники Московского и Санкт-Петербургского университетов, Высшего императорского технического училища. Управление РВЖД известно тем, что в нём в августе 1875 г. – январе 1876 г. работал делопроизводителем коммерческого отделения известный писатель-демократ Г.И. Успенский [16].

Рис. 3. Здание управления СВЖД в конце XIX века и в настоящее время. Железнодорожная больница (ул. Путейская, д. 4).

Fig. 3. The building of the Severnaya Zvezda Railway administration at the end of the 19th century and at the present time. Railway hospital (4 Puteyskaya St.).

Старое здание больницы (ул. Путейская, д.4) сохранилось, но в настоящее время закрыто и находится в плачевном состоянии [8].

Железнодорожное начальное училище (ул. Ленина, д. 9).

Железнодорожное начальное училище открыто в 1893 году. В 1894 г. в училище было 2 класса, обучалось 130 мальчиков. Обучение велось с целью подготовки для поступления без экзаменов в железнодорожное училище. 17 августа 1895 г. для начального железнодорожного училища было построено и открыто здание двухклассного образцового министерского училища на базе Главных железнодорожных мастерских СВЖД, которое сохранилось до нашего времени. Со строительством нового ж/д вокзала управление СВЖД передаёт в ведение Главных железнодорожных мастерских здание старого вокзала, где в зале для пассажиров 2-го класса разместились классы начального училища [16].

Калужское техническое железнодорожное училище (Калужский филиал Санкт-Петербург-

ского государственного университета путей сообщения им. Александра I – ПГУПС) (ул. Вилонова, д. 11).

5 февраля 1878 г. в Министерстве путей сообщения был утверждён Устав Калужского технического железнодорожного училища, торжественное открытие состоялось 31 августа того же года. Размещалось оно в выкупленном под нужды училища доме скотопромышленника Чернова. Было выяснено, что здание сохранило свой первоначальный облик и не утратило своего значения [12].

Дом купца Домогацкого (ул. Ленина, 64.) В 1912-1913 гг. недалеко от Московских ворот купец Домогацкий построил свой дом – магазин. Близость к вокзалу и железнодорожным мастерским способствовало притоку новых клиентов из числа железнодорожников. Именно поэтому в здании был отдельный магазин для сотрудников железной дороги [16].

Полный перечень объектов, выявленных на территории Калуги, приведён ниже в таблице.

Таблица 1

Перечень объектов РВЖД, СВЖД и МКВЖД на территории г. Калуга.

Table 1

List of objects of the Russian Eastern Railway, North-Eastern Railway and Moscow Eastern Railway on the territory of Kaluga.

Название объекта	Год (век) постройки	Первоначальный облик	Первоначальное значение
1. Вокзал РВЖД (СВЖД)	1874	Не сохранился (здание перестроено)	Не сохранилось
2. Вокзал МКВЖД	1901(1902)	Сохранился	Сохранилось
3. Здание багажного отделения	1901(1902)	Сохранился	Не сохранилось
4. Локомотивное депо	Конец XIX века	Частично сохранился (корпуса перестроены)	Сохранилось
5. Главные железнодорожные мастерские	Конец XIX века	Частично сохранился	Сохранилось
6. Управление РВЖД	Середина XIX века	Сохранился	Не сохранилось
7. Управление СВЖД	1890-е	Частично сохранился (надстроен один этаж)	Не сохранилось
8. Брянский мост	1890-е	Сохранились опоры моста	Не сохранилось
9. Здание железнодорожной больницы	1892	Сохранился	Не сохранилось (здание закрыто)
10. Здание начального железнодорожного училища	1895	Сохранился	Не сохранилось
11. Здание Калужского железнодорожного технического училища	1878 (год открытия училища, здания построено ранее)	Сохранился	Сохранился
12. Дом купца Домогацкого	1912	Сохранился	Частично сохранилось

Компактное расположение объектов дореволюционной железнодорожной инфраструктуры в г. Калуга даёт возможность включить данные объек-

ты в экскурсионный маршрут «Калуга-железнодорожная», позволяющий увидеть город с неизвестной стороны.

Рис. 4. Карта экскурсионного маршрута «Калуга железнодорожная» и QR-код со ссылкой на онлайн версию карты.

Fig. 4. Map of the excursion route "Kaluga Railway" and QR code with a link to the online version of the map.

Выводы

Появление железной дороги для Калуги стало одним из важнейшим событий второй половины XIX века. Новые рабочие места, строительство объектов социальной инфраструктуры, образовательных учреждений, больниц, развитие торговли, открытие промышленных предприятий, позволило нашему городу успешно встроиться в

капиталистический уклад экономики. На рубеже XIX-XX веков Калуга неповторимо изменилась, из купеческого трансформировавшись в город индустриальный. Объекты, построенные для нужд железной дороги, до сих пор во многом определяют облик нашей малой родины – г. Калуга.

Список источников

1. Архангельский А.С., Архангельский В.А. Железнодорожные станции СССР: Справочник: в 2-х кн. Кн. I. М.: Изд-во Транспорт, 1981. 368 с.
2. В Калуге вместо железнодорожной ветки в центре города появится велопешеходная улица // Калужский перекрёсток [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp40.ru/news/society/82604/> (дата обращения: 20.02.2024)
3. В Калуге появился памятник паровозу // Калуга Поиск [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/blagoustroystvo/v-kaluge-royavilsya-pamyatnik-parovozu> (дата обращения: 22.02.2024)
4. Вусович А.М. Калужская губерния. Курс родоноведения для местных учебных заведений. Калуга: Типография А.М. Михайлова, 1886. С. 59 – 60.
5. Головачёв А.А. История железнодорожного дела в России. СПб.: Типография Р. Голике (Невский 106), 1881. 404 с.
6. История предприятия // ПАО «Калужский электротехнический завод» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transformator.kaluga.ru/history> (дата обращения: 17.01.2024)
7. Калуга и окрестности // Карта Военно-Топографического управления (1919 год) [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-kaluga_1919/ (дата обращения: 20.02.2024)
8. Калужская железнодорожная больница [Электронный ресурс]. URL: http://www.rzdklinik40.ru/o_bolnice/Istoriya_bolnici/ (дата обращения: 17.01.2024)
9. Калужские Губернские Ведомости. 1874. № 100.
10. Калужский машиностроительный завод [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rzd-expo.ru/history/plants/kalugaputmash/> (дата обращения: 17.01.2024)
11. Калужский научно-исследовательский институт телемеханических устройств (КНИИТМУ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kniitmu.ru/> (дата обращения: 17.01.2024)
12. Калужский филиал Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения им. Александра I [Электронный ресурс] URL: <http://kaluga.pgups.ru> (дата обращения: 17.01.2024)
13. Легендарный паровоз Л-3540 «Лебедь» прошёл по Калуге // ГТРК Калуга [Электронный ресурс]. URL: <https://gtrk-kaluga.ru/news/obschestvo/news-21938?ysclid=lswywu5ng4522107807> (дата обращения: 22.02.2024)
14. Л-3540 // Список подвижного состава железнодорожного транспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://railgallery.ru/railcar/85313/?ysclid=lswyxndz7d921850675> (дата обращения: 22.02.2024)
15. Мирославский И.Я. Рязско-Вяземская железная дорога // Памятная книжка Калужской губернии на 1885 год / сост. Я. Тимоховичем. Калуга: Типография Губернского Правления, 1885. С. 201 – 231.
16. Морозова Г.М. Прогулки по старой Калуге. Калуга: Золотая аллея, 1993. 260 с.
17. Начало пути (о развитии железной дороги в Калуге) // Весть News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vest-news.ru/article/123309> (дата обращения: 17.01.2024).
18. Николай II. Дневник за 1904 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/diaris/1904.htm> (дата обращения: 20.02.2024)
19. Паровоз Л-4176 и тепловоз ТЭМ2-1066 в фильме «Ворошиловский стрелок» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u21RxJAfExY> (дата обращения: 20.02.2024)
20. Паровоз Л-4176 // Список подвижного состава железнодорожного транспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://railgallery.ru/railcar/50567/?ysclid=lsx000mq5x229725228> (дата обращения: 20.02.2024)
21. Разломалин Д. Железные дороги Калужской губернии. Калуга, 1925. 20 с.
22. Свод постановлений Калужского губернского земского собрания за 40 лет со 2 декабря 1865 года по 23 марта 1905 г. Калуга: Типография Губернской Земской Управы, 1907. 1000 с.
23. Семушкин Д.А. Становление и развитие сети железных дорог на территории Калужской губернии в XIX веке [Электронный ресурс]. URL: <https://s.school-herald.ru/pdf/2019/2-5/1046.pdf> (дата обращения: 17.01.2024)
24. Штепа А.В., Кукушкин В.М. Становление железнодорожной сети в Калужской губернии на рубеже веков: социально-экономический аспект // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 2. С. 53 – 59. DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-2-53-59

References

1. Arkhangel'sky A.S., Arkhangel'sky V.A. Railway stations of the USSR: Handbook: in 2 books. Book I. M.: Transport Publishing House, 1981. 368 p.
2. In Kaluga, instead of a railway line in the city center, a bicycle and pedestrian street will appear. Kaluga Crossroads [Electronic resource]. URL: <https://www.kp40.ru/news/society/82604/> (date of access: 20.02.2024)
3. A monument to a steam locomotive appeared in Kaluga. Kaluga Poisk [Electronic resource]. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/blagoustroystvo/v-kaluge-poyavilsya-pamyatnik-parovozu> (date of access: 22.02.2024)
4. Vusovich A.M. Kaluga Province. Course of Homeland Studies for Local Educational Institutions. Kaluga: Printing House of A.M. Mikhailov, 1886. P. 59 – 60.
5. Golovachev A.A. History of Railway Business in Russia. SPb: Printing House of R. Golike (Nevsky 106), 1881. 404 p.
6. History of the Enterprise. PAO Kaluga Electrotechnical Plant [Electronic resource]. URL: <http://www.transformator.kaluga.ru/history> (date of access: 17.01.2024)
7. Kaluga and its Environs. Map of the Military Topographic Directorate (1919) [Electronic resource]. URL: http://www.etomesto.ru/map-kaluga_1919/ (date of access: 20.02.2024)
8. Kaluga Railway Hospital [Electronic resource]. URL: http://www.rzdklinik40.ru/o_bolnice/Istoriya_bolnici/ (date of access: 17.01.2024)
9. Kaluga Provincial Gazette. 1874. No. 100.
10. Kaluga Machine-Building Plant [Electronic resource]. URL: <http://www.rzd-expo.ru/history/plants/kalugaputmash/> (date of access: 17.01.2024)
11. Kaluga Research Institute of Telemechanic Devices (KNIITMU) [Electronic resource]. URL: <http://www.kniitmu.ru/> (date of access: 17.01.2024)
12. Kaluga branch of the St. Petersburg State Transport University named after Alexander I [Electronic resource] URL: <http://kaluga.pgups.ru> (date of access: 17.01.2024)
13. The legendary steam locomotive L-3540 "Swan" passed through Kaluga. GTRK Kaluga [Electronic resource]. URL: <https://gtrk-kaluga.ru/news/obschestvo/news-21938?ysclid=lswywu5ng4522107807> (date of access: 22.02.2024)
14. L-3540. List of rolling stock of railway transport [Electronic resource]. URL: <https://railgallery.ru/railcar/85313/?ysclid=lswyxndz7d921850675> (date of access: 22.02.2024)
15. Miroslovsky I.Ya. Ryazan-Vyazemskaya Railway. A Commemorative Book of the Kaluga Province for 1885. compiled by Ya. Timokhovitch. Kaluga: Printing House of the Provincial Government, 1885. Pp. 201–231.
16. Morozova G.M. Walks in Old Kaluga. Kaluga: Zolotaya Alley, 1993. 260 p.
17. The Beginning of the Path (on the Development of the Railway in Kaluga). Vest News [Electronic resource]. URL: <https://www.vest-news.ru/article/123309> (accessed: 17.01.2024).
18. Nicholas II. Diary for 1904. [Electronic resource]. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/diari/1904.htm> (date of access: 20.02.2024)
19. Steam locomotive L-4176 and diesel locomotive TEM2-1066 in the film "Voroshilov Sharpshooter" [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u21RxJAFExY> (date of access: 20.02.2024)
20. Steam locomotive L-4176 // List of rolling stock of railway transport [Electronic resource]. URL: <https://railgallery.ru/railcar/50567/?ysclid=lsx000mq5x229725228> (date of access: 20.02.2024)
21. Razlomalin D. Railways of the Kaluga Province. Kaluga, 1925. 20 p.
22. Collection of resolutions of the Kaluga Provincial Zemstvo Assembly for 40 years from December 2, 1865 to March 23, 1905. Kaluga: Printing House of the Provincial Zemstvo Council, 1907. 1000 p.
23. Semushkin D.A. Formation and development of the railway network in the territory of the Kaluga province in the 19th century [Electronic resource]. URL: <https://s.school-herald.ru/pdf/2019/2-5/1046.pdf> (date accessed: 01/17/2024)
24. Shtepa A.V., Kukushkin V.M. Formation of the railway network in the Kaluga province at the turn of the century: socio-economic aspect. Historical bulletin. 2024. Vol. 7. No. 2. P. 53 – 59. DOI: 10.58224/2658–5685-2024-7-2-53-59

Информация об авторах

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Кукушкин В.М., Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Штепа А.В., Кукушкин В.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 323.1

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-29-37

Субэтнические группы и отражение их численности в постсоветских переписях населения (на примере Поволжья)

¹ Габдрафиков И.М.,

¹ Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Аннотация: этнический фактор играет большую роль в общественно-политической жизни современной России. В связи с этим исследование динамики этнокультурного многообразия местных сообществ, ее специфики в разные периоды вызывает большой академический интерес. В статье делается краткий обзор научной литературы советского и постсоветского периодов, посвященной изучению структуры этноса, его подразделений. Приводится наиболее часто используемое в современной отечественной этнологической науке определение понятию «субэтнос». Отдельно освещаются особенности учета этнического состава населения в ходе всеобщих переписей населения в советское время, а также в современной России. В этом плане большой интерес представляет Поволжский регион. Население этой территории по своему этническому составу чрезвычайно многообразно и сложно. По этой причине изучение динамики этнокультурного многообразия местных сообществ, ее специфики в разные периоды имеет не только большое научное значение, но и практическое применение в ходе осуществления этнокультурной политики в стране. Этот регион России по абсолютной численности нерусских этнических групп занимает первое место в стране, а по их доле в общей численности населения уступает только северокавказскому региону. На примере этнических групп Поволжья делается анализ причин возрождения и развития субэтнических идентичностей, приводятся различные факторы, влияющие на них. На статистических данных показывается динамика численности субэтнических групп у приволжских этносов. По степени актуализации субэтнической идентификации граждан в ходе переписных кампаний, а также общественно-политического составляющего данного феномена, регионы Поволжья проявляют свою местную специфику. В этом плане особенно показательным является опыт Республики Башкортостан, в которой были предприняты определенные усилия для возрождения мишарской субэтнической идентичности на региональном уровне.

Ключевые слова: субэтнос, этнос, этническая группа, этничность, этностатистика, этническое возрождение, межнациональные отношения, бесермяне, мишари, кряшены, нагайбаки

Для цитирования: Габдрафиков И.М. Субэтнические группы и отражение их численности в постсоветских переписях населения (на примере Поволжья) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 29 – 37. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-29-37

Поступила в редакцию: 19 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Subethnic groups and the reflection of their numbers in post-Soviet population censuses (on the example of the Volga region)

¹ Gabdrāfikov I.M.,

¹ R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the ethnic factor plays a major role in the socio-political life of modern Russia. In this regard, the study of the dynamics of ethnocultural diversity of local communities, its specificity in different periods is of great academic interest. The article provides a brief overview of the scientific literature of the Soviet and post-Soviet periods devoted to the study of the structure of the ethnos and its divisions. The most frequently used definition of the concept of «subethnos» in modern Russian ethnological science is given. The features of accounting for the ethnic composition of the population during general censuses in Soviet times, as well as in modern Russia, are separately covered. In this regard, the Volga region is of great interest. The population of this territory is extremely diverse and complex in its ethnic composition. For this reason, the study of the dynamics of ethnocultural diversity of local communities, its specificity in different periods is not only of great scientific importance, but also of practical application in the implementation of ethnocultural policy in the country. This region of Russia ranks first in the country in terms of the absolute number of non-Russian ethnic groups, and second only to the North Caucasus region in terms of their share in the total population. Using the example of the ethnic groups of the Volga region, an analysis is made of the reasons for the revival and development of sub-ethnic identities, and various factors influencing them are given. The statistical data shows the dynamics of the number of sub-ethnic groups among the Volga ethnic groups. The regions of the Volga region show their local specifics in terms of the degree of actualization of the sub-ethnic identification of citizens during census campaigns, as well as the socio-political component of this phenomenon. In this regard, the experience of the Republic of Bashkortostan is especially indicative, where certain efforts were made to revive the Mishar sub-ethnic identity at the regional level at scientific importance, but also practical application.

Keywords: subethnos, ethnos, ethnic group ethnicity, ethnostatistics, ethnic revival, interethnic relations, Besermians, Mishars, Kryashens, Nagaibaks

For citation: Gabdrāfikov I.M. Subethnic groups and the reflection of their numbers in post-Soviet population censuses (on the example of the Volga region). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 29 – 37. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-29-37

The article was submitted: September 19, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Этнический фактор играет большую роль в общественно-политической жизни современной России. Поэтому в этнологическом плане исследование динамики этнокультурного многообразия местных сообществ, ее специфики в разные периоды истории представляет большой научный и практический интерес. Процессы межэтнического взаимодействия на протяжении веков в смешанных территориях развивались таким образом, что приводили к разным качественным результатам – ассимиляции одних этнических групп, возникновению новых, в т.ч. новых субэтнических образований внутри одного этноса.

В этом плане большой интерес представляет Поволжье, территориальные рамки которого примерно совпадают с границами субъектов, входящих в Приволжский федеральный округ. Населе-

ния Поволжья в этническом и религиозном отношении чрезвычайно многообразно и сложно. По этой причине изучение динамики этнокультурного многообразия местных сообществ, ее специфики в разные периоды имеет не только большое научное значение, но и практическое применение в ходе осуществления этнокультурной политики в стране. Этот регион России по абсолютной численности нерусских этнических групп занимает первое место в стране, а по их доле в общей численности населения уступает только северокавказскому региону. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность населения нерусских народов в Приволжском федеральном округе составляла 9,3 млн человек или 32% от общей численности населения [3]. Здесь традиционно проживают тюркские народы (башкиры, татары и чуваша) и финно-угорские (марийцы, мордва,

удмурты и коми-пермяки). Эти этнические группы обладают специфическими особенностями формирования и развития своей идентичности. На этой территории расположены шесть национально-территориальных образований, являющихся по численности населения наиболее крупными республиками в составе России. Из них три – Башкортостан, Татарстан и Чувашия (тюркские), три – Марий Эл, Мордовия и Удмуртия (финно-угорские). В этих республиках еще с первых лет советской власти этничность титульных народов была огосударствлена, т.е. они самоопределились в форме национально-территориальных автономий. Однако значительные группы нерусского населения региона с компактным или дисперсным расселением оказались за территориальными пределами «своих» республик. Этот фактор оказывал и продолжает оказывать значительное влияние на процесс этнической идентификации народов как в «своих» республиках, так и за их пределами, в т.ч. и внутри самих этнических групп. Особенно сложные этнические процессы происходят в зонах смешанного расселения народов, взаимодействия в которых приводят к разнонаправленным этнокультурным результатам, в т.ч. возникновению новых смешанных групп. Разные векторы этнокультурных и этнодемографических процессов особенно наглядно показывает динамика численности этнических групп на протяжении последних 30 лет по данным всероссийских переписей населения. В этом плане регионы Поволжья имеют специфические особенности, в т.ч. и в проявлениях субэтнических идентичностей, на которые влияют местные факторы.

Материалы и методы исследований

Еще в советское время в государственной политике и практике утвердился принцип деления этнических групп на «национальности» как устойчивой единицы и обязательной категории, а их этничность была огосударствлена в форме «своего» автономного образования – союзной или автономной республики, автономной области или округа. Исходя из этой практики каждый гражданин должен был определиться в рамках предложенного государством «списка национальностей», т.е. принадлежать к определенной этнической общности, фиксация к которой осуществлялась на индивидуальном уровне через систему гражданских паспортов и свидетельств о рождении, а также на коллективном уровне – через статистический учет в переписях населения. В СССР государством при помощи академической науки была разработана номенклатура национальностей – специальный реестр, за рамки которого гражданам при определении своей этнической принадлежно-

сти нельзя было выходить. Конкретно составлением «списка национальностей» в тот период занимался Институт этнографии АН СССР в сотрудничестве со специалистами статистической службы страны. Данная номенклатура национальностей Советского Союза начала складываться еще в первые годы советской власти, позже претерпевая незначительные изменения. Так, ряд этнических общностей, учитывавшихся в переписи населения 1926 года как отдельные национальности, в последующих переписях населения учитывались уже в составе более крупных этносов. Например, для мишарей и тептярей перепись в 1926 г. была последней, когда они учитывались как самостоятельная этническая группа, в дальнейшем они влились в основном в состав татар, частично – в состав башкир.

Горбачевская либерализация в конце 1980-х гг. вместо прежнего советского идеологического монолита вызвала рост национального самосознания этносов не только из «списка народов», но и возрождение самосознания, казалось бы уже ассимилированных и оставшихся в прошлом субэтнических групп. Это обстоятельство поставило под сомнение объективность советской системы определения национальности в форме специального реестра народов и государственного регулирования при самоидентификации людей своей этнической принадлежности. Данная система не вполне отвечала требованиям времени, реальная практика оказалась гораздо сложнее государственных предписаний, т.к. усложнились запросы граждан, связанных с их этнической принадлежностью, появились движения и лоббисты возрождающихся субэтнических групп [12].

Так, например, в конце XX века на основе культурно отличительных признаков возродились общественные движения крышен и нагайбаков, ранее считавшихся этнорелигиозной (православной) группой татар и в советских переписях не учитывавшихся отдельно. Нагайбаки, кроме принадлежности к православной вере, во времена Российской империи входили в состав Оренбургского казачества. Также возродилось движение бесермян, которые ранее считались субэтнической группой удмуртского этноса. Возрожденческое движение этих групп привело к тому, что активисты движений нагайбаков и бесермян добились признания на государственном уровне – на основании решения правительства РФ в 2000 году получили статус малочисленных коренных народов России [10]. Началось возрождение и даже соперничество между движениями двух крупных субэтносов, которые вместе составляют основу мордовского этноса – эрзя и мокша. Особенно это сопер-

ничество было сильно в самой Мордовской Республике [13].

Несмотря на то, что субэтнические группы советскими переписями не учитывались, однако это не означало, что их существование не только не отрицалось, но и продолжало широко бытовать за рамками государственного статистического учета населения и соответствующей графы в гражданских паспортах. Более того, вопреки советским переписям, отдельно и не учитывавшим субэтнические группы, академическая наука, наоборот, в тот период уделяла им довольно большое внимание, плотно занимаясь изучением культурных и языковых особенностей так называемых «подразделений этноса», их иерархию по различным этнокультурным, территориальным, политическим и иным признакам. Советская этнографическая школа активно занималась исследованием внутренней структуры этносов, их классификацией и систематизацией. Кстати, многие понятия из арсенала советской этнографии до сих пор широко используются в отечественном научном дискурсе. Так, в сентябре 1989 г. в Уфе, накануне распада СССР, учеными Института этнологии и антропологии АН СССР совместно с учеными Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР была организована специальная Всесоюзная научная конференция, тема которой так и называлась «Этнографические и этнические группы в СССР и их роль в современных этнических процессах». По итогам этой конференции был издан сборник докладов в двух частях [14, 15].

Содержание докладов, прозвучавших на этой конференции из уст ученых, представлявших многие уголки бывшего Советского Союза, наглядно свидетельствует о том, насколько важное внимание уделяла советская этнографическая наука внутри- и межэтническим культурным различиям. Так, один из инициаторов проведения этой конференции, крупный отечественный этнолог, член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев в своей вступительной статье к сборнику писал, что подразделения этноса имеют три возможных сценария развития: а) консолидироваться в составе материнского этноса, утратив или почти утратив своеобразие в культуре и языке; б) превратиться в новый этнос (или этническую группу), обретя устойчивое самосознание (и этноним); в) интегрироваться (ассимилироваться) в составе другого этноса.

По мнению ученого, все эти возможные варианты реализуются в процессе внутриэтнических или межэтнических контактов и взаимодействий. При этом, безусловно, важен социально-политический контекст, на фоне которого идут данные процессы. Консолидация, интеграция, ас-

симилизация, возникновения новых этносов, этнических и этнографических групп, этнических общин – это различные стороны единого, сложного и противоречивого процесса, в котором активно действующими субъектами являются подразделения этноса. Эти процессы происходили и происходят постоянно во всем мире в ходе естественно-исторического развития народов [5]. В своей статье ученый подчеркивает, что «гетерогенность этноса, сложность его внутренней структуры – состояние перманентное, оно имело место на всех этапах функционирования этноса» [6, с. 26].

Современные этнологи, говоря об отдельных этнографических группах этноса, чаще всего используют термин «субэтнос», введенный в научный оборот с целью описания «сложной природы этноса» и для обозначения особой группы внутри этноса. Под субэтномом понимается компактно проживающая общность людей, являющихся частью этноса, но обладающих групповыми культурными особенностями и осознающих свое отличие от остальных. Несмотря на то, что термин «субэтнос» используется довольно давно и он, кажется, что уже устоялся, в современной науке его понимание остается довольно размытым. По словам одного из ведущих российских этнологов, академика В.А. Тишкова, «критерии выделения субэтнических групп зависят от исторических, политических условий, а также научных подходов». Среди причин возникновения субэтнических групп могут быть географическое или административно-политическое обособление части этноса, остатки прежних племенных делений, конфессиональные различия, проживание в зоне культурного контакта двух или нескольких этносов и т.д. [8, с. 461].

Наиболее емкое определение понятию «субэтнос» дано в энциклопедическом издании «Народы России»: «Субэтническая группа — общность людей, составляющая часть этноса, которая занимает компактную территорию, обладает культурной и языковой спецификой и проявляет в силу этого элементы общего этнического самосознания. Субэтнические группы образуются вследствие неполной консолидации этноса, сепарации или миграции части этноса, специфического социального статуса. В ходе консолидации этноса субэтнические группы могут утратить свое самосознание, то есть превратиться в этнографическую группу и в дальнейшем исчезнуть, либо обособиться в самостоятельный этнос» [11, с. 899].

Таким образом, гетерогенность этнических групп, особенно крупных, неизбежна, а их абсолютная гомогенность является фактически невозможной. Как показывает практика последних трех

прошедших десятилетий, в т.ч. все постсоветские переписи населения, вопрос о внутреннем строении этноса как научная проблема сегодня не только не исчерпан, но и приобретает новую актуальность. Поэтому при изучении отдельных подразделений внутри этносов, использование термина «субэтнос» является вполне уместным, т.к. он наиболее полно отражает сложную структуру феномена этнической идентичности.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим динамику численности нерусских народов и их субэтнических групп на примере Поволжского региона, опираясь на данные последних трех всероссийских переписей населения, проводившихся в постсоветский период – в 2002, 2010 и 2020/21 годах. В этих переписях не было столь жестких предписаний как в советское время, когда граждане должны были самоопределиваться только

внутри официально утвержденного списка национальностей, т.е. субэтнические группы не учитывались, также нельзя было не указывать свою этническую принадлежность.

Как уже было отмечено выше, регионы Поволжья имеют специфические особенности этнокультурного и этнодемографического развития, этнической идентификации народов как в «своих» республиках, так и за их пределами. Эта специфика особенно наглядно отражается на динамике численности этнических групп по итогам трех постсоветских переписей – 2002, 2010 и 2020/21 гг. Данные этих переписей свидетельствуют о том, что на протяжении последних трех десятилетий этнические группы имели разные показатели численности, а также разнонаправленные проявления субэтнических идентичностей внутри отдельных этносов (табл. 1, 2).

Таблица 1

Динамика численности нерусских народов Поволжья и их субэтнических групп по результатам всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020/21 гг. (данные по всей России), чел., %*.

Table 1

The dynamics of the number of non-Russian peoples of the Volga region and their subethnic groups according to the results of the All-Russian population censuses of 2002, 2010 and 2020/21. (data for the whole of Russia), people, %.

Народы и их субэтнические группы	2002 г.	2010 г.	2020/21	Прирост в 2021 к 2002	
				Человек	%
Башкиры (субэтноты не указаны)	1673389	1584554	1571879	-101510	-6,1%
Татары	5554601	5310649	4713669	840932	-15,1%
в т.ч. Татары-кряшены	24668	34822	29978	+5310	+21,5
Астраханские татары	2003	7	29	-1974	-98,5%
Нагайбаки**	9600	8148	5719	-3881	-40,4%
Мишари	-	786	787	-	-
в т.ч. мишари в Башкирии	-	93	149	-	-
Сибирские татары	9611	6779	6297	-3314	-34,5%
Чуваши (субэтноты не указаны)	1637094	1435872	1067139	-569955	-34,8%
Мордва	843350	744237	484450	-358900	-42,6%
в т.ч. субэтнос Мордва-мокша	49624	4767	11801	-37823	-76,2%
субэтнос Мордва-эрзя	84407	57008	50068	-34339	-40,7%
Марийцы	604298	547605	423803	-180.495	-29,9%
Субэтнос Горные марийцы	18515	23559	14077	-4438	-24,0%
Субэтнос Лугово-восточные марийцы	56119	218	101	-56018	-99,8%
Удмурты	636906	552299	386465	-250441	-39,1%
Бесермяне**	3122	2201	2036	-1086	-34,8%
Коми-пермяки	125235	94456	55786	-69449	-55,4%

*Таблица составлена по данным Росстата [2, 3, 4].

**Нагайбаки и Бесермяне начиная с ВПН-2002 г. учитываются отдельно от татар и удмуртов как малочисленный народ в связи с тем, что в 2000 г. получили статус малочисленных коренных народов России [10].

*The table is compiled according to Rosstat data [2, 3, 4].

**Nagaibaks and Besermyans, starting from the 2002 VPN, are counted separately from the Tatars and Udmurts as a small people due to the fact that in 2000 they received the status of small indigenous peoples of Russia [10].

Таблица 2

Динамика численности нерусских народов Поволжья в «своих» республиках по итогам всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020/21 гг., чел., %*.

Table 2

The dynamics of the number of non-Russian peoples of the Volga region in «their» republics according to the results of the All-Russian population censuses of 2002, 2010 and 2020/21, people., %.

Народы	2002 г.	2010 г.	2020/21 г.	Прирост в 2021 г. к 2002 г.	
				Человек	%
Башкиры	1221302	1172287	1268806	+47504	+3,9
Татары	2000116	20112571	2091175	+91059	+4,5
Чуваши	889268	814770	684930	-204338	-23,0
Марийцы	312178	290863	246560	-65618	-21,0
Мордва	283861	333112	290750	+6889	+2,4
Удмурты	460584	410584	299874	-160710	-34,9
Коми-пермяки	103505**	81084	50163	-53342	-51,5

*Таблица составлена по данным Росстата [2, 3, 4].

**В связи с тем, что в 2005 г. Коми-пермский автономный округ был включен в состав Пермского края в качестве Коми-пермского округа, данные приводятся по всему Пермскому краю.

*The table is compiled based on Rosstat data [2, 3, 4].

**Due to the fact that in 2005 the Komi-Permyak Autonomous Okrug was included in Perm Krai as the Komi-Permyak Okrug, the data are provided for the entire Perm Krai.

Одной из республик, где этнотатистика стала значимым фактором общественно-политического развития в период проведения всех трех постсоветских переписей, является Республика Башкортостан. В этом регионе по итогам переписей мы наблюдаем довольно резкие перепады в численности этнических групп, которые трудно поддаются объяснению только на основе показателей естественного и механического движения населения. Заметным специфическим фактором, характерным только для данной республики, можно выделить проявление субэтнической идентичности, а именно во многом искусственное ее конструирование сверху, т.е. директивным методом. В этом плане показательным является пример создания в Башкирии накануне Всероссийской переписи населения 2020/21 г. так называемого Мишарского историко-культурного центра – филиала государственного бюджетного учреждения «Дом дружбы народов Республики Башкортостан» [9].

В правительственном постановлении создание Цента обосновывается необходимостью «совершенствования деятельности и расширения сети филиалов государственного бюджетного учреждения Дом дружбы народов РБ», которому поручается изыскать штатные единицы в рамках имеющихся в учреждении за счет оптимизации действующих историко-культурных центров. Этот Центр официально был открыт в сентябре 2021 г., т.е. перед самым началом основного этапа Всероссийской переписи населения, который проводился

в октябре – ноябре 2021 г. Одновременно с открытием Центра появились его страничка на сайте Дома дружбы народов РБ (<https://addnrb.ru/istoriko-kulturnye-centry/misharskij-istoriko-kulturnyj-centr-v-baltachevskom-rajone/>), а также аккаунт в социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/public204250646>).

Это событие широко освещалось в республиканских СМИ (<https://bash.news/news/159661-v-bashkirii-poyavilsya-istoriko-kulturnyy-tsentr-misharey>), а открытию Центра была подведена необходимая научная база в форме специального справочника, который «представляет собой сборник сведений об истории и расселении, языковых особенностях и выдающихся представителях уникальной этнографической общности – мишарей» [7]. Книга также была широко разрекламирована в региональных СМИ [1]. Судя по этой публикации в Башкирии, ныне проживает несколько сот тысяч человек, которые имеют мишарское происхождение. Несмотря на этот факт, по итогам Всероссийской переписи населения 2020/21 гг. в республике только 149 человек самоопределились как мишари (табл. 1). При этом в целом в стране таковых оказалось 787 человек, из них наибольшее количество (374 человек) проживало в Республике Татарстан, совсем незначительной оказалась численность мишарей в регионах их исторического расселения, в которых они компактно или дисперсно до сих пор проживают – Мордовии, Пензенской, Ульяновской и Самарской областях.

Выводы

Таким образом, происходящие в последние десятилетия определенное возрождение субэтнических идентичностей является результатом отхода государства от жестких рамок «списка национальностей», который был принят при проведении переписей в советскую эпоху.

Усиление внимания части людей к своей субэтнической идентичности, их воспроизводству, которое постоянно фиксируется данными всех трех постсоветских переписей населения, является неслучайным. Несмотря на то, что фиксация и учет субэтнических идентичностей в советское время официально не практиковались как на общественном (в переписях населения), так и индивидуальном (в гражданском паспорте, свидетельстве о рождении, анкетах и пр.) уровнях, академическая наука активно продолжала заниматься их изучением. В современных условиях актуализация субэтнической идентичности на уровне локальных

этнических сообществ неизбежны, так как она наиболее полно отражает местную этнокультурную специфику. Возрождение субэтнической идентичности имеет разные векторы развития, оно не всегда означает отдаление от «материнского этноса», отрыв или даже полное слияние с другим этносом. Однако практика показывает, что субэтническая идентичность чаще всего остается как составная часть более общей идентичности, которая объединяет весь этнос.

Как показывает наш краткий обзор, по степени актуализации субэтнической идентификации граждан как общественно-политического фактора в ходе переписных кампаний регионы Поволжья имеют свою специфику. В этом плане особенно показательным является пример Республики Башкортостан, в которой были предприняты меры государственной поддержки для возрождения особой мишарской субэтнической идентичности.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122041900145-1 по теме «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья»

Список источников

1. В Академии наук РБ представили сборник «Мишари Башкортостана» [Электронный ресурс]. URL: <https://mgazeta.com/articles/kultura/2021-01-14/v-akademii-nauk-rb-predstavili-sbornik-mishari-bashkortostana-1227177> (дата обращения: 10.08.2024)
2. Итоги ВПН-2002. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 10.08.2024)
3. Итоги ВПН-2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.08.2024)
4. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.08.2024)
5. Кузеев Р.Г. Введение: о роли подразделений этноса в этнических процессах // Этнос и его подразделения: материалы конференции (Уфа, сентябрь 1989 г.) / отв. ред. Р.Г. Кузеев, В.А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. Ч. 1: Этнические и этнографические группы. С. 3 – 15.
6. Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения: материалы конференции (Уфа, сентябрь 1989 г.) / отв. ред. Р.Г. Кузеев, В.А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. Ч. 1: Этнические и этнографические группы. С. 13 – 37.
7. Хамидуллин С.И., Ярмуллин А.Ш., Асылгужин Р.Р., Саитбатталов И.Р. Мишари Башкортостана: справочник. Уфа: ГБУ «Дом дружбы народов Республики Башкортостан», 2020. 48 с.
8. Народы России: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.
9. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 11 февраля 2021 года № 34 «О создании историко-культурных центров» // [Электронный ресурс]. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/31133/> (дата обращения: 10.08.2024)
10. Постановление правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 г. «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». <http://government.ru/docs/all/34970/> (дата обращения: 10.08.2024)
11. Тишков В.А. Субэтническая группа // Народы и религии мира: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 899.
12. Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96 – 116.

13. Аккиева С., Ваславский Я., Габдрафиков И. и др. Этническая идентификация нерусских народов Поволжья // Федерализм и этническое разнообразие народов: сб. ст. / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 158 – 176.

14. Этнос и его подразделения: материалы конференции (Уфа, сентябрь 1989 г.) / отв. ред. Р.Г. Кузеев, В.А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. Ч. 1: Этнические и этнографические группы. 182 с.

15. Этнос и его подразделения: материалы конференции (Уфа, сентябрь 1989 г.) / отв. ред. Р.Г. Кузеев, В.А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. Ч. 2: Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. 170 с.

References

1. The collection "Mishari of Bashkortostan" was presented at the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan [Electronic resource]. URL: <https://mgazeta.com/articles/kultura/2021-01-14/v-akademii-nauk-rb-predstavili-sbornik-mishari-bashkortostana-1227177> (accessed: 10.08.2024)

2. Results of the All-Russian Population Survey-2002. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship [Electronic resource]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed: 10.08.2024)

3. Results of the All-Russian Population Survey-2010. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship [Electronic resource]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (date of access: 10.08.2024)

4. Results of the All-Russian Population Survey-2020. Volume 5. National composition and language proficiency [Electronic resource]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (date of access: 10.08.2024)

5. Kuzeev R.G. Introduction: on the role of ethnic subdivisions in ethnic processes. Ethnos and its subdivisions: conference materials (Ufa, September 1989). ed. R.G. Kuzeev, V.A. Tishkov. M.: Institute of Ethnology and Anthropology, 1992. Part 1: Ethnic and Ethnographic Groups. P. 3 – 15.

6. Kuzeev R.G., Babenko V.Ya. Ethnographic and Ethnic Groups (Towards the Problem of Heterogeneity of the Ethnos). Ethnos and Its Subdivisions: Conference Proceedings (Ufa, September 1989). Ed. R.G. Kuzeev, V.A. Tishkov. M.: Institute of Ethnology and Anthropology, 1992. Part 1: Ethnic and Ethnographic Groups. P. 13 – 37.

7. Khamidullin S.I., Yarmullin A.Sh., Asylguzhin R.R., Saitbattalov I.R. Mishari of Bashkortostan: Handbook. Ufa: State Budgetary Institution "House of Friendship of Peoples of the Republic of Bashkortostan", 2020. 48 p.

8. Peoples of Russia: Encyclopedia. ed.-in-chief V.A. Tishkov. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1994. 479 p.

9. Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan of February 11, 2021 No. 34 "On the creation of historical and cultural centers". [Electronic resource]. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/31133/> (date accessed: 10.08.2024)

10. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 255 of March 24, 2000 "On the Unified List of Indigenous Peoples of the Russian Federation". <http://government.ru/docs/all/34970/> (date accessed: 10.08.2024)

11. Tishkov V.A. Sub-ethnic group. Peoples and religions of the world: encyclopedia. ed. in-chief V.A. Tishkov. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1999. P. 899.

12. Tishkov V.A., Kisriev E.F. Multiple identities between theory and politics (the example of Dagestan). Ethnographic Review. 2007. No. 5. P. 96 – 116.

13. Akkieva S., Vaslavsky Ya., Gabdrafiykov I. et al. Ethnic identification of non-Russian peoples of the Volga region. Federalism and ethnic diversity of peoples: collection of articles. ed. I. Busygina and A. Heinemann-Gruder. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. P. 158 – 176.

14. Ethnos and its subdivisions: conference materials (Ufa, September 1989). ed. R.G. Kuzeev, V.A. Tishkov. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, 1992. Part 1: Ethnic and Ethnographic Groups. 182 p.

15. Ethnos and its subdivisions: conference materials (Ufa, September 1989). ed. R.G. Kuzeev, V.A. Tishkov. M.: Institute of Ethnology and Anthropology, 1992. Part 2: Ethnic and Ethnographic Groups in the Volga-Ural Region. 170 p.

Информация об авторе

Габдрафиков И.М., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, 450077, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, ildargab@yandex.ru

© Габдрафиков И.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930.24

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии Солнечного затмения, описанного Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны»)

¹ Волков А.С.,

¹ историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель

Аннотация: в статье проводится комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников и каталога Солнечных затмений, относящихся к подлинному периоду правления императоров Древнего Рима от Нерона до Адриана. Целью исследования, в котором применяются специальные методы исторического исследования, а также методы астрономической хронологии является установление подлинной даты полного Солнечного затмения, описанного Древнегреческим философом Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны»), входящем в «Moralia XII» (12 том «Моралий»). Согласно результатам последних исследований астрономии и исторической хронологии считается, что «Затмение Плутарха», произошло 20 марта 71 года н.э. Однако, историко-хронологические исследования и датировки методом астрономической хронологии «Извержения вулкана Везувий», создания «Паросской хроники» и написания Стацием Публием Папинием, поэтом времён императора Домициана, когда согласно официальной исторической хронологии жил Плутарх из Херонеи, эпического произведения «Фиваида» показали ошибочность этой даты «Затмения Плутарха».

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников позволило определить подлинные годы жизни Древнегреческого философа Плутарха из Херонеи, а именно 1540 (1545) – 1620 (1625) годы н.э. и дату «Затмения Плутарха» это 12 октября 1605 года н.э. Полученные датировки отличаются от принятых, в современной астрономии и исторической хронологии, но согласуются по времени и событиям с полученными автором ранее датировками «Извержения вулкана Везувий», «Паросской хроники» и поэмы «Фиваида» Стация Публия Папиния.

Ключевые слова: история, хронология, «Затмение Плутарха», Солнечные затмения, война «диадохов», Плутарх, Древняя Греция, Древний Рим

Для цитирования: Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии Солнечного затмения, описанного Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны») // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 38 – 48. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

Поступила в редакцию: 22 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Historical and chronological study of documentary sources and dating using methods of astronomical chronology of the Solar Eclipse described by Plutarch of Chaeronea in his work «De facie in orbe lunae» («On the face visible on the disk of the Moon»)

¹ Volkov A.S.,

¹ Historian-researcher, lawyer, individual entrepreneur

Abstract: the article presents a comprehensive historical and chronological study of documentary sources and a catalog of solar eclipses relating to the true period of the reign of the emperors of Ancient Rome from Nero to Hadrian. The purpose of the study, which uses special methods of historical research, as well as methods of astronomical chronology, is to establish the true date of the total solar eclipse described by the Ancient Greek philosopher Plutarch of Chaeronea in the work «De facie in orbe lunae» («On the face visible on the disk of the Moon»), included in «Moralia XII» (volume 12 of «Morals»). According to the results of recent studies of astronomy and historical chronology, it is believed that the «Eclipse of Plutarch» occurred on March 20, 71 AD. However, historical and chronological studies and dating by the method of astronomical chronology of the «Eruption of Mount Vesuvius», the creation of the «Parian Chronicle» and the writing of the epic work «Thebaid» by Statius Publius Papinius, a poet of the time of Emperor Domitian, when according to the official historical chronology Plutarch of Chaeronea lived this date of «Plutarch's Eclipse».

A comprehensive historical and chronological study of documentary sources has allowed us to determine the true years of life of the ancient Greek philosopher Plutarch of Chaeronea, namely 1540 (1545) – 1620 (1625) AD and the date of "Plutarch's Eclipse" – October 12, 1605 AD. The obtained dates differ from those accepted in modern astronomy and historical chronology, but are consistent in time and events with the author's previously obtained dates of "The Eruption of Mount Vesuvius", "The Parian Chronicle" and the poem "Thebaid" by Statius Publius Papinius.

Keywords: history, chronology, «Eclipse of Plutarch», Solar eclipses, war of the «diadochi», Plutarch, Ancient Greece, Ancient Rome

For citation: Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating using methods of astronomical chronology of the Solar Eclipse described by Plutarch of Chaeronea in his work «De facie in orbe lunae» («On the face visible on the disk of the Moon»). Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 38 – 48. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

The article was submitted: September 22, 2024; Approved after reviewing: November 18, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Древнегреческий философ Плутарх из Херонеи, живший согласно официальной хронологии между 45 и 120 годами н.э., в одном из своих произведений «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны»), входящем в «Moralia XII» (12 том «Моралий») [1, 2] описал важнейшее для Древних людей природное явление, а именно затмение Солнца, произошедшее в недавнем прошлом, очевидцем которого он являлся. Это в достаточной степени точное и подробное описание Солнечного затмения астрономы многих стран мира, применяя самые передовые расчётные методы и самую совершенную вычислительную технику для определения параметров движения Солнца и Луны уже длительное время делают попытки сопоставить описание данное Плутархом с имеющимися каталогами Солнечных затмений и дати-

ровать в принятом официальной исторической наукой диапазоне лет. Одним из последних исследований в этом направлении явилась работа современных астрономов Университета Дурхэма в Великобритании Ф. Стивенсона и Л. Фатухи. Результаты своих исследований «The Total Solar Eclipse described by Plutarch» [3] они опубликовали в 1998 году в журнале «On-line journal of ancient historiography». Астрономы исследователи из Великобритании, несмотря на некоторые нестыковки с описанием Древнегреческого философа, пришли к заключению, что, по их мнению, наиболее вероятной датой полного Солнечного затмения «Затмения Плутарха» является 20 марта 71 года н.э. Однако эта датировка «Затмения Плутарха» не согласуется с, установленными ранее автором датами создания «Паросской хроники» [4], «Извержения вулкана Везувий» [5, 6] и датировкой поэ-

мы «Фиваида» [7, 8] Стация Публия Папиния латинского поэта времён императора Домициана, следовательно, и Плутарха из Херонеи. В частности, датировка «Паросской хроники» полученная автором в [4] показала следующее. Во-первых, так называемая война «диадохов» началась в 1567 году н.э. сразу после смерти Александра Македонского. Во-вторых, практически вся жизнь до самой смерти одного из активных участников этой войны Деметрия Полиоркета, сына Антигона, одного из полководцев Александра Македонского, была описана Плутархом в его «Сравнительных жизнеописаниях» – «Деметрий и Антоний» [9] и одновременно в Паросском фрагменте «Паросской Хроники» [4]. Поэма «Фиваида» Стация Публия Папиния, современника императора Домициана и, следовательно, философа Плутарха, согласно исследованию [7, 8] проведённому автором, была написана между 1561 и 1573 годами н.э. Кроме того исследование и датировка «Извержения вулкана Везувий» [5, 6], проведённая автором показала, что эта природная катастрофа произошла в 1560 или 1561 годах н.э. при Римском императоре Тите, приемником которого был император Домициан.

В связи с изложенным, актуальность представленного историко-хронологического исследования продиктована тем, что представляет возможность для установления достоверной даты «Затмения Плутарха» находящуюся в соответствии с полученными ранее автором датировками «Паросской хроники» [4], «Извержения вулкана Везувий» [5], [6] и поэмы «Фиваида» [7, 8] Стация Публия Папиния. Установление достоверной даты «Затмения Плутарха», при условии согласования её с датировками исторических событий полученными в проведённых ранее историко-хронологических исследованиях, поможет и ускорит определение, подлинных годов жизни исторических личностей временного периода правления императоров Рима от Нерона до Адриана, времени жизни знаменитого философа Древней Греции Плутарха из Херонеи, а также дат исторических событий того же периода времени в Древней Греции, Древнем Риме, Малой Азии и Египте.

Материалы и методы исследований

Методологическим фундаментом данного исследования являются следующие научные каноны: объективность, системность, рассмотрения природных, социально-культурных и военно-политических явлений в динамике их изменений, а также комплексного и критического анализа документальных источников. В качестве основополагающего инструмента проводимого исследования выбран метод астрономической хронологии.

Для качественного и всестороннего изучения вопроса привлекаются историко-системный, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-генетический методы. Использование совокупности этих научных инструментов обеспечивает анализ хронологии во всей её полноте событий достоверного периода правления императоров Древнего Рима от Нерона до Адриана и предоставляет возможность установить подлинную дату полного Солнечного затмения «Затмения Плутарха» описанного Древнегреческим философом Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны»), входящем в «Moralia XII» (12 том «Моралий»).

Цель проводимой научно-исследовательской работы, в которой применяется набор специальных инструментов историко-хронологического анализа, заключается в обнаружении, путём комплексного изучения документальных источников и каталога Солнечных затмений, относящихся к действительному времени правления императоров Древнего Рима от Нерона до Адриана даты полного Солнечного затмения, описанного Плутархом из Херонеи в его произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны»), входящем в «Moralia XII» (12 том «Моралий»).

Задачи, предполагаемые к решению в ходе осуществления, с опорой на доступные документальные источники, описывающие события в Древней Греции и Риме эпохи императоров от Нерона до Адриана, этого историко-хронологического исследования:

1. На основе проведения комплексного историко-хронологического анализа сохранившихся исторических документов, с применением методов астрономической хронологии, осуществить датировку годов жизни Плутарха из Херонеи.

2. На основе анализа каталога полных Солнечных затмений, относящихся ко времени жизни Плутарха из Херонеи, определённого на предыдущем этапе исследования, осуществить датировку полного Солнечного затмения «Затмения Плутарха».

Результаты и обсуждения

Согласно Паросскому фрагменту «Паросской хроники»: «8. После смерти Александра и птолемеевого обретения власти над Египтом, а произошло это, когда Гегесий был архонтом в Афинах, прошло 60 лет». Согласно [4, п. 8] Александр Македонский умер в 1567 году н.э.

Примерно через два года после смерти Александра Македонского в его империи разразился вооружённый конфликт между наследниками его империи, так называемая война «диадохов», война между военачальниками Александра Македонского

го за единоличную власть над сатрапиями. Это военное противостояние длилось более сорока лет до момента гибели последнего из командиров Александра Македонского. Одними из главных фигур войны «диадохов» были один из старейших и искуснейших военачальников Александра Македонского, сатрап Фригии Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет. В войне так же принимали участие сатрап и царь Египта Птолемей, правитель Фракии и царь Македонии Лиссиммах, регент империи Александра Македонского Пердикка, правитель Греции Антипатр и его сын Кассандр, сатрап Вавилона Селевк.

Одним из важных этапов войны «диадохов» стало сражение при Газе, в котором впервые принял участие, как предводитель войска, Деметрий Полиоркет сын Антигона. Согласно «Паросской хронике»: «16. После затмения солнца и с тех пор, как Птолемей разбил Деметрия при Газе и послал Селевка в Вавилон, а произошло это, когда По[лем]он был архонтом в Афинах, прошло [4]8 лет». Это событие, согласно [4, п. 16], произошло в 1579 году н.э.

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает сражение при Газе: «V. ... Сам Антигон находился во Фригии и, получив известие, что Птолемей переправился с Кипра в Сирию и грабит страну, а города либо склоняет к измене, либо захватывает силой, выслал против него сына, Деметрия, двадцати двух лет от роду, который тогда впервые выступил главнокомандующим в большой и трудный поход. Неопытный юнец, он столкнулся с мужем из Александровой палестры, который уже и один, после смерти учителя, выдержал немало трудных боев, — столкнулся и, разумеется, потерпел неудачу и был разбит у города Газы, потеряв восемь тысяч пленными и пять тысяч убитыми» [9, с. 196].

Согласно «Паросской хронике»: «12. После смерти Антипатра, и ухода Кассандра из Македонии, и после осады Кизика Аридеем, и с тех пор, как Птолемей захватил Сирию и Финикию, а произошло это, когда Аполлодор был архонтом в Афинах, прошло 55 лет. И в том же самом году сиракузяне выбрали Агафокла начальником сицилийских оборонительных сооружений». Это событие, согласно [4, п. 12], произошло в 1572 году н.э.

В этот же период времени в Афинах жил и преподавал знаменитый философ Теофраст (Теофраст), учитель государственного деятеля Деметрия Фалерского. Согласно Паросскому фрагменту «Паросской хроники»: «15. С тех пор, как поэт Сосифан умирает [в возрасте] 45 лет, а произошло это, когда Теофраст был архонтом в Афинах, про-

шло 49 лет». Это историческое событие, согласно [4, п. 15], произошло в 1578 году н.э.

Диоген Лаэртский в книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [10] также упоминает Теофраста (Теофраста): «Теофраст из Эреса, сын Меланта (который был сукновалом, как утверждает Афинодор в VIII книге «Прогулок»). Вначале он слушал в родном городе своего земляка Алкиппа, потом учился у Платона и наконец перешел к Аристотелю; а когда тот удалился в Халкиду, Теофраст принял от него школу в 114-ю олимпиаду.

...

Говорят, у Теофраста был свой сад, купленный уже после смерти Аристотеля с помощью Деметрия Фалерского, друга его» [10, с. 216-217].

В этот же период войны «диадохов» в Афинах правил знаменитый философ и государственный деятель Деметрий Фалерский, который был учеником и близким другом Теофраста (Теофраста). Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает дальнейшие этапы войны «диадохов»: «VIII. ... Итак, Деметрий вышел в море с пятью тысячами талантов серебра и флотом из двухсот пятидесяти судов и двинулся к Афинам, где, в самом городе, правил назначенный Кассандром Деметрий Фалерский, а в Мунихии стоял сторожевой отряд.

...

И в самом деле, Деметрий уже вошел в гавань, найдя проходы незапертыми, и теперь, стоя на виду у всех, приказал подать с корабля знак, призывающий к тишине и вниманию. Все примолкли, и, поставив рядом с собою глашатая, Деметрий объявил, что прислан отцом, дабы в добрый час освободить афинян, изгнать сторожевой отряд и вернуть гражданам их законы и старинное государственное устройство» [9, с. 197-198].

Диоген Лаэртский в своём труде также упоминает Деметрия Фалерского: «Деметрий Фалерский, сын Фанострата. Он был слушателем Теофраста; но речами своими перед народом он достиг власти над Афинским государством на целые десять лет,

...

а год, когда он был архонтом, стали именовать «годом беззакония»» [10, с. 227-228].

Правление в Афинах Деметрия Фалерского (Архонтство) так описано в Паросском фрагменте «Паросской хроники»: «19. С тех пор, как город Л[иси]махия был основан, и Офела... в [Ка]рф[аген...], и Птолемей, его сын, был рождён на Косе, и Кл[еоп]атра умерла в Сардах [...], а произошло это, когда Д[еметрий] [был архонтом в

А]финах, [прошло 45 лет]». Это событие, согласно [4, п. 19], произошло в 1582 году н.э.

В период войны «диадохов», когда Афины осадил Деметрий Полиоркет и был изгнан Деметрий Фалерский так описан Паросском фрагменте «Паросской хроники»: «20. С тех пор, как Деметрий, сын Антигона, осадил [П]ирей и взял его, [и Деметрий Фалерский был изгнан из Афин, а произошло это, когда] Каирим [был архонтом] в Афинах, [прошло 44 года]». Это событие, согласно [4, п. 20], произошло в 1583 году н.э.

Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает бегство Деметрия Фалерского из Афин: «IX. ... Деметрий Фалерский, считая, что победителю следует покоряться в любом случае, даже если он не намерен исполнить ни единого из своих обещаний, отправил к нему посольство с изъявлением покорности. Деметрий ласково принял послов, а когда те тронулись в обратный путь, в свою очередь отправил к афинянам Аристодема Милетского, одного из друзей своего отца. После совершившейся так внезапно перемены Деметрий Фалерский больше, нежели неприятелей, страшился собственных сограждан. Полный глубокого уважения к славе и нравственной чистоте этого человека, Деметрий позаботился о нем и, исполняя его желание, отправил под надежной охраной в Фивы» [9, с. 198].

Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает разрушение стен Мунихия Деметрием Полиоркетом: «X. Вернувшись к Мунихии и став лагерем перед ее стенами, Деметрий, наконец, выбил из крепости сторожевой отряд, а самоё крепость разрушил и лишь тогда принял приглашения афинян, вошел в город и, созвав Народное собрание, восстановил старинное государственное устройство» [9, с. 199].

Разрушение стен Мунихия Деметрием Полиоркетом так описано в «Паросской хронике»: «21. С тех пор, как Деметрий снёс Мунихий и захватил Кипр и Филл... а произошло это, когда Анаксикрат был архонтом в Афинах, прошло [4]3 [года]». Это событие, согласно [4, п. 21], произошло в 1584 году н.э.

Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает дальнейшие события войны «диадохов»: «XVIII. Тогда народ впервые провозгласил Антигона и Деметрия царями. Отца друзей увенчали диадемой немедленно, а сыну Антигон отправил венец вместе с посланием, в котором называл Деметрия царем. Тогда Египет поднес царский титул Птолемею» [9, с. 203].

Воцарение Птолемея в Египте так описано в «Паросской хронике»: «23. После осады Родоса и с тех пор, как [Пт]олемей наследо[вал] трон, [а

произошло это, когда Эвксенипп был архонтом в Афинах, прошёл 41 год]». Это событие, согласно [4, п. 23], произошло в 1586 году н.э.

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» повествует о смерти Деметрия Полиоркета: «На третьем году своего заключения Деметрий, от праздности, обжорства и пьянства, заболел и скончался в возрасте пятидесяти четырех лет» [9, с. 226].

Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает правление императора Нерона в Риме: «Нерон правил уже на нашей памяти. Он умертвил родную мать и своим безрассудством и безумием едва не погубил римскую державу. Он был потомком Антония в пятом колене» [9, с. 277].

Из этого следует, что Плутарх родился в начале правления в Риме императора Нерона. Согласно «Хронографии» Георгия Синкелла [487, 23] в АМ 5553 (от сотворения мира) Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (Нерон) был провозглашён императором Рима в 53 году н.э. А согласно «Хронографии» Георгия Синкелла [496, 23] в АМ 5575 извержение Везувия произошло в 79 году н.э. Согласно полученным ранее датировкам «Извержения вулкана Везувий» [5, 6] и поэмы «Фиваида» [7, 8] Стация Публия Папиния латинского поэта времён императора Домициана, извержение Везувия произошло в 1561 году н.э. Разница в годах между официально принятой и подлинной датировками извержения Везувия, а именно $1561 - 79 = 1482$ год является хронологическим коэффициентом для вычисления подлинных годов жизни императоров Рима от Нерона до Адриана. Учитывая это Нерон стал императором Рима в $53 + 1482 = 1535$ году н.э.

С другой стороны, согласно [27] Нерон правил в Риме 13 лет, 7 месяцев и 28 дней. После него императором Рима стал Веспасиан 9 лет, 11 месяцев и 22 дня. Следующим императором Рима стал Тит в первый год правления которого произошло извержение вулкана Везувий. Таким образом между приходом к власти Нерона и извержением Везувия прошло примерно 24 года. Проведя математический расчёт получим, что Нерон взойшёл на императорский престол Рима в $1561 - 24 = 1537$ году н.э. Сравнение хронологических записей Георгия Синкелла [487, 23] и Евсевия Кесарийского [27] показывает расхождение всего два года в датировке начала правления Нерона в Риме, что укладывается в погрешность вычисления дат для этой исторической эпохи.

Византийский энциклопедический словарь «Суда» предоставляет следующие хронологические данные о времени жизни Плутарха из Херо-

неи: SUDA entry pi 1793: Πλούταρχος (Ploutarchos, Plutarchus, Plutarch): «A Chaeroneian from Boeotia; alive in the time of emperor Trajan and before. Trajan handed over to him the rank of consul and forbade any of those ruling in Illyria to do anything beyond the scope of his judgment. He wrote a lot» [29].

«Херонейец из Беотии; жил во времена императора Траяна и раньше. Траян передал ему сан консула и запретил кому-либо из правящих в Иллирии делать что-либо, выходящее за рамки его суждения. Он много писал». (переводчик Волков А.С.)

Согласно официальным хронологическим данным истории Древнего Рима Марк Ульпий Нерва Траян (Траян) император, правивший в Риме с 98 по 117 гг. н.э., а с учётом корректирующего хронологического коэффициента с 1580 по 1599 годы н.э.

Плиний Младший, служил судьёй, занимал ряд гражданских и военных должностей и входил в круг приближённых императора Траяна, был хорошо знаком с императором Нервой, был другом историка Тацита и биографа Светония Транквилла, был знаком с философом, прорицателем и толкователем снов, автором труда *Oneirocritica* («Толкование снов») Артемидором, а также с философом Евфратом Стоиком. Плиний Младший, кроме императора Траяна, историка Тацита и биографа Светония переписывался [13] с сенатором Рима Титом Авидием Квиетом, служившим при императорах Домициане, Нерве и Траяне, письма – VI, 29, § 1; IX, 13, § 15. Гаем Авидием Нигрином, братом Квиета, служившим проконсулом при императоре Домициане письма – X, 65, § 3; 66, § 2. Семья Квиета – Нигрина находилась в дружбе так же с Плутархом, который посвятил братьям трактат «О братской любви» [31] в одной из своих «Моралий» и писал о дружбе с ними в «Застольных беседах» [30, с. 29]. Плиний Младший переписывался с сенатором Гаем Муницием Фунданом служившим при императоре Адриане проконсулом Азии, письма – I, 9; IV, 15; V, 16; VI, 6. Именно ему император Адриан направил рескрипт о судебных процессах над христианами, о котором в «Церковной истории» [28, с. 175] повествует Евсевий Памфил (Кесарийский).

Согласно официальным хронологическим данным истории Древнего Рима Публий Элий Траян Адриан (Адриан), император правивший в Риме с 117 по 138 годы н.э., а с учётом корректирующего хронологического коэффициента с 1599 по 1620 годы н.э.

Сопоставление переписки Плиния Младшего с Титом Авидием Квиетом и его братом Гаем Авидием Нигрином и дружбой братьев с Плутархом из Херонеи говорит о том, что Плиний Младший и

Плутарх были современниками. Существование переписки Плиния Младшего с историками Гаем Светонием Транквиллом и Тацитом Публием Корнелием, а также с проконсулом Азии Гаем Муницием Фунданом говорит о том, что и эти знаменитые личности жили примерно в то же самое время, что и Плутарх. Переписка Плиния Младшего с императором Траяном подтверждает хронологические данные Византийского энциклопедического словаря «Суда» о том, что Плутарх из Херонеи жил во времена этого императора.

Проведённое комплексное исследование документальных источников с применением методов астрономической хронологии, описывающих исторические события временного периода правления императоров от Нерона до Адриана дало возможность определить годы жизни Древнегреческого писателя и философа Плутарха из Херонеи, а именно 1540 - 1620 годы н.э. (с погрешностью ± 5 лет для каждой даты).

Анализ каталога полных Солнечных затмений, относящихся ко времени жизни Плутарха из Херонеи, определённого на предыдущем этапе исследования. Датировка, на основе результатов проведённого анализа полного Солнечного затмения «Затмения Плутарха».

На основе исследования каталога полных Солнечных затмений, относящихся ко времени жизни Плутарха из Херонеи, определённого на предыдущем этапе исследования, осуществить датировку полного Солнечного затмения «Затмения Плутарха».

Плутарх так описал полное Солнечное затмение «Затмение Плутарха» в своём произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны»), входящем в «Moralia XII» (12 том «Моралий») [1], [2]: «Что между наблюдаемыми на Солнце явлениями ни одно не походит столько на его закат, как затмение, вы согласитесь со мною, припомнив недавнее соединение светил: начавшись тотчас после полудня, оно сделало видимыми много звезд в разных частях неба, а воздуху дало окраску, как на закате» [2].

Астрономы из Университета Дурхэма в Великобритании Ф. Стивенсон и Л. Фатухи (Stephenson F. Richard, Fatoohi Louay J.) в работе [3] сделали попытку датировать «Затмение Плутарха». В качестве исходных хронологических данных учёные приняли официальную датировку годов жизни Древнегреческого философа Плутарха, а именно 45 – 120 г. н.э. Исследовав каталог полных Солнечных затмений, видимых на территории Древней Греции в период его жизни они предложили для «Затмения Плутарха» дату 20 марта 71 г. н.э.

Хронологические данные, полученные при выполнении предыдущей задачи, этого исследования позволили определить достоверные годы жизни Плутарха из Херонеи, а именно 1540-1620 годы н.э.

В описании этого затмения Плутарх, во-первых, указывает точное время его начала: «...начавшись тотчас после полудня...», а во-

вторых, указывает на то, что затмение было полным: «оно сделало видимыми много звезд в разных частях неба». Точность описания позволяет, используя астрономические данные каталога НАСА [11], определить список полных Солнечных затмений, произошедших в Древней Греции, после полудня, за время жизни Плутарха, в соответствии с описанием в «De facie in orbe lunae» табл. 1.

Таблица 1

Список полных Солнечных затмений, видимых в Древней Греции, во время жизни Плутарха, произошедших после полудня [11].

Table 1

List of total solar eclipses that occurred in Ancient Greece during Plutarch's lifetime, occurring after midday [11].

№ в каталоге НАСА	Дата в годах н.э.	Время суток	Фаза	Длительность
08574	03 октября 1614	12:03:09	1.0282	02m22s (143 s)
08567	30 мая 1612	10:32:44	1.0135	00m58s (58 s)
08553	12 октября 1605	12:58:06	1.0344	02m43s (163 s)
08541	10 июля 1600	12:34:00	1.0238	02m08s (128 s)
08536	07 марта 1598	10:08:01	1.0214	01m33s (93 s)
08525	30 мая 1593	13:05:28	1.0696	06m08s (368 s)
08451	21 августа 1560	12:30:55	1.0469	03m45s (225 s)
08430	31 августа 1551	12:50:32	1.0460	02m52s (172 s)

Среди всех полных Солнечных затмений, представленных в табл. 1, присутствует единственное, полоса тени которого проходит непосредственно

над территорией Древней Греции и Римом, а, следовательно, максимально соответствует описанию Плутарха, это затмение 12 октября 1605 года н.э.

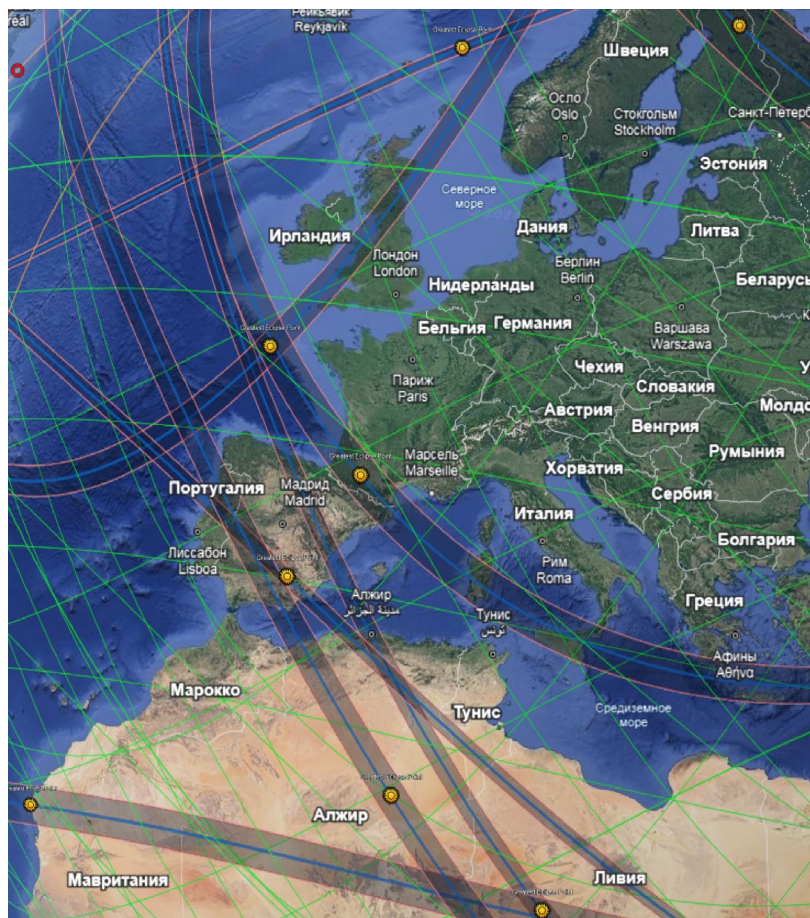

Рис. 1. Полосы теней восьми полных Солнечных затмений, видимых в Древней Греции и Риме и соответствующих описанию Плутарха [32, 33].

Fig. 1. The shadow bands of eight total solar eclipses that occurred in Ancient Greece and Rome and correspond to the description of Plutarch [32, 33].

Рис. 2. Полоса тени полного Солнечного затмения 12 октября 1605 года н.э. «Затмение Плутарха» над Европой [32, 33].

Fig. 2. The shadow band of the total solar eclipse of October 12, 1605 AD. “Plutarch’s Eclipse” over Europe [32, 33].

Выводы

1. Согласно проведённому исследованию Деметрию Полиоркету во время битвы при Газе в 1579 году н.э. было 22 года. Следовательно, он родился примерно в 1557 году н.э. Согласно Плутарху, умер Деметрий Полиоркет на 54-м году жизни, следовательно, в 1611 году н.э. В «Сравнительных жизнеописаниях» описан весь его жизненный путь вплоть до смерти в 1611 году н.э., учитывая это Плутарх написал своё произведение «Деметрий и Антоний» после 1611 года н.э.

2. Было проведено комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников, с применением методов астрономической хронологии, повествующих о событиях временного периода правления императоров от Нерона до Адриана в Древней Греции и Риме. Были определены годы жизни Древнегреческого писателя и философа Плутарха из Херонеи, а именно 1540-1620 годы н.э.

3. Было проведено комплексное исследование каталога полных Солнечных затмений, относя-

щихся к времени жизни Плутарха из Херонеи, а именно 1540-1620 годы н.э., определённого на предыдущих этапах исследования для всех областей Древней Греции. При исследовании каталога было учтено, что произведение «*De facie in orbe lunae*» («О лике, видимом на диске Луны»), входящем в «*Moralia XII*» (12 том «Моралий»), было написано Плутархом во времена правления в Риме императора Траяна или позже уже в самом конце жизни философа, то есть в промежутке времени между 1580 и 1620 годами н.э. На основе результатов проведённого анализа была получена датировка полного Солнечного затмения «Затмения Плутарха», а именно 12 октября 1605 года н.э.

Полученная датировка отличается от принятой, в современной астрономии и исторической хронологии для «Затмения Плутарха» даты 20 марта 71 года н.э., но согласуется по времени и событиям с полученными автором ранее датировками «Извержения вулкана Везувий», «Паросской хроники» и поэмы «Фиваида» Стация Публия Папиния.

Список источников

1. Plutarch «*De facie in orbe lunae*» 931D-E, translated by H. Cherniss & W. Helmbold, Plutarch's *Moralia XII* (Loeb ed. 1957) 117.

2. Плутарх – О лике видимом на диске Луны. Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. Дата обновления: 09 ноября 2006. URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1163084882&archive=1254313661b&start_from=&ucat=& (дата обращения: 17.01.2024)

3. Stephenson F. Richard, Fatoohi Louay J. The Total Solar Eclipse described by Plutarch // *Histos: On-line journal of ancient historiography*. University of Durham (United Kingdom). 1998. Vol. 2. P. 72 – 82.

4. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 17.09.2024). DOI 10.61726/8559.2024.17.44.001

5. Волков А.С. Датировка извержения вулкана Везувий и гибели города Помпеи // 2018. С. 29. URL: https://new.chronologia.org/polemics/2018_volkov_vesuvium.php (дата обращения: 17.09.2024). DOI 10.61726/6747.2024.10.87.001

6. Волков А.С. Датировка извержения вулкана Везувий. URL: <http://www.vestnik-lids.ru/Датировка-извержения-вулкана-Везувий/> (дата обращения: 17.07.2024)

7. Волков А.С. Датировка Зодиака в поэме «Фиваида» Публия Папиния Стация. URL: https://new.chronologia.org/polemics/2018_volkov_phaviada.php (дата обращения: 17.09.2024)

8. Волков А.С. Стаций (Публий Папиний Стаций) «Фиваида». URL: <http://www.vestnik-lids.ru/Стаций-Публий-Папиний-Стаций-Фиваида/> (дата обращения: 17.09.2024)

9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: пер. с древнегреч. / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послел. С.И. Соболевского]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961-1964. 3 т.; 23 см. (Литературные памятники/ Акад. наук СССР). Т. 1. 1961. 503 с.

10. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов: перевод М.Л. Гаспарова / Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев, С. 3 – 54; АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд., испр. Москва: Мысль, 1986. 570, [1] с.

11. Каталог солнечных затмений пяти тысячелетий (от 599 до 500 годов до н.э.) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSEmap/-0599--0500.html> (дата обращения: 17.01.2024)

12. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 4. С. 161-167. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf> (дата обращения: 17.09.2024)
13. Плиний Младший. Письма Плиния Младшего: Кн. I-X: перевод / Изд. подгот. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватур; [Примеч. М. Е. Сергеевко и др.]. 2-е изд., перераб. Москва: Наука, 1982. 407 с.
14. Marcellini Comitit. V.C. Chronicon. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/marcellinus1.html> (дата обращения: 17.01.2024)
27. Jerome, Chronicle (The Chronicle of Jerome) (2005) pp.188-332 / Jerome. URL: https://www.attalus.org/armenian/jerome_chronicle_03_part2.htm (дата обращения: 17.09.2024)
28. Евсевий Памфил Церковная история / введ. ст., коммент., библиогр. список и указ. И.В. Кривушина. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2013. 531, [1] с. (Библиотека христианской мысли. Источники). Библиогр.: С. 451 – 500. Указ. имен: С. 510 – 526. Указ. геогр. назв.: С. 527 – 531.
29. Suda On Line: Byzantine Lexicography Web Site. URL: <http://www.cs.uky.edu/~raphael/sol/sol-entries/pi/1793> (дата обращения: 17.09.2024)
30. Плутарх Застольные беседы: перевод / Изд. подгот. Я.М. Боровский и др.; Примеч. составили И.М. Ковалева и др.; АН СССР. Ленинград: Наука: Ленингр. Отделение, 1990. 592 с.
31. Плутарх О братской любви: перевод выполнен по изданию: On Brotherly Love Plutarchs Moralia. London: William Heinemann Ltd; Cambridge, Massachusetts: Harvard University press, 1962. Vol. 6. P. 246 – 325.
32. База данных солнечных затмений пяти тысячелетий (от -1999 до +3000). Данные по солнечным затмениям между 1540 и 1625 годами н.э. для Google Earth. URL: http://xjubier.free.fr/en/site_pages/solar_eclipses/5MCSE/xSE_2_Five_Millennium_Canon.html (дата обращения: 17.07.2024)
33. Планета Земля (Google Earth) изображения земной поверхности. Полосы восьми Солнечных затмений между 1540 и 1625 годами н.э. Google Web Site. URL: <https://earth.google.com/web/@43.03968703,19.62022712,839.79261427a,9008849.87450838d,35y,0h,0t,0r> (дата обращения: 17.07.2024)

References

1. Plutarch «De facie in orbe lunae» 931D-E, translated by H. Cherniss & W. Helmbold, Plutarch's Moralia XII (Loeb ed. 1957) 117.
2. Plutarch – On the Face Visible on the Moon's Disk. Moscow: Scientific Digital Library PORTALUS.RU. Date of update: November 9, 2006. URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1163084882&archive=1254313661b&start_from=&ucat=& (date of access: 17.01.2024)
3. Stephenson F. Richard, Fatoohi Louay J. The Total Solar Eclipse described by Plutarch. Histos: On-line journal of ancient historiography. University of Durham (United Kingdom). 1998. Vol. 2. P. 72 – 82.
4. Volkov A.S. Astronomical chronology in the literature of Ancient Greece and the dating of the "Parian Chronicle". Scientific and practical electronic journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 2. P. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (accessed: 17.09.2024). DOI 10.61726/8559.2024.17.44.001
5. Volkov A.S. Dating of the eruption of Vesuvius volcano and the destruction of the city of Pompeii. 2018. P. 29. URL: https://new.chronologia.org/polemics/2018_volkov_vesuvium.php (date of access: 17.09.2024). DOI 10.61726/6747.2024.10.87.001
6. Volkov A.S. Dating of the eruption of Vesuvius volcano. URL: <http://www.vestnik-lids.ru/Датировка-извержение-вулкана-Везувий/> (date of access: 17.07.2024)
7. Volkov A.S. Dating of the Zodiac in the poem "Thebaid" by Publius Papinius Statius. URL: https://new.chronologia.org/polemics/2018_volkov_phaviada.php (date of access: 17.09.2024)
8. Volkov A.S. Statius (Publius Papinius Statius) "Thebaid". URL: <http://www.vestnik-lids.ru/Стация-Публий-Папиний-Стация-Филаид/> (date of access: 17.09.2024)
9. Plutarch Comparative Biographies: in 3 volumes: trans. from ancient Greek. Published by S.P. Markish and S.I. Sobolevsky; [Afterword by S.I. Sobolevsky]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961-1964. 3 vol.; 23 cm. (Literary monuments. Academy of Sciences of the USSR). Vol. 1. 1961. 503 p.

10. Diogenes Laërtius On the life, teachings and sayings of famous philosophers: translation by M.L. Gasparov. Ed. of the volume and author's introduction A.F. Losev, P. 3 – 54; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. 2nd ed., corrected. Moscow: Mysl, 1986. 570, [1] p.
11. Catalog of solar eclipses of five millennia (from 599 to 500 BC) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSEmap/-0599--0500.html> (date of access: 17.01.2024)
12. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the Olympic era. International research journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6. No. 4. P. 161 – 167. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf> (date of access: 17.09.2024)
13. Pliny the Younger. Letters of Pliny the Younger: Book I-X: translation. Ed. prepared. M.E. Sergienko, A.I. Dovatour; [Note by M.E. Sergienko et al.]. 2nd ed., revised. Moscow: Nauka, 1982. 407 p.
14. Marcellini Comitiss V.C. Chronicon. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/marcellinus1.html> (accessed: 20.01.2024)
27. Jerome, Chronicle (The Chronicle of Jerome) (2005) P. 188 – 332. Jerome. URL: https://www.attalus.org/armenian/jerome_chronicle_03_part2.htm (accessed: 17.09.2024)
28. Eusebius Pamphilus Church History. intro. art., comment., bibliographic list and index. I.V. Krivushina. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2013. 531, [1] p. (Library of Christian Thought. Sources). Bibliography: P. 451 – 500. Indicated names: P. 510 – 526. Indicated geogr. names: P. 527 – 531.
29. Suda On Line: Byzantine Lexicography Web Site. URL: <http://www.cs.uky.edu/~raphael/sol/sol-entries/pi/1793> (date of access: 09/17/2024)
30. Plutarch Table Talk: translation. Ed. prepared by Ya.M. Borovsky et al.; Notes compiled by I.M. Kovaleva et al.; USSR Academy of Sciences. Leningrad: Nauka: Leningrad. Department, 1990. 592 p.
31. Plutarch On Brotherly Love: translation made according to the edition: On Brotherly Love Plutarchs Moralia. London: William Heinemann Ltd; Cambridge, Massachusetts: Harvard University press, 1962. Vol. 6. P. 246 – 325.
32. Database of solar eclipses of five millennia (from -1999 to +3000). Data on solar eclipses between 1540 and 1625 CE for Google Earth. URL: http://xjubier.free.fr/en/site_pages/solar_eclipses/5MCSE/xSE_2_Five_Millennium_Canon.html (date of access: 17.07.2024)
33. Planet Earth (Google Earth) images of the earth's surface. Bands of eight solar eclipses between 1540 and 1625 CE. Google Web Site. URL: <https://earth.google.com/web/@43.03968703,19.62022712,839.79261427a,9008849.87450838d,35y,0h,0t,0r> (accessed on 17.07.2024)

Информация об авторе

Волков А.С., историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6781-820X>, fbsystem@yandex.ru

© Волков А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 316.454

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-49-54

Исследование самоидентификации этнических русских в Китае на примере региона Хулунбэйр

¹ Кун Вэйжань,
¹ Сибирский федеральный университет

Аннотация: исследование самоидентификации этнических русских в Китае, особенно в регионе Хулунбэйр, представляет собой интересную тему, учитывая уникальное историческое и культурное взаимодействие между русскими и китайцами в этом районе. Хулунбэйр, расположенный на северо-востоке Китая, граничит с Монголией и Россией, и имеет богатую историю миграции и смешанных культур. Исследование самоидентификации этнических русских в Хулунбэйре может дать ценную информацию о том, как миграция и культурные взаимодействия формируют идентичность в современном мире. Это также может помочь понять, как этнические меньшинства адаптируются и сохраняют свою уникальность в условиях глобализации и изменения культурных норм.

Ключевые слова: этнические русские в Китае, самоидентификация, Хулунбэйр

Для цитирования: Кун Вэйжань Исследование самоидентификации этнических русских в Китае на примере региона Хулунбэйр // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 49 – 54. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-49-54

Поступила в редакцию: 20 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

A study of ethnic Russian self-identification in China using the example of the Hulongbair region

¹ Kong Weiran,
¹ Siberian Federal University

Abstract: a study of ethnic Russian self-identification in China, especially in the Hulunbeir region, is an interesting topic given the unique historical and cultural interactions between Russians and Chinese in this area. Hulunbeir, located in northeastern China, borders Mongolia and Russia, and has a rich history of migration and mixed cultures. A study of ethnic Russian self-identification in Hulunbeir can provide valuable insights into how migration and cultural interactions shape identity in the modern world. It can also help understand how ethnic minorities adapt and maintain their uniqueness in the face of globalization and changing cultural norms.

Keywords: ethnic Russians in China, self-identification, Hulunbeir

For citation: Kong Weiran A study of ethnic Russian self-identification in China using the example of the Hulongbair region. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 49 – 54. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-49-54

The article was submitted: September 20, 2024; Approved after reviewing: November 19, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Ответ на вопросы о том, кто я, откуда и с кем, — это самоидентификация. В смешанных китайско-русских семьях самоидентификация — гораздо более многогранный вопрос. В районе Хулунбэйр китайской Внутренней Монголии, расположенном на границе между Россией и Китаем, проживает половина этнических русских в Китае, так идентифицируют ли они себя как русские? [3, с. 12].

Материалы и методы исследований

Основные аспекты исследования:

1. Исторический контекст;
2. Изучение истории русской миграции в регион, начиная с XIX века, когда русские начали осваивать восточные территории;
3. Влияние исторических событий, таких как революция 1917 года и Гражданская война, на русское население в Китае;

Культурная идентичность:

1. Как этнические русские определяют свою идентичность в контексте китайского общества;
2. Роль языка, традиций, религии и обычаев в формировании самоидентификации;
3. Влияние русской культуры на местное население и наоборот.

Социальные аспекты:

1. Взаимоотношения между этническими русскими и китайцами в Хулунбэйре;
2. Участие русской общины в местной экономике, образовании и политике;
3. Проблемы интеграции и ассимиляции.

Современные вызовы [1, с. 96].

1. Влияние глобализации и миграционных процессов на самоидентификацию;
2. Вопросы прав и статуса этнических русских в Китае;
3. Роль современных технологий и социальных сетей в поддержании культурной идентичности.

Методы исследования:

1. Полевая работа, включая интервью с представителями русской общины;
2. Анкетирование для выявления мнений и установок по вопросам идентичности;
3. Анализ культурных артефактов, таких как музыка, литература и искусство.

Результаты и обсуждения

1. Самоидентификация и ее историографические рамки.

Понятие «идентификация» впервые введено в научный оборот Зигмунд Фрейдом в 1921 г. в эссе «Психология масс и анализ Я». Каждый индивид, по мнению Зигмунд Фрейда, человек строит свой

идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. «В современном мире... культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий», — отмечает С. Хантингтон. С тех пор уже более ста лет люди разных национальностей на пересечении мировой и личной истории ищут на пути «кем я мог бы быть» и «кем я должен быть» и получают ответ: «Поэтому я — это я».

Самоидентификация в контексте историографии включает в себя следующее [6, с. 210]:

1. Конструирование идентичности: самоидентичность в контексте историографии занимается тем, как она формируется и развивается в различные исторические периоды и культурные контексты, выявляя, как на идентичность отдельных людей и групп влияют социальные, политические и экономические факторы.

2. Культурная память: самоидентичность тесно связана с коллективной памятью. Исторические события, традиции и культурные символы играют важную роль в формировании групповой самоидентификации, влияя на понимание людьми прошлого и их ожидания на будущее.

3. Разнообразие и интеграция: в контексте глобализации и миграционных тенденций историография самоидентичности способствует пониманию культурного взаимообогащения и формирования множественных идентичностей, а также того, как эти идентичности влияют на социальную динамику и культурные обмены.

4. Социальные изменения: эволюция самоидентичности отражает процесс социальных изменений, и историография выявляет изменения в общественных ценностях, убеждениях и поведенческих моделях через изучение самоидентичности на разных исторических этапах.

Историографическая концепция самоидентичности не только помогает понять процесс формирования идентичности индивидов и групп, но и обеспечивает важную перспективу для анализа социальных изменений и культурного взаимодействия.

Энтони Смит утверждает, что национальная идентичность основывается на общей истории, культуре и языке, и подчеркивает важность «исторической памяти» нации для формирования национальной идентичности.

Изучение самоидентичности в историографии не только способствует пониманию процесса формирования идентичности индивидов и групп, но и обеспечивает важную перспективу для анализа социальных изменений, культурных взаимодействий и властных отношений. Эти исследования помогают нам лучше понять сложность самоидентификации и ее историческое значение. Так, в самоидентификации, поскольку существует как индивидуальность, так и группа, есть влияние семейной истории на личность, а также влияние группы или среды, в которой человек живет, например, государства и социальной идентичности. Это особенно ярко проявляется среди этнических русских в регионе Хулунбэйр [9, с. 185].

Этнические русские в районе Хулунбэйр в Китае и история формирования русской общины в районе Хулунбэйр.

Этнические русские или те, кого можно назвать китайскими русскими – одно из 55 этнических меньшинств, признанных китайским правительством. По данным Седьмой всекитайской переписи населения 2020 года, в стране насчитывается около 16 136 этнических русских. Из них 8 935 человек проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, 5 020 – в автономном районе Внутренняя Монголия и 4 741 – в Хулунбэйре. Русский этнический поселок Энхэ в городе Эргуня, находящийся под юрисдикцией города Хулунбэйр, – единственный русский этнический поселок в Китае, в котором проживает 1 075 этнических русских.

Город Хулунбэйр теперь управляется Хайларским районом, городом Маньчжоули, городом Якэси, городом Залантун и городом Эргуна. Город Эргуна находится под юрисдикцией Лабдалин, русские этнические поселки Санхэ (На русский язык часто переводится как Трёхречье) и Энхэ и так далее.

В данной работе рассматриваются этнические русские из региона Хулунбэйр.

История формирования русской общины в районе Хулунбэйр.

В истории русской миграции в Китай было четыре периода: русские, переселившиеся в Китай с конца XVII по конец XIX века; русские древлеправославной веры, переселившиеся в Синьцзян с конца XVIII по начало XIX века, спасаясь от религиозных преследований, известные как гиргаки; русские, переселившиеся в Китай в XIX веке; русские из Советского Союза (СССР), переселившиеся в Китай с момента Октябрьской революции до 1930-х годов. Наибольшее количество людей эмигрировало в Китай в XIX веке, а также до и после Октябрьской революции в России [4, с. 72].

В конце XIX – начале XX века из-за проницаемости российско-китайской границы жители Китая и России могли перемещаться через границу. Между русскими и китайскими деревнями по обе стороны реки Эргунар часто происходили обмены, а некоторые русские девушки приезжали на китайскую сторону границы в поисках трудолюбивых молодых людей, за которых можно было бы выйти замуж. Это было особенно заметно, когда я беседовала с этническими русскими в Энхэ, Мурове и Линьцзяне. Интервьюируемые не были любопытны в отношении китайско-русских браков старшего поколения, у некоторых семей были родственники, живущие в деревнях за рекой Эргунь.

В то время, когда русские переселялись в Китай, в Хулунбэйре, автономном районе Внутренняя Монголия, на границе с Россией, была целая армия молодых рабочих с Центральных равнин и китайских рабочих, оставшихся в приграничной зоне после строительства КВЖД, которые жили по обе стороны реки Эргунь, жили с русскими, работали лоточниками, золотоискателями и пр. Они занимались мелкой торговлей, добычей золота и другими работами или нанимались к русским в качестве рабочих.

Примерно в 1920-х годах только по реке Эргуня более 1000 русских женщин вышли замуж за китайцев. Русские, которые сейчас живут в районах Энхэ и Мурове, являются потомками этих семей.

Самоидентификация этнических русских в Хулунбэйре.

В начале создания Китайской Народной Республики этнический состав русских был объявлен ханьским, а после 1980-х годов и до четвертой всекитайской переписи населения 1990 года часть потомков китайско-русских межнациональных браков на Северо-Востоке стала возвращать свой этнический состав в русский. С тех пор заявления смешанных китайско-русских потомков о смене этнического состава с ханьского на русский не одобрялись правительством [7, с. 184].

Я рассматриваю следующие три основных аспекта этнической самоидентификации русских в районе Хулунбэйр: сохранение этнических обычаев, знание истории своей семьи и сохранение семейных архивов, а также использование и передача русского языка.

Русские в регионе Хулунбэйр сохранили свои национальные обычаи.

Они придерживаются некоторых русских кулинарных традиций, таких как приготовление русской выпечки, хлеба, борща, варенья и т.д. В районах, где живут этнические русские, и даже в та-

ких городах, как Эргуна и Хайлар, есть магазины, специализирующиеся на продаже русского хлеба и черничного варенья, которые пользуются популярностью у туристов и всего региона Хулунбэйр.

Следует отметить, что в последнее десятилетие с развитием туризма такие места, как Эньхэ, Шивэй и Линьцзян, стали туристическими центрами благодаря своим русским особенностям, а здания и бытовые обычаи в русском стиле стали местными туристическими достопримечательностями, что отчасти и послужило причиной их сохранения. Этнические русские, живущие в этих районах, сохранили больше обычаев жизни в русском стиле, – говорит Паша, живущий в Эньхэ, добавляя, что он приложил немало усилий, чтобы сохранить старый дом, в котором жила его мать во время масштабной кампании по сносу старых домов, организованной правительством три года назад, сохранив при этом интерьер, старомодные кухонные плиты и посуду. В этом доме он иногда принимает туристов [10, с. 192].

Будучи русскими, местные жители по-прежнему носят русские имена, и их внешний вид все еще имеет некоторые русские черты, особенно их жилая среда, которая по-прежнему представляет собой недавно построенные деревянные дома, а некоторые комнаты даже оформлены как русские семьи, чтобы привлечь туристов. Однако это только для привлечения туристов.

Жители других регионов, напротив, сохранили относительно немного фольклора. Например, Гао Сюй, этнический русский из Залантуна, и его братья и сестры не испытали никакого влияния на свою жизнь со стороны бабушки по материнской линии из России.

В деревне Энхе, где живут этнические русские, нет православной «церкви или религиозной организации, никто не проповедует, а верующие не читают Библию». В то же время из-за того, что город Эргуна является ханьским поселением, а также из-за того, что русские в основном являются потомками китайско-русских межнациональных браков, на них сильно повлияла ханьская культура. В Эньхэ осталась деревянная православная церковь, которая является одной из главных достопримечательностей города, хотя она не открыта, в ней никто не проповедует учение и никто не молится. Правительство поощряет этнических русских, живущих в городе, праздновать Пасху [2, с. 131].

Сюэ Лиань, этническая русская, живущая в городе Залантунь, за последние два десятилетия стала набожной христианкой, но не под влиянием своей бабушки по материнской линии из России, а

остальные члены ее семьи не придерживаются никаких религиозных убеждений.

Знание истории своей семьи и сохранение семейных архивов.

В настоящее время осталось очень мало русских из первого поколения иммигрантов в Китай, и большинство этнических русских в Китае – это второе, третье или даже четвертое поколение смешанного китайско-русского происхождения. Все, что им осталось, – это семейная история, рассказанная их родителями, бабушками и дедушками, да старые фотографии, которые передаются из поколения в поколение, становятся все более редкими.

Любаши (китайский: 李琳娜), чья семья относится к «Приезжим русским» (т. е. этническим русским, которым правительство выдало лицензию на демонстрацию русского образа жизни туристам), бабушка и дедушка по отцовской линии, оба из которых были русскими, рассказывали, что они приехали в Чжурвэй первыми. Дедушка и бабушка Любаши по материнской линии были русскими, родители родились в районе Трех рек в Ергуне, потом работали в лесном проектно-институте в Якши, а остальные родственники жили в Рабдалине. Это все, что она знает об истории своей семьи, да несколько фотографий, возможно, хранящихся у ее родителей [8, с. 77].

Сюэ Лиань хранит старую, поврежденную, а затем отреставрированную фотографию, на которой посередине стоит ее бабушка, русская, за ней – ее мама, а на руках у бабушки – ее брат. Ее бабушку зовут Марукся Баобаова, это имя они узнали, когда пошли в полицейский участок, чтобы получить справку о смене национальности с ханьской на русскую. До этого Сюэ Лиань не знала имени своей бабушки и никогда с ней не встречалась.

Гао Сюй видел свою бабушку один раз и только один раз. Это было в 1985 году, когда ее бабушка вернулась в Китай, чтобы навестить свою семью. Ее бабушка родилась в 1907 году, приехала в Китай в 1917 году, вышла замуж, родила детей и в 1950-х годах вместе с детьми уехала в Советский Союз. Родители Гао Сюя тоже хотели вернуться, но из-за изменившейся политической ситуации остались в Чжалантуне.

Возможно, эти этнические русские пока не могут четко рассказать об истории своей семьи, предоставить соответствующие фотографии или даже важные архивные документы, но в каждой из семей есть люди, которые их сохранили, например старшие сестры Сюэ Лиань и Гао Сюй, родители Любаши, хотя их немного и они недостаточно по-

дробны, но в каждой семье есть люди, которые сохранили эти важные семейные арифы.

Использование и передача русского языка этническими русскими.

А.Г. Янков в своей статье «Языческая идентичность русских китайцев Трехречья» приводит следующие данные опроса.

В своей статье «Языческая идентичность русских китайцев Трехречья» А.Г. Янков провел опрос 250 респондентов (17,86% от общей численности всех зарегистрированных русских), проживающих в пяти населенных пунктах Трехречья, и опросил 40 респондентов старшего возраста. Было проведено интервью с 40 пожилыми респондентами. Соответственно, задаваемые вопросы были связаны со степенью владения русским языком и сред использования русского и китайского языков у русских Трехречья.

Распределение значений данного вопроса относительно возраста респондентов показывает следующие результаты. В возрастной группе от 16 до 24 лет общаются на русском языке в семье – 41,9%, на работе (учебе) – 19,4%, совершенно не общаются на русском языке – 32,3%. В группе опрошенных от 25 до 35 лет большинство не общаются на русском языке – 51,9%, общаются в семье – 33,3%. В возрастной группе от 36 до 55 лет относительно большинство не общается на русском языке – 45,1%, в семье общаются на русском – 31,0%. В возрастной группе от 56 лет и старше 20,7% общаются на русском языке в семье, 19,7% – с друзьями, 33,3% – в семье и с друзьями и 23 % из них нигде не общаются по-русски. Данное распределение имеет статистическую значимость на уровне 0,000 при значении коэффициента Пирсона 0,24 [5, с. 79].

Сюэ Лиань и Гао Сюй из Залантуна, напротив, совсем не говорят по-русски, хотя Сюэ Лиань изучала его в средней школе.

Любаша все еще немного говорит по-русски, так как в 1995 году вместе с родителями ездила в Россию на два года обучения. Она говорит, что

если бы она была в Китае, то, как и другие этнические русские, не смогла бы говорить по-русски. Ее сын родился в России, но вернулся в Китай для получения образования, ее брат до сих пор живет в России, а невестка – русская.

Этнические русские не являются русскими.

Сюэ Лиань никогда не думала, что у нее есть выбор, кроме как быть «китайкой».

Гао Сюй не считал, что его русское происхождение оказывает на него какое-либо влияние, и не сомневался, что он чисто китайский человек. Он не поддерживает никаких контактов с родственниками в России.

Любаша всегда представляется, когда принимает гостей у себя дома: «Я китайка, просто этническое меньшинство в Китае – русские».

В деревне Линьцзян и Энхэ, люди удивлены самим вопросом: конечно, я китаец, а что еще? Этнические русские, с которыми я беседовал, были убеждены в своей «китайской» идентичности. Им и в голову не приходило, что может быть другой ответ.

Выводы

Исследование еще не завершено.

В.М. Межуев писал в начале 1990-х гг.: «Нация в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность».

Почему же самоидентификация этнических русских в Китае столь монолитна? Именно по этой причине этнические русские в Китае идентифицируют себя как китайцы? Что они выбрали свою страну вместо своей расы и что они гораздо больше идентифицируют себя со своей страной, чем со своей этнической принадлежностью?

Я надеюсь продолжить попытки объяснить эти вопросы с историографической точки зрения в своих будущих исследованиях.

Список источников

1. Каменских М.С. Рожденные в Китае: судьбы русских репатриантов из Китая в Прикамье 1930-1950-х годов // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2020. № 4. С. 93 – 99. DOI 10.7242/2658-705X/2020.4.9
2. Ли Ц. Образ Китая в языке современной русской литературы (на материале Национального корпуса русского языка) // Современный ученый. 2024. № 4. С. 129 – 133.
3. Свешников А.А. Проблемы международной самоидентификации Китая в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2005. Т. 10. № 10. С. 4 – 19.
4. У Ц. Мультипликационные образы как средство национально-культурной самоидентификации в современном Китае // Философия и культура. 2022. № 8. С. 65 – 76.
5. Chengpei Zh. A study on the role of the Government in the Development of Regional Economic Integration (based on china's example) // Management in Economic and Social Systems. 2022. No. 2(12). P. 77 – 82.

6. Chenyang Li., Feng Qu. A history of the evolution of traditional arts in ethnic minority areas in China: the example of drum culture // *Voprosy Istorii*. 2023. No. 3-2. P. 208 – 213. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202303Statyi64
7. Marchevsky O. Problem of Intellectual Doubles in Contemporary Research of Russian History of Philosophy (an Example of Russian Narodism) // *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24. No. 2. P. 181 – 186. DOI 10.22363/2313-2302-2020-24-2-181-186
8. Sang M. Research on mural practice in the context of Chinese rural culture: a case study of the Bouyei ethnic group in China // *Northern Archives and Expeditions*. 2024. Vol. 8, No. 2. P. 71 – 80.
9. Tao Yu. Critical Discourse Analysis of the Image of China in the Russian Version of the Report on the Work of the Government with a Case of Russian Verb Aspects // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 178 – 193. DOI 10.21638/spbu13.2020.202
10. Zhang Hui China and Chinism: reassessment of China in Russian sinology of the late 19th century // *Voprosy Istorii*. 2023. No. 12-3. P. 184 – 195. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202312Statyi71

References

1. Kamenskikh M.S. Born in China: the fate of Russian repatriates from China in the Kama region in the 1930-1950s. *Bulletin of the Perm Federal Research Center*. 2020. No. 4. P. 93 – 99. DOI 10.7242/2658-705X/2020.4.9
2. Li Ts. The image of China in the language of modern Russian literature (based on the National Corpus of the Russian language). *Sovremennyy Scientist*. 2024. No. 4. P. 129 – 133.
3. Sveshnikov A.A. Problems of China's international self-identification at the beginning of the 21st century. *China in world and regional politics. History and modernity*. 2005. Vol. 10. No. 10. P. 4 – 19.
4. Wu Ts. Cartoon images as a means of national-cultural self-identification in modern China. *Philosophy and Culture*. 2022. No. 8. P. 65 – 76.
5. Chengpei Zh. A study on the role of the Government in the Development of Regional Economic Integration (based on China's example). *Management in Economic and Social Systems*. 2022. No. 2(12). P. 77 – 82.
6. Chenyang Li., Feng Qu. A history of the evolution of traditional arts in ethnic minority areas in China: the example of drum culture. *Voprosy Istorii*. 2023. No. 3-2. P. 208 – 213. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202303Statyi64
7. Marchevsky O. Problem of Intellectual Doubles in Contemporary Research of Russian History of Philosophy (an Example of Russian Narodism). *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 24. No. 2. P. 181 – 186. DOI 10.22363/2313-2302-2020-24-2-181-186
8. Sang M. Research on mural practice in the context of Chinese rural culture: a case study of the Bouyei ethnic group in China. *Northern Archives and Expeditions*. 2024. Vol. 8, No. 2. P. 71 – 80.
9. Tao Yu. Critical Discourse Analysis of the Image of China in the Russian Version of the Report on the Work of the Government with a Case of Russian Verb Aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 178 – 193. DOI 10.21638/spbu13.2020.202
10. Zhang Hui China and Chinism: reassessment of China in Russian sinology of the late 19th century. *Voprosy Istorii*. 2023. No. 12-3. P. 184 – 195. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202312Statyi71

Информация об авторе

Кун Вэйжань, аспирант, Сибирский федеральный университет, wrankong@gmail.com

© Кун Вэйжань, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(571.12-21)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-55-64

Церковные грамоты Уватского храма как отражение политической, социальной и экономической жизни местного населения

¹ Максимов А.Н.,

¹ Уватская средняя общеобразовательная школа Уватского муниципального района

Аннотация: статья представляет собой обобщённый опыт изучения и анализа церковных грамот Уватского храма Тюменской области XVIII-XIX вв. Основные выводы о значении церковных грамот для Тюменской области позволяют понять, насколько богат и разнообразен был юридический опыт наших предков. Проведённое историко-архивное исследование позволяет составить обширную картину политической и социально-экономической жизни местного населения села Уват. Проведённое исследование помогает понять, что дальнейшее изучение церковных грамот и иных документов как церковного, так и светского документооборота в регионе представляется актуальным и обоснованным, так как подробное изучение данной темы позволяет углублять и развивать достоверное научно-историческое знание о прошлом с. Уват и Уватской церкви. Именно эту цель преследовало написание данной статьи.

Ключевые слова: храм, церковь, церковная грамота, дело, контракт, священнослужитель, церковнослужитель

Для цитирования: Максимов А.Н. Церковные грамоты Уватского храма как отражение политической, социальной и экономической жизни местного населения // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 55 – 64. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-55-64

Поступила в редакцию: 20 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Church charters of the Uvatsky temple as a reflection of the political, social and economic life of the local population

¹ Maksimov A.N.,

¹ Uvatskaya secondary school of the Uvatsky municipal district

Abstract: the article is a generalized experience of studying and analyzing church charters of the Uvatsky temple of the Tyumen region of the XVIII-XIX centuries. The main conclusions about the importance of church charters for the Tyumen region make it possible to understand how rich and diverse the legal experience of our ancestors was. The conducted historical and archival research allows us to compile an extensive picture of the political and socio-economic life of the local population of the village of Uvat. The conducted research helps to understand that further study of church charters and other documents of both church and secular document circulation in the region seems relevant and justified, since a detailed study of this topic allows us to deepen and develop reliable scientific and historical knowledge about the past of the village Uvat and Uvat Church. This is precisely the purpose of writing this article.

Keywords: temple, church, church charter, business, contract, churchman, clergyman

For citation: Maksimov A.N. Church charters of the Uvatsky temple as a reflection of the political, social and economic life of the local population. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 55 – 64. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-55-64

The article was submitted: September 20, 2024; Approved after reviewing: November 20, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

На протяжении нескольких веков наиболее распространённым юридическим документом в нашей стране были грамоты, самые старые из сохранившихся относятся к XII веку. Этот вид документов находится в юридическом обиходе до сих пор: существуют верительные грамоты послам, почётные грамоты отличившимся людям и др. Большинство современных юридических документов также происходят от грамот: от духовных грамот произошли завещания, от купчих – договоры купли-продажи, от проезжих грамот – визы и паспорта, от указных – указы Президента РФ – и так далее. Грамоты, бесспорно, старейшие юридические документы.

В изучении как истории села Уват и Уватской Спасской церкви, так и истории и антропологии Тобольской губернии с её населёнными пунктами в целом – представлены немногочисленные исследования таких специалистов, как В.П. Зиновьев, А.А. Любимов, Г.Ш. Мавлютова, Г. Медведев, Р. Нигматулин и др [10, с. 637]. Между тем тексты местных грамот дают нам возможность изучить историю храма и близлежащих населённых пунктов более глубоко.

Материалы и методы исследований

Для изучения данного исследования были использованы теоретические методы, то есть изучение литературы выше представленных авторов.

Результаты и обсуждения

Особенно интересно изучать и исследовать грамоты отдельно взятого храма в отдельном историческом районе: это позволяет нарисовать обширную социально-экономическую и политическую картину района на протяжении многих десятилетий и столетий – причём данные, которые можно найти в грамотах, нередко являются уникальными, и их нельзя обнаружить в других источниках.

Об Уватской церкви писали в основном местные авторы: существует книга «История Земли Уватской», определённый интерес представляют периодические статьи из районной газеты «Уватские известия». Отдельные данные по истории церкви мы можем обнаружить в Тобольском архиве, в книгах по истории Тобольской епархии. Ценным наследием являются воспоминания старожилов села – это живая народная память [11, 12].

Уват был основан в нижнем течении Иртыша на левом берегу реки в первой половине XVII века. Свое название село получило от остяцкого «уват» или «оват», что означает «мыс».

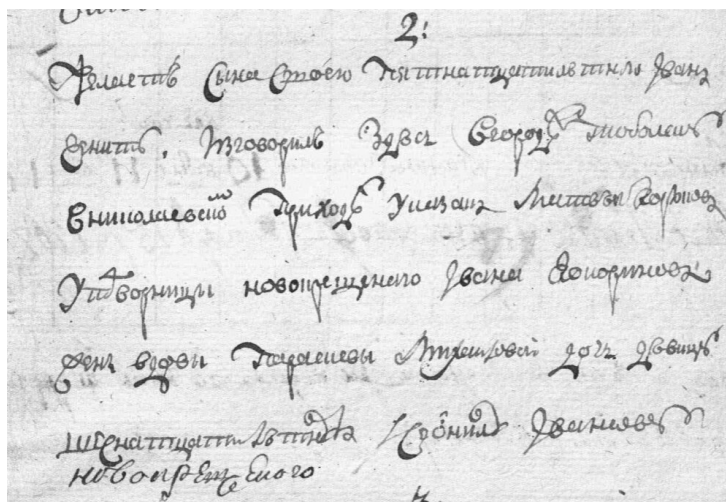
К концу 19 века в селе, которое стало центром Уватского прихода Тобольской губернии, проживало 3389 человек, работали министерское и приходское училища, 2 торговые лавки, пароходная пристань, хлебозапасный магазин, фельдшер. Храм занимал важнейшее место в крестьянской и мещанской жизни, так как именно церковь была регистратором всего течения семейной жизни: рождение, брак, смерть – официально фиксировались только ею. В село во время церковного праздника стекались жители со всех окрестных деревень, находившихся порой довольно далеко. Церковно-приходские школы для многих крестьян были единственным источником грамотности; в них детям давали не просто грамоту, а четкие нормы мировоззрения и поведения [13, с. 5].

В 1950-1970 гг. здание церкви использовали под сельский клуб, библиотеку, позднее здесь расположился районный Дом культуры. В начале 90-х годов в нашей стране изменилась политика государства по отношению к религии, происходит постепенное возвращение к православию. На приходском собрании принимается Устав, по которому начинает свое возрождение уватская община. При поддержке местной власти и с благословения Владыки Димитрия к 1994 году местная община получила замечательный подарок – храм, шедевр деревянного зодчества. Многие жители села внесли свой вклад в благое дело восстановления храма – помогали денежными средствами, своими руками расчищали храм от мусора, таскали кирпичи, копали землю. С 2016 года настоятелем храма села Уват является иерей Дмитрий Песков.

Изменение количественного состава населения с. Уват проследить довольно проблематично, поскольку первые официально зафиксированные данные о его численности были получены только в ходе Всесоюзной переписи населения 1959 г.: в то время численность населения равнялась 2984 чел. обоего пола, из которых мужчины составляли 1334 чел, а женщины – 1650 чел. соответственно. Относительное представление о размере численности населения восполняют церковные грамоты архивного хранения по селу Уват, относящиеся к

истории Уватской церкви Тюменской области. Так, необходимые данные устанавливаются в одном из внутрицерковных прошений – указывается, что по состоянию на 1770 г. в Уват наличествовало 295 дворов с 2926 чел. населения (из которых мужчин – 1380 чел., женщин 1546 чел.). Также из архивных материалов и представленной научно-

исследовательской литературы представляется возможным установить численность территорий района и по состоянию на 1913 г.: согласно указанным данным, в районе с. Уват на тот момент существовало 406 дворов с 2716 жителей (мужчин – 1377 чел., женщин – 1339 чел.) [14, 15].

Примечательно, что супруга священнослужителя была значительно старше – около 42-х лет, сама семья отличалась привычной для того времени многодетность (6 чел.: по трое мальчиков и девочек, старший ребенок – дочь Варвара 19-ти лет) [2, с. 18].

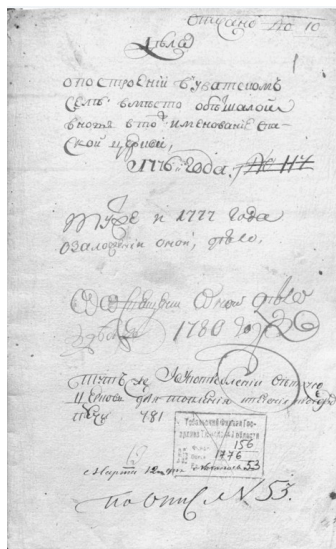
Таким образом, основываясь на анализе материала церковных грамот, а также соответствующей научно-исследовательской литературы, следует отметить, что по своим демографическим характеристикам район поселений Уватской церкви развивался в XVIII – начале XX вв. соответствии с тенденциями, присущими сельским сообществам того периода, однако с элементами региональной сибирской специфики – в частности, в незначительном количественном изменении преобладании мужской части населения над женской, и наоборот, а также браках с возрастными дефинициями, где более старшим брачным партнером, как правило, выступала женщина [16, с. 10].

Экономика и хозяйственная деятельность с. Уват в срезе материалов церковных грамот, а также соответствующей научно-исследовательской и научно-публицистической литературы, представляет собой неоднозначную картину с элементами региональной специфики. Длительное время – до начала процессов промышленного переворота, еще с конца XVIII столетия – спектр хозяйственных занятий в целом соответствовал приложению трудовой деятельности населения других сибир-

ских поселений масштаба районного центра: местные жители «занимались рыболовством, скотоводством, знали прядение, ткачество, изготовление глиняной посуды, изделий из дерева и кости, существовала собственная металлургия» [1, с. 15].

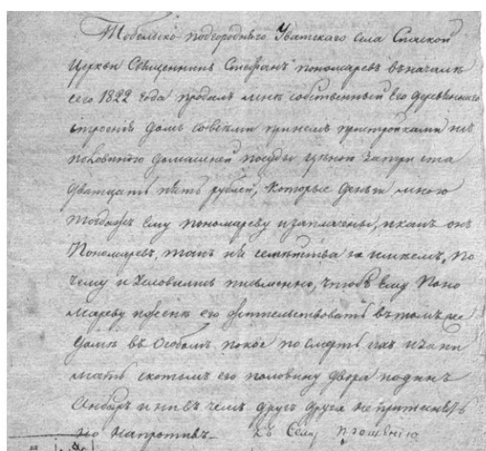
К концу XIX в. экономическая специализация с. Уват и уровень развития хозяйственных структур соответствовал тенденциям развития Тобольской губернии и всей Западной Сибири в целом. Так, индустриальный сектор значительно был ограничен в своем развитии: преобладание сельскохозяйственной округи, отсутствие крупных промышленных центров, недостаточное развитие индустриальной сферы сказывалось на объемах промышленного производства в округе, сдерживало его рост [3, с. 22].

Показательным может выступить решение проблемы с первоначальным обеспечением вновь построенной Уватской церкви: староста П. Сафронов обратился в Тобольскую консисторию со следующим прошением: «вместо состоящей во оном селе обветшалой деревянной Спасской церкви построена и освящена в тож именование новая, а старая теперь остается праздною. Того ради вашего преосвященства покорнейше прошу дозволить оную церковь разобрать, имея для топления церкви употреблять, и о том учинить милостивую резолюцию» [4, с. 55].

В экономических взаимоотношениях между самими поселянами периодически встречается и форма довольно сложных контрактных договоренностей. Во многом указанные договоренности касались: а) аренды и купли-продажи недвижимости – как жилого, так и коммерческого назначения; б) купли-продажи и реализации товара; в) оборота заемных средств. При этом представители

церковного причта, с учетом необходимости и поддерживать содержание и развитие инфраструктуры церкви, и обеспечивать стабильность и состоятельность собственных домохозяйств, также выступали активными участниками финансово-экономических договоренностей и операций [17, с. 18].

Таким образом, следует констатировать, что хозяйственно-экономическое развитие протекало в целом в рамках общих историко-экономических процессов России в определенные периоды, однако влияние специфики региона давало о себе знать. Это проявлялось и в материальном статусе духовенства, и в экономической благотворительной активности местных жителей по совершенствованию церковной инфраструктуры, в том числе по причине удаленности региона и невозможности привлечь внимание центральных управленческих структур (как светских, так и церковных) на разрешение местных хозяйственных проблем.

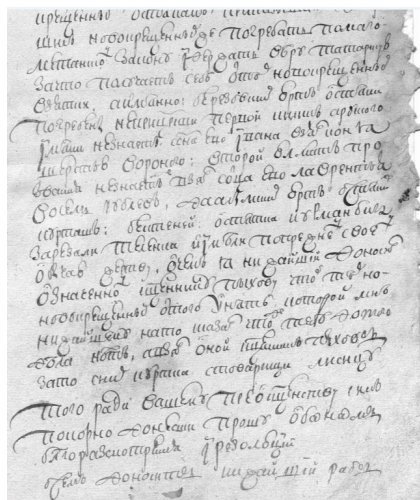
Как можно обнаружить из материала церков-

ных грамот, проблематика элементов как двоеверия, так и даже возврата к местным традиционным верованиям была довольно острой даже во второй половине XVIII-XIX вв. Так, в середине XVIII столетия в Уватской районе произошло разбирательство нескольких случаев отправления культовых действий не по христианским традициям. Так, к примеру, в церковной грамоте, разбирающей обстоятельства событий ноября 1754 г., указывается, что «Алымских юрт остяки ж Курташ, Бектеней, остяк Курманбига зарезали теленка и имели по прежнему своему обычаю жертву». При этом, на основании полученных сведений, был выявлен прецедент, sporadически имевший место

быть в тот период в сибирском регионе – получение местным духовным лицом взятки «натурой» (как правило, пушниной), в качестве платы за игнорирование фактов распространения языческих верований и связанной с ними обрядовости.

Примечателен и факт отношений вновь прибывших прихожан с духовенством: так, повествуя

о ситуации, доноситель Г. Иванов отмечает, что «доносил означенному священнику Пыхову, чтоб тех новокрещенных от того унять, которой мне, нижайшему, на то сказал, что де тебе до того дела нет. А взял оной священник Пыхов за то с них куртка с товарищи лисицу» (представлено на рисунке).

Как можно обнаружить, в указанный период специфика взаимоотношений клира с прихожанами в случае возникновения ситуаций конфликта интересов могла оказываться довольно напряженной, с отказом от конструктивного социального взаимодействия. Проблема нестабильного социального статуса т.н. «новокрещенных» из числа аборигенных народностей, их размытое представление о конфессии, в которую они совершали религиозный переход создавали благоприятные условия как для коррупционной деятельности духовенства, так и для относительно вольных трактовок богословской догматики и содержания отправления культово-обрядовой деятельности [17, 18, 19].

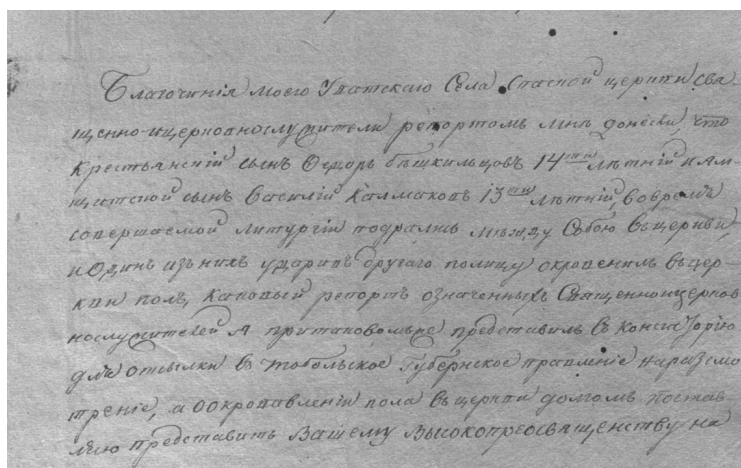
Тем не менее, уже ближе к XIX столетию происходит серьезное ужесточение ценза требований как к клиру в сибирском регионе (как одном, в котором длительно сохранялись традиционные верования), так и к местным прихожанам. Также пристальным было внимание к исламской конфессии: так, допрошенный священник в отношении ряда новокрещенных прихожан и их усопших родственников указал, что «погребать на их на татарском кладбище и по магометанскому закону погребать отнюдь не позволял». В основном мусульманский сегмент населения района представляли собой сибирские татары. Примечательно, что в ходе исследования возникшей проблемы конфессиональной направленности, предстает определенная «экспертная» оценка, выраженная в

представлениях о мусульманской обрядовости в духовенстве и среди прихожан в указанный период: «а не с кожей и крови из него в чашу не вытаскивал и углы тою кровию не мазал, и никакой жертвы по магометанскому нечестию тем не приносил». Как можно обнаружить, наибольшую степень осквернения в действиях представители духовенства усматривали именно в культовых манипуляциях с кровью животного [20, с. 18].

Возникали и более серьезные случаи конфликтов на обрядово-конфессиональной почве с участием новокрещенных из числа аборигенного населения. Так, в 1754 г. был выявлен факт ненадлежащего обращения с иконами: группа местных жителей, недавно принявших крещение, «святые образа, похватая, збросали на пол и топтали ногами, а за удерживание их от того иконоборства, как его ямщика Пуртова, так и оного новокрещена Борисова по приходе ево из отлучки в юрту свою, били же тако». При этом примечателен сам факт уклончивой формулировки деяния – «иконаборчество», который одновременно может быть и целенаправленным неприятием икон, как проявления соответствующей конфессиональной идеологии (то есть рассмотрения факта почитания икон в качестве недопустимой формы «идолопоклонства»), и напротив, идолопоклонническое отношение к иконам, их персонификация в качестве отдельных «божеств», которые можно «наказывать» за те или иные жизненные неурядицы.

Наконец, проявленное деяние могло выступать и латентной формой конфессиональной оппозиции официальному православию со стороны аборигенного населения. Санкцией по этому уникальному делу уже со стороны официальной светской власти выступило решение: «священникам того приходу объявлять, которые должны упомянутых новокрещенных от всякого суеверья и лености отворачивать и ко истинному пути христианского закона приводить к наставленьям, а непокорных оных епитимьи налагать». Как можно обнаружить, решение по данному факту было относительно гуманным для XVIII в., поскольку преследование за посягательство в отношении православия как официальной религии Российской империи было довольно суровым; однако в данном контексте, вероятно, учитывалось влияние культурного наследия (в том числе и в виде традиционных верований) эндогенного населения Тобольской гу-

бернии и Уватского района в частности. При этом подчеркивается элемент декриминализации конфессиональных проступков для местных жителей: в решении по делу подчеркивается, что в отношении последних преследование должно осуществляется только в случае, если виновный «приличится в каком воровстве, или в разбое, или в смертном убийстве, или в другой какой важной вине пройдут до розыску». При этом подчеркивается значение не только декриминализации подобной направленности, но и специальное указание рассматривать дела о преступлениях на местном уровне в упрощенном порядке, также и лояльном к аборигенному населению, «чтоб скорыми и неразрешимыми розысками их не озлобить и от веры христианской не отогнать, и такая касающаяся до новокрещенных иноверцов дела в судебныхх» [21, с. 33].

Интересно отношение к фактору моральных ценностей, как основе для влияния на другие сферы социальных отношений. Так, коммерческий наем для ремонта церкви мастера С. Преснецова был произведен в том числе и потому, что тот был готов приняться за обустройство объекта, «имея ревностное и неусыпное чаяние и попечение к устройству церкви божией». Примечательно, что и предшествующий репутационный капитал не отменял пересмотра отношения к моральному облику прихожанина: так, того же Преснецова в донесении о трудностях ремонта Уватской церкви определили, как «отклоняющегося от дела сем своими пустыми и не заслуживающими никакого уважения отговорками».

Как можно обнаружить, значительная часть социальных пороков, в том числе тунеядство, алкоголизм, хулиганские действия и др., регламентировались на местном уровне в первую очередь на основе социально-религиозных норм, а не оценок

с точки зрения права или секуляризованной светской морали в указанный период. Примечательны требования к личности пономаря в церкви, о чем свидетельствует одна из церковных грамот Уватской церкви – прошение «дьячкова сына» Ф. Першукова о замещении должности пономаря при данной церкви. В частности, среди прочих пунктов его обязательств в этой должности было указано, что будущий пономарь «не бывших во исповеди и у святого причастия прихожан, ложно бывшими, так же и бывши не бывшими в росписях писать не станет».

Примечательно, что семьи духовенства отличал довольно высокий уровень образовательной подготовки и соответствующего культурного ценза. Зачастую именно семейная среда обеспечивала недостатки или трудности в обучении в специализированных духовных заведениях. В частности, в декабре 1779 г. был зафиксирован случай (выступавший в то время довольно распространенной

практикой) о временном отпущении из учебного заведения «сына поповского» Полкова для обучения матерью основам грамоты. В итоге Тобольская духовная консистория одобрила такое решение, по которому «резолуцией его преосвященства отпущен в дом, ко оной его матери на полгода с тем, чтоб мать старалась его чрез означенное время обучить часослова и псалтыри. Того ради чинить ему и матери его до показанного Уватского села свободный пропуск, а по прошествии срока явится ему в духовную консисторию».

Несмотря на свою низкую эффективность (поскольку изначально военные поселения рассматривались как способ снижения издержек, затрачиваемых из государственной казны на армию, а также повышении производительности труда), военные поселения просуществовали аж до 1857 г., а жизнь самих рекрутированных в них была жестко регламентированной и превышала тяготы даже «обычной» военной службы.

При этом ценз требований к уровню образованности клира был весьма высок для того периода, с учетом сельской местности и доступности образовательных ресурсов. Так, в прошении Ф. Першукова об устройстве пономарем, содержалось обязательство, по которому последний «совершенно книго чтению, пению по ноте, так же знанию букваря, и катехизиса с истолкованием под наблюдательством тоя церкви священников обучился непременно».

С другой стороны, примечателен набор и иных требований к личности соискателя должности пономаря при Уватской церкви. Так, было указано требование «С штрафа ль, наказания, и подозрения ль ни в каких не бывал...». Данное уточнение представляется принципиальным, поскольку в Тобольскую губернию, как и ряд других территорий Сибири еще с начала XVIII в. шла активная отправка ссыльных – как по мотивировке политического характера, так и тривиальных уголовных преступлений, причем под ссылку могли попадать и целые семьи. Учитывая весьма высокое значение безупречного морального облика потенциального соискателя должности при церковном требовании, упоминание об отсутствии каких-либо проступков и преступлений у кандидата выступало прагматичным требованием.

Однако самым, как представляется, любопытным, выступает еще один пункт требований данного документа к замещению должности в причте Уватской церкви: «раскольников, кои состоят в том приходе, из того их раскола увещанием свращать, молитвенно стараться будет, а обид им никаких обязуется не делать».

Таким образом, следует отметить наличие довольно интересного опыта семейных практик и традиционных ценностей, отраженных в церковных грамотах и иных источниках по истории с. Уват и Уватской церкви [22, 23, 24, 25].

Выводы

1. На основе анализа церковных грамот, актов светского документооборота и научно-теоретической литературы, мы видим, что Уватская церковь на протяжении XVIII – начала XX вв. играла роль ключевого центра социально-экономической, образовательной и культурной жизни территорий Уватского поселка, выступала в качестве средоточия актуального общественного дискурса для местных жителей [6, 7, 8].

2. При этом анализ всех церковных грамот позволяет условно сгруппировать их по четырём категориям:

а) возведение и модернизация инфраструктуры Уватской церкви;

б) решение финансово-экономических и кадровых вопросов;

в) выявление, информирование и регулирование атипичных (чрезвычайных) общественных ситуаций (конфликты на бытовой почве, драки, разрешение споров о догматике и противодействие двоеверию);

г) регламентация социально-культурных и семейных вопросов [9, с. 12].

3. С учетом материала церковных грамот представляется возможным проследить, что и церковный клир, и прихожане проявили серьезную общественную инициативу и значительный объем хозяйственно-административных усилий в возведении инфраструктуры Уватской церкви, а также налаживании дальнейшей социально-религиозной жизни прихода. Несмотря на наличие определенного ряда мелких проблем социально-бытового характера, традиционного для общественной жизни сельской местности в XVIII – начале XX вв., в целом выстраивается целостная картина успешного функционирования причта и гармоничной организации поселковой жизни. Вместе с тем, значительное число информации нерелигиозного характера представлено в церковных грамотах – в частности, бытовые взаимоотношения остяков (хантов), профессиональный и семейный статус «ямских охотников», специфика социальных отношений и правопорядка в селе, уровень семейных отношений в среде духовенства и даже бывших военных чинов [5, с. 17].

4. Примечательно, что материал церковных грамот позволяет выявить и проанализировать как основы элементов гражданского общества в Российской империи (сибирский регион) на поселко-

вом уровне, так и специфику гражданско-правовых разбирательств, моральных устоев и правил ведения документооборота, письменной культуры в период XVIII – начала XX в.

5. Дальнейшее изучение церковных грамот и иных документов как церковного, так и светского документооборота в регионе представляется актуальным и обоснованным, поскольку значительный объем ретроспективной информации при применении методов источникового, историко-сравни-

тельного и историко-генетического анализа позволяет углублять и развивать достоверное научно-историческое знание о прошлом с. Уват и Уватской церкви [10, с. 22].

6. Более подробно с церковными грамотами Уватского храма и их переводом можно познакомиться в книге Александра Максимова «Уватский храм: церковные грамоты Спасской церкви как отражение политической, социальной и экономической жизни местного населения».

Список источников

1. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность сельского населения РСФСР – жителей сельских населенных пунктов – районных центров по полу [Электронный ресурс] URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg3.php (дата обращения 01.08.2023)
2. Прошение дьячковского сына Федора Першукова о посвящении его в стихарь и определении пономарем в Спасскую церковь Тобольского подгородного села Уватского. 22.02.1770 г. Б.м.
3. Татарникова А.И. Населенные пункты Тобольской губернии: административный и самовольный способы образования и особенности развития во второй половине XIX – начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 1. С. 17 – 27.
4. Татарникова А.И. Чем пахнут «чужие»: санитарно-гигиеническая культура аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. (по материалам сибирской прессы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 127 – 132.
5. Книга учиненная в Тобольской духовной консистории Тобольского Подгородного Уватцакого села Спасской церкви священно и церковнослужителям на записку того прихода раждающихся бракосочетающихся и умерших с нижеписанным изъяснением 1780 года // ГУТО Архив Тобольска 156_15_323 С. 17 – 27.
6. Дело по прошению малолетнего новокрещенного остяка села Уватского Тобольского подгородного дистрикта Ивана Лаврентьева, желавшего жениться от 15.01.1767 г. Б.м.
7. Милянов Федор Александрович, священник [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/10200/?ysclid=lm4h201jy7707720730> (дата обращения 31.08.2023)
8. Дело № 69. Об отказе вдовой священнической жене Вассе Миляновой от помещения на сиротское жалованье. 1821 г. Б.м.
9. Уватский муниципальный район. Историческая справка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uvatregion.ru/aboutregion/history.php> (дата обращения 01.08.2023)
10. Любимов А.А. Сельское хозяйство и промышленность юга Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Молодой ученый. 2016. № 6 (110). С. 636 – 641.
11. Дело № 117 о построении в Уватском селе вместо обветшалой вновь в то же именование Спасской церкви. 1776 г. Б.м.
12. Дело об отказе мещанину Преснецову в деньгах, взыскиваемых им из Уватской церкви за невыполнением контракта. 12.08.1821 г. Б.м.
13. Дело по репорту протоиерея Фелицина о окровавлении в Уватской Спасской церковке: сыном Федором Бешкильцовым 14-летним 13-летнего ямщитского сына Василия Колмакова. 01.04.1821 г. Б.м.
14. Дело о понуждении к выполнению контракта мещанина Стефана Преснецова – сделать в Уватскую Спасскую церковь рам со стеклами. 17.07.1822 г. Б.м.
15. Дело об отказе мещанину Преснецову в деньгах, взыскиваемых им из Уватской церкви за невыполнением контракта. 12.08.1821 г. Б.м.
16. Прошение дьячковского сына Федора Першукова о посвящении его в стихарь и определении пономарем в Спасскую церковь Тобольского подгородного села Уватского. 22.02.1770 г. Б.м.
17. Дело об увольнении поповского сына Полкова к матери для обучения чтению. 02.12.1779 г. Б.м.
18. Дело № 626 об определении послушника Абалакского монастыря Дмитрия Милянова причетником в Уватское село. 03.03.1823 г. Б.м.
19. Дело об увольнении поповского сына Полкова к матери для обучения чтению. 02.12.1779 г. Б.м.
20. Прошение дьячковского сына Федора Першукова о посвящении его в стихарь и определении пономарем в Спасскую церковь Тобольского подгородного села Уватского. 22.02.1770 г. Б.м.

21. Дело №117 о построении в Уватском селе вместо обветшавшей вновь в то же наименование Спасской церкви. 1776 г. Б.м.
22. Дело №117 о построении в Уватском селе вместо обветшавшей вновь в то же наименование Спасской церкви. 1776 г. Б.м.
23. Тимофеев В. Деревня Увацкая на ямском тракте [Электронный ресурс]. URL: <https://uvatskie.ru/news/media/2019/7/25/derevnya-uvatskaya-na-yamskom-trakte/?ysclid=lmnuxpt48r849864842> (дата обращения 08.09.2023)
24. Дело о понуждении уватского священника Пономарева очистить дом, проданный им унтер-офицеру Захарову. 1822 г. Б.м.
25. Дело № 821 по рапорту Тобольского уезда села Уватского священника Стефана Пономарева о причиненной того села пономарем Васильем Решиковым матери своей ругательством обиде и о разных его не соответственных поступках. 17.04.1811 г. Б.м.

References

1. All-Union Population Census of 1959. The number of rural population of the RSFSR - residents of rural settlements – district centers by gender. [Electronic resource] URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg3.php (date of access 08/01/2023)
2. Petition of the deacon's son Fyodor Pershukov for his ordination to the sticharion and assignment as a sexton in the Spasskaya Church of the Tobolsk suburban village of Uvatskoye. 02/22/1770 B.m.
3. Tatarnikova A.I. Settlements of the Tobolsk province: administrative and unauthorized methods of formation and features of development in the second half of the 19th – early 20th centuries. Genesis: historical research. 2019. No. 1. P. 17 – 27.
4. Tatarnikova A.I. What do “aliens” smell like: sanitary and hygienic culture of the aboriginal population of the Tobolsk province in the second half of the 19th century (based on materials from the Siberian press). Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography. 2013. No. 4 (23). P. 127 – 132.
5. The book made in the Tobolsk spiritual consistory of the Tobolsk suburban Uvatsky village of the Spasskaya church to the priests and clergy on the record of that parish of those born, getting married and deceased with the following explanation of 1780. GUTO Archive of Tobolsk 156_15_323 P. 17 – 27.
6. The case on the petition of a minor newly baptized Ostyak of the village of Uvatsky of the Tobolsk suburban district Ivan Lavrentyev, who wanted to get married on 15.01.1767 B.m.
7. Milyanov Fyodor Aleksandrovich, priest [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/10200/?ysclid=lm4h201jy7707720730> (date of access 08/31/2023)
8. Case No. 69. On the refusal of the widow of the priest's wife Vassa Milyanova from placement on an orphan's salary. 1821 B.m.
9. Uvatsky municipal district. Historical background [Electronic resource]. URL: <https://www.uvatregion.ru/aboutregion/history.php> (date of access 08/01/2023)
10. Lyubimov A.A. Agriculture and industry of the south of Tobolsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. Young scientist. 2016. No. 6 (110). P. 636 – 641.
11. Case No. 117 on the construction in the Uvat village of the Church of the Savior, again under the same name, instead of the dilapidated one. 1776 B.m.
12. Case on the refusal to pay the townsman Presnetsov money, collected by him from the Uvat Church for failure to fulfill the contract. 12.08.1821 B.m.
13. Case on the report of Archpriest Felitsyn on the bloodshed in the Uvat Church of the Savior: by the 14-year-old son of Fyodor Beshkiltsov, the 13-year-old son of Yamshchitsky Vasily Kolmakov. 01.04.1821 B.m.
14. The case of forcing the execution of a contract by the townsman Stefan Presnetsov – to make a frame with glass for the Uvatskaya Spasskaya Church. 17.07.1822 B.m.
15. The case of refusing the townsman Presnetsov money, collected by him from the Uvatskaya Church for failure to fulfill the contract. 12.08.1821 B.m.
16. Petition of the deacon's son Fyodor Pershukov for his ordination to the sticharion and appointment as a sexton in the Spasskaya Church of the Tobolsk suburban village of Uvatskoye. 22.02.1770 B.m.
17. The case of the dismissal of the priest's son Polkov to his mother to teach him to read. 02.12.1779 B.m.
18. Case No. 626 on the assignment of the novice of the Abalak Monastery Dmitry Milyanov as a sexton in the Uvatskoye village. 03.03.1823 B.m.
19. Case on the dismissal of the priest's son Polkov to his mother to teach him to read. 02.12.1779 B.m.

20. Petition of the deacon's son Fyodor Pershukov for his ordination to the sticharion and assignment as a sexton in the Spasskaya Church of the Tobolsk suburban village of Uvatskoye. 22.02.1770 B.m.

21. Case No. 117 on the construction in the Uvatskoye village, in place of the dilapidated one, again under the same name, of the Spasskaya Church. 1776 B.m.

22. Case No. 117 on the construction in the Uvatskoye village, in place of the dilapidated one, again under the same name, of the Spasskaya Church. 1776 B.m.

23. Timofeev V. Uvatskaya village on the postal tract [Electronic resource]. URL: <https://uvatskie.ru/news/media/2019/7/25/derevnya-uvatskaya-na-yamskom-trakte/?ysclid=lmnuxpt48r849864842> (date of access 09/08/2023)

24. The case of forcing the Uvat priest Ponomarev to clean out the house he sold to non-commissioned officer Zakharov. 1822 B.m.

25. Case No. 821 on the report of the Tobolsk district of the village of Uvat priest Stefan Ponomarev about the offense caused to the mother of that village by the sexton Vasily Reshchikov with his swearing and about his various inappropriate actions. 17.04.1811 B.m.

Информация об авторе

Максимов А.Н., учитель истории, Уватская средняя общеобразовательная школа Уватского муниципального района, Тюменская область, Уватский район, с. Уват

© Максимов А.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 93/94

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-65-70

Химические и огнеметные подразделения русской армии Первой мировой войны: генезис и вооружение

¹ Демин А.В.,

¹ Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

Аннотация: в данной статье мы рассмотрим химические и огнеметные подразделения русской армии периода Первой мировой войны. Комплексно проблематика ранее не исследовалась. Да и все внимание исследователей было уделено отражению газовых ударов противника.

Мы же ставим своей целью рассмотреть химические и огнеметные подразделения – в качестве инструмента активного воздействия на противника, т. е. ударного оружия русской армии.

Наша статья построена преимущественно на архивных документах, извлеченных из фондов Российского Военно-Исторического Архива (РГВИА). Использовались и мемуарные источники.

Основными методами исследования выступили историко-архивный и историко-системный.

Мы постарались увидеть общую картину структурирования химических и огнеметных подразделений русской армии эпохи Первой мировой войны. Кратко рассмотрены их генезис и вооружение. Особое место уделено развитию частей и подразделений в составе русской армии.

А итогом опыта борьбы с химическими атаками противника и нанесения собственных химударов, стали не только соответствующие наставления и методические указания, но и обширный боевой и организационный опыт – что имело огромное практическое значение как для текущего периода, так и для последующей исторической эпохи.

Ключевые слова: химические команды, огнеметные команды, русская армия, Первая мировая война, организация и снаряжение, вооружение, газовая война, химические войска, огнеметы, огнеметные батареи

Для цитирования: Демин А.В. Химические и огнеметные подразделения русской армии Первой мировой войны: генезис и вооружение // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 65 – 70. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-65-70

Поступила в редакцию: 20 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 21 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Chemical and flamethrower units of the Russian army of the First World War: genesis and weapons

¹ Demin A.V.,

¹ Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Abstract: in this article we will look at the chemical and flamethrower units of the Russian army during the First World War. The problem has not been studied comprehensively before. And all the researchers' attention was paid to repelling enemy gas attacks.

Our goal is to consider chemical and flamethrower units as a tool for active influence on the enemy, that is, a strike weapon of the Russian army.

Our article is based primarily on archival documents extracted from the funds of the Russian Military Historical Archive (RSMHA). Memoir sources were also used.

The main research methods were historical-archival and historical-systemic.

We tried to see the overall picture of the structuring of chemical and flamethrower units of the Russian army during the First World War. Their genesis and weapons are briefly discussed. Particular attention is paid to the development of units and units within the Russian army.

And the result of the experience of combating enemy chemical attacks and inflicting one's own chemical attacks was not only relevant instructions and methodological instructions, but also extensive combat and organizational experience – which was of great practical importance both for the current period and for the subsequent historical era.

Keywords: chemical teams, flamethrower teams, Russian army, World War I, organization and equipment, weapons, gas warfare, chemical troops, flamethrowers, flamethrower batteries

For citation: Demin A.V. Chemical and flamethrower units of the Russian army of the First World War: genesis and weapons. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 65 – 70. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-65-70

The article was submitted: September 20, 2024; Approved after reviewing: November 21, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Применение германцами химического оружия не только дало им тактическую внезапность, опрокинув международные соглашения в данной сфере – но и вызвало ответную реакцию Антанты, в т. ч. России.

И после начала химической войны (на Русском фронте германцы полномасштабно развязали ее в мае 1915 г.) русская армия дала врагу достойный ответ.

И, в этом контексте, мы рассмотрим химические и огнеметные подразделения русской армии периода Первой мировой войны. Комплексно проблематика ранее не исследовалась. Да и все внимание исследователей было уделено отражению газовых ударов противника.

Мы же ставим своей целью рассмотреть химические и огнеметные подразделения – в качестве инструмента активного воздействия на противника, т. е. ударного оружия русской армии.

Материалы и методы исследований

Наша статья построена преимущественно на архивных документах, извлеченных из фондов Российского Военно-Исторического Архива (РГВИА). Использовались и мемуарные источники.

Основными методами исследования выступили историко-архивный и историко-системный.

Результаты и обсуждения

Для противодействия противнику в контексте организации противогазовой обороны и для нанесения газовых ударов оперативными объединениями русской Действующей армии был сформирован ряд Химических команд.

Химическая команда предназначалась [8. Л. 407.об.] для выполнения газовых атак и составляла

отдельную воинскую часть (начальник команды имел права командира не отдельной батареи). При подготовке и выполнении газовых атак к постоянному составу команды прикомандировывалось необходимое количество нижних чинов – для оборудования позиции и обслуживания баллонов при газопуске. Недостающие перевозочные средства предоставлялись распоряжением этапно-хозяйственного отдела штаба армии.

Химические команды, распределенные по армиям, поступали в распоряжение инспектора артиллерии соответствующей армии [4. Л. 889об.]. Когда команда выдвинута на боевой участок для подготовки газовой атаки, она поступала в подчинение инспектору артиллерии корпуса, на участке которого планируется такая атака. Тактический план атаки разрабатывает начальник дивизии, на участке которой расположена команда, при участии инспектора артиллерии корпуса. Начальник Химической команды, выбрав момент начала газопуска, заблаговременно докладывает начальнику дивизии – и последний отдает соответствующее распоряжение.

Уже в июле 1915 г. было предположено сформировать [2. Л. 345-349.] химические команды №№ 1-11 – для всех армий австро-германского фронта.

Успех газобаллонного метода химического удара обеспечивался рядом предпосылок, важнейшая из которых – направление ветра в сторону противника. Так как выпускаемый газ в 2-3 раза тяжелее воздуха, то он медленно стелился – отравляя все живое. Формирование газовой волны осуществлялось посредством газопуска из газовых баллонов, объединяемых в газовые батареи. Установка баллонов осуществлялась в передовых око-

пах, нишах или блиндажах – по определенной системе.

Создавалась сеть складов – как заводских, так и промежуточных и на позиции. Так, на схеме расположения 5-й Химической команды и ее складов к 10 марта 1917 г. [11. Л. 440об.] близ оз. Нарочь (участок 20-го армейского корпуса 5-й армии) отмечены: 2 склада в ф. Гать (специального имущества, кроме баллонов; противогазового имущества), склад на ст. Залесье (специального имущества), склад в г. Минск (специального имущества), в то время как штаб команды, нестроевой взвод и склад баллонов располагались близ дороги в Ольсевичи (у д. Бусы).

Штаб химической команды от 2 августа 1915 г. [6. ЛЛ. 247-248об.; 10. ЛЛ. 439-440об.] включал 2 офицеров (начальник – обер-офицер до чина штабс-капитана включительно; помощник начальника), врача, 2 техников, 99 строевых нижних чинов (67 рядовых, остальные – унтер-офицеры различных рангов до фельдфебеля включительно) и 5 нестроевых нижних чинов. Команда являлась не только орудием борьбы с противником путем применения удушливых газов, но и была кадром для своей армии в деле организации противогазовой обороны. Соответственно, указанный личный состав являлся инструкторским, тогда как прочее необходимое число химиков-рядовых добиралось из числа прочих чинов, по возможности знакомых с газовой войной (из расчета возможности проведения газовой атаки на 10-километровом участке – участке армейского корпуса; каждый нижний чин команды отвечал за газопуск из 5-7 баллонов). Специальное имущество: 7000 тридцатифунтовых баллонов с ядовитым газом, 5 ветроизмерительных приборов, 2 легковых автомобиля-внедорожника и 2 грузовых автомобиля-полупотки.

В январе 1916 г. 11 химических команд были переформированы и сформирована 12-я [3. ЛЛ. 1 – 3об.].

Команды переформировывались по новому штату – от 30 января 1916 г. [6. ЛЛ. 271-273.; 7. ЛЛ. 450-452.] Теперь в состав Химической команды входило: 5 офицеров (начальник и 4 младших офицера), 3 военных чиновника (младший врач, метеоролог, делопроизводитель), 210 строевых нижних чинов (164 рядовых, остальные – унтер-офицеры – 105 химиков, 16 метеорологов – наблюдателей, 25 телефонистов, 6 шоферов, 2 мотоциклиста, фотограф, 8 денщиков, конный ординарец), 17 нестроевых нижних чинов, 2 верховых и 6 обозных лошадей. А расчет чинов исходил из газового удара на вдвое более коротком фронте, и в состав специального имущества входили 5000 баллонов.

Наконец, Временный штат команды от 29 августа 1916 г. [8. Л. 406об.] сообщал о следующем ее составе: 6 офицеров (в т. ч. начальник – обер-офицер до чина капитана включительно и 5 младших офицеров – до чина штабс-капитана включительно, включая заведующего хозяйственной частью), 3 чиновника (младший врач, метеоролог (может быть заменен получившим специальную подготовку прапорщиком) и делопроизводитель), 280 строевых нижних чинов (фельдфебель, 9 старших и 12 младших фейерверкеров, 26 бомбардиров и 232 канонира) и 28 нестроевых нижних чинов (2 писаря, 3 фельдшера, 2 мастеровых, 4 санитаря, 12 обозных и 5 денщиков). Команда располагала 2 верховыми (для командира и конного ординарца), 13 артиллерийскими (2 для телефонистов и 11 к подвижному составу команды) и 11 обозными лошадьми.

Подвижной состав команды включал: 2 легковых автомобиля, 2 грузовых автомобиля (полупотки), 2 мотоцикла, 2 телефонные двуколки (при 2 лошадях), 4 парные повозки образца 1884 г. для перевозки противогазового и метеорологического имущества, инструмента и фотографических принадлежностей при 8 лошадях и запасную лошадь. Интендантский обоз – 2 походные кухни кавалерийского образца при 4 лошадях, 3 парные повозки образца 1884 г. для возки провианта и фуража при 6 лошадях и запасную лошадь.

Команда располагала баллонами с жидким газом в количестве, определенном заведующим средствами химической борьбы фронта (по штату – 6000), гидропультами, улавливателями вражеских удушливых газов, веществами для пульверизирования в количестве, необходимом для нужд химкоманды, а также пашками дымовой завесы (по штату – 20000).

Все нижние чины команды (кроме нестроевых) вооружены револьверами и кинжалами.

Если рассмотреть техническое оснащение химических команд, то мы увидим следующее.

Табель № 1 Специально-химического имущества Химической команды [6. Л. 273об.] от 30 января 1916 г. сообщал, что команда располагала: ядовитыми веществами в количестве, позволявшими одновременную газовую атаку противника на фронте не менее 5-6 верст с добавлением 20%, необходимых для предварительных испытаний, обучения и обкуривания своих войск; 500 опрыскивателей; 2000 улавливателей (по 400 штук на армейский корпус); 20000 пашек дымовой завесы.

Табель № 2 Метеорологической части Химической команды [6. Л. 274.] от 30 января 1916 г. сообщал о наличии в штате команды: 10 анемометров (5 Ришара и 5 Фуса), 10 секундомеров, 10 кар-

манных часов, 10 фонарей, барографа суточного, анероида, психрометра Асмана, термометра Праща, буссоли, 2000 дымовых шашек (для проверки направления и скорости ветра на линии окопов или в ближайшем тылу).

Табель № 3 Телефонного имущества Химической команды от 30 января 1916 г. [6. Л. 274об.] наделял подразделение 9 фоническими и 7 форпостными телефонами, нумератором для центральной телефонной станции на 12 линий, телефонным кабелем на 40 верст, 9 телефонными инструментальными сумками, запасными частями и 2 дуколками для принадлежностей.

Табель № 4 Санитарного имущества Химической команды от 30 января 1916 г. [6. Л. 375.] включал в состав данного имущества по 1250 противогазовых масок и очков, столько же комплектов раствора гипосульфита, а также по 1250 респираторов Горного института и склянок с растворами, 25 сумок для санитаров, 8 сумок для фельдшеров и 1 шатровую палатку для оборудования околотка.

Наконец, Табель № 5 Инженерного имущества Химической команды от 30 января 1916 г. [6. Л. 375об.] сообщал о принадлежности команде 10 саперных лопат, 5 больших топоров, 5 двуручных пил и 5 кирко-мотыг.

Дополнения и изменения в Табеля имущества Химических команд от 9 декабря 1916 г. [1. ЛЛ. 538об.-539.; 12. ЛЛ. 21об.-23.], вводили 500 коллекторных ящиков, 2 малых трубы Цейса, 650 противогазов обр. Химического института, 4 баллона с жидким аммиаком и др. имущество.

Реальное положение дел нам позволяет увидеть Ведомость предметам, состоящим в химических командах для производства газовой атаки на конец апреля 1916 г. [9. Л. 486.]. Если 6-я команда (2-я армия), 10-я команда (4-я армия), 5-я команда (10-я армия), 3-я команда (3-я армия) имели 4635, 5000, 5000, 4936 баллонов с газом, 2420, 2500, 2500, 2500 резиновых шлангов соответственно (вместо 5000 тех и других, положенных по штату), то распылители в количестве (соответственно) 2478 и 1438 имелись лишь в 6-й и 3-й командах (вместо положенных 5000), а гидропульты и улавливатели имелись в тех же командах в количестве 30 и 60; 20 и 30 единиц (вместо 500 и 2000 единиц соответственно). 240 респираторов имела лишь 6-я команда (по штату на команду полагалось 1250). В то время как растворов гипосульфита (положено 1250), дымовых шашек (по штату 22000), анемометров (10 штук) команды не имели.

Столкнулись русские войска и с новейшим – огнеметным – оружием противника, и дали свой достойный ответ.

Уже в сентябре 1915 г. проводятся испытания первого образца российского огнеметного оружия – ранцевого огнемета образца профессора Горбова.

19 следующего, 1916 года Императором было санкционировано создание Военно-Химического Комитета ГУГШ (Главного Управления Генерального Штаба) а 3-го апреля учреждается Химический Комитет ГАУ (Главного Артиллерийского Управления). В последнем органе за огнеметное оружие отвечал 3-й отдел.

28 апреля того же года Император присутствует на полевых испытаниях огнемета модели Тилли-Госкин [20, с. 584.].

Соответственно, во-первых, были приняты решения о формировании команд тяжелых огнеметов (позиционные огнеметные батареи тяжелого типа, после сформирования их внутри государства по особым штатам, следовало передавать на фронты по указанию генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем. Поступали они в распоряжение штаба фронта); во-вторых, в составе пехотных и приравненных полков должны были появиться огнеметные полковые команды - вооруженные легкими огнеметами. Временный штат огнеметной команды 4-х и 3-х батальонных пехотных (стрелковых) полков (гвардейских, гренадерских и армейских) по военному составу [13, Л. 7.] от 6 августа 1916 г. предусмотрел следующий состав команды: офицер (обер-офицер до чина штабс-капитана включительно) – начальник команды, 29 строевых (старший унтер-офицер, 2 младших унтер-офицера, 5 ефрейторов (1 кладовщик и 4 огнеметчика), 21 рядовой (8 огнеметчиков, 12 запасных огнеметчиков и денщик)) и 2 нестроевых (обозных) нижних чинов. Команде полагалось 3 лошади (к одной парной повозке и одной дуколке).

Вооружение полковой огнекоманды - 12 ранцевых («носимых», как сказано в документе) огнеметов и 4 37-мм траншейных орудия. 3 унтер-офицера и 12 запасных огнеметчиков также имели ружья – «не основного» образца.

И такие команды формировались, причем даже не в первоочередных полках – о чем нам сообщает, например, Требовательная ведомость 525-го пехотного Каргопольского полка от 12 марта 1917 г. об отпуске 12 носимых огнеметов для полковой огнеметной команды (основание – штат 3-батальонного полка, объявленный в приказе Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего 1916 г. № 716) [15, ЛЛ. 44-44об.]. А Требовательная ведомость 472-го пехотного Масальского полка от 1 августа 1917 г. [16, Л. 61-61об.] запрашивала личное оружие для фельдфебелей и чинов

полковой огнеметной команды: револьверов и патронов к ним, шашек и кинжалов.

Временное положение о снабжении огнеметных команд огнеметами, запасными частями к ним и горючими материалами от 6 июня 1917 г. [18, 471-472.] устанавливало, что огнеметы, запасные части и принадлежности к ним высылаются на фронты распоряжением Химического Комитета при Главном Артиллерийском Управлении – по мере изготовления и пропорционально численности войск на фронтах по указаниям Управления Полевого Инспектора Артиллерии при Штабе Верховного Главнокомандующего.

Запасные огнеметы и запасные части к ним хранятся в огнеметных отделах складов специального химического имущества фронта и армии и, частично, при полковых огнеметных командах. Истребование же огнеметов и запчастей к ним взамен негодных в войсках и для пополнения огнеметных отделов складов специального химического имущества фронта и армии производится в порядке, установленном для отпуска предметов артиллерийского довольствия.

Запасы горючего для огнеметного оружия подразделялись на 1) возимые при войсках (для полковых огнеметных команд), 2) на передовые (для питания возимых запасов и позиционных огнеметов тяжелого типа) и 3) на базисные – для питания передовых запасов. Передовой запас горючих материалов хранится при передовых бензино-автомобильных складах, базисный запас – при армейском бензино-автомобильном складе. Количество и состав смесей различных горючих материалов (бензина 2-го сорта, нефти и керосина) для наполнения огнеметов – в зависимости от времени года и типа огнемета.

Пополнение возимых, передовых и базисных запасов горючего осуществлялось следующим образом: базисный запас пополнялся из основного или промежуточного базисного складов фронта по требованию заведующего автомобильной частью армии; передовой запас пополнялся из армейского бензино-автомобильного склада по требованию заведующего этим складом, а возимый запас пополнялся из передового бензино-автомобильного склада или подвижного бензино-автомобильного отделения (последнее содержало горючие материалы для огнеметов исключительно по требованию командира корпуса или начальника дивизии части, которых обслуживало). Составные части горючей смеси хранились в базисном и передовом запасах – раздельно, а в подвижном бензино-автомобильном отделении – в виде готовых сме-

сей. Возимые запасы надлежало пополнять по требованиям командиров полков.

Причем, для питания огнеметных батарей сжатым воздухом предназначались особые поезда. В состав такого поезда входили: паровоз, вагон-компрессор, вагон-склад и мастерская, вагон для запаса горючего, вагон для размещения команды и канцелярия [17, Л. 366.]. Личный состав поезда (командир – офицер с правами командира легкой батареи), военный чиновник и 16 нижних чинов [14, ЛЛ. 98-98об.].

К апрелю 1917 г. изготовлено 1500 горбовских огнеметов [19, Л. 342.], причем тактико-технические характеристики этих огнеметов были следующими: вес 2 пуда, дальность струи до 28 шагов, время действия до 60 – 75 секунд, зажигание автоматическое. ГВТУ выслало в армейские инженерные склады 110 таких огнеметов (из них 10-й армии предназначено 40), [19, Л. 342об.] и было предположено командировать на фронт и инструкторов – огнеметчиков для обучения войск (за неимением свободных инструкторов в Западной химической роте, решено командировать роту солдат – в целях обучения – в Запасную химическую роту из расчета по 1 на 10 огнеметов при офицере).

Кроме того, русской армией были получены 50 траншейных 5000 малых огнеметов Товарницкого, 140 огнеметов Александрова, 21 винсетская батарея, а также новейшие огнеметы СПС.

Во многом, организационные начинания императорского правительства в хаосе 1917 г. канули в «лету» – несмотря на то, что Россия произвела больше огнеметного оружия, чем остальные страны Антанты вместе взятые.

Тем не менее, отдельные огнеметные подразделения Действующей армии летом-осенью 1917 г. приняли участие в боевых действиях.

Выводы

Мы постарались увидеть общую картину структурирования химических и огнеметных подразделений русской армии эпохи Первой мировой войны. Кратко рассмотрен их генезис и вооружение. Особое место уделено развитию частей и подразделений в составе русской армии.

А итогом опыта борьбы с химическими атаками противника и нанесения собственных химударов, стали не только соответствующие наставления и методические указания, но и обширный боевой и организационный опыт – что имело огромное практическое значение как для текущего периода, так и для последующей исторической эпохи.

Список источников

1. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 20.
2. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 656.
3. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 658.
4. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1686.
5. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 737.
6. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 738.
7. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 202.
8. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9.
9. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201.
10. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 487.
11. РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 126.
12. РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 382.
13. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 933.
14. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 663.
15. РГВИА. Ф. 941. Оп. 1. Д. 123.
16. РГВИА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 103.
17. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 278.
18. РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 3.
19. РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 371.
20. Дневники императора Николая Второго. М., 1991. С. 584.

References

1. RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 20.
2. RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 656.
3. RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 658.
4. RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 1686.
5. RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 737.
6. RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 738.
7. RGVIA. F. 2031. Op. 2. D. 202.
8. RGVIA. F. 2048. Op. 1. D. 9.
9. RGVIA. F. 2048. Op. 1. D. 201.
10. RGVIA. F. 2067. Op. 1. D. 487.
11. RGVIA. F. 2144. Op. 1. D. 126.
12. RGVIA. F. 2144. Op. 1. D. 382.
13. RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 933.
14. RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 663.
15. RGVIA. F. 941. Op. 1. D. 123.
16. RGVIA. F. 353. Op. 1. D. 103.
17. RGVIA. F. 2031. Op. 1. D. 278.
18. RGVIA. F. 2085. Op. 1. D. 3.
19. RGVIA. F. 2144. Op. 1. D. 371.
20. Diaries of Emperor Nicholas II. Moscow, 1991. P. 584.

Информация об авторе

Демин А.В., аспирант, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

© Демин А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-71-76

Символы памяти: роль монументов и мемориалов в формировании национальной идентичности Великобритании после мировых войн

¹ Романенко Л.В.,

¹ Уральский государственный педагогический университет

Аннотация: сохранение исторического наследия является важным аспектом культурного развития общества, обеспечивая преемственность и понимание собственной идентичности. В контексте европейского культурного наследия, наскальное искусство представляет собой одно из наиболее ценных и уникальных артефактов, отражающих творческий потенциал и дух того времени.

В свете угроз, таких как климатические изменения, антропогенное воздействие и естественный износ, сохранение монументов и мемориалов как памятников искусства становится актуальной проблемой, требующей комплексного исследования и эффективных стратегий сохранения.

Цель данного исследования состоит в анализе символов памяти и роли монументов и мемориалов в формировании национальной идентичности Великобритании после мировых войн.

В рамках исследования будут рассмотрены исторические аспекты развития монументов и мемориалов, а также формирование национальной идентичности Великобритании после мировых войн. Изучено значение, а также вызовы и перспективы сохранения в современном мире.

Ключевые слова: память, роль, национальная идентичность, мемориалы, монументы, сохранение, мировые войны, Великобритания, историческое наследие

Для цитирования: Романенко Л.В. Символы памяти: роль монументов и мемориалов в формировании национальной идентичности Великобритании после мировых войн // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 71 – 76. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-71-76

Поступила в редакцию: 21 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Symbols of memory: the role of monuments and memorials in shaping Britain's national identity after the World Wars

¹ Romanenko L.V.,

¹ Ural State Pedagogical University

Abstract: the preservation of historical heritage is an important aspect of the cultural development of society, ensuring continuity and understanding of one's own identity. In the context of European cultural heritage, rock art is one of the most valuable and unique artifacts reflecting the creative potential and spirit of that time. In light of threats such as climate change, anthropogenic impact and natural deterioration, the preservation of rock art is becoming an urgent problem requiring comprehensive research and effective conservation strategies. The purpose of this study is to analyze the symbols of memory and the role of monuments and memorials in shaping the national identity of Great Britain after the World Wars. The research will examine the historical aspects of the development

of monuments and memorials, as well as the formation of Britain's national identity after the World Wars. The importance, as well as challenges and prospects of conservation in the modern world are studied.

Keywords: memory, role, national identity, memorials, monuments, preservation, world wars, Great Britain, hysterical heritage

For citation: Romanenko L.V. Symbols of memory: the role of monuments and memorials in shaping Britain's national identity after the World Wars. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 71 – 76. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-71-76

The article was submitted: September 21, 2024; Approved after reviewing: November 22, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Мемориальные комплексы и памятные места Великобритании, созданные после глобальных военных конфликтов XX века, выступают фундаментальным элементом становления национального самосознания британского общества. Воздвигнутые монументы, обелиски и церемониальные традиции воплощают глубинную связь между сохранением памяти о павших и формированием современного британского менталитета. Мемориальная культура позволяет британскому обществу переосмыслить трагический опыт военного времени, определяя значимость государства в послевоенном мироустройстве. Многогранная система символов памяти способствует консолидации общественного сознания и укреплению патриотических ценностей британской нации.

Одним из самых известных и значимых памятников Великобритании, посвящённых Первой мировой войне, является Национальный мемориал в Лондоне. Этот памятник был открыт в 1920 году и представляет собой величественную арку, расположенную на Вестминстерском мосту. Мемориал состоит из нескольких частей, включая главный зал с выгравированными именами погибших. Он олицетворяет жертв Великой войны и символизирует связь между прошлыми и будущими поколениями.

Одним из самых известных мемориалов Великобритании, посвящённых Второй мировой войне, является мемориал в Вестминстерском аббатстве, где покоятся останки множества британских монархов и выдающихся личностей. Мемориал памяти погибших в Великой Отечественной войне был установлен здесь в 1945 году, сразу после окончания войны. В аббатстве также находится Мемориал Королевских ВВС, возведённый в честь погибших британских лётчиков. Этот мемориал – символ мужества и самопожертвования, проявленных британскими солдатами в воздухе во время Второй мировой войны.

Послевоенный период в истории Великобритании ознаменовался глубокими социальными и по-

литическими трансформациями, существенно повлиявшими на формирование национального самосознания. Масштабные разрушения военных лет потребовали переосмысления роли памятных символов в контексте новой геополитической реальности. Британское общество, столкнувшись с послевоенными вызовами, начало процесс переоценки своей идентичности через призму коллективной памяти и меняющегося мирового порядка. Распад колониальной системы значительно повлиял на восприятие национального наследия, придав особую значимость вопросам сохранения исторической памяти. Монументальные сооружения послевоенного периода, включая величественный мемориал на Трафальгарской площади, воплотили в себе многогранный нарратив о стойкости народа, утрате имперского величия и новом пути развития страны, определившем впоследствии международную политику Великобритании и место государства в мировом сообществе.

Материалы и методы исследований

Методология исследования базировалась на всестороннем анализе научной литературы, академических публикаций, монографий и специализированных отчетов, раскрывающих актуальные аспекты консервации петроглифов. Углубленное изучение британского опыта сохранения памятников древнего искусства позволило выявить наиболее эффективные методические подходы и технологические решения, применяемые специалистами-реставраторами Соединенного Королевства. Сравнительный анализ существующих практик консервации наскальных изображений способствовал формированию комплексного представления о методах защиты уникального культурного наследия.

Результаты и обсуждения

Ритуалы памяти, такие как традиционные церемонии в День памяти, стали неотъемлемой частью коллективного сознания, где отдельные события, например, военные конфликты, превращаются в повод для общественных размышлений о ценности жизни, жертвах и справедливости. Они

становятся связующим звеном между поколениями, обеспечивая преемственность ценностей и исторической памяти, укрепляя идентичность посредством регулярного возрождения исторических нарративов [6].

Кроме того, такие символы памяти и ритуалы помогали Великобритании находить баланс между сохранением уважения к традициям и адаптацией к новым политическим и социальным условиям. В условиях стремительных изменений в мире, гло-

бализации и мультикультурализма символы памяти становились важными индикаторами того, как нация воспринимает свою историю, как она работает с ними в контексте современных реалий и как отражает это в своей внутренней политике [4].

В табл. 1 представлен ключевые монументы и мемориалы Великобритании, сыгравшие важную роль в формировании национальной идентичности после мировых войн.

Таблица 1

Ключевые монументы и мемориалы Великобритании, сыгравшие важную роль в формировании национальной идентичности после мировых войн.

Table 1

Key monuments and memorials in Britain that played an important role in shaping national identity after the world wars.

Название памятника/монумента	Год основания	Местоположение	Роль в формировании национальной идентичности
Всемирный мемориал в Кентербери	1922	Кентербери, графство Кент	Мемориал жертвам Первой мировой войны, который стал частью общей национальной памяти и патриотического воспитания.
Тауэрский памятник	1917	Лондон, Тауэр	Памятник погибшим британским военнослужащим в Первой мировой войне, напоминающий о жертвах войны и значении преемственности поколений.
Кенотаф	1920	Лондон, Вестминстер	Символ жертв Великой войны. Этот монумент стал ключевым элементом национальной культуры памяти и ежегодных церемоний в День памяти.
Памятник в Альдебурге	1950	Альдебург, графство Суффолк	Посвящён Королевским военно-воздушным силам Великобритании, символизирует мужество и стойкость военно-воздушных сил во время Второй мировой войны.
Мемориал «Героизм» в Шеффилде	1947	Шеффилд	Памятник, посвящённый всем участникам войны, особенно гражданам, погибшим во время Второй мировой войны.
Мемориал на острове Георга	1953	Остров Георга, Британская территория в Антарктике	Символизирует важность глобальной роли Великобритании, в том числе на международной арене, и напоминает о жертвах Второй мировой войны.
Памятник в Нортамберленде	1948	Нортамберленд, северо-восток Англии	Памятник погибшим в Войне за независимость и в обеих мировых войнах, отражающий развитие национальной идентичности и переход от империи к нации.
Мемориал в Блэкпуле	1924	Блэкпул, Ланкашир	Памятник в память о британских военнослужащих, погибших в обеих мировых войнах. Место для объединения и сохранения традиций памяти.
Мемориал ВВС в Лондоне	1948	Лондон, на юго-западе	Памятник ВВС, посвящённый подвигам британской авиации во время Второй мировой войны, укрепляющий национальную идентичность через военную историю.
Мемориал в Римини	1947	Римини, Италия	Памятник британским военнослужащим, погибшим в боях на территории Италии во время Второй мировой войны, способствует укреплению чувства общей ответственности и братства среди британцев.

Эти монументы и мемориалы являются важными культурными и историческими символами, которые не только увековечивают память о погибших, но и вносят вклад в развитие национальной идентичности Великобритании, соединяя прошлое и настоящее.

Мемориальные комплексы Великобритании, являются важным звеном в культурной жизни страны. Они служат не только местом памяти, но и символом стойкости и мужества, демонстрируя значение духовных и нравственных ценностей в самые тяжёлые исторические моменты [7].

После Первой мировой войны Великобритания начала активно строить мемориалы, которые символизировали не только утрату, но и стойкость нации. Важнейшим элементом стало создание Военного мемориала в Лондоне, который стал местом для национальных и частных поминовений. Эти монументы стали символами, напоминающими о трагедии войны, и одновременно служили площадками для выражения национального единства. Со временем такие мемориалы приобрели характер ритуальных объектов, к которым люди приходили, чтобы отдать дань уважения погибшим, а также почувствовать свою причастность к историческому процессу, переживаемому нацией [9].

Далее роль мемориалов в формировании национальной идентичности стала ещё более значимой. В условиях холодной войны, быстро меняющихся политических реалий и трансформации глобальной политики Великобритания использовала монументы как инструмент, с помощью которого можно было отстаивать свои ценности и убеждения. В это время мемориальные объекты стали не только символами памяти о жертвах, но и частью нарратива, подчёркивающего мужество и решительность Великобритании в защите своих интересов. Примером такого подхода является памятник в Альдебурге, посвящённый действиям BBC Великобритании во время войны. Он стал символом мужества, стойкости и единства народа в тяжёлые времена [8].

С другой стороны, такие мемориалы сыграли важную роль в формировании исторической памяти и переосмыслении политики Великобритании в отношении её империи и колониальных территорий. Эти вопросы особенно остро встали в послевоенные годы, когда страна начала отходить от колониального прошлого и сталкиваться с необходимостью интеграции различных этнических и культурных групп в более демократичную и инклюзивную национальную идентичность. Мемориалы и памятники стали частью более широкой

культурной и политической дискуссии о том, как современная Великобритания должна осмыслять своё прошлое, как сохранить память о войнах и в то же время признать роль империи и колониальных конфликтов в истории нации.

Мемориалы Великобритании не только хранят память о войнах, но и становятся местами, где происходит коллективное объединение и идентификация нации. Они символизируют утрату, но и героизм, а также усиливают представление о Великобритании как о нации, которая пережила множество испытаний и, несмотря на это, сохранила свою идентичность и силу. Процесс возведения монументов, проведения церемоний и акций памяти не только поддерживает связь между поколениями, но и помогает создать пространство для осмысления прошлого, принятия утрат и укрепления национального духа [10].

Сохранение мемориалов и монументов имеет крайне важное значение для будущих поколений. Эти уникальные артефакты не только предоставляют нам информацию о древних обществах, но и вдохновляют нас своей красотой и мистикой. Потеря этих памятников означает потерю части нашего культурного наследия и источника вдохновения для будущих поколений [6].

Для их сохранения необходимо проводить мероприятия по их консервации. Одним из способов является создание специальных заповедников и парков, где памятники будут находиться под охраной. Также необходимо проводить работу по восстановлению повреждённых мемориалов и монументов и защите их от внешних воздействий.

Выводы

Таким образом, мемориалы и монументы в Великобритании являются не просто памятниками погибшим, но и важными культурными символами, которые способствуют формированию и укреплению национальной идентичности. Они помогают нации переосмысливать свою историю, учитывать опыт войн и потерь, а также осознавать свою роль в глобальном контексте.

В заключение следует отметить, что символы памяти, такие как мемориалы и ритуалы, сыграли неопределимую роль в формировании национальной идентичности Великобритании после мировых войн. Они стали основой для коллективного осмысления прошлого, которое, в свою очередь, формировало представления о единстве, мужестве и моральной силе нации. Мемориальные памятники стали не только данью уважения погибшим, но и частью более широкого процесса переосмысления роли Великобритании в мировой истории и формирования её современной идентичности.

Список источников

1. Григорьев М.Н., Лосик А.В. Задание особой важности. Малоизвестные детали исторического визита в.м. молотова в великобританию и сша в 1942 году // Военно-исторический журнал. 2023. № 1. С. 36 – 51.
2. Инкин В.В. Формирование памяти о Первой мировой войне через деятельность британских ветеранов и историческую политику Великобритании в 1930-е гг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 5. С. 1305 – 1315.
3. Костюченко К.А. Комплексная мемориализация событий Второй мировой войны на территории стран Западной Европы скульптурные памятники и объекты конца XX-XXI века. 2024.
4. Крутиков А.А. Первая мировая война и историческая память в Великобритании // Перспективы. Электронный журнал. 2024. №.1 (36). С. 46 – 65.
5. Немцов Д.О. Институционализация воинских захоронений великобритании в XIX веке // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. № 18 (20). С. 47 – 58.
6. Смирнова Т.А. Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. С. 98 – 101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monumenty-mnemonicheskie-mesta-i-konstruirovaniye-kollektivnoy-pamyati-o-pervoy-mirovoy-voynе-v-anglii> (дата обращения: 29.07.2024)
7. Снигирев С.А. Воинские мемориалы в великобритании после 1918 г.: Увековечивание как бизнес // ббк 63.3 (0) А77. 2024. С. 120.
8. Тен Ю.П. Символические основы британской идентичности // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 184 – 192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-osnovy-britanskoy-identichnosti> (дата обращения: 29.07.2024)
9. Цуканова В.О. Мемориалы Англии, посвященные Первой мировой войне // Studia internationalia: Западный регион России в международных отношениях X-XX вв. 2022. С. 200 – 208.
10. Nemtsov D. The Principle of Equality of the Imperial Commission on Military Graves of Great Britain on the Example of the Burial of a Member of the Royal Family // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. № 20. P. 81 – 91.

References

1. Grigoriev M.N., Losik A.V. A task of special importance. Little-known details of the historic visit of VM Molotov to Great Britain and the USA in 1942. Military History Journal. 2023. No. 1. P. 36 – 51.
2. Inkin V.V. Formation of the memory of the First World War through the activities of British veterans and the historical policy of Great Britain in the 1930s. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2023. Vol. 28. No. 5. P. 1305 – 1315.
3. Kostyuchenko K.A. Comprehensive memorialization of the events of World War II on the territory of Western European countries: sculptural monuments and objects of the late XX-XXI centuries. 2024.
4. Krutikov A.A. The First World War and Historical Memory in Great Britain. Perspectives. Electronic Journal. 2024. No. 1 (36). P. 46 – 65.
5. Nemtsov D.O. Institutionalization of Military Graves in Great Britain in the 19th Century. Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. No. 18 (20). P. 47 – 58.
6. Smirnova T.A. Monuments, Mnemonic Places and the Construction of Collective Memory of the First World War in England. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. No. 4. P. 98 – 101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monumenty-mnemonicheskie-mesta-i-konstruirovaniye-kollektivnoy-pamyati-o-pervoy-mirovoy-voynе-v-anglii> (date of access: 29.07.2024)
7. Snigirev S.A. War memorials in Great Britain after 1918: Perpetuation as a business // bbk 63.3 (0) A77. 2024. P. 120.
8. Ten Yu.P. Symbolic foundations of British identity. Humanities and social sciences. 2014. No. 1. P. 184 – 192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-osnovy-britanskoy-identichnosti> (date of access: 29.07.2024)
9. Tsukanova V.O. Memorials of England dedicated to the First World War. Studia internationalia: The Western region of Russia in international relations of the 10th-20th centuries. 2022. P. 200 – 208.
10. Nemtsov D. The Principle of Equality of the Imperial Commission on Military Graves of Great Britain on the Example of the Burial of a Member of the Royal Family. Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. No. 20. P. 81 – 91.

Информация об авторе

Романенко Л.В., аспирант, Уральский государственный педагогический университет

© Романенко Л.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94.5

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-77-82

Образ идеального самурая в литературе самурайского круга XIII-XVI веков

¹ Смирнов В.В.,
¹ Уральский федеральный университет

Аннотация: целью данной работы является исследование образа идеального самурая в японской литературе поученческого характера XIII-XVI веков. Для этого мы постараемся выявить составные части образа идеального самурая в наиболее ярких произведениях литературы самурайского круга. Важной особенностью данных поучений является то, что они по своей сути являются обращением самураев к самураям, и таким образом представляют собой взгляд на воинские ценности как бы изнутри данного сословия. Одной из интересных и важных сущностных черт поучений является то, что они повествуют о духовных самурайских идеалах в период раздробленности и войн в Японии, что говорит о том, что данные идеалы играли сугубо практическую роль в жизни самурайских кланов.

Ключевые слова: Япония, образ идеального самурая, японская литература, поучения

Для цитирования: Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе самурайского круга XIII-XVI веков // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 77 – 82. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-77-82

Поступила в редакцию: 22 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

The image of the ideal samurai in the literature of the Samurai circle of the 13-16 centuries

¹ Smirnov V.V.,
¹ Ural Federal University

Abstract: the purpose of this work is to study the formation and development of the image of the ideal samurai in Japanese literature of a didactic nature of the 13th-16th centuries. To do this, we will try to identify the components of the image of the ideal samurai in the most striking works of the designated Japanese literature. An important feature of these teachings is that they are essentially an appeal from samurai to samurai, and thus represent a view of military values as if from within this class. One of the interesting and important essential features of the teachings is that they narrate about the spiritual samurai ideals during the period of fragmentation and wars in Japan, which tells us that these ideals played a purely practical role in the life of samurai clans.

Keywords: Japan, the image of the ideal samurai, Japanese literature, teaching

For citation: Smirnov V.V. The image of the ideal samurai in the literature of the Samurai circle of the 13-16 centuries. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 77 – 82. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-77-82

The article was submitted: September 22, 2024; Approved after reviewing: November 23, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

В период междоусобных феодальных войн в Японии (XIII-XVI века), в самурайской среде окончательно сложился тот образ воина, который ассоциируется с понятием «сабураху» – служение, также окончательно сложилась военная тактика самураев, остававшаяся неизменной вплоть до конца девятнадцатого века. Конечно же, поводом к такому прогрессу послужила феодальная война, длившаяся на протяжении с XII по XVII века [1, л.75].

В данной статье мы непосредственно окунёмся в ценностные идеалы тех, кого называли истинными самураями, через анализ произведений, написанных самими самураями в условиях междоусобной войны в Японии. В текстах поучений, датированных данным периодом, мы встречаем массу наставлений касающихся непосредственных отношений между самураем и его господином [2, л.16-17].

Материалы и методы исследований

«Почтения», или как их ещё называют «предписания клана», появились в Японии в период Муромати (1336-1603). Авторы данных текстов – главы японских самурайских кланов, адресовали их своим потомкам с целью обеспечить преемственность и внутреннюю устойчивость клана [1].

Наш анализ мы начнём с текста поучения «Послание мастера Гокуракудзи», написанного в 1256 году самураем Ходзё Сегитоке, где выражено одно из основных качеств идеального воина, присущего той эпохе: «На службе у господина или при дворе следует думать только о благе господина, и не беспокоиться о других людях. В конце концов, желание получить благодарность от него, не выполняя своих обязанностей при дворе, похоже на попытку пересечь бурное море без корабля» [1]. В другом тексте поучения «Тикубасё» самурая Сибэ Есимаса (1350-1410) говорится: «Некоторые люди считают, что во время служения Господину человек должен посвятить себя и выполнять свои обязанности только после того, как глава клана проявит некоторую милость. Это неверное понимание. Ведь только милость господина позволяет нам жить в этом мире» [2]. В тексте «Установления», написанного самураем Имагава Рёсюна в 1412 году, мы видим похожие слова: «Недопустимо забывать о великом долге перед благосклонностью и милостью своего господина. Нельзя пренебрегать достоинствами верности и сыновней почтительности. Запрещено пренебрегать своим долгом перед господином и думать только о своих делах, тем самым нарушая законы Небесного Дао» [3]. А в тексте поучения «Суждения в девяноста

девяти статьях» самурая Такэда Нобусигэ (1525-1561) говорится: «Во всех делах, больших и малых, исполняй волю господина. Как бы ни был господин несправедлив с тобой, ты не должен чувствовать обиду» [4].

Самурай Тории Мотоада, наставляя в письме родного старшего сына, за несколько дней до своей смерти в 1600 году писал: «Младшие братья обязаны заботиться о тебе, они должны смотреть на тебя так, как смотрели бы на своего отца. В зрелом возрасте они должны будут предстать перед нашим господином Иэясу, постараться отдать ему все свои силы и таланты. Они должны служить господину Иэясу в хорошие и плохие времена. Днём и ночью им нельзя забывать, что их обязанность – служить клану Иэясу» [5].

Результаты и обсуждения

Как мы видим, вышеупомянутые отрывки из поучений указывают, что вся жизнь самурая подчинялась одному принципу – служению своему господину. По этому поводу можно отметить, что самурай, который по каким-либо причинам переставал служить господину, автоматически исключался из самурайского сословия. В доказательство можно привести слова воинственного Като Киемаса, который говорил, что если человек не способен совершенствоваться на пути воина, то его нельзя считать самураем: «Самурай должен следовать моим правилам постоянно. Если кто-то из наших воинов не сможет выполнять наши правила, его следует уволить и провести расследование причин неудачи. Если человек не преуспел в бусидо, то необходимо издать соответствующий указ о его увольнении. В этом нет никаких сомнений» [6]. Исходя из этого, дальнейшее описание идеального самурая, так или иначе, будет основываться на принципе служения господину, как на фундаментальной ценности, или, другими словами, на качестве выражения самураем господину своей преданности.

Можно заметить, что в данных текстах идеальный самурай должен был постоянно думать о благе господина, заботиться о нём, несмотря на оказанные или не оказанные милости; постоянно проявлять почтительность и вежливость по отношению к господину; постоянно исполнять его волю. Указание на идеал преданного служения господину как на высшую ценность самурайского поведения, несомненно, приводит к такому понятию как искренность, которая должна пониматься как выражение наивысшей степени самурайской преданности. Специфику понимания искренности в поученческой литературе, мы встречаем в рассуждениях самураев о необходимости правильного учё-

та способностей и недостатков воинов. При этом, как уже говорилось, данное понимание проходит через призму преданного служения господину. Вот, что по этому поводу говорил самурай Сибэ Есимаса: «Искреннее и глубокое сердце воина может заставить других людей подчиняться ему. У людей от рождения разные пути, и если человека с медленной реакцией посылать туда, где необходимо принимать быстрые решения, то можно потерпеть неудачу. Людей необходимо использовать в соответствии с их способностями. Кривое дерево используют при изготовлении колеса, а прямое дерево идёт на рукоятки мечей, если ты научишься поступать также и с людьми, то достигнешь успеха» [2]. Понимание искренности как неких врожденных личностных задатков человека, мы встречаем также у самурая Асакура Сотэки в «Записанных изречениях», где он, говоря о качествах господина, указывает, что правитель должен хорошо разбираться в своих слугах, которые принесут пользу своему господину лишь в том случае, если будут заниматься теми делами, к которым имеют профессиональную склонность. Таким образом, Асакура Сотэки указывает, что путь искренности для самурая – это возможность выражения преданности господину как через смерть во имя него, так и в выполнении тех мирных обязанностей, к которым самурай имеет врожденную профессиональную предрасположенность.

Путь искренности для самурая – это следование естественному, заложенному ещё изначально ходу вещей: «Если человек принуждает плотника заниматься садоводством, а садовника – работать плотником, то тем самым он демонстрирует свою глупость и неумение разбираться в людях. Если научиться использовать способности людей правильно, то их умения будут выражаться эффективно, тогда и господину не будет угрожать никакая опасность» [7]. Вот, что по этому поводу также говорил самурай Такэда Сингэн: «Только люди более низкого ранга могут срезать кислую хурму и посадить вместо нее сладкую. Не говоря уже о правителях государства, самураи среднего и высшего звена найдут множество способов употребления кислых фруктов, в зависимости от их характера. Конечно, это не означает, что необходимо обрезать уже посаженные побеги. Многие вещи в жизни подобны этому» [8].

Другими словами, искренность в поучениях – это следование внутренней предрасположенности воина, которая должна была выражаться в практическом служении господину. Другими словами, в анализируемой нами литературе поученческого характера, сущность пути искренности предстаёт перед нами не как простое следование внутренней

предрасположенности воина, а как выражение степени преданности своему господину через проявление своих врожденных качеств. В самурайских поучениях искренняя преданность господину занимает главное место в иерархии воинских ценностей, при этом смерть во имя господина является наилучшей формой выражения данной искренней преданности.

Вышеупомянутое самурайское выражение искренней преданности господину через смерть ради него, хорошо иллюстрирует знаменитое письмо самурая Тории Мототада одного из вассалов будущего сёгуна Токугава Иэясу. Данный текст письма Мототада написал своему сыну в 1600 году в осажденном замке Фусими, за несколько дней до своей смерти. Основная идея письма как нельзя лучше иллюстрирует идеалы самурайства периода «сражающихся царств» в Японии (1568-1600). Приведём отрывок из текста завещания: «Недавно я узнал о бунте в Камигата. Множество восставших даймё, планируют начать поход и совсем скоро осадят мой замок. Однако, я планирую остаться в крепости и умереть достойной смертью. Я бы мог с лёгкостью прорваться сквозь ряды врага, но такой поступок не приличествует воину, такое поведение было бы трудно счесть проявлением верности. И пусть у меня нет даже одной сотой необходимого для противостояния числа людей, я буду защищаться, и умру великолепной смертью. Я покажу всем, что оставлять замок, который нужно оборонять, что ценить жизнь и ради этого бежать от опасности и показывать врагу свою слабость – не в традициях моего господина Иэясу. Я обдумал свое положение и пришел к выводу, что случаю, представившемуся мне, достойные люди должны просто завидовать» [5].

Проанализировав этот отрывок, может возникнуть вполне закономерный вопрос – почему Тории Мототада защищает замок, изначально обречённый на поражение? Почему он не хочет сохранить свою жизнь хотя бы для того, чтобы и в дальнейшем служить своему господину Иэясу, принося ему пользу? Ответ на этот вопрос дал ещё в XIII веке самурай Камо-но Тэмэй: «Самурайская доблесть проявляется больше в том, чтобы умереть за хозяина, нежели в том, чтобы победить врага» [6]. Аналогичные высказывания можно встретить у самурая Сибэ Есимаса: «Самурай не имеет права быть беспечным, он должен все продумать заранее. Самурай постоянно должен помнить, что его жизнь конечна. Многие люди сбиваются с толку, когда внезапно возникают трудности, потому что считают, что им нужно действовать в соответствии со временем и обстоятельствами. Было бы очень обидно, если бы самурай упустил момент

смерти. Поэтому говорят, что желание воина и монаха умереть должно быть одинаковым» [2]. Следуя этой логике, смерть самурая Тории Мото-тада явилась наилучшим способом выражения преданности своему господину Иэясу, что сделало его идеальным самураем.

Мы видим, что смерть в поучениях рассматривается как наивысшее и наилучшее выражение искренности воина через преданность господину, когда воин должен был находиться в постоянном поиске и в постоянной готовности умереть за господина.

Наряду с вышеизложенными ценностями, в самурайских поучениях значительное место отводится наставлениям правильного сочетания в самурае таких понятий как учёность и боевой дух. Оставаясь верными идеалам преданного служения господину, самурайство начинает постепенно перенимать аристократические манеры поведения, через занятия каллиграфией, через чтение книг, через сочинение стихов, через участие в танцах и играх.

Одним из таких самураев, кто придавал важное значение образованию, был самурай Сиба Ёсимаса (1350-1410). Всю свою жизнь Сиба посвятил участию в различных политических и военных кампаниях в Японии, однако всегда находил время для изучения таких изящных искусств как поэзия и каллиграфия. Вот что сказано в написанном им тексте «Тикубасё»: «Если человек хорошо владеет искусствами, можно измерить глубину его сердца и догадаться о настроениях его клана. Рожденный в любом благородном доме, каким бы красивым он ни был, должен уметь сочинять стихи и рифмовать музыку» [2].

Самурай Ходзё Соун также указывает: «Едва ли нужно напоминать, что в основе Пути Воина лежат Учение и боевой дух. Древний закон гласит, что самурай должен иметь Учение слева, а боевые искусства – справа. Однако, совершенства едва ли удастся достичь, если не подготовиться к этому заранее» [8]. Но, пожалуй, лучше всех раскрыть важность сочетания учёности и боевого духа для самурая, получилось у самурая Курода Нагамаса, жившего в конце XVI века: «Мирные и боевые искусства подобны двум колесам повозки: убери одно – и повозка опрокинется. Конечно, к мирным искусствам прибегают в период спокойствия, а к боевым – во времена смут и хаоса, но очень важно в мирное время не забывать о военном деле, а в сражениях не пренебрегать ученостью» [10].

Как указывает исследователь Уинстон Л. Кинг, на самурайское сознание большое влияние оказывал дзэн-буддизм, который развивал в самурае такие важные качества личности как спонтанность,

искренность и текучесть сознания. Одним из эффективных методов развития данных качеств личности в рамках дзэн-буддизма, являлся метод коана – способ раскрытия скрытых внутренних ресурсов и возможностей воина. При этом способе, самурай должен был решить особого рода интеллектуальную задачу, с помощью которой ломались стереотипы здравого смысла и рационализма [11]. Вот пример одного из таких коанов, применявшихся к обучению самураев в эпоху междоусобных войн: «Однажды Рёдзан, практикующий дзэн самурай, решил навестить учителя Ёдзана, из храма Энкакудзи. Учитель при встрече сказал: Вообрази, что ты совершенно голый принимаешь ванну, и тебя со всех сторон окружают вооружённые воины, намереваясь убить тебя. Будешь ли ты молить их о пощаде? Или постарайся показать, что ты настоящий воин, сразишься с ними и умрешь? Или человек пути (дзен) получит особую милость? Рёдзан ответил: «Разрешите мне одолеть их, не сдаваясь и не сражаясь» [12].

Как мы видим, стиль повествования данного текста преднамеренно не предполагает навязывания сознанию воина каких-либо устоявшихся ценностей и авторитетов. Как мы помним, дзэн-буддизм учил воинов опираться на свою интуицию, учил действовать, не оглядываясь назад, в том случае если решение принято, не важно, правильное оно или нет. И в условиях жестокой боевой схватки, философия дзэн-буддизма идеально подходила для принятия искренних, молниеносных и адекватных решений, согласно воспитанным в самурае ценностям. Дзэн учил самурая способности мгновенно оценивать любую жизненную ситуацию, быть здесь и сейчас, гибким и текучим, без определённого фиксированного и однозначного взгляда на жизнь. В вышеизложенном понимании, самурайские поучения представляют собой наставления, посредством которых воин получает уже сложившийся, условно – внешний ценностный ориентир. Тогда как метод коана делает акцент на внутренний мир воина – самурай в идеале данного метода должен был самостоятельно найти решение в той или иной ситуации, осуществить действие согласно велению своей интуиции. Возникающее при этом, только на первый взгляд, ценностное противоречие – поступки самурая должны исходить из его интуитивного внутреннего психологического мира, или же они должны строго ориентироваться на жёстко обозначенные и установленные заранее ценности, снимается таким воинским идеалом как макото (искренность). Макото соединяет в себе данные условно внешние и внутренние ценности самурая – самурай должен благодаря волевому усилию вживить в себя такие

качества как служение господину, почитание родителей, этикет, а уже на определённом этапе жизни, данные идеалы, становясь сутью самурая, выполнялись не как внешняя необходимость, а как веление сердца, как спонтанное действие.

Для того, чтобы интеллектуально осознанный ценностный ориентир стал личностным качеством самурая, последний должен был пропустить его через свой личностный опыт, или, другими словами, самурай должен был прочувствовать эту ценность в себе. Данный дзэнский мотив поиска и прочувствования ценностных ориентиров в самурайском обучении, мы встречаем в известной японской притче, главным героем которой является упоминавшийся нами выше в поучениях Такэда Нобусигэ: “Воин Нобусигэ пришёл к дзэнскому наставнику Хакуину, и спросил: “Это правда, что есть рай и ад?” – Кто ты? – спросил Хакуин. – Я самурай. – Ты солдат! – воскликнул Хакуин. – Какой правитель возьмёт тебя в охрану, если у тебя лицо нищего попрошайки? Нобусигэ рассвирепел и схватился за меч. – Ах, у тебя и меч есть, – продолжал Хакуин, – и, наверное, слишком тупой, чтобы отрубить мне голову. Тут самурай выхватил меч, а Хакуин заметил: “Вот открылись врата ада”. При этих словах Нобусигэ понял учение мастера, спрятал меч и поклонился” [15].

Как мы видим из этой притчи, Хакуин всего лишь подталкивает самурая Нобусигэ не столько к рациональному осмыслению, сколько к прочувствованию, и самостоятельному переживанию сущности ада ирая.

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что в проанализированных нами самурайских поучениях идеал истинного самурая чётко определяется через служение господину. Идеальный самурай должен был постоянно думать о благе господина, заботиться о нём, несмотря на оказанные или не оказанные милости; постоянно проявлять почтительность и вежливость по отношению к господину; постоянно исполнять его волю. Наилучшей возможностью выражения данной преданности была возможность умереть во имя господина. Наряду с этим, искренняя жизнь самурая понималась как следование своей внутренней врождённой профессиональной предрасположенности, которая могла принести наибольшую пользу на пути служения в повседневной, мирной жизни. Таким образом, искренняя преданность господину, составляя ценностный фундамент всей жизни самурая, находила своё наивысшее выражение в смерти во имя него.

В поучениях, образ идеального самурая характеризует проявление сдержанности, постоянного самоконтроля, постоянного волевого усилия в самосовершенствовании своих как мирных, так и военных навыков. В поучениях мы видим, что для самурая идеалом является служение господину и необходимость осознанного, волевого выбора в пользу смерти. Наряду с этим, самурайские поучения определяют один из воинских идеалов через гармоничное сочетание в самурае боевого духа и учёности.

Список источников

1. Синицын А.Ю. Рыцари страны восходящего солнца. История, традиции, оружие. СПб.: “Паритет”, 2007. 352 с., ил.
2. Ратти О., Уэстбрук А. Тайны древних цивилизаций. Самурай. М.: Изд-во Эксмо, 2007. 640 с.
3. Ходзё Сигэтоки Послание мастера Гокуракудзи. [Электрон. ресурс] 2024. URL: <https://touching.ru/books/285?ysclid=m4dxsdt6by360205142> (дата обращения: 07.07.2024)
4. Сiba Ёсимаса Тикубасе. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/235?ysclid=m4dy4fqi8k523382140> (дата обращения: 02.08.2024)
5. Садаё Имагава Установления Имагава Рёсюна. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/230?ysclid=m4dy7xcf12634914177> (дата обращения: 02.09.2024)
6. Нобусигэ Такэда Суждения в девяносто девяти статьях. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/258> (дата обращения: 22.04.2024)
7. Мототада Торий Завещание Тории Мототада. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/160> (дата обращения: 15.03.2024)
8. Камо-но Тэмэй Записки из кельи. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/ru/search/?s=Камо-но+Тэмэй> (дата обращения: 15.07.2024)
9. Киёмаса Като Наставления самурая. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/127> (дата обращения: 27.03.2024)
10. Сотэки Асакура Записанные изречения Асакура Сотэки. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/243> (дата обращения: 17.05.2024)
11. Уинстон Л. Кинг. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая. Пер. с англ. Котенко Р.В. СПб.: Евразия, 2002. 320с., ил.

12. Медитация в боевых искусствах. [Электрон. ресурс] 2024. <https://gov.cap.ru/home/73/WWW/каратэ-до/Zadache/психологическаяподготовка.htm> (дата обращения: 10.05.2024)
13. Ходзё Нагаудзи Двадцать одно правило Ходзё Соуна. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/284> (дата обращения: 10.05.2024)
14. Курода Нагамаса Предписания Курода Нагамаса. [Электрон. ресурс] 2024. <https://touching.ru/books/136> (дата обращения: 10.06.2024)
15. Маслов А.А. Бусидо: Кодекс чести самурая. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2008. 284 с.: ил. Путь мастера.

References

1. Sinitsyn A.Yu. Knights of the Land of the Rising Sun. History, Traditions, Weapons. SPb.: "Parity", 2007. 352 p., ill.
2. Ratti O., Westbrook A. Secrets of Ancient Civilizations. Samurai. Moscow: Eksmo Publishing House, 2007. 640 p.
3. Hojo Shigetoki Message from Master Gokurakuji. [Electronic resource] 2024. URL: <https://touching.ru/books/285?ysclid=m4dxsdt6by360205142> (date accessed: 07/07/2024)
4. Shiba Yoshimasa Chikubase. [Electronic. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/books/235?ysclid=m4dy4fqj8k523382140> (date of access: 08/02/2024)
5. Sadayo Imagawa Imagawa Ryoshun's Establishments. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/books/230?ysclid=m4dy7xcf12634914177> (date of access: 09/02/2024)
6. Nobushige Takeda Judgments in Ninety-Nine Articles. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/books/258> (date of access: 04/22/2024)
7. Mototada Torii The Testament of Torii Mototada. [Electronic. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/books/160> (date accessed: 03/15/2024)
8. Kamo-no Temei Notes from the cell. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/ru/search/?s=Камо-но+Темей> (date accessed: 07/15/2024)
9. Kiyomasa Kato Instructions to the Samurai. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/books/127> (date accessed: 03/27/2024)
10. Soteki Asakura Recorded sayings of Asakura Soteki. [Electronic. resource] 2024. <https://touching.ru/books/243> (date accessed: 17.05.2024)
11. Winston L. King. Zen and the Way of the Sword. Experience of Understanding the Psychology of the Samurai. Translated from English by R.V. Kotenko. St. Petersburg: Eurasia, 2002. 320 p., ill.
12. Meditation in Martial Arts. [Electronic resource] 2024. <https://gov.cap.ru/home/73/WWW/каратэ-до/Zadache/психлогическоеподводка.htm> (date accessed: 10.05.2024)
13. Hojo Nagauji Twenty-one Rules of Hojo Soun. [Electronic. resource] 2024. <https://touching.ru/books/284> (date of access: 10.05.2024)
14. Kuroda Nagamasa Prescriptions of Kuroda Nagamasa. [Electronic resource] 2024. <https://touching.ru/books/136> (date of access: 10.06.2024)
15. Maslov A.A. Bushido: Code of Honor of the Samurai. 3rd ed. Rostov-on-Don: Phoenix; Krasnodar: Neoglori, 2008. 284 p.: ill. The Way of the Master.

Информация об авторе

Смирнов В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет, wajin1987@yandex.ru

© Смирнов В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 94

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-83-91

Общественный диалог по вопросам приграничного сотрудничества России и Китая на современном этапе

¹ Ян Вэньхуэй,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в данной работе рассматриваются политические предпосылки и правовая основа китайско-российского приграничного сотрудничества, взгляды китайских и российских экспертов по вопросам приграничного сотрудничества. Как правило, в приграничном сотрудничестве прежде всего делается упор на развитие именно торгово-экономических отношений, однако приграничное сотрудничество, в конечном итоге, должно быть направлено на преодоление культурных барьеров людей, находящихся в двух различных социально-исторических пространствах и реализацию диалога между двумя цивилизациями. Итак, отдельно автор останавливается на анализе гуманистических факторов, влияющих на двустороннее сотрудничество Китая и России. Целью статьи является анализ приграничного сотрудничества России и Китая на современном этапе с точки зрения диалога общественности. На этом уровне конструктивный общественный диалог, обладающий уникальными интеллектуальными свойствами, может обеспечить гуманистические перспективы для реализации китайско-российского приграничного взаимодействия сегодня и в будущем.

Ключевые слова: двусторонние отношения Китая и России, приграничное сотрудничество, региональное развитие, общественный диалог, диалог цивилизаций

Для цитирования: Ян Вэньхуэй *Общественный диалог по вопросам приграничного сотрудничества России и Китая на современном этапе* // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 83 – 91. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-83-91

Поступила в редакцию: 22 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Public dialogue on cross-border cooperation Russia and China at the present stage

¹ Yang Wenhui,

¹ St. Petersburg State University

Abstract: this article examines the political prerequisites and the legal basis of Chinese-Russian cross-border cooperation, the views of Chinese and Russian experts on cross-border cooperation. As a rule, cross-border cooperation primarily focuses on the development of trade and economic relations, but cross-border cooperation, ultimately, should be aimed at overcoming cultural barriers of people living in two different socio-historical spaces and the implementation of a dialogue between two civilizations. So, the author separately focuses on the analysis of humanistic factors affecting bilateral cooperation between China and Russia. The purpose of the article is to analyze cross-border cooperation between Russia and China at the present stage from the point of view of public dialogue.

At this level, a constructive public dialogue with unique intellectual properties can provide humanistic prospects for the implementation of Chinese-Russian cross-border cooperation today and in the future.

Keywords: bilateral relations between China and Russia, cross-border cooperation, regional development, public dialogue, dialogue of civilizations

For citation: Yang Wenhui *Public dialogue on cross-border cooperation Russia and China at the present stage. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 83 – 91. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-83-91*

The article was submitted: September 22, 2024; Approved after reviewing: November 24, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

В XXI веке Китай и Россия последовательно предложили две стратегии: «Возрождение Северо-Востока» и «Развитие Дальнего Востока». В 2007 году Госсовет КНР официально одобрил «План возрождения Северо-Восточного региона», в котором впервые сформулирована общая цель стратегии возрождения Северо-Востока и дополнительно усовершенствована политика оживления экономики Северо-Востока. В Распоряжении от 28 декабря 2009 года №2094-р. четко указано, стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона является реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе [10]. В 2009 году правительства Китая и России официально подписали «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг.», в которой было отмечено официальное продвижение китайско-российского регионального сотрудничества в качестве национальной стратегии развития обеих сторон.

С 2014 года, в связи с резкими изменениями в международной ситуации и жесткими санкциями со стороны Запада внешняя политика России дала более четкий сигнал: «разворот России лицом на Восток». При этом, наблюдалось постоянное потепление китайско-российских отношений, которое неоднократно было охарактеризовано лидерами двух стран как "наилучший период в истории". Как заявляли многие стороны, стабильное китайско-российское взаимное доверие во многом открыло новые возможности и создало благоприятные условия для скоординированного развития Дальнего Востока и Северо-Востока.

Тем не менее, ряд обобщающих исследований и диалог общественности на различных платформах свидетельствуют, что практические аспекты вопроса далеко не так оптимистичны, как заявляют многие стороны. Особенно после заявления о сопряжения интеграции по линии Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Пояс и путь» в мае 2015 года большое количество

китайских и российских экспертов придерживается спокойной и объективной позиции относительно того, в какой степени приграничное сотрудничество России и Китая может способствовать повышению эффективности их стратегического сопряжения.

Несмотря на то, что на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая исторически сложилось тесное социальное взаимодействие, из-за различных национальных обстановок, культурных различий и внутренних сложных политических и экономических условий уже давно существуют противоречивые общественные мнения. Снижение к минимуму негативного влияния общественного мнения на китайско-российское региональное сотрудничество, в то же время управление трансграничной иммиграцией, привлекаемыми в приграничные районы России и Китая, должны осуществляться эффективно и рационально с учетом исторического опыта и практик, сложившихся на китайско-российском приграничье.

Материалы и методы исследований

В данной статье использованы три основных типа материалов. Первая категория: результаты исследований приграничного сотрудничества России и Китая, проводимых сегодня российским и китайскими академическим сообществом. Второй тип: материалы для различных конференций, форумов и семинаров по научному обмену. Третья категория относится к юридическим документам, заключенным двумя сторонами на уровне межрегионального или межправительственного, которые отражают тенденцию изменения политической среды приграничного сотрудничества в последние годы, и сформулированным собственными программами и планами развития приграничных районов России и Китая.

Методологическая основа опирается на принципы историзма. Они позволяют исследовать исторические истоки китайско-российского пограничного взаимодействия и дилемм, стоящих перед приграничным сотрудничеством Китая и России на данном этапе. В качестве методологии также используется теория цивилизаций. В статье уста-

навливается доказательство того, что разные цивилизации: китайская и российская могут сотрудничать эффективно в ответ на столкновение цивилизаций, предложенное С. Хантингтон [19].

Результаты и обсуждения

На пороге XXI века наметилась тенденция взаимодействия цивилизаций, переходившая от их столкновения к диалогу, сотрудничеству и партнерству. 2001 год был объявлен ООН Годом диалога между цивилизациями. Эта инициатива была предложена президентом Ирана М. Хаттами и поддержана большим числом стран. Потом международная поддержка этого процесса отражена в резолюции «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» 2001 г., принятой Генеральной Ассамблеей ООН. Цивилизацию будущего, по К. Ясперсу, ждёт «реализованная возможность всемирного общения» [21, с. 95].

На современном этапе диалог между китайской и российской цивилизациями находит отражение в многоплановом сотрудничестве, которое не только приносит бесприоритетную ситуацию в экономическом плане, но и углубляет взаимопонимание и дружбу между двумя народами в гуманитарном области, а также способствует процессу диверсификации и глобализации международных отношений.

В контексте стремительного развития китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства изучение проблем приграничного сотрудничества России и Китая на современном этапе становится все более актуальным направлением научных исследований и обменов между китайскими и российскими академическими кругами. Основными факторами, вызывающими у них научный интерес, являются: прежде всего, возможность реализации стратегического сопряжения по линии Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Пояс и путь» посредством приграничного сотрудничества; во-вторых, необходимость решения текущих сложностей в торгово-экономических связях между Китаем и Россией; а также культурно-исторические факторы, влияющие на эффективность пограничного взаимодействия России и Китая.

После распада Советского Союза, в процессе перехода к рыночной экономике, такие проблемы, как нехватка средств, отсталые технологии, стареющая инфраструктура и утечка мозгов, стали узкими местами, препятствующими экономическому и социальному развитию Дальнего Востока. Чрезмерная зависимость от экспорта энергетического сырья приводил к тому, что дисбаланс в структуре экономики Дальнего Востока становится все более серьезным, а разрыв между Дальним

Востоком и западными регионами также расширялся.

Российские планирования развития Дальнего Востока впервые были отражены в постановлении Правительства РФ федеральной целевой программой «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» 1996 г. и программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы и до 2010 года» 2002 г. Основная цель в обоих документах определялась как обеспечение «устойчивого развития Дальнего Востока и Забайкалья с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности Российской Федерации» [13]. Поскольку инфраструктурные ограничения стали ключевым фактором, сдерживающим региональное развитие, в документе 1996 г. также предполагалось проведение работы по модернизации опорной транспортной сети, повышению безопасности и устойчивости транспортной системы, развитию сети железных и автомобильных дорог, аэропортов и морских портов [12]. В программе 2002 года приграничное сотрудничество на Дальнем Востоке и в Забайкалье рассматривалось уже как комплексное взаимодействие (экономическое, экологическое, гуманитарное, технологическое, культурное) приграничных территорий, которое должно обеспечиваться системой мер, согласованных между сопредельными странами и субъектами Российской Федерации [11].

С восстановлением отношений между Китаем и Советским Союзом в 1980 годах китайско-советская приграничная торговля также была возобновлена после подписания соглашения между СССР и КНР о возобновлении приграничной торговли 1982 г. 10 июля 1985 года Китай и Советский Союз впервые подписали долгосрочное торговое Соглашение о торговле и платежах (1986-1990). В 1988 году было опубликовано Постановление провинции Хэйлунцзян по вопросам приграничной торговли и экономического и технологического сотрудничества с Советским Союзом, в котором определились восемь преференциальных экономических и торговых политик для Советского Союза. В то же время предприятия, компании и организации, участвующие в приграничной торговле, стали пользоваться более автономными правами для рыночной конкуренции, что в значительной степени способствовало процветанию приграничной торговли. Уже в 1989 г. доля приграничной торговли выросла в суммарном товарообороте до 16% [1]. В 1990-1992 гг. количество государственных заказов значительно сократилось, а местная и бартерная торговля расцвела, и

роль этих нерегулируемых торговцев стала решающей [9]. После плавного перехода китайско-российских отношений правовой основой китайско-российского экономического взаимодействия в новый период служило Соглашение между правительством РФ и правительством КНР о торгово-экономических отношениях 1992 г. В 1993 году общий объем импорта и экспорта китайско-российских товаров достиг 7,68 миллиарда долларов, что значительно превысило лучший уровень за китайско-советский период.

В последние годы тема "сопряжения" часто затрагивается на различных научных и деловых форумах в Китае и России. На VI Российско-китайском форуме по всестороннему стратегическому сотрудничеству в новую эпоху, состоявшемся в ДВФУ с 22 по 23 октября 2024 года, посвященном теме "Концепция безопасности и развития Северо-Восточной Азии: взгляд Китая и России", к вопросу о новых возможностях для китайско-российского межрегионального сотрудничества в развитии Дальнего Востока, Ма Вэйюнь, научный сотрудник Исследовательского центра русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета, отметила, "развитие Дальнего Востока России будет способствовать трансформации китайско-российского межрегионального сотрудничества. И это совпадает с курсом на создание нового высокогорья для открытости на север Северо-Восточного Китая".

Кроме того, Е Яньхуа, профессор Института истории, культуры и туризма Хэйлунцзянского университета, также отметила, что с развитием науки и техники, углублением международного сотрудничества и таянием арктических ледников Северный морской путь, как ожидается, станет важным международным транспортным коридором. Китайские и российские компании могут воспользоваться этой возможностью и укрепить сотрудничество в области увеличения объема перевозок по Северному морскому пути и создания его логистической инфраструктуры для совместного освоения и использования ресурсов Северного морского пути.

Артем Лукин, профессор кафедры международных отношений Восточного института Дальневосточного федерального университета, считает, что Китай и Россия еще не подписали соглашение о свободной торговле, но могут попытаться заключить соглашение о торговле услугами. Это не только соответствует тенденциям мирового экономического развития, но и соответствует реальным интересам двух стран.

Юй Шуйи, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Ки-

тайской академии общественных наук, считает, что развитие опорных городов в качестве носителя новой модели китайско-российского межрегионального сотрудничества может сыграть важную роль в общем скоординированном развитии слаборазвитых регионов, в то время как преодоление нехватки капитала и рабочей силы и улучшение сбалансированности региональной структуры промышленности. По его мнению, Владивосток имеет потенциал стать опорным городом и ему следует предоставить больше специальных функций и политической поддержки.

За последние 20 лет правительства Китая и России оказывали значительную политическую поддержку, способствующую сопряжению стратегий регионального развития. В 2003 году Госсовет Китая опубликовал Предложения о реализации стратегии возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая, в которых указывалось, что возрождение Северо-Восточного региона должно быть достигнуто путем реализации как внутренней, так и внешней открытости. В частности, укрепление сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России стало важным направлением развития. В 2015 году китайское правительство официально обнародовало Видение и действия по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века. Согласно данному документу, Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России входят в сферу строительства "Пояса и пути".

Бесперывные попытки России развивать связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом и переместить экономическую опору на восток нашли свое отражение в документе «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» 2009 года. После кризиса на Украине в 2014 году правительство РФ приняло более активную стратегию – поворот на восток и в целях привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения были созданы Территория опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток на Дальнем Востоке. Островский А.В. считает, что успех реализации стратегии развития Дальнего Востока связан с процессом реализации стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [5].

Новая Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009-2018 гг. была подписана 23 сентября 2009 г. Однако в российском обществе данная Программа вызвала много

негативных обсуждений, связанных с продвижением китайского капитала на север и северо-восток КНР в приграничные провинции [15]. Одной из главных причин этого можно назвать ориентацию документа преимущественно на китайские интересы, в частности добычу природных ископаемых на российской территории и их последующую переработку в КНР [2]. Немало российских экспертов полагают, что этот односторонний подход усугубит уже существующее негативное общественное мнение о китайско-российском приграничном сотрудничестве в российском обществе.

В этой связи Чэн Ицзюнь, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, также отметил, что стратегическое партнерство России и Китая на протяжении многих лет не нашло полного отражения в двустороннем межрегиональном сотрудничестве, и обе стороны еще не достигли должных высот в плане коммерческого взаимного доверия. С этим согласится и Ван Вэнь, декан финансового института Китайского университета Жэньминь. Он отметил на VII Восточном экономическом форуме, что нерешительность и колебание России в отношении интеграции в восточноазиатскую систему промышленных цепочек тесно связана с подобными обсуждениями китайской угрозы.

Вместе с этим, однако, нужно отметить, господствующее общественное мнение России о стратегическом сопряжении Китая и России таково, как на Петербургском международном экономическом форуме 2019 года Ярослав Лисоволик, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», отметил, что инициатива один пояс один путь играет важную роль в продвижении интеграционного процесса. Стратегическая стыковка позволит способствовать внешнеэкономическому развитию и интеграционным процессам России и стран Евразии. Как полагают китайские исследователи, хотя эти две стратегии рассматриваются с точки зрения их соответствующих национальных интересов и имеют конкурентные отношения друг с другом, они не являются враждебными [20]. В результате существует возможность стратегического сопряжения и сотрудничества. В России также наблюдалось представление о конкурентности двух проектов. В ряде исследований российские эксперты более склонны обсуждать проблему лидерства на Евразийском континенте. Российских политологов настораживает сам факт подключения РФ к китайскому проекту, поскольку в таком случае Москва будет вы-

нуждена играть роль не литеры, а ведомого в этом интеграционном процессе [8].

Активная поддержка некоторых влиятельных китайских и российских ученых и политиков создала благоприятные условия для реализации этого видения. Лидеры обеих сторон также выразили политическую поддержку идее сопряжения проектов. Исходя из этого, в Совместном заявлении, подписанной 8 мая 2015 года, говорилось, что «стороны намерены поддерживать механизма диалога по стратегическому сближению Китая и России в интересах обеспечения устойчивого экономического роста на евразийском пространстве и содействовать сотрудничеству в создании единого экономического пространства с участием экспертов и ученых обеих сторон» [17]. Потом во время IV Восточного экономического форума была подписана Минвостокразвития РФ и Минкоммерции КНР Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы, в основном посвящена привлечению китайских инвестиций на российскую территорию за счет ресурсов, льготных режимов и снятия барьеров, в том числе инфраструктурных [3].

Вслед за продвижением высококачественного строительства в рамках инициативы "Один пояс один путь", гуманистическим вопросам, влияющим на китайско-российское двустороннее сотрудничество, уделяется пристальное внимания в общественном диалоге.

Прежде всего, речь идет об экологическом и иммиграционном факторах. Российское общество всегда уделяло большое внимание проблеме иностранной иммиграции, особенно росту числа китайских иммигрантов на Дальнем Востоке, развитию их экономической деятельности и влиянию на регион. В связи с увеличением числа китайских туристов на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, а также неразвитостью туристических услуг на востоке России и ограниченными возможностями по приему туристов возник ряд проблем. С 2017 года жители Иркутской области недовольны загрязнением окружающей среды китайскими туристами и покупкой земли китайскими бизнесменами, строительством отелей и коммерческой конкуренцией с местными жителями [6]. В январе 2019 года китайцев крайне возмутили петиции-протесты жителей Байкальского региона под лозунгом: «запретим китайцам выкачивать воду из озера Байкал» [7]. В этой связи Профессор Тихоокеанского университета Леонид Бляхер отметил, первопричина "проблемы китайской иммиграции" кроется в относительно закрытой бизнес-среде в

России и присущем местным жителям ксенофобском менталитете [16]. Напротив, в оценках российского дальневосточного академического сообщества большее значение придается благотворному влиянию китайских туристов и сельскохозяйственных иммигрантов. Заведующая лабораторией Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Светлана Мишук рассказывала, китайские сельскохозяйственные производители на Дальнем Востоке внесли свой вклад в региональный бюджет и обогатили налоговые источники, но это принесло лишь краткосрочные выгоды. А в долгосрочной перспективе китайская сельскохозяйственная иммиграция имеет более негативные последствия [14].

Второе измерение – это психосоциальные факторы. Как правило, нынешние антикитайские настроения в российском обществе, особенно на Дальнем Востоке рассматриваются как продолжение негативных последствий потока китайских трудовых ресурсов в Россию в начале 1990-х годов. Начиная с 1992 г., после подписания межправительственного соглашения о принципах направления и приема китайских граждан на работу в Россию, российские дальневосточные компании с одобрения местных властей начали нанимать китайских рабочих для работы по контракту [18]. Процветание китайско-российской приграничной торговли вскоре сменилось скептицизмом. По мнению Лукина А.В. недовольство качеством товаров и поведением китайских торговцев было в какой-то мере естественным явлением, связанным с расширением кругозора общественности пограничных регионов и частично с тем, что местная пресса постоянно публиковала различные криминальные истории китайских торговцами [9].

В то же время в Китае долгое время существуют антироссийские националистические аргументы, большинство из которых основано на исторических фактах о том, что царская Россия захватила значительную территорию китайской династии Цин – простирающуюся от реки Амур на север до Становых гор и острова Сахалин. Хотя на официальном уровне указывалось, что территориальный спор между Китаем и Россией был урегулирован [4], некоторые китайцы, особенно те, кто проживает на севере, прилегающем к России, все еще считают, что Россия – это страна, которая нанесла Китаю наибольший ущерб в современной истории КНР.

Эффективное межрегиональное сотрудничество Китая и России на духовно-нравственном уровне отражает гармоничное сосуществование китайской и российской цивилизаций. В взаимо-

действии цивилизаций обе стороны предпочли диалог, а не конфликт. Несмотря на разногласия, связанные с разными ценностями и менталитетами, это, по К. Ясперсу, связано с осознанием своих исторических корней и своей культурной идентичности. «Традиции дают ощущение своих корней, безопасности, заставляют предъявлять требования к себе» [21, с. 214]. В этом же смысле и китайская пословица – цютун цуньи. В то же время, следует отметить, без постоянного диалога общестственности на международном уровне достижение сотрудничества, преодолевающего различия между цивилизациями, невозможно.

Выводы

Китайско-российское приграничное сотрудничество имеет большое значение для содействия региональному экономическому развитию, поддержания регионального мира и стабильности, развития двустороннего и многостороннего сотрудничества и реагирования на глобальные вызовы и является важной составляющей частью российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Как сложившийся исторический опыт приграничного взаимодействия, так и политическая поддержка, оказываемая китайским и российским правительствами, создали предпосылки для стратегического сопряжения между Китаем и Россией в современный период.

Если перейти к уровни общественного диалога, то социальное взаимодействие между Китаем и Россией еще далеко от уровня политического взаимодоверия между Китаем и Россией. В основном это проявляется в различных или даже противоположных позициях китайской и российской общестственности по ключевым вопросам национального и регионального развития, а также в существовании негативного общественного мнения в китайском и российском обществах.

В настоящее время на фоне растущего интереса власти и общества к вопросам регионального взаимодействия назрела необходимость выработки эффективных методов создания более благоприятной общественной среды для китайско-российского приграничного сотрудничества, к отдельным направлениям которой можно отнести разработку государственной информационной политики и политики управления иммиграцией, регулирование поведения предприятий посредством разработки соответствующих нормативных актов, а также углубление межличностных контактов на бытовом уровне между двумя народами с помощью общественных организаций в области культуры.

Список источников

1. Александрова М.В. 20 лет российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36118> (дата обращения: 09.07.2020)
2. Губин А.В. Роль приграничного сотрудничества в российско-китайском стратегическом партнёрстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 135.
3. Для китайских инвестиций уточнили адреса. [электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3739345> (дата обращения: 13.07.2018)
4. Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части 14 октября 2004 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46132/
5. Из любви к Дальнему. Китаевед Островский назвал цели «поворота на Восток» [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/politics/world/iz_lyubvi_k_dalnemu_kitaeved_ostrovskiy_nazval_celi_povorota_na_vostok (дата обращения: 13.07.2023)
6. Китайская угроза: туристы из Поднебесной убивают Байкал? [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20171115/1508809182.html> (дата обращения: 03.03.2020)
7. Китайцев возмутили петиции россиян против китайского присутствия на Байкале. [Электронный ресурс] URL: <https://zolord.ru/news/840> (дата обращения: 17.02.2019)
8. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 73.
9. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. С. 292.
10. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. [электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/33593/> (дата обращения: 28.12.2009)
11. Песцов С.К. Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотичный расцвет и беспорядочная деградация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 22 – 24.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.1996 г. № 480 Об утверждении Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы. URL: <http://government.ru/docs/all/18214/>
13. Постановление Правительства Российской Федерации О федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 и до 2010 года» от 19 марта 2002 г. № 169. В редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 21.11.2007 г. № 801. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102040746&backlink=1&&nd=102075305>
14. Почему труд иностранцев в ДФО становится менее эффективным [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2017/01/26/reg-dfo/pochemu-trud-inostrannyh-rabotnikov-v-dfo-stanovitsia-menee-effektivnym.html> (дата обращения: 26.01.2017)
15. Региональная программа "Развитие приграничных территорий Хабаровского края до 2020 г." Утверждена Распоряжением Правительства Хабаровского края № 746-рп от 26 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/integrated-development-of-territories/2350> (дата обращения: 15.05.2021)
16. Российская коррупция не позволяет полюбить китайского туриста [Электронный ресурс] URL: <https://baikal.mk.ru/social/2018/04/10/rossiyskaya-korrupciya-ne-pozvolyaet-polyubit-kitayskogo-turista.html> (Дата обращения: 10.04.2018)
17. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969>
18. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о принципах направлении и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организации России. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части // Сборник российско-китайских договоров. 1949-1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 145 – 149.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

20. Цзяо Фаньби, Лу Ман Выбор пути скоординированного развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России // Академический обмен. 2019. № 8. С. 87.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References

1. Aleksandrova M.V. 20 years of Russian-Chinese interregional and cross-border cooperation. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36118> (date accessed: 07/09/2020)
2. Gubin A.V. The role of cross-border cooperation in the Russian-Chinese strategic partnership. Oikumena. Regional studies. 2022. No. 1. P. 135.
3. Addresses for Chinese investments have been clarified. [Electronic resource] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3739345> (date accessed: 07/13/2018)
4. Additional agreement between the Russian Federation and the PRC on the Russian-Chinese state border in its eastern part of October 14, 2004. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46132/
5. Out of love for the Far East. Sinologist Ostrovsky named the goals of the "turn to the East" [Electronic resource]. URL: https://aif.ru/politics/world/iz_lyubvi_k_dalnemu_kitaeved_ostrovskiy_nazval_celi_povorota_na_vostok (date of access: 13.07.2023)
6. Chinese threat: are tourists from the Celestial Empire killing Baikal? [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20171115/1508809182.html> (date of access: 03.03.2020)
7. The Chinese were outraged by the petitions of Russians against the Chinese presence on Baikal. [Electronic resource] URL: <https://zolord.ru/news/840> (date accessed: 17.02.2019)
8. Larin V.L. Russian-Chinese cross-border in the context of Eurasian integration projects. World Economy and International Relations. 2016. Vol. 60. No. 12. P. 73.
9. Lukin A.V. The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th-21st Centuries. Moscow: East-West: AST, 2007. P. 292.
10. On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Far East and the Baikal Region through 2025. [electronic resource] URL: <http://government.ru/docs/33593/> (date accessed: 28.12.2009)
11. Pestsov S.K. Cross-border cooperation between Russia and China: chaotic flourishing and disorderly degradation. Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 2021. Vol. 14. Issue. 1. P. 22 – 24.
12. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.1996 No. 480 On approval of the Federal Target Program for Economic and Social Development of the Far East and Transbaikalia for 1996–2005. URL: <http://government.ru/docs/all/18214/>
13. Resolution of the Government of the Russian Federation On the federal target program "Economic and social development of the Far East and Transbaikalia for 1996-2005 and up to 2010" of March 19, 2002 No. 169. As amended by the Resolution of the Government of the Russian Federation of November 21, 2007 No. 801. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102040746&backlink=1&&nd=102075305>
14. Why is the labor of foreigners in the Far Eastern Federal District becoming less effective [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2017/01/26/reg-dfo/pochemu-trud-inostrannyh-rabotnikov-v-dfo-stanovitsia-menee-effektivnym.html> (date of access: 01/26/2017)
15. Regional program "Development of border territories of Khabarovsk Krai until 2020" Approved by Order of the Government of Khabarovsk Krai No. 746-rp dated September 26, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/integrated-development-of-territories/2350> (date of access: 05/15/2021)
16. Russian corruption does not allow to fall in love with Chinese tourists [Electronic resource] URL: <https://baikal.mk.ru/social/2018/04/10/rossiyskaya-korrupciya-ne-pozvolyaet-polyubit-kitayskogo-turista.html> (Accessed: 10.04.2018)
17. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening comprehensive partnership and strategic interaction and on promoting mutually beneficial cooperation [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969>
18. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the principles of sending and hiring Chinese citizens to work in enterprises, associations and organizations in Russia. Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the People's Republic of China on the Soviet-Chinese State Border in its Eastern Part. Collection of Russian-Chinese Treaties. 1949-1999. Moscow: Terra-Sport, 1999. P. 145 – 149.

19. Huntington S. Clash of Civilizations: trans. from English by T. Velimeeva, Yu. Moscow: OOO "AST Publishing House", 2003. 603 p.
20. Jiao Fanyi, Lu Man Choosing the Path of Coordinated Development of Northeast China and the Russian Far East. Academic Exchange. 2019. No. 8. P. 87.
21. Jaspers K. The Meaning and Purpose of History. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p.

Информация об авторе

Ян Вэньхуэй, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, ywenhui0825@mail.ru

© Ян Вэньхуэй, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(47)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-92-99

Военное противостояние СССР и Финляндии в 1939-1944 гг.: к вопросу об отборе учебного материала при изучении причинно-следственных связей

¹ Курков В.В.,

¹ Тимонина И.Е.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье рассматривается комплекс вопросов связанных с историей военного противостояния СССР и Финляндии в 1939-1944 гг., актуальность изучения которых в школьном курсе истории определяется не только задачами возникающими в связи с программными требованиями по подготовке учащихся к единому государственному экзамену, но и сложностью современной политической ситуации, когда на фоне конфликта РФ с коллективным Западом, Финляндия, длительное время придерживавшаяся нейтралитета, вступила в НАТО, что создает дополнительные угрозы на балтийских и северных рубежах российского государства. Авторы статьи, опираясь на собственный практический опыт, при отборе учебного материала необходимого для освещения истории как советско-финской войны 1939-1940 гг., так и участия Финляндии в качестве сателлита Гитлера в военных действиях в 1941-1944 гг., делают главный акцент на раскрытии причинно-следственных связей, обусловивших как само военное противостояние советской державы и республики Суоми, так и исторические последствия данных конфликтов. Материал данной статьи нацелен на помощь современному учителю в сложном процессе формирования и последующего развития у обучающихся необходимых навыков раскрытия сущности исторических конфликтов, неоднозначные последствия которых нередко оказывают определяющее влияние и на современную политику, через анализ причин детерминирующих исторические процессы.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, «зимняя война», «война-продолжение», исторические причины и последствия, подготовка к ЕГЭ

Для цитирования: Курков В.В., Тимонина И.Е. Военное противостояние СССР и Финляндии в 1939-1944 гг.: к вопросу об отборе учебного материала при изучении причинно-следственных связей // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 92 – 99. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-92-99

Поступила в редакцию: 23 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Military confrontation between the USSR and Finland in 1939-1944: on the question of selection of teaching material in studying cause-and-effect relationships

¹ Kurkov V.V.,

¹ Timonina I.E.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article examines a set of issues related to the history of the military confrontation between the USSR and Finland in 1939-1944, the relevance of studying which in the school history course is determined not only by the tasks arising in connection with the program requirements for preparing students for the Unified State

Exam, but also by the complexity of the current political situation, when, against the background of the conflict between the Russian Federation and the collective West, Finland, which had long maintained neutrality, joined NATO, which creates additional threats on the Baltic and northern borders of the Russian state. The authors of the article, relying on their own practical experience, when selecting the educational material necessary to cover the history of both the Soviet-Finnish War of 1939-1940 and Finland's participation as Hitler's satellite in military operations in 1941-1944, place the main emphasis on revealing the cause-and-effect relationships that determined both the military confrontation between the Soviet state and the Republic of Suomi and the historical consequences of these conflicts. The material in this article is aimed at helping the modern teacher in the complex process of forming and subsequently developing in students the necessary skills to reveal the essence of historical conflicts, the ambiguous consequences of which often have a decisive influence on modern politics, through an analysis of the causes that determine historical processes.

Keywords: Finland, USSR, "Winter War", "Continuation War", historical causes and consequences, preparation for the Unified State Exam

For citation: Kurkov V.V., Timonina I.E. Military confrontation between the USSR and Finland in 1939-1944: on the question of selection of teaching material in studying cause-and-effect relationships. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 92 – 99. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-92-99

The article was submitted: September 23, 2024; Approved after reviewing: November 24, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

История военного противостояния Советского Союза и Финляндии в 1939-1940 и в 1941-1944 гг. являясь классической темой школьной программы и с неизменным постоянством появляясь в вопросах единого государственного экзамена, тем не менее может быть признана одной из наиболее проблемных тем в рамках ЕГЭ и исторического образования в целом. С одной стороны, эти события психологически просто теряются на фоне главных потрясений вселенской трагедии Великой Отечественной войны (тут невозможно не вспомнить известные строки Твардовского о «незамеченной войне») и кажущейся незначительности маленькой республики Суоми на фоне главных участников Второй мировой войны (хотя стратегическая важность Финляндии на Балтике и для обороны Ленинграда более чем очевидна). С другой стороны, целый ряд проблемных аспектов истории советско-финской войны 1939-1940 гг. закрытых для обсуждения в советский период, породили на рубеже XX-XXI вв. не только активный научный интерес, но и оживленные дискуссии в обществе, включая и вопрос о степени ответственности СССР за эту войну. В итоге, советские идеологические догмы были заменены новыми политическими мифами, призванными, по сути, оправдать участие Финляндии во второй мировой войне. Весьма показательны в этом плане споры по поводу оценки роли маршала Маннергейма в истории советско-финского военного противостояния. Уместно вспомнить как в июне 2016 г. на стене здания Военного инженерно-технического университета в Санкт-Петербурге при участии за-

нимавшего тогда пост министра культуры РФ В.Р. Мединского была водружена памятная доска в честь генерал-лейтенанта российской армии (и добавим, позднее – гитлеровского союзника) Карла Маннергейма, что вызвало бурю негодования жителей северной столицы. И это при том, что сам Мединский еще в 2011 г. в своей достаточно известной книге, заклеил финского маршала как приспешника нацистов, на котором лежит ответственность за гибель миллиона наших сограждан в блокадном Ленинграде [10, с. 114-115]. Очевидно, что после того, как в апреле 2023 г. формально завершился процесс вступления Финляндии в НАТО изучение проблемных аспектов советско-финских отношений в школьном курсе истории приобретает уже общественно-политическую актуальность.

Материалы и методы исследований

В качестве научно-методологической основы статьи следует указать на обязательный принцип историзма и историко-хронологический метод при анализе сложной канвы противостояния огромной советской державы с небольшим, но воинственным северным соседом, противоборства являющегося важной составной частью Второй мировой войны: иначе без такого научного базиса в современном учебном процесс не представляется возможность развернуть перед учащимися сложную в своей противоречивости картину исторической серии советско-финских войн, когда перед учителем стоит проблема анализа последствий включения Финляндии в состав Российской империи в 1809 г., в качестве отправной точки для понимания как положительных, так и отрицательных ито-

гов российского периода финской истории и раннего этапа советско-финских взаимоотношений. Такой подход позволяет подвести учащихся к пониманию детерминирующих основ военного противостояния двух стран и причин последующего длительного послевоенного периода нейтралитета Финляндии, разрушенного современным вхождением этой страны в НАТО. Использование сравнительно-исторического метода, по мнению авторов статьи, позволит педагогу и учащимся выработать более обоснованные оценочные суждения по ходу анализа причин и последствий изучаемых военных конфликтов путем сравнения внешнеполитических целей, соотношения задействованных сил, стратегии и тактики воюющих сторон. Апробирование по методу педагогического эксперимента предлагаемого в статье способа раскрытия на уроке сложной и актуальной исторической темы посредством анализа причинно-следственных связей, предоставляет возможность рассчитывать на плодотворную практическую реализацию предложенного в данной публикации материала как на базовом, так и на профильном уровнях школьного исторического образования,

Результаты и обсуждения

Изучение в школьном курсе истории военного противостояния СССР и Финляндии в период Второй мировой войны в методическом плане осложняется тем, что достаточно скупо представленный материал по проблемам взаимоотношений нашей страны с северным соседом разбросан по разным учебникам и разделам, и поэтому, данная тема прежде всего требует от преподавателя обстоятельного и крайне необходимого в данной ситуации научного анализа истоков русско-финских взаимоотношений, призванного представить для учащихся целостное в своей сложности историческое полотно противоречивых последствий более чем столетнего пребывания страны Суоми в рамках российских имперских границ, без которого невозможно понимание факторов ставших детерминантами советско-финских военных конфликтов:

– прежде всего, следует подчеркнуть, что включение Финляндии в состав Российской державы в результате русской победы над Швецией в войне 1808-1809 гг. парадоксально означало для финского народа обретение собственной государственности – в виде Великого княжества Финляндского, располагавшего на фоне российского самодержавия широкой автономией на основе законов конституционного характера, парламентских учреждений и даже собственной армии (не случайно в 2008 – 2009 гг. финская общественность достаточно широко отмечала двухвековую

юбилей этих рубежных для страны событий) [13, с. 146-147];

– следует учитывать и то, что сам факт присоединения Суоми был обусловлен не только успехами русского оружия, но и движением финляндского сепаратизма, породившего еще с конца XVIII столетия серию политических планов обретения Финляндией независимости под покровительством российской державы: идеологом этого течения был Георг Магнус Спренгтпортен (ставший впоследствии первым русским генерал-губернатором Финляндии), а активным поборником – Густав Мориц Армфельт (личность представляющая для исторического образования в Калужском крае очевидный интерес в плане краеведения: после бегства в Россию в 1794 г. он был определен Екатериной II на жительство в Калугу, где и проживал до 1797 г. инкогнито под фамилией скромного аптекаря Брандта) [6];

– элита Великого княжества Финляндского была заинтересована в присоединении к России и верой и правдой служила империи: именно Карл Эрих Маннергейм, прадед знаменитого маршала Финляндии, осенью 1808 г. в российской столице от имени финляндской делегации обратился с верноподданнической речью к Александру I [11, с. 8; 13, с. 144], а военная карьера его правнука – это образец честного военного служения империи;

– и главное, за столетие пребывания в составе России на основе прогресса промышленности, сельского хозяйства, науки, литературы и искусства Великого княжества Финляндского сформировалось финское национальное самосознание [8, с. 4-5; 13, с. 148] – крайне важным в этом процессе было предоставление к 1883 г. финскому языку государственного статуса.

Однако, даже широкая автономия оказалась не способна отменить стремление молодой и успешно развивающейся нации к независимости. Тем более, что на рубеже XIX-XX вв. автономия Великого княжества Финляндского испытала на себе жесткое давление политики русификации, включавшей ликвидацию собственной финской армии, введение русского языка наряду со шведским и финским, ограничение прав и полномочий сейма Финляндии в интересах правительства и государственной думы Российской империи и последующий роспуск финского парламента и репрессии против активистов национального движения в 1910-1914 гг.

В конечном итоге эта политика стимулировала рост финского национализма и движения за независимость Суоми, в качестве рубежных вех которого преподаватель может выделить для учащихся убийство российского генерал-губернатора Н.И.

Бобрикова в 1904 г., создание тайных отрядов самообороны под видом спортивных обществ и финское егерское движение в годы Первой мировой войны, выразившееся в бегстве финских националистов в Германию, где из них был образован егерский батальон, воевавший против России и впоследствии сыгравший решающую роль в гражданской войне 1918 г.

Одновременно, крайне важно обратить внимание учащихся на породившее в будущем негативные последствия решение Александра I присоединить к обретенному финляндским населением автономному государству так называемую «Старую Финляндию» (т.е. земли губерний Выборгской и Кюменегородской, которые были завоеваны Россией в войнах со шведами еще при Петре I и Елизавете Петровне) – в итоге финская граница стала проходить всего в 32 километрах от Санкт-Петербурга, что станет геополитической причиной для трех войн советского государства с Суоми [13, с. 147].

В целом, представляя учебной аудитории комплекс исторических предпосылок военного противостояния СССР и Финляндии в период Второй мировой войны, необходимо акцентировать внимание на изначальной противоречивости советско-финских отношений: обретение Суоми независимости в декабре 1917 г. благодаря ленинскому декрету сталкивается с поддержкой со стороны Советской России финских «красных» в кровавой гражданской войне в Финляндии в 1918 г. (что позволяет финским националистам именовать эту войну «освободительной»), а отказ молодой Финляндии поддержать наступление русских белогвардейцев на Петроград, так как последние исходили из идеи единой и неделимой России (и как результат – поражение Маннергейма на президентских выборах 1919 г.) точно также наталкивается на советско-финскую войну 1918-1920 гг. завершившуюся Тартуским мирным договором. Данный договор, сравниваемый российскими авторами на основе уступок сделанных РСФСР в отношении своего маленького северного соседа с «позорным и похабным» Брестским миром [15], по оценке известного финского политика Паасикиви, установил для финской стороны слишком хорошую, чтобы она стала постоянной, границу – с точки зрения геополитики маленькая страна получала явное преимущество перед гигантской соседней державой (финская граница осталась в опасной близости от Петрограда, Суоми сохранила господствующие позиции в Финском заливе и приобрела в Заполярье область Петсамо) – во многом именно эти факторы станут детерминантами последующих конфликтов.

Поэтому, среди причин советско-финской войны 1939-1940 гг. необходимо акцентировать внимание учащихся на взаимообусловленной связи двух стратегических целей СССР:

– прежде всего, это стремление советского руководства обеспечить безопасность Ленинграда, для чего, соответственно, требовалось отодвинуть границу на Карельском перешейке и получить ряд островов в Финском заливе – при этом нежелание финской стороны согласиться на предложенный обмен территорий (Карельский перешеек, где находилась стратегически важная для финской стороны линия Маннергейма, на более крупную часть северной Карелии) становится достаточно понятным если учащиеся вспомнят последствия для Чехословакии Мюнхенского соглашения, когда уступка Германии Судетской области с важными пограничными укреплениями привела в итоге к оккупации страны;

– вторая (и возможно, основная цель Сталина в этой войне – хотя именно этот аспект вызывает дискуссии исследователей) это советизация Финляндии: на наш взгляд именно по этой проблеме на уроке уместно применение дискуссионного обсуждения таких вопросов как – насколько на решимость Финляндии в этой войне повлияла судьба Эстонии, Латвии и Литвы (куда уже были введены советские войска), а также создание советским руководством в г. Терийоки финского «народного правительства», которое возглавил коммунист Отто Куусинен, а затем и «финской народной армии» укомплектованной советскими карелами и финнами (другой возможной темой для дискуссии учащихся может быть Майнильский инцидент ставший поводом к данной войне).

Что же помешало Сталину решить стратегическую задачу советизации Суоми? Почему Финляндия в 1940 г. не разделила участь прибалтийских республик? Среди причин неудач советских войск в «зимней войне» преподавателю прежде всего следует подчеркнуть в целом неприятие финским народом идеи советизации страны, высокие боевые качества финских солдат, их продуманную тактику, вооружение и снаряжение идеально подходящие к сложным природно-климатическим условиям Суоми, помощь со стороны западных стран, и наоборот, недооценку противника с советской стороны, негативные последствия сталинских репрессий (как для кадрового состава армии, так и в плане подавления инициативы), серьезные просчеты в тактике, вооружении и снаряжении РККА. В то же время не следует преувеличивать значение и роль линии Маннергейма – у финской стороны просто не было ресурсов для сооружения сверхмощных укреплений на

уровне линий Мажино или Зигфрида [9, с. 158-160].

Выделяя итоги советско-финской войны 1939-1940 гг. крайне важно подвести учащихся к пониманию сложности и противоречивости последствий данного конфликта:

- с одной стороны, в геополитическом плане, СССР добившись желаемых территориальных изменений за счет Финляндии (присоединение Карельского перешейка, островов в Финском заливе, части полуостровов Рыбачий и Средний в Заполярье, аренда базы Ханко) укрепил свои рубежи и отодвинул границу от Ленинграда, однако в 1941 г. финское наступление на ленинградском направлении будет остановлено только на линии старой границы 1939 г.

- военный успех был куплен дорогой ценой: по официальным данным потери СССР превысили 126 тысяч погибших (против 48 тысяч у финнов) [14, с. 186], пострадал и международный авторитет советской державы – СССР как агрессор был исключен из Лиги наций;

- война дала драгоценный боевой опыт и вскрыла целый ряд недостатков в вооружении и подготовке советских войск, что было более чем актуально в свете укрепления обороноспособности СССР накануне Великой Отечественной войны, но одновременно СССР в лице Финляндии приобрел враждебно настроенного соседа стремящегося к реваншу [16], что делало неизбежным новое столкновение двух стран.

В этой связи продуктивным в плане активизации мышления учащихся представляется моделирование в игровом режиме альтернативной исторической ситуации, когда при условии ненападения СССР на Финляндию в 1939 г., эта страна могла остаться нейтральной по примеру соседней Швеции, с которой исторический путь Суоми всегда был тесно связан. Разумеется, подобный экскурс в «альтернативную историю» должен быть завершен анализом всего комплекса советско-финских противоречий, которые в реальности привели к новой войне.

Поэтому анализ причин противостояния СССР и Финляндии необходимо начинать с формирования у школьников четких представлений о реваншистских настроениях в правящих верхах Суоми к 1941 г., которые к тому же опирались на идею «великой Финляндии», предполагавшую объединение под эгидой Хельсинки финно-угорских народов и захват у СССР как минимум Кольского полуострова и Советской Карелии. Подобные устремления подпитывались сохраняющейся с точки зрения финнов угрозой советизации их страны: о чем недвусмысленно свидетельствовали

участь прибалтийских республик, включенных в состав СССР в 1940 г., требования советского руководства о предоставлении транзита войск через финскую территорию к военно-морской базе Ханко (и одновременной демилитаризации финнами Аландских островов), создание Карело-Финской ССР, которую возглавил Отто Куусинен, прекращение поставок советского зерна в Финляндию.

Главное же внимание учащихся следует акцентировать на процессе оформления военного союза Финляндии и нацистской Германии: уже с сентября 1940 через финскую территорию начался транзит немецких войск и тогда же было достигнуто соглашение генштабистов двух стран о совместном нападении на СССР [1, с. 25-26, 28]. Символом германо-финского военного союза стало создание в июне 1941 г. добровольческих финских подразделений СС [4, с. 244-247]. В итоге известный своими опубликованными воспоминаниями финский политик В. Войонмаа, тогда же – в июне 1941 г. – уже характеризовал Финляндию как державу «оси» с армией готовой к нападению на СССР [3, с. 32]. С первых дней войны в июне 1941 г. германская авиация и ВМС действовали против СССР с финской территории. После высадки финских войск на Аландских островах, нарушившей соглашение о демилитаризации этого архипелага, 25-30 июня советская авиация провела ряд бомбардировок финской территории – хотя целью были аэродромы люфтваффе, пострадали финские гражданские объекты и руководство Суоми получило повод для открытого вступления в войну: 29 июня 1941 г. финские войска начали совместное с гитлеровцами вторжение на советскую территорию [12, с. 19].

При разборе с учащимися хода военного противостояния СССР и Финляндии в 1941-1944 г. следует учитывать (особенно при организации самостоятельной работы школьников с ресурсами интернета и публицистической литературой) вероятность столкновения с примерами фальсификации той роли, которую Финляндии сыграла в качестве союзника Гитлера в эти годы – поэтому для преподавателя важно обратить внимание аудитории на следующие политические мифы:

- прежде всего, это утверждение о том, что финская армия в 1941-1944 гг. независимо от Третьего Рейха осуществляла свою некую особую войну против Советского Союза – которая поэтому и получила в финском обществе название «война-продолжение», т.е. справедливая война, порожденная советским нападением в 1939-1940 гг.: смысл данной интерпретации исторических событий заключается в том, чтобы представить

Финляндию, как жертву агрессивного СССР, не связанную с преступным нацистским режимом.

– этим же целям подчинен и целый ряд мифов о финском маршале Маннергейме: утверждения о том, что он фактически спас Ленинград, вопреки требованиям гитлеровских генералов отказавшись от удара по городу с севера, и точно также, сорвал планы немцев в Заполярье, отказавшись перерезать мурманскую железную дорогу [7, с. 207-208] (хотя проведенный с учащимися на основе историографии элементарный анализ численности и вооружения финской армии наглядно демонстрирует отсутствие у Финляндии людских ресурсов и материально-технической базы для осуществления таких стратегических операций – например, у финнов просто не было тяжелых танков).

Объективный анализ архивных документов и с советской, и с финской стороны осуществленный отечественными историками более чем убедительно разоблачает подобное политическое мифотворчество, имеющее своей целью обеление финского милитаризма [1, 5]. Осуждение активного сотрудничества финской стороны с нацистской Германией, превратившее Финляндию в прямого пособника гитлеровских преступников, можно увидеть и в зарубежных публикациях [2, с. 318, 335].

Выводы

В заключении данной темы преподаватель должен акцентировать внимание учащихся на мощном советском наступлении летом 1944 г. (Выборгско-Петрозаводская операция), которое вынудило Финляндию 19 сентября 1944 г. подписать соглашение о перемирии и начать военные действия против Германии (Лапландская война: сентябрь 1944 – апрель 1945 г.). В феврале 1947 г. будет подписан Парижский мирный договор между СССР и Финляндией. Формулируя исторические итоги последнего советско-финского конфликта, по ходу учебного занятия следует выделить: выплату Финляндией репараций в объеме трехсот млн. долларов, предоставление права

транзита советских войск через финскую территорию, легализацию компартии в Финляндии, и главное – возвращение Суоми к границам 1940 г. и новые территориальные уступки в пользу СССР – область Петсамо (Печенга) с месторождениями никеля в Заполярье и аренда военно-морской базы Порккала-Удд вблизи Хельсинки. Несмотря на заявленный первоначально полувековой срок аренды упомянутой ВМБ, она уже в январе 1956 г. будет досрочно возвращена Н.С. Хрущевым финской стороне. Данный факт может рассматриваться при подведении учащимися итогов по изучаемой теме как показательный и символический: понеся значительные людские, материальные и территориальные потери в противостоянии с СССР, Финляндия, тем не менее, на фоне многих стран оказавшихся под жестким советским контролем, сохранила независимость, гарантом которой была продолжавшаяся более семи десятилетий политика дружественного нейтралитета по отношению к огромному восточному соседу, но – нейтралитета вынужденного, от которого финская сторона быстро отказалась в связи с началом СВО, что и определило вступление Суоми в НАТО. Таким образом, история советско-финских конфликтов крайне важна для понимания причин и перспектив развития современных международных отношений на Севере Европы.

В то же время применительно к истории Калужского края (как впрочем и любого региона России) серьезный образовательный потенциал (в плане проектной и исследовательской деятельности школьников) открывается при изучении биографий земляков – участников военных конфликтов с Финляндией в 1939-1944 г.: молодое поколение калужан обязано помнить таких людей как Петр Трофимович Сокур (1911-1987 гг.) – Герой Советского Союза, защитник знаменитой базы Гангут (Ханко) в 1941 г., как и многих наших сограждан защищавших в эти грозные годы балтийские и северные рубежи нашей державы.

Список источников

1. Барышников Н.И. Финляндия: Из истории военного времени 1939-1944. СПб.: Наука, 2010. 409 с.
2. Бут М. Почти идеальные люди. Вся правда о жизни в «Скандинавском раю». М.: Издательство «Эксмо», 2017. 512 с.
3. Войонмаа В. Дипломатическая почта. М., Прогресс, 1984. 284 с.
4. Дробязко С.И., Романько О.В., Семёнов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: Астрель, 2011. 844 с.
5. Клинке А. Маннергейм и Блокада: запретная правда о финском маршале. М.: Яуза-пресс, 2017. 224 с.
6. Кнапас Р. Густав Мориц Армфельт // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf

7. Курков В.В. Сателлиты Гитлера: участие финнов в оккупации Калужского края и Подмосковья – мифы и реальность // Великая Победа: история и современность: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М.: РУТ (МИИТ). РОАТ, 2020. С. 195 – 209.
8. Кяйвярайнен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1965. 284 с.
9. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб.: ООО Издательство «Карелико», 2010. 176 с.
10. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939-1945. М.: ЗАО «ОЛМ Медиа Групп», 2011. 672 с.
11. Мери В. Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.
12. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л.: Наука, 1970. 414 с.
13. Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805-1815). М.: Издательство «Весь мир», 2012. 520 с.
14. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. 624 с.
15. Смолин А.В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб.: Евразия, 2020. 384 с.
16. Чубарьян А., Вехвиляйнен О. Зимняя война, 1939-1940. Политическая история. М.: Наука, 1999. 382 с.

References

1. Baryshnikov N.I. Finland: From the History of Wartime 1939-1944. SPb.: Nauka, 2010. 409 p.
2. Booth M. Almost Ideal People. The Whole Truth about Life in the "Scandinavian Paradise". Moscow: Eksmo Publishing House, 2017. 512 p.
3. Voonmaa V. Diplomatic Mail. Moscow, Progress, 1984. 284 p.
4. Drobiazko S.I., Romanko O.V., Semenov K.K. Foreign Formations of the Third Reich. Moscow: Astrel, 2011. 844 p.
5. Klinge A. Mannerheim and the Blockade: The Forbidden Truth about the Finnish Marshal. M.: Yauza-press, 2017. 224 p.
6. Knapas R. Gustav Moritz Armfelt. One Hundred Remarkable Finns: A Kaleidoscope of Biographies. Helsinki: Finnish Literary Society, 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
7. Kurkov V.V. Hitler's Satellites: The Participation of Finns in the Occupation of the Kaluga Region and the Moscow Region – Myths and Reality. The Great Victory: History and Modernity: Collection of Papers of the International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War. M.: RUT (MIIT). ROAT, 2020. P. 195 - 209.
8. Käiväräinen I.I. International relations in the North of Europe in the early 19th century and the annexation of Finland to Russia in 1809. Petrozavodsk: Karelian Book Publishing House, 1965. 284 p.
9. Mannerheim Line. Finland's defensive shield: from idea to implementation. SPb: ООО Izdatelstvo "Kareli-ko", 2010. 176 p.
10. Medinsky V.R. War. Myths of the USSR. 1939-1945. Moscow: ZAO "OLM Media Group", 2011. 672 p.
11. Mary V. Mannerheim – Marshal of Finland. Moscow: New Literary Review, 1997. 208 p.
12. Unconquered Leningrad. A brief essay on the history of the city during the Great Patriotic War. L.: Nauka, 1970. 414 p.
13. Roginsky V.V. The Struggle for Scandinavia. International Relations in the North of Europe during the Napoleonic Wars (1805-1815). M.: Ves Mir Publishing House, 2012. 520 p.
14. Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Book of Losses. M.: Veche, 2010. 624 p.
15. Smolin A.V. "New Brest". The Tartu Peace of Soviet Russia with Finland in 1920. St. Petersburg: Eurasia, 2020. 384 p.
16. Chubar'yan A., Vekhvilaäinen O. Winter War, 1939-1940. Political History. M.: Nauka, 1999. 382 p.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, vkurkov@gmail.com

Тимонина И.Е., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Тимонина И.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 347.993"18"(47+57)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-100-112

Хроника поиска погибших бойцов и командиров отряда «Особые» ОМСБОН НКВД СССР под командованием майора П.А. Коровина и результаты увековечения памяти о них

¹ Штепа А.В.,

¹ Сапожников М.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье исследуются результаты экспедиций поисковых объединений по установлению места гибели подразделений сводного отряда «Особые» Отдельной бригады особого назначения НКВД СССР под командованием майора П.А. Коровина, принявших последний бой с частями вермахта 30 июня 1942 г. в районе Варшавского шоссе на территории нынешней Калужской области. Описаны различные методики установления личностей бойцов и командиров сводного отряда «Особые» и поиска их родственников, в том числе с применением метода М.М. Герасимова, проведением почерковедческой экспертизы и сравнительного анализа ДНК. Проведён анализ на соответствие действительности и полноты информации, отраженной как в советских документах, так и в материалах вермахта. Выявлены несоответствия в увековечении их личностей в части мест захоронений и статуса (погибший/без вести пропавший) и сформированы предложения по их минимизации. Отражена работа по увековечению как фактического места гибели отряда «Особые» так и персонально установленных воинов (Д.С. Сойфера, А.А. Наговицына, М.А. Холостова, В.Ф. Фабрикова, К.П. Лошкарева, Г.М. Репнина, С.Н. Митюшина, М.И. Бортовова, П.Я. Попова). На основе имеющейся информации установлены фамилии участников последнего боя из сводного отряда «Особые», которые остались живы (А.А. Рязанцев, Н.С. Андреев – в плену не были) и личности 20 бойцов и командиров, попавших в немецкий плен, а также выдвинуто предположение о количестве обнаруженных и не найденных бойцов отряда «Особые».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР, Смоленская область, Калужская область, сводный отряд «Особые», П.А. Коровин, диверсии, немецкий тыл, поисковое движение, эксгумация, увековечение, поиск

Для цитирования: Штепа А.В., Сапожников М.В. Хроника поиска погибших бойцов и командиров отряда «Особые» ОМСБОН НКВД СССР под командованием майора П.А. Коровина и результаты увековечения памяти о них // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 100 – 112. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-100-112

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Chronicle of the search for the dead soldiers and commanders of the "Special" detachment of the Separate Special Purpose Brigade of the NKVD of the USSR under the command of Major P.A. Korovin and the results of perpetuating their memory

¹ Shtepa A.V.,

¹ Sapozhnikov M.V.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article examines the results of expeditions of search associations to establish the place of death of units of the combined detachment "Special" of the Separate Special Purpose Brigade of the NKVD of the USSR under the command of Major P.A. Korovin, who took the last battle with units of the Wehrmacht on June 30, 1942 in the area of the Warsaw highway in the territory of the present Kaluga region. Various methods of identifying the soldiers and commanders of the combined detachment "Special" and searching for their relatives are described, including using the method of M.M. Gerasimov, conducting handwriting expertise and comparative DNA analysis. The analysis is carried out for compliance with the reality and completeness of the information reflected both in Soviet documents and in the materials of the Wehrmacht. Inconsistencies were revealed in the perpetuation of their personalities in terms of burial sites and status (deceased/missing) and proposals were formed to minimize them. The work on perpetuating both the actual place of death of the "Special" detachment and personally identified soldiers (D.S. Soifer, A.A. Nagovitsyn, M.A. Kholostov, V.F. Fabrikov, K.P. Loshkarev, G.M. Repnin, S.N. Mityushin, M.I. Bortovova, P.Ya. Popova) is reflected. Based on the available information, the names of the participants of the last battle from the consolidated Special detachment who remained alive (A.A. Ryazantsev, N.S. Andreev were not captured) and the identities of 20 fighters and commanders who were captured by the Germans were established, as well as an assumption about the number of discovered and the fighters of the "Special" squad who were not found.

Keywords: Great Patriotic War, Separate motorized rifle brigade of special purpose of the NKVD of the USSR, Smolensk region, Kaluga region, combined detachment "Special", P.A. Korovin, sabotage, German rear, search movement, exhumation, perpetuation, search

For citation: Shtepa A.V., Sapozhnikov M.V. Chronicle of the search for the dead fighters and commanders of the "Special" detachment of the Separate Special Purpose Brigade of the NKVD of the USSR under the command of Major P.A. Korovin and the results of perpetuating the memory of them. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 100 – 112. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-100-112

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: November 25, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Более 35 лет поисковые объединения ведут кропотливую полевую и архивную работу по выявлению имён и обнаружению останков погибших и числящихся без вести пропавшими в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. защитников Отечества. Благодаря систематическому проведению различного рода поисковых экспедиций в районе урочищ Зуев Хутор и Таракановка Юхновского района Калужской области, а также применению комплексного подхода к изучению обнаруженных останков солдат, личных вещей и боеприпасов, удалось определить и исследовать место последнего боя отряда «Особые», сформированного из бойцов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (далее – ОМСБОН) НКВД СССР под командованием майора П.А. Ко-

ровина, а также идентифицировать останки и установить личности некоторых из обнаруженных солдат.

Материалы и методы исследований

В статье рассматриваются проблемы, связанные с идентификацией личностей воинов, обнаруженных по результатам проведения поисковых экспедиций в районе урочищ Зуев Хутор и Таракановка Юхновского района Калужской области с конца 1990-х гг. по настоящее время. Описаны практические подходы в установлении личностей военнослужащих, в том числе с использованием почерковедческой экспертизы, сопоставления воспоминаний участников событий и проведения ДНК-экспертиз. Выявлены ошибки в увековечении (от неправильного написания ФИО и ошибочного отнесения к подразделению до несоответ-

ствия документально учтённого места захоронения с фактическим).

Авторами вводятся в научный оборот рассекреченные архивные данные из Центрального оперативного архива УРАФ ФСБ России (боевые донесения П.А. Коровина руководству ОМСБОН НКВД СССР, протоколы его допроса после возвращения из плена и др.), использованы воспоминания выживших бойцов отряда «Особые», привлечены сведения из журналов боевых действий, как частей Красной армии, так и вермахта. Ранее авторами была опубликована статья по исследованию эпизодов диверсионно-разведывательной работы сводным отрядом «Особые» в немецком тылу в апреле-июне 1942 г., а также реконструированы обстоятельства гибели бойцов отряда в ходе последнего боя 30.06.1942 г. [40]. В данной работе основное внимание будет сосредоточено на процессе увековечения памяти павших и пропавших без вести омсбонцев.

Результаты и обсуждения

В Калужской области немало памятных мест, связанных с героическим прошлым эпохи Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Об этом говорят живые страницы летописи о войне. Но место, о котором пойдёт речь, до середины 2000-х гг. оставалось неизвестным даже людям, посвящённым во многие военные тайны, оно связано с гибелью трёх отрядов из состава ОМСБОН НКВД СССР.

О воинах подобных подразделений широкой общественности стало известно после героического боя произошедшего 23.01.1942 г. в дер. Хлуднево нынешнего Думиничского района Калужской области между немецкими частями и разведгруппой лыжников из отрядов ОМСБОН, которые командование советских 10-й и 16-й армий использовало для войсковой разведки и рейдов в тыл противника. В целях сохранения исторической памяти, а также увековечения подвига бойцов, в декабре 1967 г. был открыт памятник воинам-омсбонцам [32, с. 22].

О подразделении ОМСБОН, имевшее кодовое название «Особые» известно, что оно было создано весной 1942 г. под общим командованием кадрового офицера – пограничника Петра Алексеевича Коровина, капитана (с мая 1942 года – майора) и включало в себя 4 отряда численностью по 37 человек каждый, имевшие позывные: «Восточные-1» капитана Н.С. Артамонова (комиссар М.И. Строганов), «Восточные – 2» старшего лейтенанта Н.А. Балашова (комиссар Л.И. Межиков), «Восточные – 3» старшего лейтенанта С.Л. Матросова (комиссар П.Я. Попов), «Восточные – 4» лейтенанта Г.Ф. Шевченко (комиссар, мл. политрук А.З.

Катулин). В конце марта 1942 г. они по личному указанию командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова были заброшены в тыл противника с целью проведения различного рода диверсий в районе Смоленск – Орша – Витебск, где располагались крупные транспортные узлы и дороги, питавшие войска немецкой группы армий «Центр» личным составом, новой техникой, вооружением [39].

В ходе исследования было установлено, что после выполнения боевого задания в конце мая 1942 г. «Особые» получили разрешение на выход из вражеского тыла. Отряду «Восточные-1» капитана Н.С. Артамонова с небольшими потерями в личном составе удалось соединиться с частями Красной армии на участке Калининского фронта [8, с. 94].

26.06.1942 г. обессиленный личный состав трёх отрядов: «Восточные – 2», «Восточные – 3», «Восточные – 4» вышли к д. Савинки Юхновского района (ныне не существует), не имея действующей радиосвязи [24, с. 5] в надежде на то, что на данном участке удастся перейти линию фронта. Долгое время советскому командованию ничего не было известно о судьбе этих отрядов, их личный состав приказом по ОМСБОН № 140 от 18.04.1943 г. был исключён из списков бригады как пропавший без вести при выполнении боевого задания в тылу противника [27]. На сегодняшний день на основании архивных документов, записанных личных свидетельств выживших участников, в том числе самого П.А. Коровина, бежавшего из плена и воевавшего в составе партизанских соединений Белоруссии, мы знаем подробности последнего боя сводного отряда «Особые», который произошёл 30.06.1942 г. [4, л. 102]. Однако место гибели отряда и судьба 110 его воинов оставались неизвестными фактически до наших дней. В 1970-х гг. инициативной группой, в состав которой входили и выжившие бойцы ОМСБОН, предпринимались попытки обнаружить место последнего боя, однако они не увенчались успехом. Выживший ОМСБОНовец В.М. Типаков из разведгруппы ст. сержанта Б.М. Бурондасова пишет: «Но разве не должны мы, живые, увековечить память тех, кто погиб? ... Я давно думаю об этом... Хотел отыскать место последнего боя и поставить там скромный обелиск, и чтобы были на нём имена ста десантников ОМСБОНа. Но не найти видно того места, если уж не смогла сделать это ваша экспедиция на мотоциклах, хотя с вами был Виталий Масляков, участник того боя» [38, с. 201].

В.Я. Корзенков (1920-1999), уроженец д. Грачевки Юхновского района (ныне – Калужская область), рядовой, автоматчик отряда «Восточные–

4», попавший в плен к фашистам утверждал, что он был доставлен для допроса в немецкий штаб в д. Спорное, находившийся в 10 км от д. Барсуки Мосальского района Калужской области, расположенной на Варшавском шоссе. По его заявлениям именно в районе д. Спорное состоялся последний бой отрядов П.А. Коровина. Эта версия и легла в основу увековечения памяти погибших и без вести пропавших бойцов и командиров отряда «Особые».

02.07.1988 г. в с. Климов Завод Юхновского района Калужской области на братской могиле были открыты мемориальные доски с фамилиями и инициалами воинов отряда «Особые». В церемонии открытия принимали участие выжившие

ОМСБОНовцы: В.Я. Абрамов, А.Л. Востриков, В.Я. Корзенков, В.А. Масляков, В.Т. Рязанцев, М.И. Строганов, В.В. Терехов, В.М. Типаков. Место увековечения было выбрано исходя из того, что на тот момент братская могила являлась ближайшей к д. Спорное из паспортизированных и состоящих на учёте в реестре воинских захоронений на территории Калужской области. Других, должным образом оформленных мемориалов и захоронений, в этом районе просто не было. В неё в рамках политики укрупнения воинских захоронений были захоронены солдаты из близлежащих деревень. Предполагалось что в ней могут находиться и останки солдат отряда «Особые».

Рис. 1. Церемония открытия мемориальных плит в с. Климов Завод Юхновского района Калужской области 2 июля 1988 года.

Fig. 1. Ceremony of opening of memorial plaques in the village of Klimov Zavod, Yukhnovsky district, Kaluga region, July 2, 1988.

Стоит отметить, что увековечили имена тех, кто остался жив, и более того – стал изменником Родины и пособником гитлеровцев, а именно Н.В. Рощенко (1921 – ?), который был осужден военным трибуналом по ст. 58-1 «б» УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Данных об освобождении не имеется [35, с. 4]. Позже его фамилия и инициалы были стёрты с мемориальной плиты. Также стоит отметить, что Н.В. Рощенко в 1985 г. был награждён орденом Отечественной войны II степени [31].

После реконструкции воинского захоронения в с. Климов Завод в сентябре 2021 г. на мемориальных плитах остались увековеченными имена 111 воинов ОМСБОН (из них 100 чел. из отряда «Особые», имена 12 воинов увековечены с ошибкой в написании).

С целью проверки версии В.Я. Корзенкова о месте боя в районе д. Спорное поисковиками не-

однократно проводились разведывательные экспедиции в окрестностях этой деревни, но по результатам их проведения не удалось обнаружить доказательств в её подтверждение.

После долгих архивных изысканий и «прочёсывания» местности поисковики вышли на иное предполагаемое место последнего боя «Особых» в районе урочищ Зуев Хутор и Таракановка Юхновского района Калужской области. Известно, что в данном районе в конце января 1942 г. в тылу противника действовал подвижной отряд 290-й стрелковой дивизии под командованием полковника П.Я. Тихонова [26, л. 66], а с апреля 1942 г. по март 1943 г. на тех же «непроходимых» позициях фашистов героически умирали воины 42-й стрелковой дивизии [7, лл. 4, 236].

По информации командира поискового отряда «Эхо войны» (г. Обнинск) В.Е. Ермалюка, который среди официальных поисковиков одним из

первых изучил этот район в конце 1990-х гг., местными жителями из близлежащих деревень, собиравших остатки военного имущества, были переданы для захоронения останки 6 или 7 советских воинов.

Необходимо учесть, что поиск в данной местности осуществлялся не только силами официальных поисковых отрядов, которые в соответствии с российским законодательством обязаны документировать результаты работ, но и энтузиастами в порядке самодеятельной инициативы, или «чёрными копателями», деятельность которых никак не документируется. Эти факторы стали основополагающей проблемой в вопросах учёта, идентификации и увековечения обнаруженных солдат и командиров.

Также немаловажным пробелом в вопросах установления личностей бойцов в конце 1990-х — начале 2000-х гг. было не знание поисковиками возможностей применения сравнительного анализа ДНК, метода М.М. Герасимова, позволяющего восстановить черты лица по черепу, а также проведение эксгумации без использования археологического метода с детальной фото, или видеофиксацией.

Осенью 1998 г. поисковиками из г. Обнинска в ходе полевых работ в районе урочищ Зуев Хутор и Таракановка были обнаружены от 69 до 79 советских воинов (точное количество не известно, ввиду отсутствия учётных документов), личности которых не удалось установить, но исходя из найденных личных вещей их принадлежность определили к частям 42-й сд 49-й армии. Обнаруженные останки были помещены во временное захоронение.

01.10.2000 г. бойцами поисковых отрядов «Эхо войны» и «Память» из г. Обнинска (В.Е. Ермалюк, В.В. Старосельский, В.В. Юдин, С.А. Кузнецов и др.) были обнаружены два санитарных захоронения, в которых находились останки 10 (С 54.687633 В 035.082683) и 5 (С 54.687517 В 035.082600) человек соответственно. Места захоронений находились приблизительно в 30 м друг от друга [28, л. 2]. Останки солдат по вооружению и амуниции отличались от пехотинцев 42-й сд, были обуты в сапоги, не имели касок, противогазов, малых пехотных лопат.

В ходе эксгумации и рядом с местами захоронений удалось обнаружить: 8 алюминиевых фляжек, наполненных водой, фрагменты вещмешков, части экипировки, бритвенный станок, мундштук, 6 гранат Ф–1, 12 пачек патронов кал. 7,62х54, курительную трубку, пуговицы от нижнего белья и гимнастеров с изображением пятиконечной звезды, три компаса Андрианова, 8 алюминиевых сто-

ловых ложек (одна из них с надписью «хол»), 10 металлических котелков, 5 бакелитовых медальонов, 10 пар советских и немецких сапог (размера 41–44), трое ножен от штык-ножа к СВТ-40, четыре подсумка РККА с патронами кал. 7,62х54, два подсумка вермахта с патронами кал. 7,62х54, металлическую медицинскую шину (на руку), электродетонатор и пассатижи для обжатия капсуля-детонатора на огнепроводном шнуре, поясной ремень с пряжкой вермахта и истлевшие части формы вермахта. Идентификационный солдатский жетон (Erkennungsmarke) обнаружен не был [21, л. 26].

Виталий Юдин рассказывал, что в котелках осталась высохшая перловая каша, которая «прекрасно сохранилась, как и конский мосол в одном из котелков...» [25, с. 38]. Бывший командир отделения отряда «Восточные–3» Виталий Алексеевич Масляков (21.04.1919 – 08.05.2007) вспоминал: «Была сделана засада и убиты две немецкие лошади, которые были съедены отрядом для подкрепления перед переходом фронта». Данный факт подкрепляется и сведениями из военного дневника 260-й пд вермахта: «...В районе Харинки украдены 2 лошади, при их поиске один человек был застрелен, а другой ранен. Также в Спорное украдены 2 лошади» [41, с. 350].

Предположим, что «конский мосол» как раз и есть результат «работы» «Особых», у бойцов явно чувствовалась нехватка продовольствия, поэтому они взяли с собой на прорыв оставшиеся куски мяса.

Что касается обнаруженной формы вермахта, то также можно предположить что кто-то из «Особых» был переодет в неё ввиду пришедшей в негодность собственной формы, либо она была надета с расчётом использования в тактических целях при выходе из тыла противника.

Необходимо отметить, что за всё время проведения поисковых работ в окрестностях урочищ Зуев Хутор и Таракановка официальными поисковыми объединениями не было обнаружено ни одного солдата, или офицера вермахта. Дело в том, что в этой местности немецкие солдаты выносили тела погибших товарищей и хоронили их, как правило, на обустроенном дивизионном кладбище в д. Харинки (ныне не существует) Юхновского района.

Все останки (в том числе бойцы и командиры регулярных войсковых частей), обнаруженные в указанном районе были помещены во временное захоронение, а 22.06.2001 г. захоронены в братскую могилу в дер. Барсуки Мосальского района, однако акта об их захоронении авторам настоящей статьи обнаружить не удалось.

Найденные медальоны были переданы на экспертизу в экспертно-криминалистический отдел УВД Калужской области [36, л. 4] по результатам которой на одном из сохранившихся бланков удалось прочесть: «Ноговицын А.А..., выдано 19 марта 1942 г.». Лишь в 2003 г. поисковик из г. Обнинска А.И. Виноградов сумел по отisku мастичной гербовой печати восстановить номер войсковой части «1043», к которой относились обнаруженные воины. Именно этот факт стал отправной точкой в исследовании судьбы отряда «Особые».

Впоследствии удастся восстановить содержание остальных записей на бланке: «УДОСТОВЕРЕНИЕ. Выдано красноармейцу I мсп ОМСБОН НКВД СССР Ноговицын А.А. (фамилия и инициалы написаны рукой) в том что он выполняет спец. задание в районе действий ... Армии. Выдано «19» марта 1942 г. Начальник штаба полка майор /Морозов/. Подобные удостоверения получили и другие бойцы отряда. Часть из них хранятся в Центральном архиве ФСБ России.

Мы выяснили, что в целом ряде источников А.А. Наговицын, 1923 г. р., до сих пор неверно числится без вести пропавшим в марте 1942 г. [6; 11; 14], хотя воевал ещё 3 месяца, а в других, пропавшим без вести – 26.06.1942 г. [19, с. 325], или погибшим 26.06.1942 г. и похороненным в д. **Спорная** (правильно – Спорное) Юхновского района [17, с. 343]. В качестве солдата 208 (209) лб, 885 сп, 290 сд, 50 А, а не бойца ОМСБОН учтён в ряде изданий [10, с. 168; 12; 23], как погибший 19.03.1942 г. у д. Рыляки Юхновского района и погребённый в д. Барсуки Мосальского района (далее – д. Барсуки). На геопортале Калужской области повторно и правильно уже учтён как боец ОМСБОН, но погибший 26.06.1942 г. у д. **Спорная** и похороненным в г. Юхнове [15]. Аналогичная проблема, связанная с уточнением места и времени гибели бойца, выяснением воинской части, где он проходил службу, правильного места захоронения, существует и в отношении других воинов из отряда «Особые».

По скудным, еле сохранившимся записям в других медальонах были восстановлены имена Сойфера Давида Соломоновича 1912 г.р. уроженца г. Вильнюс (Литва), автоматчика отряда «Восточные – 4», супругу которого Векер Берту Соломоновну удалось разыскать; Холостова Михаила Александровича, 1917 г. р., уроженца г. Москвы, снайпера отделения В.М. Бурондасова, отряд «Восточные–3», его родственники солдата до сих пор не найдены. Если признать верными показания П.А. Коровина [33, лл. 102-103], то можно предположить, что с теми останками, которые бы-

ли идентифицированы по медальонам (Д.С. Сойфер, А.А. Наговицын, М.А. Холостов) находились останки С.М. Шаца, П.Ф. Терентьева и М.Ф. Крупина. Однако на текущий момент это не более чем гипотеза.

По информации В.Е. Ермалюка, командира поискового отряда «Феникс» Н.В. Комбаров (г. Белоусово) в районе Зуева Хутора в начале 2000-х гг. были найдены почти полтора десятка советских солдат в обуви и с обмундированием схожим с воинами ОМСБОН, но без медальонов и подписанных личных вещей, однако протоколы эксгумации на этих бойцов не заполнялись, или не найдены.

С весны 2003 г. по июнь 2007 г. поисковиками из Московской и Калужской областей под руководством А.И. Виноградова, председателя Калужской областной военно-патриотической общественной организации «Военный историк» В.В. Сапожникова, при непосредственном участии Л.Н. Марченкова и одного из авторов статьи М.В. Сапожникова и др. были обнаружены останки не менее 17 бойцов, среди которых удалось установить с высокой долей вероятности личности: младшего лейтенанта Фабрикова Василия Филипповича, 1912 г. р., уроженца д. Отрада Путятинского района Рязанской области, русского, беспартийного, командира отделения отряда «Восточные-2» (по найденным серебряным часам фирмы «Омега» № 5676112, которые упоминаются в переписке бойца с сестрой Шурой); Филичкина Виктора Никитовича, 1922 г. р., уроженца г. Москвы, рядового отделения Б.М. Бурондасова, отряд «Восточные-3» (по найденному алюминиевому котелку завода «Красный Выборжец» с нацарапанной фамилией «Филичкин»); Лошкарева Константина Павловича, 1919 г. р., уроженца д. Обухово Спиринского района Калининской области, выпускника Государственного Центрального ордена Ленина Института Физической культуры (далее – ГЦОЛИФК) 1941 г., фехтовальщика, стрелка отряда «Восточные-4» (с помощью почерковедческой экспертизы (сравнили заявление воина о вступлении в ОМСБОН с обнаруженными фрагментами писем) и по найденным значкам «Всесоюзный парад физкультурников 1939 г.», «Готов к труду и обороне» (серебряный) II ступени № 50405); Репнина Геннадия Михайловича, 1909 г. р. русского, беспартийного, уроженца г. Загорск, выпускника Высшей школы тренеров при ГЦОЛИФК 1937 г., автоматчика отряда «Восточные-2» (по алюминиевой ложке с надписью «1942 Ген Репнин») [30].

Предположительно найдены останки Евгения Викторовича Минина, 1920 г. р., уроженца г. Лодзь (Польша), рядового, автоматчика отряда «Восточные-4»; Колпакова Николая Егоровича,

1922 г. р., уроженца д. Боброво Тумановского района, помощника наводчика, отряд «Восточные-4»; Кутейщикова Николая Павловича, 1922 г. р., уроженца г. Москвы, отряд «Восточные-2»; Нечаева Олега Пантелеймоновича, 20.06.1907 г. р., уроженца г. Москвы, беспартийного, рядового отряда «Восточные-2»; Трофимова Анатолия Филипповича, 1920 г. р., уроженца г. Москвы, разведчика из отряда «Восточные-2», пропавшего без вести в ходе боя 30.06.1942 г.; Марценюка Петра Игнатьевича, 1923 г. р., уроженца станицы Красноармейская Сталинградской области, снайпера отряда «Восточные – 4», также пропавшего без вести в ходе последнего боя.

22.06.2007 г. на мемориальном комплексе в д. Барсуки Мосальского района Калужской области останки 145 солдат, обнаруженных по итогам поисковых экспедиций 2006-2007 гг., были захоронены в братскую могилу [20]. Из них 78 человек были перезахоронены из временного захоронения в районе урочища Зуев Хутор Юхновского района на берегу р. Рессы. Среди них предположительно 16 воинов отряда «Особые» [2].

22.03.2020 г. Л.Н. Марченковым в районе урочища Таракановка (С 54.688695 В 035.082974) был обнаружен и установлен по сохранившемуся в медальоне форменному бланку Митюшин Сергей Николаевич, 1917 г. р., уроженец г. Верея Московской области, рядовой из отряда «Восточные-3» (отделение П.Я. Попова) [29]. По данным Минобороны России боец числится пропавшим без вести 26.06.1942 г. [9]. По данным Книги Памяти пропал без вести в июне 1942 г. [18, с. 264], либо точнее 26.06.1942 г. [19, с. 314]. Благодаря помощи руководителя службы розыска семей советских военнослужащих, погибших и пропавших без вести в годы ВОВ Оксаны Николаевны Мухи (г. Москва) удалось найти родственников солдата. Хотя на галерее «Дорога Памяти» в настоящее время отражена информация, что родственники не найдены [37]. Его останки были захоронены в торжественной обстановке с отдаванием воинских и духовных почестей в братскую могилу в д. Барсуки 07.05.2020 г. [1]. На могиле установлена мемориальная плита с его фотографией [3].

27.09.2023 г. Л.Н. Марченковым в районе д. Рыляки (С 54.700700 В 035.091860) на глубине около полуметра были обнаружены останки двух неизвестных солдат, предположительно принадлежащие бойцам из группы под командованием ст. сержанта Б.М. Бурондасова (П.Я. Попов, А.С. Перевозчиков, А.А. Едличко, В.М. Типаков, М.И. Бортозов, И.К. Подорога), которую 26 июня 1942 г., накануне последнего боя, майор П.А. Коровин отправил в разведку с целью поиска благоприят-

ного места для перехода линии фронта. Группа с потерями сумела пробиться к своим, но была задержана сотрудниками особого отдела 49 А. Из сохранившийся докладной бойца А.А. Едличко от 14.07.1942 г. известно, что погибли трое – Попов, Бортозов, Подорога, и присоединившийся в пути к разведчикам боец из 4-го воздушно-десантного корпуса [5, л. 399]. Четыре бойца из разведки остались в живых.

В целях идентификации личностей 25.11.2023 г. в ходе закрытия Всероссийской акции «Вахта Памяти – 2023» в Калуге, останки солдат были переданы поисковикам из Региональной Общественной Молодёжной Организации «Объединение «Отечество» Республики Татарстан для проведения ДНК-исследования путём проведения сравнительного анализа с найденными родственниками. Образец буккального эпителия для ДНК-анализа в декабре 2023 г. были взяты у дочери М.И. Бортозова – Антонины Михайловны и лично командиром ПОО имени М.П. Краснопивцева М.В. Сапожниковым у дочери политрука П.Я. Попова – Елены Петровны. В мае 2024 г. стало известно, что по одному из солдат есть совпадение ДНК с Нагайцевой Антониной Михайловной (дочь Бортозова М.И.). На текущий момент у второго бойца не удалось выделить ДНК для сравнительного анализа, но на основании вышеуказанных фактов мы можем предположить, что останки второго солдата принадлежат Петру Яковлевичу Попову.

В поисковой практике это уникальный случай, когда сначала поисковики нашли родственники павших героев, а спустя несколько лет поисковиками были обнаружены останки бойцов.

Считаем необходимым также отметить, при поиске на местности, используя метод гильзовой дорожки, поисковики сопоставляли номерные обозначения на патронах, обнаруженных вместе с останками «Особых», такие как (первая цифра – завод, вторая год – авт): 17-41Ш, 17-38, 17-39Ш, 60-38, 60-39, 60-40, 60-41, 3В-39, 3В-41, а также латунные гильзы без маркировки. Также характерно, что гильзы с обозначением «Т-28» находились только от выстрела пулемета.

30.06.2018 г., спустя 76 лет на месте последнего боя сводного отряда «Особые» состоялась церемония открытия памятного знака с участием поисковиков, родственников солдат и других заинтересованных лиц. С инициативой выступил командир поискового общественного объединения имени М.П. Краснопивцева М.В. Сапожников. Её поддержала администрация Калужской области в лице заместителя губернатора Калужской области

Р.В. Смоленского и руководство управления ФСБ России по Калужской области [22].

22.06.2023 г. в ходе церемонии захоронения обнаруженных поисковиками бойцов и командиров Красной армии на братской могиле в д. Барсуки Мосальского района были установлены 12 мемориальных плит с фамилиями и инициалами 132 воинов, из них фамилии 82 бойцов отряда «Особые». Однако, помимо ошибок в написании фамилий и инициалов (17 человек), 5 человек были увековечены повторно (Н.П. Кутейщиков, С.Н. Митюшин, И.К. Подорога, А.П. Телков, П.Ф. Терентьев), а также 12 воинов увековечены из состава отряда «Восточные-1», 6 воинов из ОМСБОН, не входивших в отряд «Особые». Кроме того, по остальным 44 воинам, которые числятся в 22 томе Книги Памяти Калужской области как «боец отряда ОМСБОН НКВД» (43 из них с пометкой «Похоронен поисковиками») [16, с. 317-347] не удалось обнаружить информации о том, что они входили в состав ОМСБОН и, тем более, что их останки были обнаружены поисковыми отрядами и захоронены.

Отметим, что **только по девяти увековеченным** (выделено нами – Авт.) есть документальные подтверждения об их обнаружении и мы знаем, что их останки фактически захоронены в братскую могилу в д. Барсуки Мосальского района.

В списке захороненных воинов на мемориальном комплексе в д. Барсуки числятся 166 воинов, отнесённых к ОМСБОН (165 из них с пометкой «Похоронен поисковиками») [13].

Произошло ещё и задвоение увековечения на разных воинских захоронениях. Так, фамилии и инициалы 100 воинов отряда «Особые» увековечены на мемориальных плитах на братской могиле в с. Климов Завод Юхновского района.

Идея их увековечения на братской могиле в д. Барсуки Мосальского района родилась ещё в 2007 г., когда заместитель начальника управления ФСБ РФ по Калужской области полковник Б.М. Хашегульгов написал в редакцию Калужской областной Книги Памяти письмо, в котором указал на результаты работы поисковых отрядов по розыску и идентификации павших в период с весны 1942 г. по март 1943 г. воинов 42 стрелковой дивизии 50 армии и бойцов отряда «Особые», указав ФИО, должность и домашние адреса 19 военнослужащих ОМСБОН: Минина Е.В., Лошкарева К.П., Сойфера Д.С., Бортовова М.И., Терентьева П.Ф., Колпакова Н.Е., Телкова А.П., Шелковникова Ю.Т., Кутейщикова Н.П., Репнина Г.М., Фабрикова В.Ф., Попова П.И., Наговицына А.А., Филичкина В.Н., Холостова М.А., Шаца С.М., Подороги И.К., Крупнина М.Е., Митрошина П.П. [34].

Предполагаем что данная справка могла попасть в редакцию Книги Памяти Калужской области, где её сотрудники не правильно поняли содержание и внесли сведения о 169 бойцах, определив их принадлежность к ОМСБОН НКВД [16, с. 317–347] (только 82 из них входили в состав отряда «Особые»), захороненных в братскую могилу в д. Барсуки Мосальского района.

Произошло это и потому, что при решении вопроса не было осуществлено взаимодействие с поисковыми отрядами, работавшими на месте последнего боя отряда П.А. Коровина. К сожалению, на момент написания статьи, редактора Книги Памяти Калужской области Т.В. Романовой уже нет в живых, а нынешние сотрудники не обладают информацией откуда списки бойцов попали в редакцию для увековечения.

Выводы

Благодаря практической и научно-исследовательской работе членов поискового общественного объединения имени М.П. Краснопивцева, Калужской областной военно-патриотической общественной организации «Военный историк», поискового отряда «Россия», поискового отряда «Память» (г. Обнинск), поискового отряда «Эхо войны» (г. Обнинск), поискового отряда «Калужанин», стали известны основные эпизоды места боя сводного отряда ОМСБОН «Особые» под общим командованием П.А. Коровина. Обнаружены останки бойцов и командиров «Особых», первоначально учтённых как «без вести пропавшие». У многих бойцов найдены родственники, для которых стало ежегодной традицией в канун Дня Памяти и скорби приезжать на братскую могилу в д. Барсуки Мосальского района на захоронение обнаруженных поисковиками воинов, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Особо отметим, что всего этого не удалось бы достичь без поддержки руководства управления ФСБ РФ по Калужской области.

На основании изложенного можно предположить, что по максимальным подсчётам обнаружены останки 49 воинов ОМСБОН (без учёта М.И. Бортовова, П.Я. Попова из разведки группы Б.М. Бурондасова), из около 110 человек перешедших Варшавское шоссе в ночь с 29 на 30 июня 1942 года. По немецким источникам 52 (по сведениям П.А. Коровина 25-30 чел.) человека попали в плен. Таким образом остаются не найденными от 9 (с учётом немецких источников) до 31-36 (с учётом показаний П.А. Коровина) бойцов отряда «Особые». С применением различных методик идентифицированы останки Д.С. Сойфера, А.А. Наговицына, М.А. Холостова, В.Ф. Фабрикова, К.П. Лошкарева, Г.М. Репнина, С.Н. Митюшина, М.И.

Бортовова, П.Я. Попова. Именно благодаря разностороннему подходу к идентификации, учитывая каждый найденный предмет по отдельности и в совокупности, удалось «вытащить» эти имена «с того света». Это в очередной раз говорит о том, что в поисковой работе не бывает мелочей. Предположительно обнаружены также останки О.П. Нечаева, В.Н. Филичкина, Е.В. Минина, С.М. Шаца, П.Ф. Терентьева, М.Ф. Крупина, А.Ф. Трофимова.

Благодаря имеющимся архивным документам и воспоминаниям бойцов, установлены личности воинов отрядов «Восточные-2», «Восточные-3» и «Восточные-4», участников боя 30.06.1942 г., которые остались живы (А.А. Рязанцев, Н.С. Андреев – в плену не были, позднее соединились с частями РККА) и попали в плен: П.А. Коровин, А.З. Катулин, А.В. Московский, Г.Ф. Шевченко, С.Л. Матросов, В.Я. Корзенков, Ф.И. Стариков, В.А. Масляков, Н.В. Рощенко, Г.А. Анастасиев, М.Е. Михайлов, А.Л. Востриков, З.Д. Рожнов, В.А. Аб-

рамов, Н.Д. Анцупов, С.И. Щербаков, М.С. Черенков, П.П. Кураев, В.Т. Рязанцев, С.И. Соколов.

По самым скромным подсчётам, останки более 160 защитников Отечества, как бойцов Красной армии, так и воинов из ОМСБОН, погибших в районе урочищ Зуев Хутор и Таракановка Юхновского района с января 1942 г. по март 1943 г., обнаруженные поисковыми отрядами в указанном районе, погребены в братские могилы с отданием воинских и духовных почестей.

Что касается вопросов увековечения, то нами выявлены ошибки, которые возможно в дальнейшем избежать только в случае соблюдения порядка при проведении поисковых работ, разностороннего и комплексного подхода к изучению предметов, обнаруженных в ходе поисковых работ, углубленного изучения имеющихся документов и учёта воспоминаний ветеранов (если таковые имеются), конструктивного взаимодействия органов местного самоуправления, законодательной и исполнительной власти, а также заинтересованных общественных организаций.

Список источников

1. Акт №1 от 22.03.2020 г. «О проведении поисковых работ Калужской областной общественной организации поисковых отрядов «Патриотическое объединение «Память» и ММБПОО ПО «Возрождение»» // Всероссийский информационный поисковый центр. URL: <https://v-ipc.ru/raskop/22422/main> (дата доступа: 04.08.2024)
2. Акт о проведенном захоронении останков воинов, обнаруженных в ходе поисковых экспедиций от 20.10.2007 г. // Всероссийский информационный поисковый центр. URL: <https://v-ipc.ru/act/686/main> (дата доступа: 04.08.2024)
3. Бойца отряда «Особые» Сергея Митюшина захоронили с почестями на мемориале в Мосальском районе (эфир от 07.05.2021) // ГТРК «Калуга»: офиц. сайт. URL: <https://gtrk-kaluga.ru/news/obschestvo/news-26956> (дата доступа: 14.08.2024)
4. Доклад П.А. Коровина заместителю начальника 4-го управления комиссару госбезопасности Н.И. Эйтингону от 14.07.1943 г. // Центральный оперативный архив Управления регистрации архивных фондов (далее – ЦОА УРАФ) ФСБ России. Архивное дело (далее – АД) РДР № 20364 «Особые». Т. 1. Лл. 101 – 111.
5. Докладная бойца отряда Матросова Едличко А.А. командиру отделения отряда Матросова ст. сержанту Бурондасову от 14.07.1942 // ЦОА УРАФ ФСБ России. АД РДР № 20364 «Особые». Т. 1.
6. Документ, уточняющий потери (Наговицын А.А.) // Память народа (1941–1945): справочно-информационный портал. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1157029038/?backurl (дата доступа: 16.01.2024)
7. Журнал боевых действий 42 стрелковой дивизии // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 1140. Оп. 1. Д. 16.
8. Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. «Ненависть, спрессованная в тол». М.: Мысль, 1991. 331 с.
9. Извещение (Митюшин С.Н.) // Память народа (1941–1945): справочно-информационный портал. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1151038739/?backurl (дата доступа: 14.03.2024)
10. Имена из солдатских медальонов. Т. 3 / Сост.: Коноплев А.Ю., Сахалиев Р.Р., Сахалиева М.Ю. Казань: «Отечество», 2008. 307 с.
11. Именной список на погибший и пропавший без вести в Отечественную войну рядового и сержантского состава Советской. Армии по Володарскому РВК города Ленинграда // ЦАМО РФ. Ф. 58 Оп. 977521. Д. 757.

12. Книга Памяти Великой Отечественной войны Калужской области (1941–1945) (Наговицын А.А.) // Геопортал Калужской области: справочно-информационный портал. URL: <https://map.geoportal40.ru/memorial/#soldiers/108123> (дата доступа: 16.01.2024)
13. Книга Памяти Великой Отечественной войны Калужской области (1941–1945) // Геопортал Калужской области: справочно-информационный портал. URL: https://admin.geoportal40.ru/api/2.8/geoportal40/memorial/layers/grave_mem/objects/518/?f=pdf&memorial_grave=1 (Дата доступа: 17.01.2024).
14. Книга Памяти г. Ленинград. Т. 18 (Наговицын А.А.) // Память народа (1941–1945): справочно-информационный портал. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_pechatnoi_knigi_pamyati408317277/?backurl (дата доступа: 16.01.2024)
15. Наговицын А.А. Книга памяти Калужской области // Геопортал Калужской области: справочно-информационный портал. URL: <https://geoportal40.ru/memorial/188389> (дата доступа: 23.04.2024)
16. Книга Памяти о воинах, погибших и похороненных в годы Великой Отечественной войны на территории Калужской области. Т. XXII / Сост. и авт. текстов Т.В. Романова. Калуга: «Ноосфера», 2014. 586 с.
17. Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 9. Меньшойкин – Осолпер. М.: Центр по изданию Книги Памяти Москвы, 1994. 720 с.
18. Книга Памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 15. Наро-Фоминский р-н / Ред-кол.: Л.Т. Новикова (пред.), В.Я. Азаров, А.И. Мартынов (зам. пред.). М.: Мысль, 1997. 500 с.
19. Книга Памяти сотрудников органов контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Граница, 1995. 543 с.
20. Мы так долго шли к вам // Весть. 2007. 26 июня: офиц. сайт. URL: <https://www.vest-news.ru/article/4822> (дата доступа: 27.02.2024)
21. Описание к протоколу эксгумации № 1 // Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-7804. Оп. 1. Д. 85.
22. Открытие памятника на месте последнего боя отряда ОМСБОН НКВД СССР «Особые» // ПОО имени М.П. Краснопивцева: офиц. сайт. URL: <http://poisk40.ru/otkrytie-pamyatnika-na-meste-poslednego-boya-otryada-omsbon-nkvd-sssr-osobyе> (дата обращения: 27.02.2024)
23. Наговицын А.А. Паспорт воинского захоронения. Мемориальный комплекс д. Барсуки Мосальского района Калужской области // Память народа (1941–1945): справочно-информационный портал. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoroneni1153828054/ (Дата доступа: 16.01.2024).
24. Письмо Л.Д. Картошкину из Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА, ныне Российский государственный военный архив (РГВА)) от 24.07.1985 г. №1145/п. С. 1 – 5.
25. По следам войны: Материалы поискового движения. Калуга: ГП «Облиздат», 2010. 224 с.
26. Приказ №5/0 от 02.02.1942 по 290 сд д. Гридьково. Об итогах боевых действий с 17-29.01.1942 г. // ЦАМО РФ Ф. 1588, Оп. 1. Д. 16.
27. Приказ по ОМСБОН № 140 от 18 апреля 1943 г. // Архивная справка ЦГАСА от 29.06.87 № 1043/и-доп.
28. Протокол эксгумации № 1 Калужской областной военно-патриотической общественной организации «Военный историк» // ГАДНИКО. Ф. П-7804. Оп. 1. Д. 92.
29. Протокол эксгумации №3 от 22.03.2020 года ПО «Россия» // Всероссийский информационный поисковый центр. URL: <https://v-ipc.ru/raskop/22422/main> (дата доступа: 04.08.2024)
30. Репнин Геннадий Михайлович (1909–1942). Бессмертный полк Инфизкульты // Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»: офиц. сайт. URL: https://gtsolifk.ru/ob_universitete/muзей/litsa_i_lichnosti/bessmertniy_pol_k_infizkulta/repnin_gennadiy_mihaylovich_1909__1942402 (дата доступа: 21.05.2024)
31. Роценко Николай Васильевич // Подвиг народа (1941–1945): справочно-информационный портал. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1519392917&tab=navDetailManUbil> (дата доступа: 13.08.2024)
32. Сапожников В.В. Пропавшие без вести // Калужская неделя. 2006. № 26 (235). 29 июня.
33. Собственноручные рапорта П.А. Коровина на имя заместителя начальника 4 Управления НКГБ СССР Н.И. Эйтингона об обстоятельствах своего пленения, нахождения в плену и побеге, а также о судьбе бойцов отряда от 14.07 – 15.07.1943 г // ЦОА ФСБ РФ. АД РДР № 20364 «Особые». Т. 1. Лл. 101 – 104.
34. Справка заместителя начальника Управления ФСБ России по Калужской области полковника Б.М. Хашегульгова о перезахоронении бойцов ОМСБОН, погибших в Юхновском районе от 04.02.2007 г.

35. Справка о проведении дополнительного поиска сведений об установлении судеб бойцов отряда ОМСБОН НКВД СССР под командованием майора П.А. Коровина // экз. №1 с. 1-4 вх. № 1/7194 от 25.12.2006 УФСБ РФ г. Калуга.
36. Справка об исследовании №3952 от 17 ноября 2000 г. Экспертно-криминалистический отдел УВД Калужской области МВД России // ГАДНИКО. Ф. П-7804. Оп. 1. Д. 87.
37. Страница участника Великой Отечественной войны (Митюшин С.Н.) // Галерея «Дорога Памяти». URL: <https://1418museum.ru/heroes/72374339/> (дата доступа: 14.03.2024)
38. Типаков В.М. Такой это был поход // Динамовцы в бою за Родину. М.: МГС «Динамо», 1975. 240 с.
39. Церемония перезахоронения останков бойцов спецотряда «Особые» ОМСБОН НКВД СССР состоится 22 июня 2007 г. // Федеральная служба безопасности РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm.html> (дата обращения 05.07.2024)
40. Штепа А.В., Сапожников М.В. Эпизоды боевой деятельности в немецком тылу и обстоятельства гибели отряда специального назначения ОМСБОН НКВД СССР «Особые» под командованием майора П.А. Коровина (апрель–июнь 1942 г.) // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 6. С. 27 – 40. DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-6-27-40.
41. Kriegstagebuch 260 Furdwision, Ia // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg, Bestand-Bezeichnung RH26-260, Nr. des Aktenbandes 31, Seiten 350 – 356; Военный дневник 260-й пехотной дивизии, Ia // Федеральный архив – Военный архив Фрайбурга. Инвентарное обозначение RH26-260. Т. 31.

References

1. Act No. 1 of 22.03.2020 "On the search operations of the Kaluga Regional Public Organization of Search Squads "Patriotic Association "Memory" and the MMVPOO PO "Revival)". All-Russian Information Search Center. URL: <https://v-ipc.ru/raskop/22422/main> (access date: 04.08.2024)
2. Act on the burial of the remains of soldiers discovered during search expeditions dated 20.10.2007. All-Russian Information Search Center. URL: <https://v-ipc.ru/act/686/main> (access date: 04.08.2024)
3. Sergei Mityushin, a fighter from the "Special" detachment, was buried with honors at a memorial in the Molsky district (broadcast on 07.05.2021). GTRK "Kaluga": official website. URL: <https://gtrk-kaluga.ru/news/obschestvo/news-26956> (access date: 14.08.2024)
4. Report of P.A. Korovin to the deputy head of the 4th department, state security commissioner N.I. Eitingon dated 14.07.1943. Central operational archive of the Department for Registration of Archival Funds (hereinafter - TsOA URAF) of the FSB of Russia. Archival file (hereinafter AD) RDR No. 20364 "Special". V. 1. Pl. 101 – 111.
5. Report of Matrosov's detachment fighter Edlichko A.A. to Matrosov's detachment squad commander Senior Sergeant Burondasov dated 14.07.1942. TsOA URAF FSB of Russia. AD RDR No. 20364 "Special". V. 1.
6. Document specifying losses (Nagovitsyn A.A.). Memory of the People (1941-1945): reference and information portal. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1157029038/?backurl (access date: 16.01.2024)
7. Combat log of the 42nd rifle division. Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 1140. Op. 1. D. 16.
8. Zevelev A.I., Kurlat F.L., Kazitsky A.S. "Hatred compressed into the crowd." Moscow: Mysl, 1991. 331 p.
9. Notification (Mityushin S.N.). Memory of the people (1941-1945): reference and information portal. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1151038739/?backurl (access date: 14.03.2024)
10. Names from soldiers' medallions. Vol. 3. Comp.: Konoplev A.Yu., Sakhaliev R.R., Sakhalieva M.Yu. Kazan: "Otechestvo", 2008. 307 p.
11. Nominal list of privates and sergeants of the Soviet Army killed and missing in the Patriotic War according to the Volodarsky RVC of the city of Leningrad. TsAMO RF. F. 58 Op. 977521. D. 757.
12. The Book of Memory of the Great Patriotic War of the Kaluga Region (1941-1945) (Nagovitsyn A.A.). Geoportal of the Kaluga Region: reference and information portal. URL: <https://map.geoportal40.ru/memorial/#soldiers/108123> (access date: 16.01.2024)
13. The Book of Memory of the Great Patriotic War of the Kaluga Region (1941-1945). Geoportal of the Kaluga Region: reference and information portal. URL: https://admin.geoportal40.ru/api/2.8/geoportal40/memorial/layers/grave_mem/objects/518/?f=pdf&memorial_grave=1 (Access date: 17.01.2024).

14. Book of Memory of the city of Leningrad. T. 18 (Nagovitsyn A.A.). Memory of the people (1941-1945): reference and information portal. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_pechatnoi_knigi_pamyati408317277/?backurl (Access date: 16.01.2024)
- 15 Nagovitsyn A.A. Book of Memory of the Kaluga Region (Geoportal of the Kaluga Region: reference and information portal. URL: <https://geoportal40.ru/memorial/188389> (access date: 23.04.2024)
16. Book of Memory of the soldiers who died and were buried during the Great Patriotic War in the Kaluga Region. Vol. XXII. Comp. and author of texts T.V. Romanova. Kaluga: "Noosphere", 2014. 586 p.
17. Book of Memory of the fallen and missing in the Great Patriotic War of 1941-1945. Vol. 9. Menshoykin - Osoliper. M.: Center for the publication of the Book of Memory of Moscow, 1994. 720 p.
18. Book of Memory of the fallen, deceased and missing soldiers in the Great Patriotic War of 1941-1945. T. 15. Naro-Fominsky District. Ed. Board: L.T. Novikova (chairman), V.Ya. Azarov, A.I. Martynov (deputy chairman). Moscow: Mysl, 1997. 500 p.
19. Book of Memory of Counterintelligence Officers Who Died and Went Missing During the Great Patriotic War of 1941-1945. Moscow: Granitsa, 1995. 543 p.
20. We Came to You for So Long. Vest. 2007. June 26: official website. URL: <https://www.vest-news.ru/article/4822> (access date: 02/27/2024)
21. Description of Exhumation Protocol No. 1. State Archive of Documents of the Recent History of the Kaluga Region (GADNIKO). F. P-7804. Op. 1. D. 85.
22. Unveiling of a monument at the site of the last battle of the NKVD USSR OMSBON "Special" detachment. POO named after M.P. Krasnopivtsev: official. website. URL: <http://poisk40.ru/otkrytie-pamyatnika-na-meste-poslednego-boya-otryada-omsbon-nkvd-sssr-osobye> (date of access: 02/27/2024)
23. Nagovitsyn A.A. Military burial passport. Memorial complex of the village of Barsuki, Mosalsky district, Kaluga region (Memory of the people (1941-1945): reference and information portal. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoroneni1153828054/ (Access date: 16.01.2024).
24. Letter to L.D. Kartoshkin from the Central State Archives of the Soviet Army (TsGASU, now the Russian State Military Archive (RGVA)) dated 24.07.1985, No. 1145/p. P. 1 – 5.
25. In the Footsteps of the War: Materials of the Search Movement. Kaluga: GP "Oblizdat", 2010. 224 p.
26. Order No. 5/0 of 02.02.1942 to the 290th Rifle Division, Gridkovo village. On the results of military operations from 17-29.01.1942. TsAMO RF F. 1588, Op. 1. D. 16.
27. Order for OMSBON No. 140 of April 18, 1943. Archival certificate of the Central State Archives of Architecture and Civil Engineering of June 29, 1987 No. 1043/i-add.
28. Exhumation Protocol No. 1 of the Kaluga Regional Military-Patriotic Public Organization "Military Historian". GADNIKO. F. P-7804. Op. 1. D. 92.
29. Exhumation Protocol No. 3 of March 22, 2020, PO "Russia". All-Russian Information Search Center. URL: <https://v-ipc.ru/raskop/22422/main> (access date: August 4, 2024)
30. Reprin Gennady Mikhailovich (1909-1942). Immortal Regiment of Physical Culture. Russian University of Sports "GTSOLIFK": official. website. URL: https://gtsolifk.ru/ob_universitete/muzey/litsa_i_lichnosti/bessmertniy_pol_k_infizkulta/reprin_gennadiy_mihaylovich_1909__1942402 (access date: 21.05.2024)
31. Roshchenko Nikolay Vasilievich. The Feat of the People (1941-1945): reference and information portal. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=1519392917&tab=navDetailManUbil> (access date: 13.08.2024)
32. Sapozhnikov V.V. Missing in action. Kaluga Week. 2006. No. 26 (235). June 29.
33. Handwritten reports of P.A. Korovina addressed to the Deputy Chief of the 4th Directorate of the NKGB of the USSR N.I. Eitingon on the circumstances of his capture, captivity and escape, as well as the fate of the detachment's fighters from 14.07 – 15.07.1943. TsOA FSB RF. AD RDR No. 20364 "Special". T. 1. Pl. 101 - 104.
34. Certificate of the Deputy Chief of the FSB Directorate of Russia for the Kaluga Region, Colonel B.M. Khashegulgov, on the reburial of OMSBON fighters who died in the Yukhnovsky District from 04.02.2007.
35. Certificate on conducting an additional search for information on establishing the fates of the fighters of the OMSBON detachment of the NKVD of the USSR under the command of Major P.A. Korovina. copy No. 1 P. 1 – 4 in. № 1/7194 from 12/25/2006 UFSB RF Kaluga.
36. Certificate of investigation №3952 from November 17, 2000 Forensic Department of the Internal Affairs Directorate of the Kaluga Region of the Ministry of Internal Affairs of Russia. GADNIKO. F. P-7804. Op. 1. D. 87.
37. Page of a participant in the Great Patriotic War (Mityushin S.N.). Gallery "Road of Memory". URL: <https://1418museum.ru/heroes/72374339/> (date of access: 03/14/2024)

38. Tipakov V.M. Such a campaign it was. Dynamo players in the battle for the Motherland. Moscow: MGS "Dynamo", 1975. 240 p.

39. The ceremony of reburial of the remains of the fighters of the special detachment "Special" OMSBON NKVD USSR will take place on June 22, 2007. Federal Security Service of the Russian Federation: official. web-site. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm.html> (date of access 07/05/2024)

40. Shtepa A.V., Sapozhnikov M.V. Episodes of combat activity in the German rear and the circumstances of the death of the special purpose detachment OMSBON NKVD USSR "Special" under the command of Major P.A. Korovin (April-June 1942). Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 6. P. 27 – 40. DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-6-27-40.

41. War diary of the 260th Infantry Division, Ia. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg, Inventory designation RH26-260, No. des Aktenbandes 31, pages 350 – 356; War diary of the 260th Infantry Division, Ia. Federal Archives – Military Archives Freiburg. Inventory designation RH26-260. Vol. 31.

Информация об авторах

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Сапожников М.В., аспирант, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, krasnopivzev@mail.ru

© Штепа А.В., Сапожников М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 355.40

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-113-120

Кенийско-сомалийский территориальный спор 1960-х гг. в документах ЦРУ

¹ Тухватуллин Р.Р.,

¹ Кудашев У.Н.,

¹ Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: данная статья посвящена тому, как ЦРУ США освещало сомалийско-кенийский территориальный спор 1960-х гг. в документах для служебного пользования. Показано, что в документации четко прослеживаются два периода – до и после независимости Кении. В течение первого периода ЦРУ большое внимание уделяло проблемам, связанным с урегулированием споров между Великобританией и Сомали из-за границ будущей Кении. В августе 1962 – декабре 1963 гг. ЦРУ сосредоточилось на данной теме и весь 1963 г. оно почти не уделяло внимания иным проблемам на сомалийском направлении. Весной 1963 г., согласно имевшейся у ЦРУ информации, после резкого обострения ситуации вокруг границы Сомали и Великобритании разорвали отношения. ЦРУ, несмотря на то, что Великобритания надеялась разрешить спор мирным путем, прогнозировал начало боев на кенийско-сомалийской границе, а к инициативам Лондона относилось со скептицизмом. Второй период начался в декабре 1963 г., после того как Кения получила независимость. В этот период ЦРУ стало уделять данной проблеме меньше внимания, хотя и продолжало информировать руководство США о происходящих на кенийско-сомалийской границе столкновениях. В 1966 г. ЦРУ пыталось найти советский след в данных столкновениях. Стоит отметить, что многие предположения аналитиков ЦРУ касательно конфликта вокруг кенийско-сомалийской границы оправдались. в частности, о том, что мирные инициативы Великобритании вокруг границы между Кенией и Сомали не будут иметь успех, а также о том, что на границе развернется партизанская война. В статье проанализированы имеющиеся в открытом доступе документы ЦРУ, посвященные кенийско-сомалийскому пограничному спору и даны характеристики предсказаниям, данным аналитиками относительно данного конфликта.

Ключевые слова: ЦРУ, Сомали, Кения, Великобритания, шифта

Для цитирования: Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н. Кенийско-сомалийский территориальный спор 1960-х гг. в документах ЦРУ // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 113 – 120. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-113-120

Поступила в редакцию: 24 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Kenya-Somalia territorial dispute of the 1960s in CIA documents

¹ Tukhvatullin R.R.,

¹ Kudashev U.N.,

¹ Ufa University of Science and Technology

Abstract: this article is devoted to how the US CIA covered the Somali-Kenyan territorial dispute of the 1960s in documents for official use. It is shown that the documentation clearly traces two periods – before and after the independence of Kenya. During the first period, the CIA paid much attention to the problems associated with the

settlement of disputes between Great Britain and Somalia over the borders of the future Kenya. From August 1962 to December 1963, the CIA focused on this topic and throughout 1963 it paid almost no attention to other problems in the Somali direction. In the spring of 1963, according to the information available to the CIA, after a sharp aggravation of the situation around the border, Somalia and Great Britain broke off relations. The CIA, despite the fact that Great Britain hoped to resolve the dispute peacefully, predicted the beginning of fighting on the Kenyan-Somali border, and treated London's initiatives with skepticism. The second period began in December 1963, after Kenya gained independence. During this period, the CIA began to pay less attention to this problem, although it continued to inform the US leadership about the clashes taking place on the Kenyan-Somali border. In 1966, the CIA tried to find a Soviet trace in these clashes. It is worth noting that many of the CIA analysts' assumptions regarding the conflict around the Kenyan-Somali border came true. In particular, they assumed that Britain's peace initiatives around the border between Kenya and Somalia would not be successful, and that a guerrilla war would unfold on the border. The article analyzes publicly available CIA documents on the Kenyan-Somali border dispute and provides characteristics of the analysts' predictions regarding this conflict.

Keywords: CIA, Somalia, Kenya, the UK, shifts

For citation: Tukhvatullin R.R., Kudashev U.N. Kenya-Somalia territorial dispute of the 1960s in CIA documents. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 113 – 120. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-113-120

The article was submitted: September 24, 2024; Approved after reviewing: November 25, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Сомалийские националистические организации ещё до получения независимости страны высказывали желание объединить всех сомалийцев в одном государстве – "Великом Сомали" [34, р. 42]. Поэтому в 1960 г., когда британская и итальянская часть Сомали объединились в одно единое государство, оно сразу же стало проводить политику, направленную на присоединение всех областей соседних государств, населенных этническими сомалийцами [31, р. 138]. Часть сомалийцев проживала на севере Кении, и это автоматически означало, что отношения между странами будут достаточно напряженными.

Материалы и методы исследований

В связи с тем, что по "Закону о свободе информации" часть документации ЦРУ рассекречена, существует возможность исследовать некоторые ведомственные документы, изданные Управлением в 1960-е гг. В первую очередь, это "Бюллетень центральной разведки" (далее – "Бюллетень") – обзорная сводка, предназначенная для рассылки высшим должностным лицам США. Затем идут недельные обзорные сводки, подготавливаемые Управлением текущей разведки, предназначенный непосредственно президенту США "Президентский контрольный список разведки", кратко раскрывающий события в мире с точки зрения ЦРУ, а также посвященные непосредственно Кении документы. Проблема территориальных претензий Сомали к Кении не столь хорошо освещалась ЦРУ, как, например, сомалийско-эфиопский спор вокруг Огадена, населенного этническими сомалийцами. Связано это с тем, что на тот момент Эфиопия бы-

ла ключевым союзником Вашингтона не только на Африканском роге, но и во всей Африке южнее Сахары, а Кения могла стать им только потенциально.

Результаты и обсуждения

Сообщения о проблемах вокруг кенийско-сомалийской границы стали появляться в ведомственных документах ЦРУ ещё до независимости Кении. 2 августа 1962 г. в «Бюллетене» сообщалось о том, что урегулировать кенийско-сомалийский территориальный спор на тот момент путем переговоров, по видимому, не удалось, хотя некоторые предпосылки к этому были. По мнению ЦРУ, надежды сомалийцев на переговоры об урегулировании территориальных претензий к готовящейся стать независимой Кении не оправдались из-за сильного сопротивления кенийского лидера Кеньятты [9]. Как считало ЦРУ, кенийские сомалийцы больше тяготеют к тому, чтобы присоединиться к Сомали, нежели оставаться в Кении, что могло быть проблемой при переходе этой британской колонии к независимости [19], но Лондон надеялся разрешить всё путем переговоров [20].

Намеченная в 1962 г. ЦРУ новая проблема – кенийско-сомалийский спор – в 1963 г. полностью заслонила вопрос Огадена и эфиопско-сомалийской границы как в «Бюллетене», так и в подготавливаемой Управлением текущей разведки «Еженедельной сводке». Кроме того, кенийско-сомалийский спор значительно ухудшил британско-сомалийские отношения, предпосылки к чему были в ведомственных изданиях ЦРУ за 1962 г., но тогда соответствующих прогнозов сделано не было.

16 февраля 1963 г. «Бюллетень» публикует первое сообщение, в котором аналитики ЦРУ предполагали возможность похолодания отношений между Могадишо и Лондоном из-за Кении. Там же предполагалось, что Сомали может в результате этого пойти на сближение с СССР [6]. Через несколько дней прогноз аналитиков начал сбываться – 25 февраля «Бюллетень» сообщал, что 20 февраля прошли серьезные беспорядки в Кении, а 24 февраля в Могадишо прошла спонсируемая властями акция, в ходе которой посольства Великобритании, Франции, Эфиопии и США подверглись нападению, а сомалийское правительство, по информации ЦРУ, готовилось ограничить британское присутствие в Сомали [10].

Великобритания всё так же надеялась разрешить вопрос мирным путем – 8 марта в «Бюллетене» сообщалось, что, во-первых, Лондон намерен дать автономию кенийским сомалийцам, но не отказываться от этой территории. ЦРУ считало что это тупиковый путь, который наоборот, подстегнет кенийских сомалийцев к желанию присоединиться к Сомали Во-вторых, Эфиопия объявила, что будет готова оказать военную помощь независимой Кении в случае вторжения Сомали [14].

11 марта прогноз ЦРУ, сделанный 16 февраля, сбывлся. В этот день «Бюллетень» сообщал, что Сомали разорвало дипломатические отношения с Великобританией. Этому предшествовало поднятие по тревоге британских сил в Кении и сомалийской армии, а сам разрыв отношений сопровождался, по информации ЦРУ, обращением Могадишо к СССР, Чехословакии и КНР с просьбой о поддержке своих требований. Попытка Великобритании исправить ситуацию, заверив Сомали, что все вопросы, связанные с сомалийцами, будут обговариваться с Могадишо, была несколько запоздалой [2]. 15 марта «Бюллетень» сообщал, что, фактически, разрыв произошел под влиянием общественного мнения, а премьер-министр Сомали Шермарк и его окружение, по-видимому, не очень хотели этого. Сообщение «Бюллетеня» от 11 марта о поднятой по тревоге армии, вероятно, было связано с переброской Эфиопией двух батальонов из Конго [5]. В «Бюллетене» от 18 марта сообщалось, что Шермарк сообщил британскому послу о том, что скоро ему будет отправлена официальная нота о разрыве отношений. ЦРУ ожидало после этого столкновений на севере Кении, а также боев на сомалийско-кенийской и сомалийско-эфиопской границах [8]. Интересно то, что затрагивая кенийско-сомалийские отношения, ЦРУ почти не рассматривало их влияние на отношения СССР с Найроби или Могадишо – либо ЦРУ считало, что эти проблемы не окажут влияния на международ-

ную обстановку, либо что Кения уже фактически находится на стороне США в холодной войне.

17 мая Управление текущей разведки в документе, посвященном подготовке Кении к независимости, сообщалось, что, согласно британским опросам, кенийские сомалийцы практически единодушно выступали за присоединение к Сомали и никак не собирались участвовать в кенийской политике. Основные кенийские политические партии выступали категорически против отчуждения кенийской территории и сомалийское правительство, понимая, что независимая Кения на это точно не пойдет, пыталось воздействовать на британцев, которые, в свою очередь, опасались активного участия британских войск, склонялись к тому, чтобы удовлетворить сомалийские требования. В принципе, местные британские власти считали, что спорный регион рано или поздно перейдет под управление Сомали. Управление текущей разведки не комментировало происходящее и просто констатировало, что Британии надо будет решить этот вопрос до объявления независимости Кении [16]. 21 июня сомалийско-кенийский спор упоминался в сообщении Управления текущей разведки о предполагаемой Восточно-Африканской Федерации – кенийские политические лидеры надеялись, что Сомали, присоединившись к этому проекту, забудет о северо-восточной Кении [17]. Но ничего из этого не произошло.

25 июля «Бюллетень» сообщал мнение ЦРУ, что предложение Великобритании о трехсторонних переговорах, включавших Лондоном, Найроби и Могадишо, скорее всего, не приведут к мирному решению [11]. Аналитики ЦРУ оказались правы – «Бюллетень» от 31 августа сообщал, что переговоры, проходившие в Риме, потерпели неудачу. Сомалийцы прямо угрожали тем, что будут поддерживать партизан в Кении, сама Кения категорически не принимала требований Сомали [13].

Информацию о кенийско-сомалийском споре и проблемах Великобритании с Сомали ЦРУ сообщало Кеннеди достаточно активно. 25 февраля в "Президентском контрольном списке разведки" сообщалось о демонстрациях около американского посольства в Могадишо – они проходили в основном против Великобритании, и американское посольство пострадало случайно [26]. В марте в "Президентском контрольном списке разведки" усиливаются тревожные сообщения, связанные с ухудшением отношений между Лондоном и Могадишо. 11 марта сообщалось о разрыве отношений между Британией и Сомали из-за спора о северо-востоке Кении [21]. 15 марта это сообщение уточнялось – Шермарк с одной стороны, не хотел разрыва с Лондоном, но с другой, если бы он высту-

пил против него, то совершил бы политическое самоубийство [23]. 19 марта в "Президентском контрольном списке разведки" сообщалось, что британцы выводят свой персонал из Сомали, и одновременно с этим усилились контакты Могадишо с КНР, СССР и ОАР [25]. 16 июля в "Президентском контрольном списке разведки" сообщалось о том, что секретный договор между Кенией и Эфиопией направлен против Сомали [24], 25 июля – о мирных инициативах Великобритании, которые, по сути дела, должны были как-то примирить две стороны с прямо противоположными взглядами [27]. Наконец, 3 сентября в "Президентском контрольном списке разведки" было размещено сообщение, что переговоры в Риме между Кенией и Сомали не привели к разрешению спора, и ЦРУ ожидало новых неприятностей на кенийско-сомалийской границе [29].

При сменившем в конце ноября 1963 г. Кеннеди Линдоне Джонсоне в декабре 1963 г. особых изменений в тоне публикаций ЦРУ, связанных с сомалийско-кенийским спором, не было. В «Бюллетене» от 28 декабря ЦРУ предполагало, что после объявления независимости Кении, которое прошло 12 декабря, спор между двумя странами обострится. Кенийцы к тому моменту уже ввели на границе чрезвычайное положение, но посольство США скептически относилось к возможности контроля ситуации простым патрулированием – т.е. тем, что собиралось делать Найроби. По американским данным, Сомали передало партизанам в середине декабря 500 карабинов и 7 тыс. патронов. ЦРУ предполагало, что всё это может привести к затяжной партизанской войне [12].

«Еженедельные сводки» Управления текущей разведки также следовали темам, которые поднимались в них в течение 1963 г. 6 декабря в «Еженедельной сводке» была помещена статья, посвященная перспективам независимой Кении. Сомалийскую проблему аналитики ЦРУ ставили на первое место по опасности. Найроби признавал интерес Могадишо к этому региону, но отказывался от совместного управления регионом или посредничестве ООН. Сомалийцы бойкотировали выборы, оставив регион без местного самоуправления. Как отмечали авторы статьи, это всё может привести к партизанской войне, которая, возможно, уже началась, что серьезно ослабит Кению экономически [18]. Прогноз об ослаблении экономики Кении из-за действий сомалийцев не сбывлся, но война действительно развернулась, хоть и позднее.

В ноябрьских-декабрьских "Президентских контрольных списках разведки", приходящихся на президентство Джонсона, также сообщалось о

данной проблеме. 12 декабря в заметке, посвященной независимости Кении, проблема кенийских сомалийцев называлась как самая главная для новоиспеченной республики [22]. 30 декабря сообщалось о возможных контактах Кении и Эфиопии, связанных с пактом о взаимной обороне против Сомали. Предполагалось, что Могадишо может усилить поддержку повстанцев в этих странах, если узнает об этом договоре и активности вокруг него [30], хотя, как считают американские исследователи, именно поддержка кенийских повстанцев со стороны Сомали толкнула Кению к переговорам с Эфиопией [32, р. 138].

Перед независимостью Кении аналитики ЦРУ считали, что главной проблемой для новой страны станет именно сомалийский вопрос – сложившаяся ситуация может привести к партизанской войне, причем некоторые знаки указывали на то, что она уже идет при поддержке Могадишо. Это могло серьезно ослабить кенийскую экономику [18] – конкретно это предположение не сбылось, однако партизанская война на северо-востоке Кении действительно развернулась. В итоге после объявления независимости Кении 12 декабря 1963 г. Найроби объявил чрезвычайное положение на границе, а в качестве стратегии борьбы против вылазок партизан предполагалось патрулировать 5-мильную зону вдоль границы, и не преследовать сомалийских партизан, которые переходят через границу. Сомали же в середине декабря передало партизанам 500 карабинов с боеприпасами. ЦРУ предполагало, что всё это создает предпосылки для затяжной партизанской войны [12]. Прогноз ЦРУ о грядущей войне между центральным кенийским правительством и поддерживаемыми Могадишо кенийскими повстанцами, в принципе, сбывлся - партизанская война на границе, получившая название "война шифта", действительно развернулась [33, р. 109].

К маю 1964 г. борьба за северо-восточную Кению, по мнению ЦРУ, обострилась. «Бюллетень» сообщал, что сомалийские партизаны, поддерживаемые Могадишо, совершили за последние 6 месяцев 137 рейдов и засад, в которых погибли 26 кенийских военнослужащих и 35 кенийских гражданских лиц. Численность партизан, по оценке ЦРУ, достигала 1000 человек, снабжаемых и вооружаемых Сомали. Могадишо в радиопередачах конца апреля-начала мая называло партизан «Национально-освободительной армией» (кенийское же правительство использовало слово «шифта» – общее для Африканского рога обозначение вооруженного бандита), что вызвало беспокойство Найроби – это, фактически, означало, что Сомали признается в связи с партизанами. Сомали очень

активно вело пропагандистские атаки против Великобритании и Кении. ЦРУ прогнозировало, что Могадишо может усилить поддержку повстанцев после того, как в конце мая будет сформировано новое сомалийское правительство [3].

Новое сомалийское правительство во главе с премьер-министром Абдиразак, по мнению авторов «Бюллетеня», хоть и могло не усиливать поддержку кенийским сомалийцам, полностью отказаться от замыслов присоединить все сопредельные земли, населенные сомалийцами, не могло [7]. В "Президентском контрольном списке разведки" сообщалось, что усилиями Абдиразака деятельность шифта в Кении снизилась [28].

После деэскалации, связываемой ЦРУ с приходом премьер-министра Абдиразака, 1 июля в «Еженедельной сводке» Управления текущей разведки сообщалось о решимости правительства Кении разобраться с сомалийской проблемой, воспользовавшись очередным политическим кризисом в Сомали. При этом вопрос о «Великом Сомали», как сообщалось в статье, в том числе стал причиной этого кризиса – правда, там не указывалось, как именно. Премьер-министр Абдиразак подал прошение об отставке, но вынужден был под давлением президента отозвать его. ЦРУ предполагало, что Абдиразаку придется воспользоваться более воинственной риторикой по отношению к соседям, чтобы добиться досрочного возврата доверия [15]. Как считало ЦРУ, новые атаки на посты кенийских силовых ведомств демонстрировали хорошую подготовку повстанцев. Сомали оказывало поддержку повстанцам – как сообщал «Бюллетень» 15 июня 1965 г., более 1200 человек из Кении прошли обучение в двух лагерях на границе, повстанцам передавалось старое итальянское оружие [4]. По сообщению «Бюллетеня», в начале сентября через Могадишо в СССР было отправлено 20 повстанцев из Кении для шестимесячной партизанской подготовки. Отдельно отмечалось, что это первый случай, когда Могадишо

привлек Советский Союз к участию в подобных операциях [1]. Информации, подтверждающей или опровергающей данное сообщение с советской стороны у автора не имеется. Данное сообщение от сентября 1966 г., фактически, стало последним в рассекреченных документах ЦРУ по данному вопросу. Хоть и активные действия повстанцев на кенийско-сомалийской границе продолжались до 1967 г., ЦРУ либо их сознательно игнорировало, либо не принимало во внимание.

Выводы

Кенийско-сомалийский спор был весьма незначительным по меркам других событий, происходивших в Африке южнее Сахары во время холодной войны, но он был очень важен для обеих участвовавших в нем стран. В то же время ЦРУ в основном просто информировало американское руководство о данном конфликте, не принимая какую-либо сторону в нем. В сообщениях ЦРУ о конфликте прослеживаются два периода. Первый – с 1962 г. по декабрь 1963 г. – связан в основном с выявлением позиций Великобритании и Сомали по кенийско-сомалийской границе. Второй, с декабря 1963 г. и по осень 1966 г., посвящен проблемам, вставшим перед независимой Кенией в связи со спором с Сомали. Проблема кенийско-сомалийской границы была ещё одной потенциальной горячей точкой, и ЦРУ старалось не делать каких-то поспешных выводов. Связано это было, скорее всего, с тем, что Вашингтон не особенно интересовался этим незначительным конфликтом, который, фактически, не затрагивал важных американских союзников. Великобритания в любом случае уходила из Кении, Эфиопию – ключевого американского союзника на Африканском роге – данная проблема затрагивала лишь косвенно. Однако ЦРУ, хоть и обращалось к данной теме довольно редко, достаточно точно предсказывало те или иные события, связанные с кенийско-сомалийской границей.

Список источников

1. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 9 September 1966. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A009200070001-2.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
2. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 11 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900090001-6.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
3. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 13 May 1964. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007700010001-4.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
4. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 15 July 1966. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A009100070001-3.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
5. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 15 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900130001-1.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
6. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 16 February 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006800400001-2.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)

7. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 16 June 1964. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007700290001-5.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
8. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 18 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900150001-9.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
9. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 2 August 1962. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006500270001-0.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
10. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 25 February 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006800470001-5.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
11. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 25 July 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007100350001-4.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
12. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 28 December 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007400310001-5.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
13. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 31 August 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007200220001-7.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
14. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 8 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900070001-8.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
15. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. No. 0296/66. Weekly Summary. 1 July 1966. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A005300090001-6.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
16. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0280/63C. Special Report: Kenya Moves Toward Independence. 17 May 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004000090003-8.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
17. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0285/63. Weekly Summary. 21 June 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004100020001-6.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
18. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0309/63B. Special Report: Independent Kenya's Prospects Under Jomo Kenyatta. 6 December 1963. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004300020003-2.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
19. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0403/62. Current Intelligence Weekly Summary. 9 February 1962. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A003500050001-0.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
20. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0416/62. Current Intelligence Weekly Summary. 11 May 1962. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A003600060001-8.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
21. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 11 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996232.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
22. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 12 December 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996717.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
23. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 15 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996240.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
24. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 16 July 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996455.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
25. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 19 March 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996248.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
26. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 25 February 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996208.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
27. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 25 July 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996471.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
28. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 25 June 1964. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005959259.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
29. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 3 September 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996538.pdf (дата обращения: 10.12.2022)

30. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 30 December 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996746.pdf (дата обращения: 10.12.2022)
31. Ingiriis M.H. The Suicidal State in Somalia: The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969–1991. Lanham: University Press of America, 2016. 363 p.
32. Lefebvre J.A. Arms for the Horn: U.S. Security Policy in Ethiopia and Somalia, 1953-1991. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1991. 351 p.
33. Thompson V.B. Conflict in the Horn of Africa: The Kenya-Somalia Border Problem 1941-2014. Lanham: University Press of America, 2015. 405 p.
34. Xiirey C.C. Hanfidii abaaraha & hanqadhkii madaafiicda. Gurmadvkii abaartii dabadheer & dagaalkii 77. London: Golaha Xuquuqul Insaanka Geeska Afrika, 2000. 279 b.

References

1. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 9 September 1966. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A009200070001-2.pdf> (accessed: 12/10/2022)
2. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 11 March 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900090001-6.pdf> (accessed: 12/10/2022)
3. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 13 May 1964. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007700010001-4.pdf> (accessed: 12/10/2022)
4. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 15 July 1966. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A009100070001-3.pdf> (accessed: 12/10/2022)
5. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 15 March 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900130001-1.pdf> (accessed: 10.12.2022)
6. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 16 February 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006800400001-2.pdf> (accessed: 10.12.2022)
7. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 16 June 1964. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007700290001-5.pdf> (accessed: 10.12.2022)
8. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 18 March 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900150001-9.pdf> (accessed: 10.12.2022)
9. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 2 August 1962. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006500270001-0.pdf> (accessed: 10.12.2022)
10. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 25 February 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006800470001-5.pdf> (accessed: 10.12.2022)
11. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 25 July 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007100350001-4.pdf> (accessed: 10.12.2022)
12. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 28 December 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007400310001-5.pdf> (accessed: 10.12.2022)
13. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 31 August 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A007200220001-7.pdf> (accessed: 10.12.2022)
14. Central Intelligence Agency. Central Intelligence Bulletin. 8 March 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A006900070001-8.pdf> (accessed: 10.12.2022)
15. Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence. No. 0296/66. Weekly Summary. 1 July 1966. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A005300090001-6.pdf> (accessed: 10.12.2022)
16. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0280/63C. Special Report: Kenya Moves Toward Independence. 17 May 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004000090003-8.pdf> (accessed: 10.12.2022)
17. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0285/63. Weekly Summary. 21 June 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004100020001-6.pdf> (accessed: 10.12.2022)
18. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0309/63B. Special Report: Independent Kenya's Prospects Under Jomo Kenyatta. 6 December 1963. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A004300020003-2.pdf> (accessed: 10.12.2022)
19. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0403/62. Current Intelligence Weekly Summary. 9 February 1962. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A003500050001-0.pdf> (accessed: 12/10/2022)

20. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0416/62. Current Intelligence Weekly Summary. 11 May 1962. [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A003600060001-8.pdf> (accessed: 12/10/2022)
21. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 11 March 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996232.pdf (accessed: 10.12.2022)
22. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 12 December 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996717.pdf (accessed: 10.12.2022)
23. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 15 March 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996240.pdf (accessed on 10.12.2022)
24. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 16 July 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996455.pdf (accessed on 10.12.2022)
25. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 19 March 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996248.pdf (accessed on 10.12.2022)
26. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 25 February 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996208.pdf (accessed on 10.12.2022)
27. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 25 July 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996471.pdf (accessed on 10.12.2022)
28. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 25 June 1964. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_000599259.pdf (date of access: 10.12.2022)
29. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 3 September 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996538.pdf (date of access: 10.12.2022)
30. Central Intelligence Agency. The President's Intelligence Checklist. 30 December 1963. [Electronic resource]. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0005996746.pdf (date of access: 10.12.2022)
31. Ingiriis M.H. The Suicidal State in Somalia: The Rise and Fall of the Siad Barre Regime, 1969–1991. Lanham: University Press of America, 2016. 363 p.
32. Lefebvre J.A. Arms for the Horn: U.S. Security Policy in Ethiopia and Somalia, 1953–1991. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1991. 351 p.
33. Thompson V.B. Conflict in the Horn of Africa: The Kenya-Somalia Border Problem 1941–2014. Lanham: University Press of America, 2015. 405 p.
34. Xiirey C.C. Hanfidii abaaraha & hanqadhkii madaafiicda. Gurmadvkii abaartii dabadheer & dagaalkii 77. London: Golaha Xuquuqul Insaanka Geeska Afrika, 2000. 279 b.

Информация об авторах

Тухватуллин Р.Р., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-9196-7291>, Институт истории и государственного управления, Уфимский университет науки и технологий, 450076, г Уфа, ул Заки Валиди, дом 32, rtuhvarullin@mail.ru

Кудашев У.Н., ассистент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-4468-1103>, Институт истории и государственного управления, Уфимский университет науки и технологий, 450076, г Уфа, ул Заки Валиди, дом 32, usman-kudashev@yandex.ru

© Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 271.2

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-121-126

Вклад профессора Ивана Степановича Якимова (1847-1885) в развитие отечественной ветхозаветной библеистики

^{1, 2} Малкина А.В.,

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,

² Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: статья посвящена актуальной теме возвращения имен и наследия «незаслуженно забытых» представителей русской духовно-академической науки Синодальной эпохи. Среди них важная роль принадлежит выдающемуся ветхозаветному библеисту профессору Санкт-Петербургской духовной академии Ивану Степановичу Якимову (1847-1885), научные и педагогические труды которого остаются одними из наименее исследованных для истории православной библеистики и исторической теологии. Особое внимание уделяется церковно-историческому контексту и анализу его литографированных конспектов лекций, впервые вводящихся в научный оборот. Цель настоящего исследования – подтвердить значимость его научного и научно-педагогического наследия. В методологическую основу исследования положены принципы историзма, научной достоверности и объективности, аналитический и описательный и компаративный методы. Результат исследования – вывод о новаторском характере научного наследия ученого, впервые удачно применившего новейший западный сравнительно-исторический метод к библейской исагогике и задавшего направление дальнейших отечественных библейско-богословских исследований второй пол. XIX в.

Ключевые слова: отечественные дореволюционные библеисты, И.С. Якимов, Санкт-Петербургская духовная академия, сравнительно-текстологический анализ

Для цитирования: Малкина А.В. Вклад профессора Ивана Степановича Якимова (1847-1885) в развитие отечественной ветхозаветной библеистики // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 121 – 126. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-121-126

Поступила в редакцию: 25 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Contribution of Professor Ivan Stepanovich Yakimov (1847-1885) to the development of the Russian Old Testament Bible Studies Science

^{1, 2} Malkina A.V.,

¹ St. Tikhon Orthodox University for the Humanities,

² Moscow University of Finance and Industry Synergy

Abstract: the article is dedicated to the urgent topic of returning the names and the works of the «undeservedly forgotten» representatives of the Russian academic Synodal period theological science. Among them the important role belongs to the outstanding Old Testament Bible Studies Professor Ivan Stepanovich Yakimov (1847-1885), whose scientific and pedagogical works remain the least analysed in the history of the Orthodox Bible stud-

ies science and history of theology. A specific attention is paid to the historical context and the analysis of his lithographic lectures abstracts firstly examined in this article. The research aims to confirm the importance of his works. The methodological basis of the research includes historical, scientific credibility and objectivity, analytical comparative methods. The research results with the conclusion about the pioneering methods and works of the scientist, who successfully integrated the newest European comparative method to the Biblical isagogy and set the direction for the further Russian Biblical theology researches in the second part of the 19th century.

Keywords: Russian Pre-revolutionary Bible Studies scientists, I.S. Yakimov, Saint Petersburg Theological academy, comparative analysis

For citation: Malkina A.V. Contribution of Professor Ivan Stepanovich Yakimov (1847-1885) to the development of the Russian Old Testament Bible Studies Science. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 121 – 126. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-121-126

The article was submitted: September 25, 2024; Approved after reviewing: November 27, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Возвращение в современное научное поле ветхозаветной библеистики заставляет обратиться к ее историческому прошлому XIX века. Особый интерес представляет наследие выдающегося ученого Ивана Степановича Якимова (1847-1885) – одного из плеяды незаслуженно «забытых» русских библеистов, о котором до сих пор не написано ни одной научной монографии, малоисследована биография и труды, что составляет актуальность данной работы.

Реформы Устава духовных академий (1869) привели к развитию специализаций и активной научной деятельности кафедр, среди которых наименее исследованной остается кафедра ветхозаветной библеистики Санкт-Петербургской духовной академии (далее – СПбДА), на которой трудился проф. Якимов.

Материалы и методы исследований

В статье впервые сделан обзор научного и научно-педагогического наследия И. С. Якимова по опубликованным и неопубликованным источникам (фонд РНБ), позволяющие проследить развитие его научной и научно-педагогической мысли. Литографированные конспекты лекций впервые вводятся в научный оборот. В статье использованы общеисторические, аналитический и и компаративный методы.

Как и большинство представителей тогдашней духовно-академической школы, Иван Якимов был выходцем из бедного духовного сословия, родился в 1847 г. в семье сельского причетника села Верхосунье Глазовского уезда Вятской губернии. После окончания Вятской духовной семинарии с отличием, был отправлен в 1867 году на учебу за казённый счет СПбДА, где под руководством проф. Моисея Александровича Голубева (1824-1869) заинтересовался библеистикой. В год окончания академии за кандидатское сочинение

«Объяснение VI, VII и VIII глав послания ап. Павла к Римлянам» (1871) удостоился премии в 50 рублей [2, с. 75] и был оставлен в качестве преподавателя при академии, согласно Указу Св. Синода о замещении наставнических должностей наиболее способными выпускниками (от 5.08.1870). В 1872 г. Якимов читал уже четыре лекции в неделю и получал жалованье в размере 90 рублей в месяц [3, с. 269-271], а по его прошению академическая библиотека пополнялась зарубежными новинками по ветхозаветной тематике. В честности, были приобретены: «Библейский комментарий к книгам Ветхого Завета» К.Ф. Кейля и Ф. Делича, «Грамматика древнееврейского языка» В. Шредера, Леклера, А. Кнобеля, и др. на общую сумму 31 р. 15 коп [3, с. 234].

Результаты и обсуждения

В мае 1874 г. Иван Степанович представил к защите магистерскую диссертацию «Отношение греческого перевода LXX толковников к еврейскому масоретскому тексту в кн. прор. Иеремии» [19], официальным оппонентом выступил профессор Императорского Санкт-Петербургского университета и основатель отечественной семитологии Даниил Абрамович Хвольсон (1819-1911) [7, с. 24]. Новшеством представленной диссертации стало сравнительно-филологического анализа для толкования ветхозаветных книг. Впервые в русской библеистике были сопоставлены греческий (LXX), еврейский (МТ) и арамейский тексты, что привело к перевороту в отечественной экзегезе [1]. Обнаруженные Якимовым некоторые принципиальные различия МТ и перевода стали предметом научно-богословской полемики об их соотношении в трудах П.И. Горского-Платонова (МДА) и еп. Феофана Затворника (СПбДА). После защиты Якимов был удостоен звания магистра и назначен приват-доцентом на пустовавшую до него два года вторую кафедру Ветхого Завета с нагрузкой «три

лекции в неделю» и вознаграждением в 300 рублей за полугодие.

Годы либеральных реформ отечественного образования эпохи Александре II открыли доступ выпускникам духовных академий к зарубежным стажировкам. Так, в 1876-1877 гг. Иван Степанович учился в Германии, слушал лекции протестантских университетских библеистов [5, с. 143]. В изданной после возвращения монографии (1878), представлен компаративный анализ ветхозаветного славянского текста и перевода LXX [16]. Возглавив отдел толкований книг Ветхого Завета в журнале «Христианское чтение», Иван Степанович участвовал в составлении толкований на книгу прор. Иеремии [23], первых двух частей на книгу прор. Исаии [24], Псалтири с объемными исагогическими введениями и историко-филологическими стиховными комментариями. Основываясь на еврейском масоретском тексте (МТ) как оригинале Св. Писания, вслед за западными протестантскими библеистами, обнаруженные им «темные» места перевода LXX он интерпретировал как «перифраз точного смысла еврейского текста» и даже его намеренное искажение («отступление»).

В опубликованной им статье в первом томе «Всеобщей истории литературы» об истории развития жанров ветхозаветной письменности «Очерк истории древнееврейской литературы» (1880), основанной на трудах западных исследователей (Т. Нельдике, А. Хаусрата, Ю. Фюрста) ветхозаветные книги рассматриваются в свете новозаветного Откровения и христианской эсхатологии [20, с. 412-425]. На нее была опубликована рецензия в еврейской печати передовом реформистском русскоязычном журнале «Восход». Несмотря на критику за отсутствие указаний на раввинистическую литературу (Мишна, Талмуд) и включение апокрифов и «писаний апостольских» в рубрику еврейской литературы, положительную оценку заслужило знание Якимовым еврейского языка и книг Ветхого Завета [8].

Как экстраординарный профессор СПбДА (1883) Иван Степанович активно внедрял сравнительный метод в отечественную библеистику. Так, в актовой речи и последующих двух статьях он заявил о возможности синхронного анализа ассирио-вавилонской клинописи и книг Ветхого Завета [11, 18], что до сих пор сохраняет научное значение.

О его личных качествах сохранились воспоминания коллеги проф. Александра Львовича Катанского (1836-1919) «[Якимов] отличался весьма симпатичными чертами личного характера и преданностью научным интересам, впоследствии заявивший себя многими ценными трудами по свое-

му предмету», был любим студентами СПбДА [4, с. 267].

В результате анализа его литографированных конспектов лекций выявлена кропотливая работа ученого по исследованию состава ветхозаветного канона, его отличий в еврейской и христианской традициях, основанная на многочисленных христианских и некоторых иудейских источниках (Талмуд, мидраши, «масора») [14, с. 8]. Разделяя взгляды свт. Филарета (Дроздова) по вопросу о соотношении МТ и LXX, Якимов корректировал мессианские места по переводу LXX, но вслед за западной школой (В. Гезениусом, А. Шольцем) основывался на первичности еврейского текста (МТ) по отношению к LXX, в отличие от еп. Порфирия (Успенского) (1804-1885), опиравшегося на перевод LXX [9; 21]. Отмеченные им причины текстологических разночтений МТ и перевода LXX до сих пор не потеряли научной значимости:

- 1) ошибочная интерпретация консонантного (неогласованного) письма, разделение непрерывного еврейского МТ текста переводчиками LXX;
- 2) буквализм LXX в понимании и переводе еврейских метафор (Ис. 1.25; 6.1; 9.14; 13.4);
- 3) замена многих географических названий более известными в эпоху LXX (Ис.10.9;11.11; 23.1);
- 4) смешение произносительных норм;
- 5) ошибки в лексической интерпретации еврейских слов, восходящие к значениям в родственных семитских языках (сирийском, арабском);
- 6) догматические различия;
- 7) непоследовательность в переводе имен собственных (то как собственные, то как нарицательные) [15, с.25-26].

8) Проф. Якимов также исследовал святоотеческую экзегезу. В частности, он обнаружил знание еврейского текста свт. Василием Великим (Пс.138.11), что задавало направление библейско-богословских исследований коллег по СПбДА: И. Г. Троицкий в «Толкованиях на книгу прор. Исаии» отмечал библейские цитаты свт. Иоанна Златоуста по еврейскому МТ [6, с. 15].

Научной заслугой Якимова был первый в отечественной библеистике опыт сравнения древних ветхозаветных переводов (Акилы, Симмаха, Феодотиона, иудейских таргумов Онкелоса и Йонатана, сирийской Пешитты с текстами МТ и LXX, наряду с активным участием в полемике с представителями западно-критической школы (Эвальдом, Нельдике), пытавшимися оспорить единство и авторство книги прор. Иеремии. «Все эти данные и сопоставления суть признаки богатого запаса слов, которым пользовался писатель книги

Плача [Иеремии]; они не дают права отличать этого писателя от пророка Иеремии» [14, с. 6-7], – заключает Якимов. Обнаруженные им четыре слова с разными лексическими значениями в Плаче Иеремии и книге прор. Иеремии не могли служить достаточным обоснованием для атрибуции произведений разным авторам. Предметную последовательность изложения пророчеств и вкрапления арамеизмов Якимов относил к влиянию на прор. Иеремию условий проживания в Вавилонском плену («среди халдеев») [14, с. 19]. Смешанный языковой (еврейско-арамейский) характер книги прор. Даниила также объяснялся им как «совершенно естественный у лица еврейского происхождения, но жившим большую часть своей жизни в Вавилоне» [22, с. 15]. Западно-критическую попытку оспорить авторство книги пророка Ионы он относил к интерпретации средневекового иудейского толкования Абарбанеля (1437-1508), отрицавшего историчность библейских событий и интерпретировавшего их аллегорически («драш»), как сон [22, с. 28].

Неожиданная смерть Ивана Степановича в 1885 г. (в возрасте 38 лет) оборвала ученые труды, удостоившиеся высокой оценки со стороны коллег, оцененные «не только его слушателями-студентами, товарищами по академии, учеными

нашими иерархами, но и всеми русскими грамотными людьми, кому близко и знакомо истинное просвещение, основанное на началах духовного образования» [10].

Выводы

Новаторство проф. Якимова состояло в применении сравнительно-исторического (синхронно-диахронного) метода к исследованию ветхозаветных текстов в отечественной православной библеистике. Научно-педагогическое наследие по ветхозаветной исагогике (Плач Иеремии, книги прор. Иеремии, книги прор. Даниила, Песни Песней, книгам Малых пророков) [12-15, 17, 22] и литографированные конспекты лекций «История канона Ветхозаветных книг» [15] легли в основу дальнейшего развития православного библейского богословия. Несмотря на до сих пор не подтвердившуюся гипотезу об однозначном приоритете еврейского МТ над переводом LXX и продолжающихся дискуссиях о соотношении древних текстов и их первоисточники, труды Якимова сохраняют актуальность и для современной ветхозаветной библеистики.

Список сокращений:

ХЧ – Христианское Чтение
ТКДА – Труды Киевской духовной академии
ЦВ – Церковный вестник.

Список источников

1. Венок на могилу Ивана Степановича Якимова // ХЧ. 1885. № 7-8. С. 210.
2. Журналы Заседаний Совета СПбДА за 1871 уч. год. СПб.: тип. Департамента уделов, 1871.
3. Журналы Заседаний Совета СПбДА за 1872 учебный год. СПб.: тип. Департамента уделов, 1873.
4. Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 годы. Нижний Новгород: Нижегородская семинария, 2010. 432 с.
5. Лесаев Р.К. Представители СПбДА в научных зарубежных командировках (1869-1917) // ХЧ. 2014. №2-3. С. 139 – 155.
6. Малкина А.В. Вклад ветхозаветных библеистов Санкт-Петербургской духовной академии в издание «Полного собрания творений» свт. Иоанна Златоуста // Человек. Социум. Общество. 2024. S 4. С. 7 – 18.
7. Малкина А.В. Учебные труды по ветхозаветной библеистике в научно-педагогическом наследии проф. СПбДА И.Г. Троицкого // Студенческий сборник ПСТГУ. 2022. С. 23 – 32.
8. Меваккер. Рецензия на «Очерк истории древнееврейской литературы И. Якимова» // Восход. Современная летопись. 1881. № 12. С. 20 – 24.
9. Порфирий (Успенский), еп. Образцы русского перевода священных книг Ветхого Завета с греческого перевода 72 толковников // ТКДА. 1869. № 2. С. 4 – 212.
10. Савельев А.И. Памяти Ивана Степановича Якимова // ХЧ. 1885. № 11-12. С. 743.
11. Якимов И.С. Ветхозаветные священные книги и вавилоно-ассирийские памятники клинообразного письма // ХЧ. 1884. № 3-4. С. 532 – 552.
12. Якимов И.С. Конспект лекций по кафедре Священного Писания, преподанных студентам 1-го курса Санкт-Петербургской Духовной Академии в течение 1873-1874 учебного года. СПб.: Лит. Траншея, 1874. 56 с.
13. Якимов И.С. Конспект по Священному Писанию Ветхого Завета: Лекции, читанные в Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1880-1881 учебном году. СПб., 1881. 80 с. Литогр.
14. Якимов И.С. Конспект лекций по Священному Писанию Ветхого Завета, читанных студентам 2-го курса Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1883-1884 учебном году. СПб., 1884. 116 с. Литогр.
15. Якимов И.С. Конспект по истории канона Ветхозаветных Священных книг. СПб., 1885. 36 с. Литогр.

16. Якимов И.С. Критическое исследование текста славянского перевода Ветхого Завета в его зависимости от текста перевода LXX толковников. СПб.: тип. Цедербаума и Гольденблюма, 1878. 336 с.
17. Якимов И.С. О происхождении Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова // ХЧ. 1887. № 7. С. 1 – 18; № 9-10. С. 299 – 311.
18. Якимов И. С. Опыты соглашения библейских свидетельств с показаниями памятников клинообразного письма // ХЧ. 1884. № 7-8. С. 21 – 62.
19. Якимов И.С. Отношение греческого перевода LXX толковников к еврейскому масоретскому тексту (МТ) в книге пророка Иеремии. СПб.: тип. Цедербаума и Гольденблюма, 1878. 336 с.
20. Якимов И.С. Очерк истории древнееврейской литературы // Всеобщая история литературы. Сост. по источникам и новейшим исслед., при участии рус. ученых и литераторов / Под ред. В.Ф. Корша. Вып. 1. Т. 1. Ч. 1. Литературы Древнего Востока. СПб.: К. Риккер, 1880. С. 264 – 425.
21. Якимов И.С. По поводу мнения одного епископа о значении русского перевода ветхозаветных библейских книг, изданного по благословению Святейшего Синода // ЦВ. 1876. № 13. С. 2.
22. Якимов И.С. Происхождение Книги пророка Даниила, Осии, Иоили, Амоса, Авдия, Ионы. СПб., 1884. 87 с. Литогр.
23. Якимов И.С. Толкования на книгу прор. Иеремии. Вып. 1-2. СПб.: тип. Ф. Елеонского, 1879.
24. Якимов И.С. Толкования на книгу св. прор. Исаии. СПб.: тип. Ф. Елеонского, 1883-1893. Ч. 1 (1883). Гл. I-XII. 212 с.; Ч. 2 (1885). Гл. XIII-XXXIV. 530 с.

References

1. A Wreath on the Grave of Ivan Stepanovich Yakimov. KhCh. 1885. No. 7-8. P. 210.
2. Minutes of the Meetings of the Council of St. Petersburg Theological Academy for the 1871 Academic Year. St. Petersburg: Type of the Department of Appanages, 1871.
3. Minutes of the Meetings of the Council of St. Petersburg Theological Academy for the 1872 Academic Year. St. Petersburg: Type of the Department of Appanages, 1873.
4. Katansky A. L. Memories of an Old Professor. From 1847 to 1913. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Seminary, 2010. 432 p.
5. Lesaev R. K. Representatives of St. Petersburg Theological Academy on Scientific Trips Abroad (1869-1917). KhCh. 2014. No. 2-3. P. 139 – 155.
6. Malkina AV The Contribution of Old Testament Biblical Scholars of the St. Petersburg Theological Academy to the Publication of the Complete Works of St. John Chrysostom. Man. Society. Obshchestvo. 2024. S 4. P. 7 – 18.
7. Malkina AV Educational Works on Old Testament Biblical Studies in the Scientific and Pedagogical Heritage of Prof. I.G. Troitsky of the St. Petersburg Theological Academy. Student Collection of PSTGU. 2022. P. 23 – 32.
8. Mevacker. Review of I. Yakimov's "Essay on the History of Ancient Hebrew Literature". Voskhod. Sovremennaya Chronicle. 1881. No. 12. P. 20 – 24.
9. Porfiry (Uspensky), Bishop. Examples of Russian translation of the sacred books of the Old Testament from the Greek translation of the 72 interpreters. TKDA. 1869. No. 2. Pp. 4 – 212.
10. Savelyev A.I. In memory of Ivan Stepanovich Yakimov. XCh. 1885. No. 11-12. Pp. 743.
11. Yakimov I.S. Old Testament sacred books and Babylonian-Assyrian monuments of cuneiform writing. XCh. 1884. No. 3-4. Pp. 532 – 552.
12. Yakimov I.S. Lecture notes on the Department of Holy Scripture, taught to first-year students of the St. Petersburg Theological Academy during the 1873-1874 academic year. SPb.: Lit. Transhelya, 1874. 56 p.
13. Yakimov I.S. Abstract of the Holy Scriptures of the Old Testament: Lectures given at the St. Petersburg Theological Academy in the 1880-1881 academic year. St. Petersburg, 1881. 80 p. Lithograph.
14. Yakimov I.S. Abstract of lectures on the Holy Scriptures of the Old Testament, given to 2nd year students of the St. Petersburg Theological Academy in the 1883-1884 academic year. St. Petersburg, 1884. 116 p. Lithograph.
15. Yakimov I.S. Abstract of the history of the canon of the Old Testament Holy Books. St. Petersburg, 1885. 36 p. Lithograph.
16. Yakimov I.S. A critical study of the text of the Slavonic translation of the Old Testament in its dependence on the text of the translation of the LXX commentators. St. Petersburg: type. Zederbaum and Goldenblum, 1878. 336 p.
17. Yakimov I.S. On the origin of the Book of Wisdom of Jesus son of Sirach. KhCh. 1887. No. 7. P. 1 – 18; No. 9-10. P. 299 – 311.

18. Yakimov I.S. Experiments in agreeing biblical evidence with the testimony of cuneiform writing monuments. KhCh. 1884. No. 7-8. P. 21 – 62.
19. Yakimov I.S. The relationship of the Greek translation of the LXX commentators to the Jewish Masoretic text (MT) in the book of the prophet Jeremiah. SPb.: type. Zederbaum and Goldenblum, 1878. 336 p.
20. Yakimov I.S. Essay on the history of ancient Hebrew literature. General history of literature. Comp. according to sources and latest research, with the participation of Russian scholars and writers. Ed. V.F. Korsh. Issue 1. Vol. 1. Part 1. Literature of the Ancient East. SPb.: K. Ricker, 1880. P. 264 – 425.
21. Yakimov I.S. Regarding the opinion of one bishop about the significance of the Russian translation of the Old Testament biblical books, published with the blessing of the Holy Synod. TsV. 1876. No. 13. P. 2.
22. Yakimov I.S. The Origin of the Book of the Prophet Daniel, Hosea, Joel, Amos, Obadiah, Jonah. St. Petersburg, 1884. 87 p. Lithograph.
23. Yakimov I.S. Commentaries on the Book of the Prophet Jeremiah. Issues 1-2. St. Petersburg: Printing House of Olives, 1879.
24. Yakimov I.S. Commentaries on the Book of the Holy Prophet Isaiah. St. Petersburg: Printing House of Olives, 1883-1893. Part 1 (1883). Ch. I-XII. 212 p.; Part 2 (1885). Ch. XIII-XXXIV. 530 p.

Информация об авторе

Малкина А.В., преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5225-7578>, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; старший преподаватель, Московский финансово-промышленный университет Синергия, almalik_75@mail.ru

© Малкина А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94.5

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-127-132

Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603-1867)

¹ Смирнов В.В.,
¹ Уральский федеральный университет

Аннотация: целью данной работы является исследование образа идеального самурая в японской литературе эпохи Токугава (1603-1867). Мы обратимся к таким важным самурайским произведениям как трактат Дайдодзи Юдзана “Будосёсинсю” (“Наставления вступающему на путь воина”) и тексту Ямамото Цунэтомо “Хагакурэ” (“Сокрытое среди листвы”). Помимо этого, нами будет использован трактат великого японского воина Миямото Мусаси – “Го Рин Но Сё” (“Книга пяти колец”), произведение Адати Масахирос – “Хэйджюцу Дзёкун” (“Основы фехтования”) и “Трактат самурая Дзёгю Тадзима-но-ками о фехтовании”. Особенностью данных произведений является попытка авторов приспособить коренные ценности самураев к мирной жизни, когда возможность выразить свою преданность господину в реальном бою практически сошла на нет.

Ключевые слова: Япония, образ идеального самурая, японская литература, “Будосёсинсю”, “Хагакурэ”, “Го Рин Но Сё”, “Хэйджюцу Дзёкун”, “Трактат самурая Дзёгю Тадзима-но-ками о фехтовании”

Для цитирования: Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603-1867) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8, № 1. С. 127 – 132. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-127-132

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

The image of the ideal samurai in the literature of the Tokugawa era (1603-1867)

¹ Smirnov V.V.,
¹ Ural Federal University

Abstract: the purpose of this work is to study the image of the ideal samurai in Japanese literature of the Tokugawa era (1603-1867). We will refer to such samurai works as the treatise by Daidoji Yuzan “Budoshoshinshū” (“Instructions for one entering the path of a warrior”) and the text by Yamamoto Tsunetomo “Hagakure” (“Hidden among the leaves”). In addition, we will use the treatise of the great Japanese warrior Miyamoto Musashi – “Go Rin No Sho” (“The Book of Five Rings”), the work of Adachi Masahiro - “Heijutsu Zekun” (“Basics of fencing”) and “Treatise of the samurai Dzyagyū Tajima-no-kami on fencing”. The peculiarity of these works is the attempt of their authors to adapt the fundamental values of the samurai to a peaceful life, to consider the issue of serving the master and dying in his name from a new angle of perception.

Keywords: Japan, the image of the ideal samurai, Japanese literature, “Budoshoshinshū”, “Hagakure”, “Go Rin No Sho”, “Heijutsu Zekun”, “The Treatise of the Samurai Jagyu Tajima-no-kami on Fencing”

For citation: Smirnov V.V. The image of the ideal samurai in the literature of the Tokugawa era (1603-1867). Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 127 – 132. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-127-132

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: November 27, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Эпоха Токугава (1603-1867) в японской истории, по устоявшемуся мнению, считается «золотой порой самурайства» [1, с. 28]. В это время, после длительного периода волнений, Япония наконец сумела восстановить порядок и мир, который так долго был ей недоступен. Однако, при кажущейся на первый взгляд открывшейся перспективе развития самурайского сословия, всё же потомственные воины оказались не у дел. Как указывает исследователь Уинстон Л. Кинг, «К эпохе Токугава, главная обязанность самурая – сражаться и быть готовым умереть в любой момент – стала бессмысленной. В самом деле, какой смысл воину выполнять обязанности чиновника, надзирателя, управляющего округом или сборщика налогов?» [2, с. 125]. Поэтому одной из главных проблем самурайства этого периода стало решение вопроса, как приспособить свои коренные качества к мирным обязанностям и ценностям. Самурайство пришло к необходимости приспособления своих старых идеологических норм к новым условиям существования [3, с. 74].

Материалы и методы исследований

В этих условиях в Японии появляются два наиболее показательных для нас литературных произведения, авторы которых ставят своей целью разобраться в возникшей проблеме – что значит быть самураем в мирное время? Это такие произведения как «Будосёсинсю» Дайдодзи Юдзана и «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо [4].

Данные произведения интересны для нас потому, что авторы уже в начале своего повествования определяют стержневую основу самурайства эпохи Токугава. Так, Дайдодзи Юдзана в своём трактате говорит, что самурай в любое время дня и ночи обязан помнить о смерти. Утром, когда он садится завтракать, или когда он платит долги перед новым годом – все его мысли должны быть обречены в сторону своей смерти, пишет Дайдодзи [5, с. 25]. Ему вторит Ямамото Цунэтомо, говоря: «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации или-или без колебаний выбирай смерть» [6, с. 18].

В данном контексте, закономерен вопрос – какое значение вкладывают в свои слова Дайдодзи Юдзан и Ямамото Цунэтомо, также как и самурай предыдущих поколений говоря, что для воина главное – это смерть. Обратимся за ответом к текстам источников. Вот, что пишет Цунэтомо: «Настоящим самураем можно стать только в том случае, если каждый день помнить о смерти и

жить так, как будто ваше тело уже мертво» [6, с. 73]. Дайдодзи Юдзана же указывает, что если воин всегда осознает, что смерть неизбежна, он сможет вести жизнь, руководствуясь преданностью и сыновней почтительностью. Только тогда он сможет избежать многих бед и несчастий, защититься от болезней и бедствий и прожить долгую жизнь. Он станет выдающейся личностью, обладающей великими качествами [5, с. 36].

Результаты и обсуждения

Обобщая изложенные выше цитаты, можно заметить, что смерть для идеального самурая являлась жизненно важным и необходимым компонентом – только с осознанием и мыслью о смерти самурай мог прожить истинную жизнь воина. Другими словами, смерть выступала как своеобразная призма, через которую идеальный самурай эпохи Токугава должен был взирать на все проявления жизни. В этом понимании, смерть не должна была реализоваться в плане физического уничтожения тела, она должна была быть выражена в особом взгляде воина на свою жизнь.

Суть данной философии смерти хорошо раскрывает пример, описанный Цунэтомо в «Хагакурэ»: «Во время битвы при Бунго, к самураю Таканобу прибыл гонец из вражеского лагеря с сакэ и угощениями. Таканобу хотел попробовать угощения, но его вассалы сказали ему, что угощения из вражеского лагеря могут быть ядовитыми. В ответ же Таканобу сказал: «Неважно, даже если они отравлены. Зовите гонца!» Затем он открыл перед гонцом бочонок сакэ, выпил три большие чаши сам и одну предложил гонцу. Затем Таканобу ответил на его вопросы и отправил гонца обратно в лагерь врага» [6, с. 14].

Как мы видим, Таканобу демонстрирует полную отрешённость от страха смерти, выпивая посланное из вражеского лагеря сакэ. Этим жестом, герой показывает, что намерение умереть для самурая – есть главный жизненный постулат. Также нам нужно обратить внимание на то, что намерение умереть, ставится выше, чем желание победить врага. Впоследствии Цунэтомо уже ясно пишет: «Воинская доблесть выражается не столько в победе над врагом, сколько в готовности пожертвовать собой ради своего хозяина» [6, с. 58-59]. В то же время Дайдодзи Юдзан подчеркивает, что основой этой доблести является такое чувство, как стыд. Встречаются воины, пишет он, которые перед лицом опасности, несмотря на свои страхи, продолжают идти вперед, стыдясь опозориться перед лицом своих товарищей. Такие самурай

полны решимости. Поначалу, конечно же, они намного слабее храбрецов, но после нескольких схваток привыкают к опасности и одерживают верх в битвах. В конце концов их мужество возрастает, и они становятся бесстрашными воинами, не уступающими настоящим храбрецам. Таким образом, истинное мужество и правильные поступки основаны на стыде» [5, с. 12-13].

Самурай, взирающий на свою жизнь через призму смерти, должен был прийти к пониманию того, что за пределами текущего мгновения не существует ничего важного. Помнить о смерти – значит постоянно быть «здесь и сейчас», без всякого рода отвлечений на посторонние мысли и эмоции. По этому поводу Юдзан Дайдодзи указывает, что самурай пренебрежёт своим долгом по отношению к господину, если начнёт тешить себя мыслью о безграничной верности ему и своей семье. Однако, если он сосредоточится исключительно на текущем моменте своей жизни, не заботясь о своём будущем, то стоя перед господином, он будет воспринимать этот момент как последний в своей жизни, тогда все его чувства и мысли будут преисполнены искренностью, верностью и сыновней почтительности» [5, с. 35]. Ему вторит Цунэтомо: «Что может помочь самураю добиться своих целей и развить усердие? Для начала, человек должен быть невозмутимым и спокойным в этот самый момент. Люди часто выглядят подавленными, но если они находятся в ясном и незамутненном состоянии духа, их черты преображаются. Что бы ни делали такие люди, они всегда сосредоточены на чем-то одном. Эти качества очень трудно приобрести и еще труднее постоянно поддерживать. Нет ничего вне настоящего момента» [6, с. 42].

Как мы видим, идеальное самурайское миропонимание отрицало существование реальности за пределами текущего мгновения, а такие понятия как прошлое и будущее для самурая являлись второстепенными и опасными явлениями, так как могли отвлечь от необходимости мгновенного схватывания возможности оказать услугу господину.

Как мы видим из текста «Хагакурэ», подлинный самурай каждое утро и каждый вечер должен был готовить себя к смерти. Из дальнейшего текста становится ясно, что данный мотив смерти способствует взращиванию в воине безличностного отношения к окружающей действительности: «Люди считают, что, анализируя сложные ситуации, они способны найти решения. Тем не менее, размышления зачастую порождают ложные убеждения. В результате они не могут принять обоснованные решения, так как их рассуждения основаны

на стремлении к личной выгоде. Отказаться от неразумных мыслей и развить истинное безличностное мышление представляет собой значительную трудность. Однако, если, подходя к вопросу, ты не сосредотачиваешься на нём, а ориентируешься на четыре заповеди самураев господина Набэсима, твои суждения будут соответствовать наиболее взвешенным мнениям» [6, с. 63].

Безличностное отношение к действительности, помогающее более полно выразить преданность господину, воспитывало в самурае беспредельную решимость на пути служения. Это самурайское качество было своеобразным мостиком, который соединял теоретические установки бусидо с реальной жизнью. Цунэтомо по этому поводу указывал, что в древности мудрецы говорили, что если человек не сможет принять решение в течении семи вдохов и выдохов, то результат будет плачевным. Воин должен действовать быстро, затянутые размышления не приветствуются» [6, с. 39]. В «Будосёсинсю» по этому поводу описывается случай, произошедший со священником Дайю, к которому обратились с просьбой: «Вы сможете показать нам пример возвращения к жизни умершего человека? – Я покажу вам, как вернуть человека к жизни с помощью молитвы, ведь без этого буддизм теряет весь свой смысл. Монах сел рядом с умершим и стал медитировать. Через некоторое время умерший начал дышать и двигаться. Говорят, что он прожил еще полгода. На вопрос Дайю – «Как вы молились?» он ответил: «Никакой особой молитвы у меня не было, потому что в нашей секте нет традиции возвращать мертвых к жизни. Я просто открыл свое сердце Будде Дхарме, наточил кинжал и спрятал его в халат. Если Будда Дхарма действительно обладает силой, пожалуйста, верни их к жизни! Если бы умерший не ожил, я бы тут же разрезал себе живот и умер рядом с покойником» [5, с. 17].

В «Хагакурэ» мы встречаем отрывок, который как нельзя лучше показывает решимость самурая выразить свою преданность господину через смерть во имя него: «Реликвии семьи Сома были одними из самых известных в Японии. Однажды в их доме вспыхнул пожар. «Я не жалею ни о доме, ни о его содержимом, – в конце концов, это все можно будет восстановить» – сказал глава клана. «Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что не могу уберечь свои древние клановые реликвии». – «Я войду в горящий дом и вынесу реликвии», – сказал один из самураев клана Сома». Толпа рассмеялась, а господин Сома сказал: «Ты не сможешь этого сделать, потому что дом уже полностью объят пламенем». Этот человек не отличался красноречием, он никогда не был полезен

своему хозяину, но его приняли в слуги благодаря его способности выполнять работу от начала до конца. — «Я был слишком беззаботен, чтобы помочь своему господину, когда он в этом нуждался, но в глубине души я мечтал отдать за него жизнь», — сказал самурай. «Похоже, время пришло». — После этих слов самурай кинулся в огонь. Когда всё догорело, глава клана сказал: «Найдем останки этого мужественного воина». Тело его было найдено в одной из бывших комнат. Было обнаружено, что самурай вскрыл себе живот и спрятал там ценные реликвии, которые ничуть не пострадали от огня. С тех пор они стали известны в Японии как «кровавая родословная» [6, с. 77-78].

В данном отрывке, наряду с констатацией высокой самурайской решимости, хорошо прослеживается упоминавшаяся уже нами ситуация «здесь и сейчас» — самурай должен быть в постоянной сознательной сосредоточенности на происходящей действительности, чтобы в определённый момент сделать правильный выбор в ситуации «или — или» и решительно «схватить» возможность выразить свою преданность господину через смерть.

Цунэтомо пишет, что проявление истинной решимости в действиях, возможно лишь в том случае, если самурай основательно подготовится к их выполнению. В тексте он указывает, что Бусидо — это, прежде всего, осознание того, что никогда нельзя знать, что произойдет в следующий момент. Поэтому необходимо день и ночь тщательно анализировать каждую возможность. Исход битвы часто определяется сиюминутными обстоятельствами. Однако можно легко избежать смерти и позора. Даже когда поражение кажется неизбежным, нужно продолжать идти к своей цели. Для этого не требуется особой мудрости или развитых навыков. Настоящий самурай не думает о победе или поражении, а мужественно встречает неизбежную смерть. Только так можно пробудиться ото сна, пишет автор [6, с. 25].

Следующий фрагмент из Хагакурэ, недвусмысленно рисует чистоту воинской ценности, выраженной в не привязанности самурая, как к собственной жизни, так и к смерти, глубина постижения которой становится достаточным основанием для констатации великого мастерства воина, без необходимости учёта его технического уровня: «Один из самураев самого сёгуна попросил знаменитого мастера Ягю взять его в ученики. Мастер ответил: «Вы очень похожи на мастера боевых искусств. Поэтому я не могу принять вас, не узнав, что представляет собой ваша школа». Посетитель ответил: «Я никогда не занимался боевыми искусствами». Мастер спросил: «Вы пришли поиздеваться над мной? Или моя интуиция ввела меня в

заблуждение, указав что вы — мастер?» Посетитель поклялся, что это не так. Тогда хозяин спросил: «Если это не так, то какие глубокие убеждения вы имеете? «В детстве я вдруг понял, что воин — это тот, кто не привязан к своей жизни», ответил самурай. Это осознание осталось в моем сердце на долгие годы и стало моим глубочайшим убеждением. Мастер Ягю был глубоко тронут словами этого самурая и произнёс: «Моя интуиция меня не обманула. Основной принцип боевых искусств заключается именно в этом понимании. Ни один из сотен моих учеников ещё не понял до конца этот глубочайший принцип. Вам не нужно осваивать навыки работы с бамбуковым мечом. Я сейчас же посвящу вас в мастера». Сказав это, он протянул свиток посетителю» [6, с. 18-19].

В данном примере, Цунэтомо говорит о более продвинутом уровне сознания идеального самурая. Если Дайдодзи Юдзан в «Будосёсинсю» призывает самурая каждый день делать усилия, сознательно вспоминая о важности смерти, то Цунэтомо показывает пример того, что случается с самураем, через определённый промежуток времени, когда данная мысль становится всей сущностью воина. При этом, мы видим, что, самураю больше нет надобности думать о смерти.

Призыв к необходимости формирования в самурае не привязанности к вещам окружающего мира и подлинное пустотное воинское восприятие мы встречаем в произведении «Хэйдзюцу дзэкун» («Основы фехтования») — Адати Масахиро, и в «Трактате Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании». Данные произведения были написаны в эпоху Токугава, как трактаты по наставлениям воинов. Данные мастера пытаются рассмотреть ценности самураев под психологическим углом, в котором чувствуется большое влияние дзэн-буддизма. Как мы увидим в дальнейшем, являясь учителями школ самурайского меча, авторы данных произведений, употребляют слово фехтовальщик, а не самурай или воин. Тем самым, они не двусмысленно дают понять, что воин — это скорее человек с особым психологическим складом ума, чем представитель замкнутого социального сословия. Но так как данные школы фехтования создавались преимущественно для обучения самураев боевому искусству, то и рассматривая ценности фехтовальщика, мы будем подразумевать под этим самурайские ценности.

Говоря о самурайских ценностях, Дзягю Тадзима, в частности, даёт такое наставление: «Хотя от неподготовленного самурая не приходится ждать высшего мастерства боя, однако если он настроится на то, что живым ему уже не уйти с поля брани, то он сможет преобразиться в грозно-

го противника даже для мастера фехтования. Страх смерти и жизненные привязанности моментально отражаются в движениях самурая, и противник может этим воспользоваться» [7].

Чтобы прояснить эту мысль, рассмотрим пример другого мастера фехтования, Масахиро Адати. Он приводит показательный пример, когда не сведущий в боевых искусствах человек, находясь на краю жизни и смерти, достигнув определенного психологического состояния непривязанности к жизни, заставил отступить опытного фехтовальщика. Этот пример показывает, что можно сделать с человеком, который осознает неизбежность смерти и поэтому теряет страх перед ней: «Слуга одного самурая разгневал одного влиятельного человека. И тот, пользуясь своим влиянием, попросил самурая, в пример другим, наказать этого слугу. В те времена это могло означать только смерть для слуги. Самурай вызвал к себе слугу и произнёс: «Мне очень жаль, но я должен исполнить желание оскорбленного и казнить тебя. Других вариантов нет. Однако я советую тебе сразиться со мной и попробовать зарубить меня мечом на дуэли. На что слуга возразил: «Вы отлично владеете мечом, я же никогда к мечу не прикасался. Мне вас не победить». Что касается самурая, то он давно уже хотел сразиться с человеком, который опустил руки и оказался в безвыходной ситуации: «Возьми в руки меч и попытай счастья. Посмотрим, улыбнется ли тебе судьба и что получится из этого поединка!». Когда они обнажили мечи друг против друга, то самурай вдруг заметил, что его позиция недостаточно хороша и нужно её сменить. Он сделал шаг назад, потом еще и еще, до тех пор пока не уперся в препятствие за спиной. Загнанный в угол, самурай не мог переместиться уже в более выгодную позицию и с отчаянным криком нанес своему слуге смертельный удар. Позже он рассказывал своим ученикам: «Меня чуть не убил мой собственный слуга. Его бешеная атака с мечом была не отразима. Как же может тогда сражаться первоклассный воин в таком состоянии, если даже у слуги получилось стать таким опасным противником?!»» [8].

Как мы видим, слуга полностью проявил такие истинно воинские качества как отрешённость от жизни и пустотность восприятия, что позволило ему, сконцентрировав всю свою волю в едином порыве наступления, основательно смутить опытного фехтовальщика.

Как уже было сказано, возможность умереть в сражении в мирную эпоху Токугава, у самурая практически отсутствовала. В этой связи, интересно рассмотреть ценностное отношение самураев к смерти не в боевом сражении, а в мирное время – от болезни в постели: «В мирное время заболевший воин, не важно молодой он или старый, должен проявить стойкость и не цепляясь за жизнь, спокойно с ней расстаться. Он должен позвать своего господина, будь то высокого или низкого ранга, пока он в состоянии говорить, и выразить господину свою благодарность за внимание и доброту, проявленные к нему, и сообщить, что он всегда старался выполнять свои обязанности, но теперь заболел тяжелой болезнью, от которой он не может оправиться и вернуться к исполнению своих обязанностей».

Выводы

Таким образом, мы видим, что идеалы самурайства эпохи Токугава (1603-1867), имеют свои как уникальные особенности, так и черты, встречающиеся в более ранней эпохе существования самурайского сословия. Во-первых, главным идеалом самурайства эпохи Токугава, оставалось преданное служение господину, которое окончательно оформилось в период междоусобной войны в Японии (1336-1568). Но, теперь по причине отсутствия наивысшей возможности выражения преданности господину через смерть, самурай, переосмыслив свои ценности, перевели смерть из понимания необходимости физического уничтожения тела, в ранг особого психологического взгляда на жизнь. Поэтому идеальным самураем становился не после смерти, а после того, как намерение умереть становилось всей сутью его образа жизни. Жизнь самурая, которая полностью воплотила в себе намерение смерти, Ямамото Цунэтомо в Хагакурэ называет искренней жизнью воина. Намерение умереть формировало такое качество воина как отрешённость. Это в свою очередь вело к безличностному отношению к действительности, которое помогало самураю оценить любую жизненную ситуацию и принять правильное и быстрое решение по любой проблеме. Значительный акцент делался на необходимости самурая следовать принципу “здесь и сейчас”, данный принцип формировал в самурае безграничную решимость, как качество, которое позволяло мгновенно схватить возможность выразить преданность господину в реальной жизни.

Список источников

1. Синицын А.Ю. Рыцари страны восходящего солнца. История, традиции, оружие. СПб.: “Паритет”, 2007. 352 с., ил.
2. Уинстон Л. Кинг. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая: пер. с англ. Котенко Р.В. СПб.: Евразия, 2002. 320с., ил.
3. Маслов А.А. Бусидо: Кодекс чести самурая. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2008. 284 с.: ил. Путь мастера.
4. Ратти О., Уэстбрук А. Тайны древних цивилизаций. Самурай. М.: Изд-во Эксмо, 2007. 640 с.
5. Будосёсинсю (Наставления вступающему на путь воина) Юдзан Дайдодзи: пер. на русский: Р.В. Котёнок, А.А. Мищенко СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
6. Хагакурэ (Сокрытое среди листвы) Ямамото Цунэтомо. Перевод на русский: Котёнок Р.В., Мищенко А.А. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
7. Тракта́т Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании. [Электрон. ресурс] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (дата обращения: 18.08.2024)
8. Хэйдзюцу Дзэкун (Основы фехтования Адати Масахиро) [Электрoу. ресурс] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (дата обращения: 16.09.2024)

References

1. Sinitsyn A.Yu. Knights of the Land of the Rising Sun. History, Traditions, Weapons. SPb.: “Parity”, 2007. 352 p., ill.
2. Winston L. King. Zen and the Way of the Sword. An Attempt to Understand the Psychology of the Samurai: trans. from English by Kotenko R.V. SPb.: Eurasia, 2002. 320 p., ill.
3. Maslov A.A. Bushido: The Samurai Code of Honor. 3rd ed. Rostov-on-Don: Phoenix; Krasnodar: Neoglorry, 2008. 284 p.: ill. The Path of the Master.
4. Ratti O., Westbrook A. Secrets of Ancient Civilizations. Samurai. Moscow: Eksmo Publishing House, 2007. 640 p.
5. Budoshoshinshū (Instructions for those entering the path of a warrior) by Yuzan Daidōji: translated into Russian by: R.V. Kotenko, A.A. Mishchenko St. Petersburg: Eurasia, 2001. 320 p.
6. Hagakure (Hidden Among the Leaves) by Yamamoto Tsunetomo. Translation into Russian by: R.V. Kotenko, A.A. Mishchenko St. Petersburg: Eurasia, 2001. 320 p.
7. Treatise on fencing by Dzyagyu Tajima-no-kami. [Electronic resource] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (date of access: 08/18/2024)
8. Heijutsu Zekun (Fundamentals of fencing by Adachi Masahiro) [Electro. resource] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (date of access: 09/16/2024)

Информация об авторе

Смирнов В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет, wajin1987@yandex.ru

© Смирнов В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.85

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-133-138

Экуменическая деятельность Русской православной церкви

¹ Мельниченко О.В.,

¹ кандидат исторических наук,
губернатор Пензенской области

Аннотация: тотальный идеологический и административный контроль за церковью со стороны государственных органов внутри СССР не мешал, скорее способствовал интенсификации деятельности РПЦ за рубежом и расширению ее внешних связей с международными общественными и религиозными организациями. РПЦ являлась полноправным членом различных межнациональных неправительственных объединений и деятельным организатором международных конференций по гуманитарным проблемам человечества. С 1961 г. РПЦ была постоянным членом крупнейшей международной христианской организации – Всемирный совет церквей, активным участником и инициатором проведения всемирных конгрессов религиозных деятелей и всехристианских съездов (Христианская мирная конференция, Конференция Европейских церквей и т.д.). Автор приходит к выводу, что международные связи РПЦ в годы перестройки продолжали оставаться важной частью государственного-церковного взаимодействия, а экуменическое движение РПЦ использовалось партийным руководством как инструмент мягкой силы, призванный сформировать привлекательный образ Советского Союза как страны, соблюдающей права верующих.

Ключевые слова: Русская православная церковь, экуменизм, международные связи, государственно-церковное взаимодействие

Для цитирования: Мельниченко О.В. Экуменическая деятельность Русской православной церкви // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 133 – 138. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-133-138

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Ecumenical activity of the Russian Orthodox Church

¹ Melnichenko O.V.,

¹ Candidate of Historical Sciences (Ph.D.),
Governor of the Penza region

Abstract: the total ideological and administrative control of the church by state bodies within the USSR did not interfere, but rather contributed to the intensification of the activities of the ROC abroad and the expansion of its external relations with international public and religious organizations. The ROC was a full member of various interethnic non-governmental associations and an active organizer of international conferences on humanitarian problems of mankind. Since 1961 The ROC was a permanent member of the largest international Christian organization – the World Council of Churches, an active participant and initiator of the world congresses of religious figures and all-Christian congresses (Christian Peace Conference, Conference of European Churches, etc.). The author concludes that the international relations of the ROC during the years of perestroika continued to be an important part of state-church interaction, and the ecumenical movement of the ROC was used by the party

leadership as a tool of soft power designed to form an attractive image of the Soviet Union as a country that respects the rights of believers.

Keywords: Russian Orthodox Church, ecumenism, international relations, state-church interaction

For citation: Melnichenko O.V. *Ecumenical activity of the Russian Orthodox Church. Historical Bulletin.* 2025. 8 (1). P. 133 – 138. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-133-138

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: November 27, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Наивысшим достижением на внешнеполитическом поприще стал 1982 г., когда РПЦ вошла в число неправительственных организаций, представители которых получили возможность выступить в Нью-Йорке на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. 21-28 июня 1982 г. делегация РПЦ во главе с патриархом Пименом находилась в США, где провела ряд неофициальных встреч с американскими политиками и религиозными деятелями [1, с. 6]. 24 июня Его Святейшество принял Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр, который подчеркнул особое значение предстоящего выступления главы РПЦ перед Ассамблеей, поскольку оно «вдохновит всех тех, кто стремится воплотить в жизнь идеалы мира, прогресса, разоружения» [1, с. 6]. Генсек высоко оценил многолетнюю деятельность православной церкви по укреплению мира между народами. В тот же день впервые в истории РПЦ патриарх Московский и всея Руси Пимен выступил с программной речью перед участниками специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Главный лейтмотив обращения заключался в том, что народы Советского Союза «жаждут мира, что разоружение отвечает глубинным стремлениям нашего общества, дальнейшее развитие которого возможно только в условиях мира, что наше социалистическое государство стремится к мирным дружеским отношениям со всеми странами мира и готово идти навстречу любому конструктивному предложению по вопросам ограничения вооружений и разоружения» [1, с. 3]. Грамотно выстроенная речь патриарха создавала полное ощущение у слушателей, что к ним обращается политический лидер одной из ведущих мировых держав, а не глава одной из многочисленных конфессий. Например, Пимен не преминул отметить, что подавляющая часть паствы РПЦ – это граждане Советского Союза от имени которых он выступает. Упомянул патриарх и обращение недельной давности главы государства Л.И. Брежнева к членам Генеральной Ассамблеи, в котором тот заверил, что СССР не намерен применять ядерное оружие

первым. Символично, что в отличие от главы РПЦ сам Генеральный секретарь ЦК КПСС по состоянию здоровья так и не смог принять участие в заседаниях Ассамблеи, а текст его выступления зачитал министр иностранных дел СССР А.А. Громыко. Вероятно, по замыслу советских дипломатов зачитанное министром обращение вкупе с речью патриарха Пимена создаст должный положительный эффект на международную аудиторию.

Такая внешнеполитическая активность РПЦ, выглядевшая для иностранных наблюдателей как миротворческая инициатива самих церковнослужителей, на деле представляла собой результат плотного государственно-церковного взаимодействия. Любые международные действия, начиная от личных встреч и организаций конференций и заканчивая текстами выступлений перед зарубежной аудиторией, проходили согласование в многочисленных государственных инстанциях – ЦК КПСС, СДР при СМ СССР, МИД, КГБ и других. Ход и результаты заграничных поездок и международных контактов религиозных деятелей подробно фиксировались и направлялись в СДР при СМ СССР, пополняя архив учреждения многочисленными отчетами, справками и итоговыми заключениями.

Материалы и методы исследований

Международные контакты РПЦ с конца 1950-х гг. всемерно поддерживались государственно-партийным руководством, превратившись в один из действенных механизмов «мягкой силы» советского дипломатического ведомства.

Сама идея использования религиозных деятелей в качестве апологетов Советского государства на международной арене во многом была детерминирована представлением партийного руководства о ключевой роли религии в общественной и политической жизни капиталистических стран. Советские политологи, религиоведы и публицисты-западники фундировано подкрепляли данный тезис в научных публикациях с анализом религиозных институтов и их влияния в странах США и Европы. Особую роль здесь играл, Институт США и Канады АН СССР, создан-

ный еще в 1967 г. и существенным образом влиявший на процесс выработки стратегии и реализации внешнеполитических решений СССР по отношению к США. Например, в 1985 г. в фундаментальном труде «Религия в политической жизни США» под редакцией сотрудников института Ю.А. Замошкина и Д.Е. Фурманова утверждалось, что «церкви в США в многообразных формах и в самых разных направлениях вмешиваются в политику, политики используют авторитет церквей, но это взаимодействие религии и политики осуществляется в определенных рамках, «естественно» возникающих, из строя американского общества» [2, с. 8]. По мнению авторов книги, публичная деятельность духовенства США добавляет в политическую плоскость «моралистический» и «идеалистический» аспекты, которые востребованы американским обществом. Самых же священнослужителей советские исследователи утилитарно рассматривали в духе советской атеистической пропаганды, как «идеологов», чей подход к жизни базируется на общечеловеческих мировоззренческих позициях [2, с. 9]. Не трудно заметить, что с этой же точки зрения советская власть рассматривала и религиозных деятелей СССР, прямо используя их в идеологических и пропагандистских целях. Как пишет религиовед Т.А. Чумаченко, иерархи РПЦ прекрасно осознавали использование церкви в государственных интересах и как инструмент политики в годы Холодной войны, однако, беспрекословно выполняли все рекомендации власти [3, с. 95].

Анализ источников позволяет сделать вывод, что в 1985-1991 гг. международная активность РПЦ развивалась по четырем основным направлениям, контуры которых формировались с конца 1950-х гг.: 1) миротворческая миссия; 2) участие в экуменическом движении; 3) пропагандистская работа за рубежом; 4) встречи и участие в организации визитов в СССР иностранных религиозных делегаций. Впрочем, эти направления в известной степени условны, поскольку все они по своей сути соответствовали внешнеполитическим интересам советского государства и различались лишь в части организации.

Результаты и обсуждения

Одним из традиционных приложений сил РПЦ на международной сцене была экуменическая деятельность. Экуменизм, как идеология всехристианского единства и движение за сближение христианских конфессий, получил широкое распространение в середине XX в. Еще в 1961 г. РПЦ с согласия советского руководства вошла в состав международной экуменической организации – ВСЦ, основанной в 1948 г. С этого времени

РПЦ являлась крупнейшей религиозной организацией, представленной в совете. Разрешенные Н.С. Хрущевым экуменические контакты, в самый разгар антирелигиозной политики, привели к развитому обмену визитами с западными странами, что в определенной степени послужило для РПЦ гарантией сохранения ее положения в самом СССР. По мнению некоторых исследователей, членство в ВСЦ имело и ярко выраженные негативные последствия для церкви, среди которых развитие православного диссидентства, появление в СССР иностранных миссионеров и новых религиозных движений, численность и влияние которых особенно усилилось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [4].

Экуменическая активность РПЦ более всего, естественно, бросалась в глаза на Западе. Она была направлена на достижение двух целей: во-первых, выступление за общеправославное дело, причем на первый план выдвигалось так называемое «вертикальное» измерение (Бог, спасительные дела Христовы, молитва) вместо «горизонтального» измерения (социальные задачи и милосердие), преобладающего, в западных церквях, которые (с точки зрения православных) пренебрегают первым измерением в своей деятельности; во-вторых, пропаганда так называемого «богословия мира», созданного РПЦ, и, в особенности, продвижение советской внешней политики, как «политики мира».

Особое внимание в рамках экуменического движения и миротворческой миссии советское государство уделяло контактам РПЦ с Римско-католической церковью (далее – РКЦ). Обе церкви были активными участниками движения за мир и влиятельными мировыми религиозными объединениями. РКЦ рассматривалась не только как рычаг влияния на западное общество, но и конкурент РПЦ на международном уровне.

Со второй половины 1980-х гг. руководство СССР начало выстраивать новые отношения с Ватиканом, что было связано, в первую очередь, не с религиозной, а политической целесообразностью. Советские американисты считали, что политическая деятельность католической церкви в США направлена на разрядку и прекращение гонки вооружений, что соответствовало интересам СССР [2, с. 145]. Кроме того, католические епископы выступали за интенсификацию переговоров с СССР на всех уровнях [2, с. 145].

В 1987 г. в Милане была опубликована книга на итальянском языке «Mille anni di fede in Russia» («Тысяча лет веры в России»), представлявшая собой сборник интервью Пимена корреспонденту итальянской газеты «Унита» А. Сан-

тини. В сборнике патриарх Пимен в VI главе «Первый и третий Рим» дал характеристику экуменическому диалогу между православной и римско-католической церквями, начиная с понтификата Папы Римского Иоанна XXIII, когда сотрудничество между обеими церквями имело благоприятное развитие. Патриарх высоко оценил положительную роль декрета Второго Ватиканского собора «Об экуменизме», включавший признание собором значимости православных церквей, «сохранивших силу апостольской преемственности и истинных Таинств», и создание Епископского синода в католической церкви. Однако, подтверждение Вторым Ватиканским собором учения о Папской непогрешимости и прimate Римского первосвященника было названо точкой противоречия в современном диалоге между РПЦ и РКЦ, поскольку в этом моменте проявляется разный смысл в понимании экклезиологии. Особое разногласие вызывал давний вопрос о Русской униатской церкви, сильно затрудняющий взаимодействие церквей во время понтификата Папы Иоанна Павла II.

Тем не менее, оценивая деятельность Иоанна Павла II, патриарх Пимен позитивно охарактеризовал ее поступательность и пастырскую направленность. Вместе с тем, Пимен аккуратно высказывался об энциклике «*Dominum et vivificantem*», в которой трактуется католическое учение о Святом духе и содержится критика материализма как идеологии, но не рассматриваются вопросы, порожденные массовым распространением практического материализма в развитых государствах земного шара.

Отвечая на вопрос о другой энциклике Папы Иоанна Павла II – «*Slavorum Apostoli*», опубликованной 2 июня 1985 г., патриарх Пимен с удовлетворением подчеркивал, что там содержится тезис о необходимости взаимодействия и консолидации всей Европы в контексте мирного сосуществования, которое представляется как выход из недопонимания, предубеждения и мировоззренческого противостояния [5, с. 7].

В июне 1988 г. состоялась встреча генсека ЦК КПСС М.С. Горбачева с государственным секретарем Ватикана кардиналом Агостино Казароли, на которой обсуждались вопросы не только ядерного вооружения и политического взаимодействия, но и положения католической церкви на территории СССР. Агостино Казароли вручил послание Папы Римского, одобрявшего международные предложения СССР и грядущие изменения в церковном законодательстве [6, с. 234].

19 ноября 1989 г. начался визит главы внешнеполитического ведомства Ватикана архиепи-

скопа А. Содано в Москве. При встрече А. Содано с М.С. Горбачевым и Э.А. Шеварднадзе советское руководство акцентировало внимание на строгом соблюдении правовых основ конфессиональной деятельности в СССР со стороны католической церкви. М.С. Горбачев подчеркивал, что новые правовые акты, регламентирующие конфессиональную сферу в СССР, будут соответствовать мировым стандартам. А. Содано предложил кандидатуры двух епископов латинского обряда – для России «от Москвы до Владивостока, включая Казахстан» и для Украины. А. Содано выразил благодарность М.С. Горбачеву от Папы Иоанна Павла II за назначение католического епископа в Белоруссии Т. Кондрусевича. Вопрос о восстановлении католических структур на территории СССР остался открытым, поскольку, с одной стороны, у ЦК КПСС и МИД РФ имелась информация о самостоятельной, без согласования с государственными органами власти деятельности Ватикана в данном направлении [7, с. 74], а с другой стороны, следовало дожидаться введения новой законодательной базы для урегулирования ситуации. 1 декабря 1989 г. М.С. Горбачев посетил с официальным визитом Папу Иоанна Павла II. В это время в некоторых республиках СССР фактически в полном объеме была возобновлена деятельность подразделений РКЦ.

Принятое в декабре 1989 г. постановление «О шагах по дальнейшему развитию отношений с Ватиканом» во многом имело половинчатый, чисто циркулярный характер, и его содержание выражало установки тех государственных ведомств, прежде всего, органов госбезопасности и Идеологического отдела ЦК КПСС, которые призывали не спешить с оформлением советско-ватиканских отношений. Признавалась кардинальная необходимость и целесообразность развития взаимодействия, подчеркивалась потребность в уважительном отношении и сотрудничестве различных Церквей внутри страны и на международной арене, но детализированная конкретная программа действий в постановлении отсутствовала [6].

15 марта 1990 г. между СССР и Ватиканом начались официальные отношения. Весной 1990 г., в связи с обострением ситуации противостояния униатов и православных на Западной Украине, в частности, во Львове и Ивано-Франковске, где были захвачены православные храмы, патриарх Пимен обратился с письмом к М.С. Горбачеву. В нем он просил предпринять необходимые меры, в том числе потребовать от местных властей строгого соблюдения законодательства о защите религиозных прав и человеческого достоинства граждан, исповедующих пра-

вославие [8, с. 250]. 18 ноября 1990 г. М.С. Горбачев вновь посетил Ватикан.

С 1991 г. М.С. Горбачев в своих посланиях Папе Римскому стал соотносить свои инициативы с пожеланиями патриарха [7]. При этом российские власти постоянно заявляли о своем стремлении наладить диалог между РПЦ и Ватиканом, тогда как Ватикан в данный период тщательно разводил межгосударственные и межконфессиональные отношения [9, 10]. В конечном итоге РКЦ начала действовать в России как централизованная религиозная организация, что стимулировало активизацию деятельности РКЦ и вызвало осложнение отношений с РПЦ.

По мнению РПЦ, активизация деятельности греко-католических церквей, выбравшихся из подполья и начавших воссоздавать свои приходы и структуры на местах, порою абсолютно недопустимыми, насильственными средствами, являлись проявлением недружественной политики РКЦ. Наиболее болезненно для православных верующих данный процесс проходил в Западной Украине [11, с. 11]. Ситуация осложнялась тем, что греко-католики отказались от участия в так называемой четырехсторонней комиссии, образо-

ванной в 1990 г., из представителей РПЦ, РКЦ, Украинской Православной церкви и католиков восточного обряда из Западной Украины. В «Комментариях Синодальной Богословской комиссии» было подчеркнуто, что униаты вышли из состава Комиссии под активным прессингом представителей экстремистски ориентированных лидеров украинского политического движения «Рух», которые планировали в случае прихода к власти все церкви отобрать у православных и передать католикам восточного обряда. В этой связи, заявляли они, необходимость в налаживании диалога с Православной церковью отсутствует [11, с. 11].

Выводы

Международные связи РПЦ в годы перестройки продолжали оставаться важной частью государственного-церковного взаимодействия. Миротворческая деятельность и экуменическое движение РПЦ использовались партийным руководством как инструмент мягкой силы, призванный сформировать привлекательный образ Советского Союза как страны, соблюдающей права верующих.

Список источников

1. Посещение Святейшим Патриархом Пименом Соединенных Штатов Америки // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 7. 91 с.
2. Религия в политической жизни США (70-е – начало 80-х гг.) / Отв. ред. Ю.А. Замошкин, Д.Е. Фурман. М.: Наука, 1985. 223 с.
3. Чумаченко Т.А. Русская Православная Церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949-1953) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). С. 95 – 98.
4. Ливцов В.А. Участие РПЦ в экуменическом движении и его влияние на духовную жизнь СССР (60–80-е гг. XX в.) // Власть. 2008. № 9. С. 119 – 121.
5. Никитин В.А. Тысяча лет веры в России. Пимен, патриарх Московский и всея Руси, дает интервью Альчесте Сантини // Журнал Московской патриархии. 1988. № 5. С. 7 – 9.
6. Казакова Т.С. Подготовка к установлению дипломатических отношений между СССР и Ватиканом в годы «перестройки» // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XI Международной научной конференции. Ч. II. Иваново: Ивановский государственный университет, 2011. С. 241 – 243.
7. Карлов Ю.Е. Миссия в Ватикан. М.: Международные отношения, 2004. 229 с.
8. Никитин В.А. Патриарх Пимен: путь, устремленный ко Христу. М.: Эксмо, 2011. 317 с.
9. Лайоло Дж. В отношениях Ватикана с российским правительством нет серьезных проблем // Коммерсант. 2005. 2 ноября. С. 2 – 3.
10. Платонов В. Президент отвечает за церковь // НГ-религии. 2003. 2 июля. С. 1 – 2.
11. Комментарий Синодальной Богословской комиссии к документам диалога между Русской Православной и Римско-католической Церквями // Журнал Московской патриархии. 1997. № 12. С. 2 – 4.

References

1. Visit of His Holiness Patriarch Pimen to the United States of America. Journal of the Moscow Patriarchate. 1982. No. 7. 91 p.
2. Religion in the Political Life of the USA (1970s – early 1980s). Ed. Yu. A. Zamoshkin, D.E. Furman. Moscow: Nauka, 1985. 223 p.

3. Chumachenko T.A. The Russian Orthodox Church in the International Peace Movement: Interests of the Church and the Authorities (1949-1953). Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2008. No. 5 (106). P. 95 – 98.
4. Livtsov V.A. Participation of the Russian Orthodox Church in the Ecumenical Movement and its Influence on the Spiritual Life of the USSR (1960s – 1980s). Vlast. 2008. No. 9. P. 119 – 121.
5. Nikitin V.A. A Thousand Years of Faith in Russia. Pimen, Patriarch of Moscow and All Rus', Gives an Interview to Alceste Santini. Journal of the Moscow Patriarchate. 1988. No. 5. P. 7 – 9.
6. Kazakova T.S. Preparations for the Establishment of Diplomatic Relations between the USSR and the Vatican during the Years of Perestroika. State, Society, Church in the History of Russia in the Twentieth Century: Proceedings of the XI International Scientific Conference. Part II. Ivanovo: Ivanovo State University, 2011. P. 241 – 243.
7. Karlov Yu.E. Mission to the Vatican. M.: International Relations, 2004. 229 p.
8. Nikitin V. A. Patriarch Pimen: the path directed toward Christ. M.: Eksmo, 2011. 317 p.
9. Lajolo J. There are no serious problems in the Vatican's relations with the Russian government. Kommersant. 2005. November 2. P. 2 – 3.
10. Platonov V. The President is responsible for the church. NG-religions. 2003. July 2. P. 1 – 2.
11. Commentary of the Synodal Theological Commission on the documents of the dialogue between the Russian Orthodox and Roman Catholic Churches. Journal of the Moscow Patriarchate. 1997. No. 12. P. 2 – 4.

Информация об авторе

Мельниченко О.В., кандидат исторических наук, губернатор Пензенской области, SPIN-код: 7722-4820, AuthorID: 1165036, pravobl@obl.penza.net

© Мельниченко О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94 (470.41)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-139-154

Земляные валы, абатис, линия крепостей: формирование и эволюция фронта в период Российской империи

¹ У Цзыпэн,
¹ Университет Цинхуа, Китай

Аннотация: в данной статье на основе материалов центральных и местных архивов России анализируют эволюцию укрепленных линий и формирование фронта Российской империи. Целью является выявление особенностей развития укрепленных линий в различных регионах Российской империи и объяснение того, как Российская империя использовала систему укрепленных линий для формирования и эволюции своих фронтов. В результате анализа укрепленных линий на фронте были выявлены следующие характеристики: 1) Эволюция укрепленных линий Российской империи можно разделить на три этапа: земляные валы, абатис, линия крепостей. Земляные валы и абатис представляют собой пассивные оборонительные сооружения, линия крепостей является активными оборонительными сооружениями; 2) Система линий крепостей Российской империи делится на европейскую, кавказскую, среднеазиатскую и сибирскую укрепленные линии. Были сделаны следующие выводы: 1) История развития линий крепостей Российской империи тесно связана с процессом формирования и эволюции её фронта; 2) Преобразование пограничных крепостей в важные пограничные города отражает модель военной и гражданской интеграции в управлении фронтом Российской империи; 3) Расширение старых линий крепостей на новые линии крепостей показывает модель расширяющегося формирования фронтов Российской империи; 4) Линии крепостей на границе являются не только основой развития пограничных городов, но и вехой формирования и эволюции пограничных территорий Российской империи.

Ключевые слова: укрепленные линии, линия крепостей, фронт, формирование фронта, Российская империя

Для цитирования: У Цзыпэн Земляные валы, абатис, линия крепостей: формирование и эволюция фронта в период Российской империи // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 139 – 154. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-139-154

Поступила в редакцию: 27 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Earthen ramparts, abatis, and the line of fortresses: the formation and evolution of the frontier during the Russian Empire

¹ Wu Zipeng,
¹ Tsinghua University, China

Abstract: this article analyzes the evolution of fortified lines and the formation of the frontier of the Russian Empire based on materials from central and local archives of Russia. The goal is to identify the characteristics of the development of fortified lines in various regions of the Russian Empire and explain how the empire used the system of fortified lines to shape and evolve its frontiers. The analysis of the fortified lines on the frontier revealed

the following characteristics: 1) The evolution of the fortified lines of the Russian Empire can be divided into three stages: earthworks, abatis, and the line of fortresses. Earthworks and abatis represent passive defensive structures, while the line of fortresses represents active defensive structures; 2) The system of fortified lines of the Russian Empire is divided into European, Caucasian, Central Asian, and Siberian fortified lines. The following conclusions were drawn: 1) The history of the development of the fortified lines of the Russian Empire is closely linked to the process of the formation and evolution of its frontier; 2) The transformation of border fortresses into important border cities reflects a model of military and civil integration in the administration of the border regions of the Russian Empire; 3) The expansion of old fortified lines into new ones demonstrates a model of the expanding formation of the frontiers of the Russian Empire; 4) The fortress lines on the border are not only the foundation for the development of border cities but also a milestone in the formation and evolution of the border territories of the Russian Empire.

Keywords: fortified lines, line of fortresses, frontier, formation of the frontier, Russian Empire

For citation: Wu Zipeng *Earthen ramparts, abatis, and the line of fortresses: the formation and evolution of the frontier during the Russian Empire. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 139 – 154. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-139-154*

The article was submitted: September 27, 2024; Approved after reviewing: November 29, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

В истории формирования российских фронтиров пограничные укрепленные линии играли ключевую роль. В отличие от Британской империи, которая строила сухопутные фронтиры через местных агентов и военные базы, или Французской империи, полагавшейся на концентрированное размещение войск и локальные оборонительные линии, Российская империя создала более разветвленную систему сухопутных пограничных укреплений. Эта система совмещала военные, экономические и социальные функции, что делает её уникальной среди других европейских империй. Она отражает характерное для России территориальное мышление и является ключом к пониманию её процесса экспансии. В то же время Русская Америка, отделённая от основной части империи морем, представляла собой иной тип фронта. Главной целью в этом регионе была торговля пушниной и освоение природных ресурсов, а не масштабная военная экспансия. Империя также не сталкивалась с частыми вторжениями в этом регионе, как на Евразийском континенте. По этой причине здесь не существовало плотной оборонительной системы, а только отдельные крепости, фортпосты, бастионы и аванпосты. Таким образом, исследования фронтиров Российской империи в основном сосредоточены на её евразийских территориях.

На сегодняшний день подавляющее большинство исследований, посвящённых укрепленным линиям фронтиров Российской империи, сосредоточено в российской научной среде. Эти исследования преимущественно разделены по региональному принципу и охватывают такие темы, как эво-

люция политики в отношении укрепленных линий в различных пограничных зонах, вопросы этнического состава, религии, торговли и миграции в районах фронтиров. Западная научная среда, в свою очередь, фокусируется на исследовании геополитических процессов и борьбы за европейскую часть Российской империи, уделяя внимание её европейским укрепленным линиям. Исследования других стран по этому вопросу всё ещё находятся на начальной стадии и часто затрагивают укрепленные линии фронтиров в контексте обсуждения других тем. Однако эти исследования не затрагивают вопросы формирования и особенностей развития фронта Российской империи, а также не дают системного объяснения роли линии крепостей, которая сыграла ключевую роль в процессе развития фронта, при этом проблема внутренней интеграции фронта на основе системы линий крепостей также остается неизученной.

Настоящая работа стремится интерпретировать историю формирования Российской империи с точки зрения развития фронта, с целью ответа на вопросы о характеристиках развития линии крепостей в различных регионах империи и объяснения того, как Российская империя использовала систему линий крепостей для формирования и эволюции фронта.

Материалы и методы исследований

В работе использованы два основных материала. Во-первых, исторические материалы из центральных и региональных архивов России, например, Российский Государственный Военно-исторический Архив. Ф349, Государственный исторический архив Омской области Ф. 1 и др. Во-вторых, материалы из Военной энциклопедии. Ос-

новными методами являются хронологический, диахронный, сравнительно-исторический анализ.

Результаты и обсуждения

Во-первых, будет изложена история развития линии крепостей Российской империи и установлена связь между политикой линий крепостей и формированием фронта. Во-вторых, на основе развития линий крепостей в Европе, Кавказе, Средней Азии и Сибири, а также соответствующих городских линий, будет раскрыта эволюция и формирование фронта в различных регионах империи. Наконец, будут подведены итоги и выделены особенности этой уникальной модели развития фронта Российской империи.

Эволюция пограничной укрепленной линии

Российской империи: земляные валы – абатис – линия крепостей

Пограничная укрепленная линия, как важное явление в военной истории, является не только средством для защиты Российской империи от вторжений и укрепления её фронта, но и прямым отражением пограничной политики имперского правительства. В сравнении с многими европейскими странами того времени, пограничная укрепленная линия Российской империи имеет свои особенности: она не только заимствовала передовые военные технологии Европы, но и сочетала их с традиционными оборонительными характеристиками самой Российской империи. Развитие пограничной укрепленной линии можно разделить на три основных этапа: земляные валы, абатис, линия крепостей.

Первый этап строительства земляных валов был преимущественно пассивной оборонной мерой. Его история восходит к периоду Киевской Руси, когда восточные славяне начали использовать систему оборонительных сооружений для защиты от угроз со стороны кочевых племен степей на юге, таких как печенеги и половцы, которые вторгались на земли Киевской Руси. На юге Киева, вдоль притоков реки Днепр, были построены знаменитые Змиевы валы, которые окружали жилые районы земляными насыпями, и их строительство датируется I веком н.э. Кроме того, на южной границе Киевской Руси также были возведены Поросская оборонительная линия и Посульская оборонительная линия, состоящие в основном из деревянных крепостей и земляных валов.

Вторым этапом развития оборонительных сооружений является абатис. Он также представляет собой пассивные оборонительные меры. В XII-XIII веках северные княжества Руси, такие как Новгородское, Псковское и Ярославское, начали устраивать "засеки" (абатисы) на дорогах, где могли произойти нападения соседних враждебных

сил. Абатисы представляли собой искусственные барьеры, сделанные из поваленных деревьев. К XIV-XV векам южные приграничные области русских княжеств стали активно использовать естественные особенности ландшафта для расширения оборонительных сооружений: создавались засечные поселения в лесах и передовые заставы на речных переправах для защиты от нападений ногайцев и татар. Пик развития этого этапа, который пришелся на XVI-XVII века, характеризуется системным строительством линий абатисов. Большая часть приграничных земель России была покрыта густыми лесами, и вдоль границы прорубали засечные линии – поваленные в одном направлении деревья, образующие естественный барьер, напоминающий рога оленя. Этот барьер ограничивал врагу доступ в лесные зоны, превращая всю линию обороны в так называемую "засечную черту". Также были добавлены искусственные защитные сооружения: рвы, стены, земляные, деревянные и даже каменные укрепления, башни. Таким образом, вторая стадия обороны унаследовала многие черты первой стадии, направленные на защиту русских территорий от вражеских нападений. Наибольшее развитие засечные линии получили в виде следующих оборонительных рубежей: 1) Большая засечная черта в районе Тулы, Каширы и Рязани; 2) Белгородская засечная черта; 3) Тамбовская засечная черта; 4) Симбирская засечная черта; 5) Закамская засечная черта; 6) Пензенская засечная черта; 7) Сызранская засечная черта [8, с. 231-232]

Третий этап, линия крепостей, представляет собой активные наступательные пограничные сооружения, которые Российская империя использовала для расширения своих территорий в разных направлениях. Формирование этой системы линий крепостей связано с реформами Петра Великого и началось в начале XVIII века, продолжаясь вплоть до 1917 года. В этой системе были заимствованы передовые западноевропейские технологии военного строительства. До реформ Петра I крепости в основном строились из дерева, а существующие пограничные сооружения не обеспечивали надежную защиту для расширившихся до степей границ. Засечная черта была эффективна в лесной зоне, но её деревянные укрепления имели слабую обороноспособность.

В ответ на эти вызовы началось строительство новой системы линий крепостей, которая развила следующие особенности: крепости строились из камня, а сами крепостные сооружения получили пятиугольную форму (для устранения мертвых зон обстрела, характерных для круглых башен). Также на стенах, соединяющих крепости, стали разме-

щать треугольные бастионы и внутренние укрепления, что значительно усиливало защитные возможности крепостной линии [2, с. 127-130].

Первая линия крепостей, построенная по образцу западноевропейской военной инженерии, была Таганрогская линия, начатая в начале XVIII века. Она была возведена при участии ряда западноевропейских инженеров и простиралась от Азова до Таганрога. Поскольку она располагалась в лесной зоне, её конструкция частично сохраняла черты засечной черты. Однако после поражения в Прутском походе 1711 года эта линия была разрушена Османской империей. Затем, в 1712 году, в Москве была основана первая военно-

инженерная школа для подготовки специалистов в области оборонительных сооружений. С накоплением необходимых технических знаний и подготовкой кадров границы Российской империи расширились до степной зоны, где строительство засечных черт прекратилось, а развитие пограничной линии полностью вступило в третий этап. Первая новая линия крепостей в степи, Царицынская линия, была построена в 1718-1723 годах. Опыт её строительства затем применялся для создания линий крепостей в других регионах. Основные линии крепостей третьего этапа развития пограничной обороны представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные крепости третьего этапа развития пограничной оборонительной линии.

Table 1

Main fortresses of the third stage of development of the border defensive line.

Названия оборонительных линий XVIII века XIX (Английский/Русский)	Время постройки	Названия оборонительных линий XIX века (Английский/Русский)	Время постройки
Taganrog Line Таганрогская линия	1700-1709	Novo-Ilyetskaya Line Ново-Илецкая линия	1810-1822
Pskov-Smolensk-Bryansk Line Укреплённая линия Псков-Смоленск-Брянск	1706-1708	The Sunzha Line Сунженская линия	1817
		The Emba Line Эмбинская линия	1826
The Tsaritsyn Line Царицынская линия	1718-1723	The Lezgin Line Лезгинская линия	1830
The Ukrainian Line Украинская линия	1731-1735	The New Line Новая линия	1835-1837
The Zakamsk Line Закамская линия	1731-1736	The Akmolinsk-Kokchetav Line Акмолинск-Кокчетавская линия	1837
The Samara Line Самарская линия	1736-1742		
The Old Ishim Line Старая Ишимская линия	1737	The Black Sea Coastal Line Черноморская береговая линия	1837-1839
The Yekaterinburg Line Екатеринбургская линия	1739	The Labinsk Line Лабинская линия	1840
The Orenburg Line Оренбургская линия	1739	The Chechen Line Чеченская линия	1844
The Uysky Line Уйская линия	1739	The Sulak Line Сулакская линия	1846
The Siberian Line Сибирская линия	1745-1768	The New Siberian Line Новая Сибирская линия	1847-1854

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

The China Border Line Китайская пограничная линия	1760-1769	The Urup Line Урупская линия	1850
The Caucasian Line Кавказская линия	1763-1799	The Syr Darya Line Сырдарьинская линия	1853-1864
The Dnieper Line Днепровская линия	1770	The Amur Line Амурская линия	1856
The Dniester Line Днестровская линия	1792-1795	The Adagum Line Адагумская линия	1857
		The Belorechensk Line Белореченская линия	1860
		The Kokand Line Кокандская линия	1864

Европейские линии крепостей Российской империи: Введение технологий Петром I и их масштабное применение

Европейская часть Российской империи, благодаря своему географическому положению, стала первым регионом, который начал активно заимствовать военные инженерные технологии Западной Европы и строить линии крепостей, которые затем распространились на другие территории империи. Еще до реформ Петра I военные инженерные технологии Западной Европы проникли в Россию. В XIV—XV веках, во времена правления Дмитрия Донского и Ивана III, были приглашены военные инженеры, а при Иване IV были изданы указания, регулирующие развитие военных инженерных технологий. В зависимости от особенностей дипломатических отношений в разные периоды Россия оказывалась под влиянием различных стран. Например, в XV веке в основном влияние оказывали итальянские военные инженеры, в XVI веке – германские и голландские. В период правления Петра I началось масштабное заимствование военных инженерных технологий разных стран и подготовка российских военных инженеров и специалистов, что стало основой для широкого распространения крепостных линий. Крепостные линии в европейской части Российской империи, заимствованные из Западной Европы, включают Таганрогскую линию, Псково-Смоленско-Брянскую линию, Царицынскую линию, Украинскую линию и Закамскую линию. Таганрогская линия восходит к концу 1690-х – началу XVIII века и расположена на юго-западной границе европейской части Российской империи. После Азовского похода Петра I началось строительство Таганрогской (Троицкой) линии, которая проходила от Троицкой крепости в Азовской и Таганрогской областях, через Павловскую крепость, Семёнов-

скую крепость и Череповецкую крепость до Торской и Бахмутской крепостей на юге, в районе устья реки Орёл [1, с. 61-64]. Но из-за неудачи в Прутском походе 1711 года все крепости на побережье Азовского моря были переданы Османской империи.

Троицкая крепость была окружена земляной стеной высотой около 8 метров и рвом глубиной около 5 метров и длиной около 3 километров. Стена прерывалась и на обоих концах уходила вниз к обрыву, с одной стороны которого не было стены. На стене были построены мощные оборонительные сооружения: три крепости, два полукрепостных укрепления, три траншеи, оснащенные пушками и гаубицами. Бункеры, пороховые склады и казармы располагались вдоль стены. Внутри крепость имела радиальную планировку, объединенную центральной «генеральской» площадью [14, с. 740].

Павловская крепость была спроектирована с использованием точных инженерных и математических методов. Это четырёхугольный форт размером 237 на 80 метров, окружённый четырьмя бастионами и рвом [9, с. 537]. Семёновская крепость имела форму неправильного прямоугольника с четырьмя бастионами и двумя полубастионами, один из которых на стороне степи защищал городские ворота [3, с. 307]. Торская крепость имела квадратную форму, стены были выложены из дубовых и сосновых брёвен высотой 4 метра. Крепость имела шесть башен: четыре сторожевые башни на углах и две башни с проходами. Внутри крепости был построен новый посёлок [18, с. 136]. Бахмутская крепость также имела форму неправильного прямоугольника и располагалась по обеим сторонам реки Бахмутка. Правый берег был более высоким и крутым, а левый – ниже и положе. Основные оборонительные сооружения крепо-

сти находились на правом берегу реки Бахмутка и включали Московский и Крымский бастионы, а также несколько аванпостов, три моста и церковь [15, с. 20-21]. Позднее строительство крепостей в основном основывалось на этой модели.

Псковско-Смоленско-Брянская линия крепостей располагалась на северо-западной границе Европейской части Российской империи и была заложена в 1706-1708 годах во время Северной войны для защиты от шведской армии Карла XII. На западной границе России с севера на юг, от Пскова через Смоленск до Брянска, была создана линия крепостей, включавшая главным образом Псковскую, Великолукскую, Смоленскую и Брянскую крепости. Царицынская линия обороны находилась на юго-восточной границе Российской империи и предназначалась для защиты от набегов Крымского ханства и кочевников Волжского региона, основными опорными пунктами были крепости на Дону, Грачёвская, Мечетская и Царицынская крепости.

Украинская линия крепостей находилась на западной границе Европейской части Российской империи. Официальное создание линии началось с указа Военного совета Российской империи от 25 мая 1730 года. В соответствии с этим указом, между реками Орел и Северский Донец было построено 16 крепостей для создания оборонительной линии длиной 268 вёрст. Линия состояла из цепи стен с 142 редутами. Пространство между крепостями заполняли различные люнеты и бастионы с периметром около 80-100 метров и диаметром 25-30 сажен, с интервалом между бастионами примерно 2 километра. Линия включала 16 крепостей: Петровская, Тамбовская, Слободская, Михайловская, Алексеевская, Ефремовская, Плассовская, Орловская, Ивановская, Белёвская, Козловская, Фёдоровская, Львовская, Васильевская, Ливенская и Борисоглебская [11, с. 343]. Закамская линия находилась на юго-восточной границе Европейской части Российской империи и включала в себя основные крепости: Алексеевскую, Красноярскую и Шешминскую. Почти все крепости Российской империи в Европе также имели гражданские постройки, такие как дворянские усадьбы, ратуши, приемные залы для чиновников, церкви, склады, магазины, трактиры и рынки.

К 1769 году, когда Украинская линия крепостей была полностью завершена, Российская империя создала целостную систему военной обороны на своей европейской территории с северо-запада на юго-восток. Уже на этапе строительства крепостные сооружения начали называть городами или поселениями. Так, Троицкая, Павловская и Семёновская крепости на Таганрогской линии об-

разовали город Таганрог, Торская крепость развилась в город Славянск, а Бахмутская крепость — в город Бахмут. С основанием Екатеринославской губернии города, выросшие из крепостей Таганрогской линии, были включены в ее состав.

Псковская крепость Псковско-Смоленско-Брянской линии превратилась в город Псков, Великолукская крепость — в город Великие Луки, Смоленская крепость — в город Смоленск, а Брянская крепость — в город Брянск. Впоследствии Псков и Великие Луки вошли в состав Псковской губернии, Смоленск стал административным центром Смоленской губернии, а Брянск был включён в состав Киевской губернии. На линии Царицынской крепости Грачёвская крепость превратилась в село Грачёвское, а Царицынская крепость развилась в город Царицын, который позже стал важной административной единицей Царицынской губернии. Все 16 крепостей Украинской линии также со временем превратились в соответствующие поселения, а затем стали важными административными единицами Полтавской и Ярославской губерний. На Закамской линии Алексеевская крепость развилась в поселок Алексеевка, Красноярская крепость — в село Красный Яр, а Шешминская крепость — в село Шешминское [17, с. 226-230]. С развитием эти поселения впоследствии были включены в состав Казанской губернии.

Российская империя, создав систему линий крепостей, объединила свои европейские границы, обеспечив военную защиту этих рубежей. Эти крепости имели не только оборонительное значение; в них также размещались таможни, церкви, магазины, усадьбы, школы, больницы и другие объекты гражданской инфраструктуры. Империя поощряла миграцию окружающих народов в эти районы, предлагая льготные торговые условия, что способствовало экономическому и культурному укреплению границ. По мере развития крепости возводились в более высокие административные единицы, наделяясь политическим значением, что способствовало укреплению границ и в политическом отношении. Таким образом, линии крепостей в Европейской части Российской империи обладали не только военным значением, но и играли важную роль в экономическом, культурном и политическом укреплении границ.

Кавказская линия крепостей Российской империи: борьба за выход к Черному морю и евразийское противостояние

Из-за блокировки выхода в Балтийское море в ходе Северной войны с Швецией, для России было крайне важно поддерживать торговые связи с Западной Европой и развивать новые выходы к морям. Таким образом, расширение в Кавказский

регион и открытие новых выходов к Черному морю стали стратегически важными для империи. Русское освоение Кавказа началось в XVI веке после распада Золотой Орды, когда казаки появились в передкавказье, на Чеченской равнине, Терском хребте и вдоль реки Терек. После аннексии Астраханского ханства в 1556 году, Россия продвинула свои южные границы к побережью реки Терек на Северном Кавказе, где в 1567 году была основана крепость Терек. Экспансия Российской империи в Кавказский регион столкнулась с двумя основными внешними противниками – Персидской и Османской империями, а также с внутренним сопротивлением горцев, которые уже частично были интегрированы в существующие кавказские политические образования. В связи с этим для успешного ведения войн и укрепления границ России требовались передовые военные технологии и средства для стабилизации ситуации на Кавказе.

В борьбе за регионы правой части Кавказа Россия и Персидская империя сражались на протяжении многих лет, и российские войска заняли весь западный берег Каспийского моря, включая Баку и Дербент. В регионе левой части Кавказа Россия вела 12 войн с Османской империей. Для защиты от атак Османской империи после завершения войны Россия построила оборонительную линию от крепости Моздок до побережья Азовского моря, известную как Азово-Моздокская укрепленная линия. Война завершилась подписанием Кучук-Кайнарджийского мирного договора, который признал аннексию России Кабарды и Северной Осетии, а также передал под российское владычество крепости на Черноморском побережье – Керчь, Еникале и Кинбурн, открыв Черноморский выход. Крымское ханство было провозглашено «независимым» и в 1783 году включено в состав Российской империи. В том же году империя подписала Георгиевский трактат с царством Картли-Кахети (восточная Грузия), установив протекторат России над Восточной Грузией, находящейся под угрозой Османской империи, и начала строительство Грузинской военной дороги с рядом оборонительных сооружений. Для укрепления недавно присоединенных Крымского полуострова и Восточной Грузии Российской империи было необходимо создать безопасные и удобные дороги на южных рубежах, а также обеспечить безопасность этих дорог через систему крепостей.

Таким образом, укрепленные линии на Кавказе могут рассматриваться как результат активных усилий Российской империи в XVIII веке по поиску новых выходов к морям и в контексте борьбы с другими великими державами Евразии. Кавказ-

ская укрепленная линия Российской империи – это общее название всех укреплений региона, которое стало единой системой в 1785 году, с расширением укреплений. К концу Кавказской войны практически вся территория Кавказа была включена в состав Российской империи, и значение Кавказской укрепленной линии исчезло, в результате чего она была упразднена в 1860 году.

Кавказская укрепленная линия Российской империи, использовавшая западноевропейские военные технологии, делится на несколько частей: правобережную, левобережную, центральную и черноморскую укрепленные линии. Правобережная укрепленная линия включает в себя Черекскую, Нижнесунджинскую, Чеченскую и Азово-Моздокскую линии. Левобережная укрепленная линия включает Кубанскую и Лабинскую линии. Центральная укрепленная линия включает в себя Кисловодскую линию, Кабардинские линии и часть Военно-Грузинской дороги. Черноморская укрепленная линия была основана в 1837 году, и состоит из крепостей и батарей, разделенных на пять частей: Первая часть включает Ледуцкую крепость, Изрядненскую крепость, Воронежскую крепость, Подмогильную крепость, Константиновскую крепость, Александровскую крепость, Мало-рагненскую крепость и Павловскую крепость. Вторая часть включает Великомаринскую крепость, главную Екатерининодарскую крепость, Бадахенскую крепость, Подгороднюю крепость и Александровскую крепость. Третья часть включает Елисаветинскую крепость, Великолагинскую крепость, Елинскую крепость, Маринскую крепость и Новоекатериинскую крепость. Четвертая часть включает Орлинскую крепость, Славянскую крепость, Эльковскую крепость, Копильскую крепость, Протоцкую крепость, Петровскую крепость и Эммануиловскую крепость. Пятая часть включает Стародутскую крепость, Андреевскую крепость, Смолянскую крепость, НовоГригорьевскую крепость, Хирочанскую крепость и Бугазскую крепость [16, с. 20-25].

Линия укреплений на левом берегу, включая такие важные крепости, как Кизлярская крепость, которая развилась в город Кизляр, и Моздокская крепость, которая стала городом Моздок, а также линия укреплений на правом берегу с ключевыми крепостями, такими как Азовская крепость, преобразовавшаяся в город Азов, и основные крепости центральной линии, такие как Владикавказская крепость, ставшая городом Владикавказ, сыграли важную роль в укреплении и развитии региона. Черноморская укрепленная линия не стала исключением: например, Славянская крепость превратилась в город Славянск.

Когда эти крепости и города достигли определенного уровня развития, они были включены в состав Кавказской области или Кавказского наместничества. Эти крепости, помимо своей военной функции, стали центрами, где формировались различные имущественные отношения, экономические структуры, поселения, суды, таможни и церкви. Таким образом, крепости играли не только военную роль, но и выполняли политические, экономические, религиозные и иммиграционные функции. Российская империя связывала Азовское море и Каспийское море через систему этих укреплений, а строительство оборонных линий учитывало особенности горных и речных ландшафтов Кавказа. Это позволило создать целостную систему границ и природных барьеров на южных рубежах империи. Через эти укрепления Российская империя активно распространяла свое экономическое, политическое, религиозное и культурное влияние, создавая таким образом Кавказ как политическую, экономическую и культурную границу.

Таким образом, можно сделать вывод, что Российская империя использовала стратегию создания крепостей, которые затем превращались в города, с целью усиления военного и экономического контроля над Кавказскими рубежами. Когда население в этих крепостях достигало определенного уровня, их статус повышался до более высокого административного уровня, например, становились городами или поселениями, а затем через экономические, религиозные и этнические политики способствовали их дальнейшему развитию. Эти изменения стали основой для формирования новых административных единиц, таких как Кавказская область или Кавказское наместничество. Модель «крепость-город-пограничная административная единица» играла ключевую роль в процессе южного расширения Российской империи. Следуя этой стратегии, в поздний период Российской империи происходило повторение этой практики: от Северного Кавказа к внешнему Кавказу, внедряя модель «крепость-город-пограничная административная единица», пока весь Кавказ не был включен в состав империи. Этот подход, основанный на укреплениях, поддерживаемых государственной политикой, способствовал военному и гражданскому единству и использованию административных реформ для систематизации управления, что отражает государственное руководство, военную и гражданскую интеграцию и внутреннюю логику экспансии России в Кавказский регион.

Среднеазиатская линия крепостей Российской империи: трамплин для завоевания степей и основа административного управления

Начало официального вмешательства Российской империи в Среднюю Азию обычно связывают с 1731 годом, когда хан Малой Орды Абулхаир направил послов для подчинения императрице Анне Иоанновне. Этот шаг стал юридической основой для участия России в делах Средней Азии, и в 1734 году Россия направила казачий экспедиционный корпус в Оренбург. К середине XVIII века на побережье реки Урал была построена линия укреплений, которая стала западной границей Средней Азии с Российской империей. Аналогично, Россия построила укрепленные линии вдоль таких ключевых рек, как Иртыш, Ишим и Тобол. Таким образом, Российская империя создала систему укреплений как на востоке, так и на западе Среднеазиатских степей, что сформировало границу между империей и Средней Азией.

Однако с середины XVIII века до 20-х годов XIX века экспансия Российской империи в Среднюю Азию пережила более чем 70 лет стагнации, главным образом из-за радикальных изменений в европейской политической ситуации во второй половине XVIII века. Французская революция и Первая промышленная революция оказали значительное влияние на все аспекты жизни Российской империи, и у неё не было возможности уделять внимание расширению в Средней Азии. Только в 60-е годы XIX века Российская империя начала строить систему управления Средней Азией на основе расширенной линии укреплений. Технологии и капитал, передававшиеся из Европы, а также масштабная иммиграция славянских поселенцев начали активно проникать в Среднюю Азию. Империя также использовала противоречия между различными кочевыми силами, такими как Казахи, Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства, чтобы, опираясь на укрепленную линию как военную базу, с помощью привлечения местных элит, посредничества в межплеменных конфликтах и создания административных должностей и территориальных делений, постепенно превратила Среднюю Азию из дальнего региона в пограничье, а затем в степные провинции, ставшие частью имперского внутреннего пространства.

Укрепленные линии Российской империи в Средней Азии можно разделить на три основные зоны: западную укрепленную линию Средней Азии, такую как Оренбургская крепостная линия, Уйская крепостная линия, Самарская крепостная линия, Екатеринбургская крепостная линия, Новая крепостная линия, Новоильицкая крепостная линия; восточную укрепленную линию Средней

Азии, такую как Сибирская крепостная линия (включая Тоболо-Ишимскую крепостную линию, Иртышскую крепостную линию, Корева-Кузнецкую крепостную линию), Акмолинско-Кокчетавская крепостная линия; южную укрепленную линию Средней Азии, такую как Хивинская крепостная линия, Сырдарьинская крепостная линия. Однако, поскольку Сибирская крепостная линия оказывала влияние как на Среднюю Азию, так и на Сибирь, и находилась на географической периферии Средней Азии, её строительство и наименование больше ориентировались на Сибирь, поэтому она будет упомянута здесь и рассмотрена в следующей главе. Первая укрепленная линия Российской империи в Средней Азии – это Оренбургская крепостная линия на западе. Во время возвращения хана Малой Орды из России российское правительство отправило И. К. Кирилова для строительства укреплений вдоль реки Урал, охватывая территории, населенные казахами, башкирами, калмыками и другими кочевыми народами. Эти укрепления служили для торговли, военной помощи и сдерживания кочевников. Укрепления, подобные Оренбургской крепостной линии, включали крепости, шанцы, передовые укрепления, казармы, сторожевые башни, а также такие гражданские объекты, как жилые районы, больницы, школы, церкви, магазины, тюрьмы и таможни [12, с. 33-38].

Оренбургская крепостная линия, с центром в Оренбургской крепости, простиралась на запад до Илецкого лагеря. В её составе были такие укрепления, как Лассерепская крепость, Нижнеозерская крепость, Татищева крепость, Чернореченская крепость. От Илецкого лагеря до Илецкого редута располагалась новая Илецкая крепостная линия, в которую входили такие укрепления, как Затонская крепость, Сухореченская крепость, Озёрная крепость, Линёвская крепость, Новая Илецкая крепость, Бланская крепость, Изобилинская крепость, Мельтевезовская крепость [10, с. 23-24].

С 1739 по 1743 год, сразу после Оренбургской крепостной линии, была построена Верхняя и Нижняя Уйская укрепленные линии. Начавшись от истока реки Уй, Верхняя Уйская линия включала в себя такие укрепления, как Верхнеуйская крепость, Петропавловская крепость, Кочевая крепость и Подножная крепость. За исключением Верхнеуйской крепости, эти фортификационные пункты были заняты войсками Пугачева в середине мая 1774 года. Нижняя Уйская линия включала в себя такие крепости, как Троицкая крепость, Каракульская крепость, Крутярская крепость и Усть-Уйская крепость. Кроме того, между крепостями были построены следующие посты:

Ключевский пост, Луговой пост, Кочердакский пост и Озерный пост. С постройкой оборонительных сооружений Нижней Уйской линии началась миграция населения между реками Миасс и Уй, что привело к росту населения в этом районе. Здесь были основаны крестьянские поселения, такие как Куртамышский поселок, Таловский поселок и Каменский посёлок [4, с. 59-60].

Строительство Самарской крепостной линии началось в XVIII веке с целью противостоять угрозам, с которыми сталкивалась южная граница Российской империи. С расширением империи на юг потребность в защите от кочевых народов и внешних врагов становилась особенно актуальной. Для укрепления границы и защиты недавно освоенных территорий российское правительство решило построить оборонительные сооружения в стратегически важных местах. Самарская крепость стала центральным пунктом крепостной линии, расположенной на побережье Волги. Она не только служила военным оборонительным центром, но и стала экономическим и административным центром региона. Строительство Самарской крепости способствовало развитию окружающих поселений, постепенно превратившихся в современный город Самара. Помимо Самарской крепости, в линию также входили другие фортификационные сооружения, построенные вдоль Волги и её притоков, такие как Свияжская крепость, Каслинская крепость, Петропавловская крепость и другие. Эти крепости были стратегически размещены, образуя эффективную оборонительную линию, способную быстро реагировать на возможное вторжение врага. Екатеринбургская крепостная линия была построена в конце XVIII – начале XIX веков для защиты Уральского региона и восточных границ Российской империи. Екатеринбургская крепость была центром обороны и ключевым фортификационным пунктом Урала. Из-за своего важного стратегического положения и богатства природных ресурсов крепость стала ядром оборонительной линии. Крепостная линия включала несколько других укреплений, построенных вдоль Уральских гор и в окрестных районах, таких как Ирбитская крепость, Курганская крепость и другие.

В начале XIX века, с расширением территорий империи, особенно в сторону Кавказа и Средней Азии, потребность в укреплении южных границ и защите новых завоеванных территорий от внешних угроз стала ещё более насущной. Для того чтобы справиться с растущими вызовами безопасности, Российская империя решила построить новые оборонительные линии на южных границах. В период с 1835 по 1837 год была построена новая крепостная линия, состоящая из ряда укреплений

и постов. Эти фортификации были возведены вдоль стратегически важных путей и ключевых пограничных точек, образуя целую оборонительную линию. Основными крепостями стали: Кизильская крепость, Каракаринская крепость, Байконурская крепость и другие. Новая крепостная линия соединила Оренбургскую крепостную линию с Уйской крепостной линией. Затем российская граница продолжала двигаться на казахские степи и дальше вглубь Средней Азии, и для защиты от угроз со стороны кочевых племён и других враждебных сил было решено построить ряд оборонительных сооружений для защиты новообразованных границ. Так, южнее Сибирской линии была возведена Ахмолинско-Кокчетавская крепостная линия. Эта линия являлась частью Восточной крепостной линии Средней Азии и соединяла Ахмолинскую крепость (современная Астана) на юго-востоке с Кокчетавской крепостью на северо-западе, а также несколько других мелких укреплений и постов.

Южная крепостная линия Российской империи в Средней Азии, включая Сырдарьинскую и Хивинскую крепостные линии, была связана между собой и стала результатом военных экспедиций русской армии против Хивинского ханства, Бухарского ханства и Кокандского ханства в 1850-1870-х годах. Сырдарьинская крепостная линия тянулась от Перовска до Аральской крепости. В июне 1853 года, под командованием генерал-майора Перовского, русские войска 28 июля успешно захватили Акмечет. Акмечет был переименован в Перовск и стал основным пунктом новой Сырдарьинской крепостной линии. На его базе была построена Аральская крепость, включающая несколько постов, включая пост №1 в районе Казали, пост №2 в районе Кармакчи и пост №3 рядом с притоком реки Куандария. Хивинская крепостная линия тянулась от Ферганской крепости до Туркестанской крепости. Весной 1864 года русская армия, выдвинувшаяся из Оренбургской и Сибирской крепостных линий, начала операцию. Сибирскими войсками, направленными от Ферганской крепости, командовал полковник Черняев, а войсками, выдвинувшимися от Перовской крепости, командовал полковник Верёвкин. 4 июня того же года Черняев захватил крепость Аулие-Ата, а 12 июня Верёвкин захватил крепость Хазрет и переименовал её в Туркестанскую крепость, что ознаменовало создание Хивинской крепостной линии. Затем продолжались работы по строительству оборонительных сооружений, соединяющих эту линию с Сырдарьинской крепостью и Перовской крепостью [20, с. 36-40].

Таким образом, соединение Сырдарьинской крепостной линии и Хивинской крепости подготовило почву для присоединения Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, а также символизировало объединение крепостных линий в западной, восточной и южной частях Средней Азии, формируя кольцевую систему крепостей, которая охватывала всю степь Средней Азии. Это также отражало военную стратегическую цель Российской империи – завоевание всей Средней Азии.

Россия построила несколько крепостных линий в Средней Азии, каждая из которых включала серию крепостей, постов и оборонительных сооружений, соединяя важные стратегические точки. Строительство этих линий включало несколько этапов. Во-первых, выбор местоположений, таких как реки, горы и важные транспортные маршруты. Во-вторых, строительство укреплений с использованием западноевропейских военных инженерных технологий: возведение прочных крепостей, наблюдательных башен, земляных укреплений и окопов, чтобы обеспечить защиту от нападений врагов. В-третьих, размещение войск в каждом пункте крепостной линии с необходимым количеством солдат и вооружения, включая пушки. Эти крепости служили не только для военной защиты, но и как базы для дальнейшего продвижения вглубь Средней Азии, обеспечивали логистическую поддержку и стратегическое развертывание, а также укрепляли контроль над новыми завоеванными территориями, обеспечивая порядок и безопасность через гарнизоны и управление местными делами. Основная цель крепостных линий России в Средней Азии заключалась в укреплении ее границ и предоставлении поддержки для дальнейших военных операций и административного контроля. В общем, с начала XVIII века и до конца XIX века, Российская империя использовала построенные крепостные линии для формирования своей пограничной зоны в Средней Азии, превращая этот регион из удаленной территории в пограничную область и создавая основу для дальнейших территориальных экспансий на восток.

Сибирская линия крепостей Российской империи: пушная торговля и формирование азиатского фронта

В данном исследовании рассматриваются линии крепостей эпохи Российской империи, поэтому сфера исследования охватывает более широкое географическое понятие Сибири, которое соответствует современным административным границам Сибирского и Дальневосточного федеральных округов России.

Расширение Российской империи в Сибири шло главным образом вдоль рек, и в конце XVI

века основной целью было захватить ресурсы, в первую очередь меха. Первоначальные исследования не проводились регулярной армией России, а наемниками, нанятыми Строгановыми. В 1558 году, из-за истощения меховых ресурсов на западной стороне Уральских гор, царь Иван Грозный передал Строгановым полномочия возглавить казаков и отправить их на восток от Урала для создания торговых постов и получения местных мехов. В 1572 году Сибирское ханство, расположенное в центре Сибири, отказалось платить дань мехами, что стало поводом для нападения России на Сибирь. В 1578 году атаман Ермак Тимофеевич начал продвигаться на восток, и за несколько лет завоевал Кучум-ханство, присоединив западную Сибирь к России. Затем российские войска продолжили расширение на северо-восток Сибири, и к 1636 году они достигли Охотского моря, в итоге практически захватив всю Сибирь, что сделало Россию крупнейшей державой в мире по территории на тот момент. В процессе завоевания Сибири линии крепостей сыграли важную роль. Линии крепостей Российской империи в Сибири обычно делятся на Сибирскую линию, Новую Сибирскую линию и приграничную линию с Китаем.

Сибирская линия крепостей является важным военным сооружением, связывающим Среднюю Азию с Сибирью. Она была построена по указанию сибирского губернатора и, как и фортификационные линии в Средней Азии, выполняла задачи охраны новых территорий, защиты от набегов кочевых племен и развития приграничных посёлков. Основа Сибирской линии крепостей была заложена на базе укреплений в бассейне реки Иртыш и имеет длину 2149 верст и 345 саженей (около 2293,3 километра). Линия включает западный участок – Тобольско-Ишимскую линию, восточный участок – Колывано-Кузнецкую линию, а также южное продолжение – Иртышскую линию. В отличие от фортификационных линий в Средней Азии, расстояние между укреплениями на Сибирской линии было меньше, и здесь не было построено простых пограничных укреплений. Военные силы Сибирской линии крепостей состояли в основном из сибирских казаков и регулярной армии Российской империи. В конце XVIII века на Сибирской линии крепостей был размещён только один пехотный батальон. Между укреплениями была организована регулярная патрульная служба сибирских казаков. В 1808 году российские власти издали «Положения о сибирских казаках на фортификационной линии», официально учреждая казачьи подразделения как основную военную силу Сибирской линии крепостей, насчитывавшую около 6000 человек, в том числе 2 конно-

артиллерийские роты и 10 казачьих кавалерийских полков [5, л. 2-5].

Иртышская линия является ядром Сибирской линии крепостей, соединяя её восточное и западное крылья. Эта линия была построена вдоль правого берега реки Иртыш, контролируя устья рек и притоки, с целью полностью изолировать горнодобывающий и промышленный район Алтая на востоке. Строительство Иртышской линии началось после неудачного похода Бухгольца в 1716 году с основания Омска. Затем российская армия вновь продвинулась вверх по реке Иртыш и в 1716 году восстановила крепость Ямешев, а в 1717, 1718 и 1720 годах построила крепости Железинск, Семипалатинск и Усть-Каменогорск. В 1752 году Иртышская линия была завершена, её длина составила 930 верст, и она включала пять крепостей – Омск, Железинск, Ямешев, Семипалатинск и Усть-Каменогорск, 12 вооружённых постов и 20 военных станций. Поскольку верховья реки Иртыш располагались глубоко в степях, крепости на этой линии постепенно приобрели торговое значение. Уже в конце XVIII века Семипалатинск стал важным торговым центром для русских купцов, соседних кочевых народов и поселенцев [6, л. 26-28].

Тобольско-Ишимская линия, расположенная на западной стороне Иртышской линии в районах рек Тобол и Ишим, начала возводиться ещё в конце XVII века с целью защиты аграрных поселений, таких как Тобольск и Тюмень, на севере от Тобольской долины. В 1752 году Императорский сенат распорядился улучшить и отремонтировать существующие оборонительные сооружения, и в итоге была построена Тобольско-Ишимская линия. Эта линия крепостей пересекает степные районы к югу от сибирского лесного пояса, и так как в этом регионе много солоноватых озёр, её также называют «Горькой линией». В 1755 году линия была завершена, включая 9 крепостей и 16 многоугольных укреплений, и соединяла западную Уйскую линию с восточной Иртышской линией. Общая длина линии составила 509 верст 200 саженей (около 549,9 км), и в среднем через каждые 22 км располагался военный укрепленный пункт. Однако из-за суровых природных условий, затрудняющих сельское освоение, основное поддержание линии обороны осуществлялось за счёт смены военных гарнизонов [19, л. 7].

Колованско-Кузнецкая линия, расположенная к востоку от Иртышской линии, была построена ранее с целью защиты горнодобывающих и промышленных районов у подножия Алтая. К середине XVIII века, с завершением строительства Иртышской линии, российские власти связали обо-

ронительные сооружения на северном склоне Алтая с этой линией. В 1747 году Императорский сенат распорядился отремонтировать Колованско-Кузнецкую линию, которая включала 4 крепости, 7 аванпостов и 4 стоянки. Однако, поскольку Усть-Каменногоorsk на юго-западной стороне Алтая уже служил передовой крепостью, к концу 50-х годов XVIII века Колованско-Кузнецкая линия постепенно утратила свое военное значение. Таким образом, по сравнению с другими линиями крепостей, построенными к 1768 году, Колованско-Кузнецкая линия имела менее сильное военное присутствие и меньшее стратегическое значение [13, с. 44-46].

В первой половине XIX века Российская империя активно расширяла свои территории на восток, стремясь укрепить свои позиции в Сибири и на Дальнем Востоке. Несмотря на значительное военное присутствие, существующие оборонительные линии оказались недостаточно эффективными, что требовало строительства новой, более тщательной и действенной линии для обеспечения стабильности и безопасности восточной границы империи. Решение о строительстве новой Сибирской оборонной линии было принято в 1847 году. В отличие от предыдущих укреплений, новая линия должна была включать более современные оборонительные сооружения, учитывая особенности местной местности. Основной задачей оборонной линии было обеспечение защиты местных жителей, создание базы для дальнейшего расширения и освоения Сибири, а также обеспечение безопасности торговых путей, соединяющих центральную и восточную части России.

Строительство новой Сибирской оборонной линии началось в 1847 году и продолжалось до 1854 года. Линия тянулась вдоль границ казахских степей и реки Иртыш, включая несколько крепостей и оборонительных пунктов, таких как Омск, Семипалатинск и Усть-Каменогорск. Эти укрепления были сильными с точки зрения обороны и оснащены артиллерией, что позволяло им противостоять возможным атакам кочевых народов. Новая линия состояла из ряда взаимосвязанных оборонительных пунктов и крепостей, соединённых сетью дорог. Крепости были расположены на ключевых стратегических высотах, контролируя важнейшие торговые и военные маршруты. Между основными пунктами линии располагались аванпосты и небольшие укрепления, предназначенные для наблюдения и передачи сигналов при нападении. Сибирская оборонная линия включала несколько ответвлений, среди которых выделялись: Челябинская линия, основанная на Челябинской крепости, предназначенная для защиты во-

сточной границы; Петропавловская линия, проходившая через Петропавловск и обеспечивавшая безопасность южной границы; Курганская линия, основанная на Курганской крепости, обеспечивала защиту южных и юго-восточных территорий от нападений; Омско-Ишимская линия, ставшая дополнительным укреплением для существующей Омской линии.

Строительство крепостей Сибирской оборонной линии учитывало новейшие оборонительные технологии. Крепости были оснащены толстыми стенами, бастиянами и укреплениями, которые могли защищать гарнизоны от артиллерийского огня. Внутри крепостей находились казармы, склады с продовольствием и боеприпасами, а также колодцы и другие источники воды. Линия также была оснащена системой сигнализации и наблюдения. На стратегических высотах устанавливались сигнальные башни, которые позволяли передавать информацию с помощью световых или дымовых сигналов в случае угрозы. Это позволяло гарнизонам оперативно реагировать на атаки и своевременно получать подкрепления [7, л. 69-70].

Благодаря Сибирской оборонной линии Российская империя установила новые границы в этом регионе, усилив своё влияние в Сибири. Кроме того, эта линия укрепила её позиции на международной арене. В середине XIX века конкуренция между великими державами за контроль над Средней Азией и Дальним Востоком становилась всё более ожесточённой. Сибирская оборонная линия стала важным фактором в сдерживании внешних угроз и обеспечении безопасности восточной границы, что позволило Российской империи более эффективно осуществлять своё влияние в этом регионе. После завершения строительства на территории вокруг крепостей и оборонных пунктов постепенно возникали поселения, которые впоследствии развивались в крупные города. Например, Омская крепость, которая позднее стала важным торговым и административным центром в западной Сибири. Эта оборонная линия также способствовала обеспечению безопасности торговли, что сделало поток товаров, таких как меха, зерно, металлы и другие товары, между Европой и Азией более частым, что привлекло ещё большее количество людей в этот регион. Увеличение численности населения способствовало дальнейшему развитию Сибирской границы.

Что касается китайской пограничной линии, то она состояла из нескольких частей, таких как Нерчинская линия, Селенгинская линия и Амурская линия. С середины XVII века Россия продолжала расширяться на восток, пытаясь укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. В этом регионе

были построены несколько оборонительных сооружений, и Нерчинская линия была одной из самых важных. Строительство Нерчинской линии началось в начале XVIII века и включало серию крепостей, замков и фортов, таких как Нерчинская крепость, Альбатинская крепость, Селенгинская крепость и Уссурийская крепость. Эти укрепления были расположены вдоль важных стратегических путей в Восточной Сибири. На пике своего развития оборонительные сооружения Нерчинской линии покрывали несколько ключевых стратегических точек в Забайкалье, создавая обширную оборонительную сеть.

Нерчинская Линия крепостей обычно строилась в стратегически важных местах, таких как холмы, долины рек и обрывы. Дизайн этих укреплений был тщательно продуман с учетом особенностей местного ландшафта, чтобы улучшить их обороноспособность. Они могли эффективно сдерживать атаки противника и предоставлять укрытие для гарнизонов в экстренных случаях. Кроме того, Нерчинская линия была оснащена современными пушками и другим оружием, что делало её одной из важнейших военных линий Российской империи на Дальнем Востоке. В какой-то степени она способствовала стабилизации и развитию восточных рубежей империи. Однако с течением времени стратегическая значимость Нерчинской линии постепенно снижалась. К середине XIX века, с дальнейшим продвижением границ Российской империи на восток и развитием Дальнего Востока, Нерчинская линия утратила свои прежние военные функции. Тем не менее, эта линия оставалась важной в истории Дальнего Востока Российской империи, свидетельствуя о её экспансии и укреплении в этом регионе, а также предоставив важный опыт для последующих строительных проектов оборонительных сооружений.

Селенгинская линия крепостей является важной частью военной обороны Российской империи на востоке Байкала, построенной в XVIII веке вдоль реки Селенга. Основной целью этой линии было защитить восточные территории империи от нападений кочевых племён, особенно от джунгарских племён, а также поддерживать новый, установленный в тот момент, границу между Российской империей и Цинской империей. С расширением Российской империи в Сибири и на Дальнем Востоке безопасность границ стала важнейшей стратегической задачей. В 1727 году был подписан Нерчинский договор с Китаем, который установил официальные границы между двумя странами, что послужило стимулом для усиления военной обороны в этом регионе с целью защиты от кочевых

племён и других угроз. В ответ на эти вызовы Российская империя решила построить серию крепостей и постов вдоль реки Селенга, создав сплошную оборонительную линию для защиты своих интересов в Забайкалье. Селенгинская линия состояла из нескольких крепостей, фортов и постов, которые были расположены вдоль реки и создавали барьер для защиты. Основной крепостью был Селенгинский форт, который был построен в 1728 году на левом берегу реки Селенга и стал центром командования и логистики всей линии. В этой крепости размещались солдаты, а также располагались пушки, башни для наблюдения и склады, что обеспечивало безопасность линии. Благодаря защите Селенгинской линии Российская империя смогла эффективно контролировать этот стратегически важный район, защищая его от нападений джунгарских племён и укрепляя безопасность границы с Цинским Китаем.

Кроме того, Селенгинская линия сыграла важную роль в торговых связях между Россией и Китаем. Торговля между двумя странами осуществлялась в основном через Сибирь и Монгольское нагорье, и Селенгинская линия обеспечивала безопасность этого важного торгового маршрута. Меха, драгоценные металлы, изделия ручной работы и другие товары из России поступали в Китай, а китайский шёлк, чай и фарфор - в Россию. Под защитой Селенгинской линии торговля между двумя странами шла более безопасно, что способствовало экономическим и культурным обменам. Несмотря на важность Селенгинской линии в XVIII веке, её значение постепенно уменьшилось в XIX веке, особенно после подписания Айгунского договора 1858 года и Пекинского договора 1860 года, которые переместили границу между Россией и Китаем дальше на восток.

Амурская линия крепостей – это важная система оборонительных сооружений, построенная в Российской империи для укрепления её власти в бассейне реки Амур. Её строительство было связано с усилением российской экспансии в Дальнем Востоке в середине XIX века, особенно после подписания с Китаем Амурских договоров. С развитием дипломатических и военных усилий Россия значительно расширила своё влияние на Востоке. После подписания Айгунского договора (1858) и Пекинского договора (1860), Россия официально получила территории к северу от реки Амур и к востоку от Уссури, которые стали важными стратегическими и экономическими районами. Эти территории открыли российской империи доступ к побережью Тихого океана, что обеспечивало новые возможности для дальнейшего расширения на восток. Для защиты вновь приобретённых терри-

торий и обеспечения стабильности на границе, Россия решила построить оборонительную линию вдоль реки Амур. Через серию крепостей, фортов и других укреплений, которые были построены вдоль реки, империя надеялась создать барьер против возможных угроз со стороны соседних стран и кочевых племён. Амурская линия сыграла ключевую роль в защите российских интересов в этом стратегически важном регионе, обеспечив контроль над торговыми путями и защиту от возможных нападений. Одной из важных задач этой линии было также содействие дальнейшему освоению новых территорий, создание торговых путей и укрепление российской позиции на Тихоокеанском побережье. В результате, крепости вдоль Амура стали не только важными оборонительными объектами, но и важными пунктами для дальнейшего развития русской экономики в этом регионе [21, с. 9-11].

Строительство Амурской линии крепостей началось в 1860-х годах и продолжалось до конца XIX века. Эта оборонительная линия состояла из серии крепостей, укреплений, батарей и военных постов, размещённых вдоль стратегически важных точек на реках Амур и Уссури. Главной целью её создания было предотвращение возможных военных угроз со стороны Цинской империи, а также обеспечение безопасности недавно присоединённых территорий. Оборонительные сооружения линии использовали новейшие для того времени военные технологии, включая прочные кирпичные конструкции, артиллерийские батареи и подземные ходы. Множество из этих сооружений было размещено на возвышенностях вдоль рек, что позволяло эффективно контролировать водные пути и использовало природные преимущества местности. Кроме того, оборонительные позиции были связаны дорогами и телеграфными линиями, создавая целую систему обороны. В процессе строительства Амурская линия крепостей выполняла не только военные функции, но и играла важную политическую и экономическую роль. Как ключевая оборонительная линия Российской империи на Дальнем Востоке, она способствовала стабилизации ситуации на вновь присоединённых территориях и обеспечивала стратегический глубокий тыл для дальнейшего расширения. К тому же, строительство укреплений способствовало развитию окрестных районов и миграции русских крестьян и ремесленников, которые поселились вдоль реки Амур. Эти новые поселенцы сыграли важную роль в расширении населения на дальневосточных рубежах империи и стимулировали развитие сельского хозяйства, горнодобывающей промышлен-

ности и торговли, постепенно интегрируя эти районы в экономику Российской империи.

Таким образом, система укреплений не только стала символом расширения и укрепления позиций России в Сибири и на Дальнем Востоке, но и сыграла важную роль в реализации пограничной политики, военной стратегии и экономического освоения этих территорий, выполняя миссию по формированию и развитию российских рубежей.

Выводы

Укреплённые линии были для Российской империи не только средством защиты от вторжений и укрепления границ, но и непосредственным выражением её пограничной политики. В отличие от многих европейских государств того времени, укрепленные линии Российской империи обладали уникальными чертами: они не только заимствовали передовые военные технологии Европы, но и сочетали в себе традиционные защитные особенности, присущие российским оборонительным сооружениям. Развитие пограничных укреплений можно разделить на три основных этапа: земляные валы, абатис, линии крепостей.

Система линий крепостей Российской империи делилась на несколько частей: европейские линии крепостей, кавказская линия крепостей, среднеазиатская линия крепостей, сибирская линия крепостей. В европейской части Российской империи линии крепостей, основанные на европейских фортификационных технологиях, включали Таганрогскую линию, Псковско-Смоленско-Брянскую линию, Царицынскую линию, Украинскую линию и Закамскую линию. Кавказские линии крепостей, также опиравшиеся на западные технологии, подразделялись на Правобережную, Левобережную, Центральную и Черноморскую линии. Правобережная линия включала Терскую линию, Нижне-Сунженскую линию, Чеченскую линию и Азово-Моздокскую линию; Левобережная линия состояла из Кубанской линии и Лабинской линии; Центральная линия включала Кисловодскую линию, Кабардинскую линию и часть Грузинской Военно-Грузинской дороги. В Средней Азии линии крепостей включали Западные линии, такие как Оренбургская линия, Уйская линия, Самарская линия, Екатеринбургская линия, Новая линия и Ново-Илецкая линия; Восточные линии, такие как Акмолинско-Кокчетавская линия; и Южные линии, такие как Кокандская линия и Сырдарьинская линия. В Сибири линии крепостей делились на Сибирскую линию, Новосибирскую линию и Китайскую пограничную линию. Сибирская линия включала Западную Тоболо-Ишимскую линию, Восточную Колывано-Кузнецкую линию и Ишимскую линию. Новоси-

бирская линия состояла из Челябинской, Петропавловской, Курганской и Омско-Ишимской линий. Китайская пограничная линия включала Нерчинскую, Селенгинскую и Амурскую линии.

История развития линий крепостей Российской империи тесно связана с процессом формирования и эволюции её фронтира. Развитие от земляных валов, абатисов с пассивной оборонительной функцией до линии крепостей с активной наступательной функцией отражает переход Российской империи от оборонительной к наступательной политике на фронтире. Преобразование пограничных

крепостей в важные пограничные города отражает модель военной и гражданской интеграции в управлении пограничными территориями Российской империи. Расширение старых линий крепостей на новые линии крепостей показывает модель расширяющегося формирования фронтиров Российской империи. Линии крепостей на границе являются не только основой развития пограничных городов, но и вехой формирования и эволюции пограничных территорий Российской империи.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Крупного проекта Китайского фонда социальных наук «Исследование востоковедения России и создание его базы данных» (18ZDA209), гранта Специального проекта Регионально-страноведческого исследовательского центра Министерства образования Китая, Научно-исследовательского центра изучения России ППУ на 2024 год «Сбор и исследование исторических материалов укрепленных линий на фронтах Российской империи»

Список источников

1. Аваков П.А. Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702-1711 годах // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 61 – 64.
2. Бауськова О.П. Вехи истории Главного инженерного управления // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Седьмой международной научно-практической конференции, 18-20 мая 2016 года : в 5 ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 127 – 130.
3. Богуславский В.В. Славянская энциклопедия: XVII век: в 2-х т. Н-Я. Т. 2. С. 307.
4. Введенский Б.А. Уйская пограничная укрепленная линия. М.1956. С. 59 – 60.
5. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 636. Л. 2-5.
6. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 321. Л. 26-28.
7. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 69-70.
8. Загоровский В.П. Засечные черты. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 231 – 232.
9. Клеопатро Н.М., Киричек М.С., Назаренко И.В. Павловская крепость. Энциклопедия. Таганрог: Антон, 2008. С. 537.
10. Кривошеков А. На Оренбургской пограничной линии, Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. Вып. 1. С. 23 – 24.
11. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. М., 1865. Ч. 3. С. 343.
12. Муратова С.Р. Фортификационные особенности пограничных крепостей Урала и Западной Сибири XVIII в. // Проблемы востоковедения. 2017. Т. 77. № 3. С. 33 К 38.
13. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири, Национальные культуры региона. Тюмень, 2007. С. 44 – 46.
14. Назаренко И.В.Троицкая крепость, Энциклопедия. Таганрог: Антон, 2008. С. 740.
15. Новицкий В.Ф. Пограничные укрепленные линии, Военная энциклопедия. под ред. СПб. С. 20-21.
16. Новицкий В.Ф. Пограничные укрепленные линии, Военная энциклопедия: в 18 т. СПб., 1911-1915. С. 20 – 25.
17. Огаркова Н.В. Пограничные укрепленные линии, Объекты военные – Радиокompас. М.: Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1978. С. 226 – 230.
18. Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI-XVIII вв. Киев: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. С. 136.
19. РГВА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 78. Л. 7.
20. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 36 – 40.
21. Шемелина Д.С. Проектирование оборонительных линий в Восточной Сибири (на примере инструкции графа П.И. Шувалова 1760 года), Архитектура и строительство, 2016. С. 9 – 11.

References

1. Avakov P.A. Construction of military fortifications on the southern borders of Russia in 1702-1711. *Military History Journal*. 2011. No. 2. P. 61 – 64.
2. Bauskova O.P. Milestones in the history of the Main Engineering Directorate. War and weapons. New research and materials: proceedings of the Seventh international scientific and practical conference, May 18-20, 2016: in 5 parts. St. Petersburg, 2016. Part 1. P. 127 – 130.
3. Boguslavsky V.V. Slavic encyclopedia: XVII century: in 2 volumes. N-Ya. Vol. 2. P. 307.
4. Vvedensky B.A. Uyskaya border fortified line. M.1956. P. 59 – 60.
5. GAOO. F. 67. Op. 1. D. 636. L. 2-5.
6. GAOO. F. 366. Op. 1. D. 321. L. 26-28.
7. GAOO. F. 1. Op. 1. D. 39. L. 69-70.
8. Zagorovsky V.P. Abatis features. Domestic history: History of Russia from ancient times to 1917: Encyclopedia. Moscow, 1996. V. 2. P. 231 – 232.
9. Cleopatro N.M., Kirichek M.S., Nazarenko I.V. Pavlovsk Fortress. Encyclopedia. Taganrog: Anton, 2008. P. 537.
10. Krivoshchekov A. On the Orenburg Border Line, Bulletin of the Orenburg Educational District. Ufa, 1914. Issue 1. P. 23 – 24.
11. Laskovsky F.F. Materials for the History of Engineering Art in Russia. Moscow, 1865. Part 3. P. 343.
12. Muratova S.R. Fortification Features of the Border Fortresses of the Urals and Western Siberia in the 18th Century. *Problems of Oriental Studies*. 2017. Vol. 77. No. 3. P. 33 – 38.
13. Muratova S.R. Guarding the Borders of Siberia, National Cultures of the Region. Tyumen, 2007. P. 44 – 46.
14. Nazarenko I.V. Troitskaya Fortress, Encyclopedia. Taganrog: Anton, 2008. P. 740.
15. Novitsky V.F. Border fortified lines, Military Encyclopedia. edited by St. Petersburg. Pp. 20-21.
16. Novitsky V.F. Border fortified lines, Military Encyclopedia: in 18 volumes. St. Petersburg, 1911-1915. P. 20 – 25.
17. Ogarkova N.V. Border fortified lines, Military facilities – Radio compass. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1978. P. 226 – 230.
18. Pirko V.A. Northern Azov region in the 16th-18th centuries. Kyiv: UMK VO at the Ministry of Higher Education of the Ukrainian SSR, 1988. P. 136.
19. RGVA. F. 349. Op. 1. D. 78. L. 7.
20. Khalfin N.A. Annexation of Central Asia to Russia (60-90s of the 19th century). Moscow, 1965. P. 36 – 40.
21. Shemelina D.S. Design of defensive lines in Eastern Siberia (based on the instruction of Count P.I. Shuvalov of 1760), Architecture and Construction, 2016. P. 9 – 11.

Информация об авторе

У Цзыпэн, аспирант, Университет Цинхуа, Китай, wzp18255278971@163.com

© У Цзыпэн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930.2

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-155-161

Объекты исторического наследия Таганрога как информационные ресурсы формирования историко-культурной среды города

¹ Кирюшин А.Д.,

¹ Южный федеральный университет

Аннотация: в статье раскрыто системное исследование одного из направлений целостной картины истории Таганрога, вобравшего в своем развитии культурные традиции разных цивилизаций и народов. Цель исследования – обобщить воздействие информационных ресурсов исторических объектов Таганрога разной природы на формирование историко-культурной среды города. Объект и предмет исследования; история города Таганрога; формирование историко-культурной среды города. Задачи исследования. 1. Установить основные направления развития и выявить исторические и интеллектуальные объекты наследия города Таганрога. 2. Раскрыть содержание информационных ресурсов выявленных объектов и их воздействие на развитие историко-культурной среды города. 3. На основе синтеза разносторонней информации объектов наследия Таганрога разработать структурную модель развития историко-культурной среды города. Исследовательскую базу составили археологические находки, обнаруженные на территории города Таганрога, отдельные архивные материалы, исторические документы, труды историков и краеведов. Методологическая основа данного исследования – системный подход. Использовались теоретические методы: анализ, синтез, систематизация и структуризация информации, моделирование. Исследование формирования историко-культурной среды, как одного из ряда направлений развития Таганрога, обеспечило получение дополнительной информации, способствующей раскрытию: археологических тайн сближения цивилизаций и зарождения поселений; деятельности государственной власти по усилению стратегического положения страны; важности комплексного решения развития Таганрога – культурного и интеллектуального центра Юга России.

Ключевые слова: информационные ресурсы, синтез, исторические объекты, историко-культурная среда, Таганрог, системное исследование

Для цитирования: Кирюшин А.Д. Объекты исторического наследия Таганрога как информационные ресурсы формирования историко-культурной среды города // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 155 – 161. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-155-161

Поступила в редакцию: 28 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Taganrog historical heritage sites as information resources for the formation of the historical and cultural environment of the city

¹ Kiryushin A.D.,

¹ Southern Federal University

Abstract: the article reveals a systematic study of one of the directions of the holistic picture of the history of Taganrog, which incorporated cultural traditions of different civilizations and peoples in its development. The purpose of the study is to summarize the impact of information resources of Taganrog historical sites of different nature on the formation of the historical and cultural environment of the city. The object and subject of the study; the

history of the city of Taganrog; the formation of the historical and cultural environment of the city. Research objectives. 1. To establish the main directions of development and identify the historical and intellectual heritage sites of the city of Taganrog. 2. To reveal the content of the information resources of the identified objects and their impact on the development of the historical and cultural environment of the city. 3. Based on the synthesis of diverse information from Taganrog heritage sites, to develop a structural model for the development of the historical and cultural environment of the city. The research base consists of archaeological finds discovered on the territory of the city of Taganrog, individual archival materials, historical documents, works of historians and local historians. The methodological basis of this study is a systematic approach. Theoretical methods were used: analysis, synthesis, systematization and structuring of information, modeling. The study of the formation of the historical and cultural environment, as one of a number of areas of Taganrog's development, provided additional information that would help reveal: the archaeological mysteries of the rapprochement of civilizations and the birth of settlements; the activities of government to strengthen the strategic position of the country; the importance of a comprehensive solution for the development of Taganrog, the cultural and intellectual center of Southern Russia.

Keywords: information resources, synthesis, historical objects, historical and cultural environment, Taganrog, system research

For citation: Kiryushin A.D. Taganrog historical heritage sites as information resources for the formation of the historical and cultural environment of the city. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 155 – 161. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-155-161

The article was submitted: September 28, 2024; Approved after reviewing: November 30, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Результаты интеллектуальной и творческой деятельности краеведов и ученых в исследовании археологических находок тысячелетней истории древнегреческой колонизации в Северном Причерноморье и Приазовье, памятников Таганрога и его окрестностей, раскрывающие зарождение и развитие современного города, не снижают интерес историков, археологов и общественности к этой проблеме. Целесообразность дальнейших исследований заключается в уточнении развития отдельных событий, перемещения и взаимодействия народов, общественного участия населения в период становления Таганрога и др. Это возможно с использованием совокупности разносторонней информации, отражающей ряд направлений его развития. Известно, что «Синтез источников в едином исследовании – главное средство развития исторической науки сегодня, а нашей главной задачей должно стать совершенствование приемов этого синтеза» [1]. Безусловно, одним из направлений развития Таганрога является становление его историко-культурной среды. Актуальность исследования обусловлена необходимостью синтеза информационных ресурсов о развитии историко-культурной среды, как важнейшей составляющей и части целостной картины истории Таганрога. Результаты уточнения информационных ресурсов истории города могут быть использованы для выбора направлений его дальнейшего развития.

Цель исследования – обобщить воздействие информационных ресурсов исторических объектов

Таганрога разной природы на формирование историко-культурной среды города.

Объект и предмет исследования: история города Таганрога; формирование историко-культурной среды города.

Задачи исследования. 1. Установить основные направления развития и выявить исторические и интеллектуальные объекты наследия города Таганрога. 2. Раскрыть содержание информационных ресурсов выявленных объектов и их воздействие на развитие историко-культурной среды города. 3. На основе синтеза разносторонней информации объектов наследия Таганрога разработать структурную модель развития историко-культурной среды города.

Материалы и методы исследований

Исследовательскую базу составили археологические находки, обнаруженные на территории города Таганрога, отдельные архивные материалы, исторические памятники и документы разных периодов, и иная информация, в т.ч. труды историков и краеведов, по истории города.

В исследовании использован синтез разносторонней информации разных видов источников и разработка новых методических подходов. Методологическая основа данного исследования – системный подход к использованию многофункциональных источников и разносторонней информации объектов истории города Таганрога на разных этапах его развития. В ходе выявления и исследования информационных ресурсов объектов истории разного происхождения использовались теоретические методы: анализ, синтез, обобщение,

систематизация и структуризация информации, моделирование. Результаты исследования, как часть систематизированных знаний о становлении культурного и интеллектуального центра Юга России, могут быть использованы в образовательных учреждениях, а также на дополнительных тематических занятиях, посвященных истории города Таганрог. Предложенный методологический подход применим для системного исследования многофункциональной информации источников разной природы.

Результаты и обсуждения

Изучением памятников древнегреческого поселения раннеантичного периода в Приазовье, существовавшего, в т.ч. на территории Таганрога,истики занимаются длительное время. В 1871 году вышло издание почетного археолога П. Хицунова под названием: «О древностях в местах Приазовского края, ближайших к городу Таганрогу». Историк описывает отдельные «следы поселений колоний, которые основаны были некогда Милетскими Греками, самым предприимчивым и отважным в древности народом, старавшимся водворяться всюду, где представлялись удобства для торговой и промышленной их деятельности» [2, с. 359-362]. В первую очередь речь шла о древнегреческом поселении, существовавшем в районе Каменной лестницы и Пушкинской набережной. Донские краеведы обратились к изучению этого памятника в 20 веке. Так, в 1935-1938 гг. Б.В. Луниным собрано значительное количество фрагментов греческой гончарной посуды – обломков античной расписной амфорной керамики. Краткая публикация Б.В. Луниным информации о существовании в районе Таганрога древнегреческого поселения имела научное значение – открытие нового памятника античной колонизации, условно названное им «Каменная Лестница» [1]. На основании визуально-морфологического анализа находок Б.В. Лунин предположил, что первые поселения второй половины VII века до н. э. являлись базой для греков переселенцев. «Раскопки не только подтверждают раннюю дату основания Таганрога, они показывают также, что Таганрогское поселение является предположительно самым ранним греческим поселением в северо-западном Причерноморье» [1]. Анализ и обобщение информации об артефактах раскрывает характер сосуществования народов разных цивилизаций, об их взаимодействии в развитии поселений и улучшении условий проживания. Обнаруженные артефакты отражают резкий контраст цивилизаций народов пришельцев-колонистов и местных кочевых племен [6]. Проявляется это в образе жизни – оседлом и кочевом, роде занятий, предметах быта,

традициях. Так, древнегреческие керамические изделия отличались высоким технологическим и художественным оформлением. Им характерно множество форм и размеров, что свидетельствует о разнообразии использования, употребляемой пищи и способах её приготовления, переработкой продукции растениеводства (оливковое масло, вино и др.). Естественно, кочевников привлекал уровень изделий переселенцев и используемые ими материалы и продукты, их быт и традиции. Они охотно вступали в товарообмен, учились ремёслам, растениеводству с использованием более сложных и эффективных средств труда. В конечном итоге, возникшие взаимосвязи народов приближали культуру племен кочевников к более высокой древнегреческой, что как известно, является одним из важнейших условий развития общества [3, 4, 6]. Процессы взаимодействия народов в античный период можно считать началом становления историко-культурной среды будущего поселения.

Существующий в настоящее время город Таганрог был заложен Петром Великим на мысу Таганый Рог залива Азовского моря не только как гавань первого военного флота России и крепость для защиты флота и гавани, но и как столица России. «Пристани морского каравана судам быть у Таганрога» – Петр I. Пушкарский приказ от 12 сентября 1698 года. Сохранился план, на котором рукой Петра Великого начертано: «Государев двор». «Таганрог стал своеобразным строительным полигоном, где были опробованы новые для России европейские методы проектирования и строительства, в дальнейшем широко применявшиеся при возведении Санкт-Петербурга и других российских городов, основанных позднее» [8, с. 130–135]. Лишь поражение России в войне с Турцией вынудили императора в 1711 году, выполнить условия Прутского договора с Турцией о возвращении ей Приазовья. В приказе адмиралу Ф.М. Апраксину отмечено: «Как не своею рукою пишу, надо турок удовлетворить. Город разрушить как можно шире, но не портя фундамента его, ибо Бог иначе поворотит...» [5]. «Коротки были дни Таганрога под властью Петра Великого, но они наложили на чело его печать исторического величия, они создали ему имя в истории и осветили его блеском славы гениального человека» [9]. Достаточно отметить не только его гениальные инженерные решения по устройству гавани на мелководе и строительство крепости на созданной насыпи, но и подход к проектированию застройки города, искусственной посадке леса, как элемента городского благоустройства.

Географическое местоположение города Таганрога, дополненное деятельностью Петра I и его последователями, усилило стратегическое значение России – военное и экономическое. Но история Таганрога связана не только с героическими событиями, но и с печальными страницами в его развитии. В своей истории Таганрог два раза был разрушен основательно (в 1712 и 1739 гг.), а в дальнейшем серьезно пострадал и во время бомбардирования Англо-Французским флотом в 1855 г. В ходе новой русско-турецкой войны, русские войска 2 апреля 1769 г. заняли Таганрог и водрузили русский штандарт на самом возвышенном месте мыса. В укреплениях начались восстановительные работы с использованием сохранных фундаментов Петровской застройки.

Екатерина II приняла решение о создании сильного флота на Черном и Азовском морях. В 1771 году в восстановленной гавани появились первые военно-морские суда. До 1783 г. она была главной военно-морской базой русского флота до перевода ее в Севастополь. Азовская флотилия «дала начало Черноморскому флоту», а Таганрогская гавань становится торговой.

С историей становления культурной среды Таганрога этого периода связаны имена российских государственных деятелей, композиторов, писателей и поэтов, предпринимателей, чьи усилия и деятельность способствовали не только созданию красивейшего города, но культурного и интеллектуального центра. В город неоднократно приезжал император Александр I. Посещали Таганрог А.С. Пушкин, В. Жуковский, И. Айвазовский, П. Чайковский и др. Личное участие в жизни города содействовало развитию образовательных и культурных учреждений.

Одним из памятных и красивейших мест в городе стала «каменная лестница», построенная по завещанию таганрогского купца Деспальдо в 1823 году. Считается, что эта лестница является копией знаменитой афинской мраморной лестницы, ведущей в акрополь. Важно то, что возводимые в городе шедевры архитектуры способствовали распространению культурной среды и на его окрестности. Но мирная жизнь портового города была прервана в 1853 г. с началом Крымской войны России с Османской империей. Англо-французские войска выступали на стороне Турции. В мае 1855 года англо-французская эскадра вошла в Азовское море и подошла к Таганрогу. На защиту города поднялись охваченные патриотизмом практически все его жители. Не овладев городом с ходу, союзники продолжали в течение нескольких месяцев, вплоть до конца августа 1855 г., бомбардировать его. В ходе этой осады город

сильно пострадал, было разрушено множество зданий, район пристани и набережной превратился в руины. Таганрог выстоял и начал восстанавливаться, отстраиваться. Началась очередная страница развития города, и в большей мере его историко-культурной среды.

Усилия центральной и городской государственной власти, прогрессивной части населения способствовали дальнейшему утверждению Таганрога как заметного культурного центра страны. В 1866 году было построено здание театра по проекту архитекторов – итальянского К. Ландерона и русского Н. Трусова, при участии выдающихся итальянских специалистов по акустике для оперной труппы. Здание театра было отлично спланировано. Сравнительно большой для провинциального города зал на 600 мест уходит вглубь квартала, вплоть до Греческой улицы. Небольшой, но вместительный зал отличается замечательной акустикой. Изящная роспись, тонкая лепка и ажурная люстра дополняли его оформление. Здание театра, внесено в список памятников истории и культуры Российской Федерации. Одновременно Таганрог развивался и как интеллектуальный центр. 30 августа 1861 года было открыто женское училище. В 1868 году таганрогская женская гимназия получила наименование «Мариинской». В 1875 году она была переведена во вновь построенное здание. Начало формирования общественной библиотеки было положено в первой половине 70-х годов городской интеллигенцией. Библиотека была открыта в 1876 г. в доме городской управы по ул. Греческой, 55. Эта первая в Таганроге общественная библиотека была основана на базе частной библиотеки Ващиненко, который стал ее первым библиотекарем. Ценность этих направлений становления культурной среды города в их комплексности. Значительный вклад в развитие истории и становление культуры города Таганрога внес, родившийся в 1860 г., выдающийся русский писатель и драматург А.П. Чехов. Его литературная деятельность и личное участие – это пласт становления историко-культурной среды города. Достаточно отметить, что городскому театру было присвоено имя А.П. Чехова. В городе много исторических памятников объектов, связанных с его именем. В 1904 году улице, на которой стоял небольшой домик-флигель, где родился знаменитый писатель, было присвоено его имя. Улица Чехова – памятник писателю и его персонажам. Улица переходит в площадь с памятником писателю, окруженную «колоннадой» Кампиони, – это Александровские торговые ряды. Лавка Чеховых – все бережно собрано, реконструировано. Библиотека – гимназист Чехов сам был ее читателем, она хранит подорожные уже писателем Чеховым тома, а здание построено его другом академиком Федором Шехтелем. В 1904 году имя А.П. Чехова было присвоено городской библиотеке. Художественный музей – часть его коллекции подарена городу

Чеховым. Благодаря его стараниям 14 мая 1903 г. открыт Памятник Петру I (скульптора М. Антокольского). В городе создан мемориальный комплекс – дом, где родился писатель – Музей «Домик А.П. Чехова», Гимназия им. А.П. Чехова в которой он учился, Литературный музей в этой гимназии. С развитием общественной жизни и, главное, городского самоуправления местная пресса обогатилась обширным материалом, достаточным для издания городской периодической литературы. В 1870 г. в Таганроге начала издаваться газета «Азовский вестник».

Поскольку информационную базу данного исследования составили сведения о Таганроге, запечатленные в исторических объектах его наследия и развития, то для анализа информации отобраны материалы и исследования, выполненные в разные годы авторитетными историками и краеведами страны. Разработанная нами структурная модель развития историко-культурной среды города Таганрога, представлена на рис. 1.

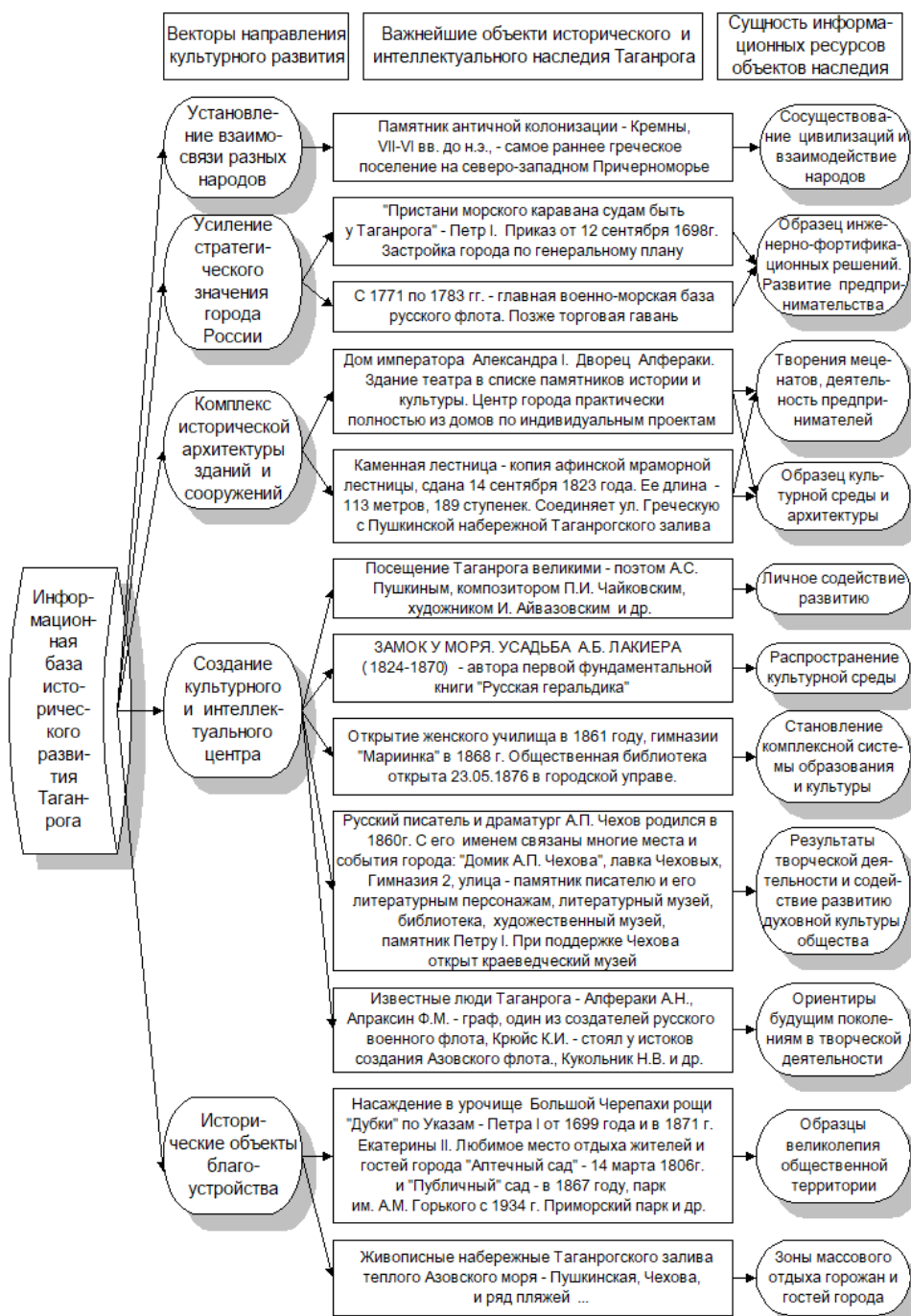

Рис. 1. Структурная модель развития историко-культурной среды города Таганрога.
Fig. 1. Structural model of development of the historical and cultural environment of the city of Taganrog.

Модель, раскрывая важные векторы направления культурного развития, отражает сущность информационных ресурсов объектов исторического и интеллектуального наследия города, и направленность их воздействия на ход развития материальной среды и духовной культуры всех слоев общества. Векторы этого направления, как характеристика становления историко-культурной среды города, в отдельные периоды развития актуализировались требованиями общества и возможностями города и страны. К наиболее значимым результатам синтеза информационных ресурсов объектов наследия Таганрога можно отнести следующие:

➤ Осознание людьми необходимости взаимодействия и мирного сосуществования народов, как одного из условий развития общества и улучшение их жизни.

➤ Четкое понимание государственной властью путей решения стратегических задач усиления военного и экономического положения страны, и прежде всего, в освоении и благоустройстве новых территорий с учетом мирового опыта и особенностей российских условий, способствующих комфортной жизни и ведению людьми традиционных и новых видов деятельности.

➤ Организованное формирование культурной среды города – его материальной и духовной составляющих, осуществляемое совместной деятельностью властей, предпринимательства и прогрессивной общественностью. Материальные объекты – комплекс архитектурных сооружений разного назначения, дворцы и дома по индивидуальным проектам, общественные здания – образовательные, библиотеки, музеи, театры и другие, возводимые по разработанному плану застройки. Особое значение в формировании культурной среды города занимают искусственные зеленые зоны – сады, парки, леса. Духовные объекты – результаты деятельности творческой части общественности в виде литературных, музыкальных, художественных и других произведений искусства, а

также просветительской деятельности и личного содействия авторов развитию материальных объектов историко-культурной среды.

➤ Стимулирование потребности населения в восприятии прекрасного окружения материальных и духовных объектов, и как источника запросов дальнейшего развития культурной среды города.

Выводы

Обширная информационная база истории Таганрога, охватывающая период от античного времени до настоящего, представляет собой результат совокупного воздействия разных направлений развития города. Среди них развитие историко-культурной среды в становлении Таганрога как культурного и интеллектуального центра Юга России. Ее развитие происходит под комплексным воздействием ряда факторов разной природы и направленности. Это взаимосвязи разных народов, географическое положение и стратегическое значение территории поселения, планирование застройки и архитектурные стили, наличие сподвижников государственной власти в развитии образования, науки, культуры города, благоустроенность общественных мест пребывания и отдыха. С развитием Таганрога связаны имена государственных деятелей, знаменитых композиторов, писателей, поэтов, предпринимателей, оказывающих личное содействие и непосредственное участие. Конкретный состав ресурсов и их воздействие отражается в объектах исторического и интеллектуального наследия Таганрога и зависит от исторического периода развития среды. Состав и значение объектов наследия как носителей информационных ресурсов определяется содержанием сведений, отражаемых этими объектами и возможностью использования их в конкретные периоды. Полученный задел развития историко-культурной среды актуален в настоящее время, и может быть основанием для дальнейшего достойного продолжения.

Список источников

1. Археологические раскопки в Таганроге. [Электронный ресурс]. URL: <http://taganrog-gorod.ru/taganrog/history/archaeologia/archaeological-excavations-in-taganrog/>
2. Качевский П.С. История археологического изучения раннеантичного поселения у Каменной лестнице в Таганроге в XX веке // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2015. № 2. С. 359 – 362.
3. Копылов В.П. Первая греческая колония в Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов. 1991. № 10. С. 42 – 47.
4. Копылов В.П. Таганрогское поселение – гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // Античный мир и археология. 2011. № 15. С. 223 – 239.

5. Кукушин В. Таганрог: сохраним наше культурное наследие // RELGA. Научно-культурологический журнал. 2013. № 6 [262]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3517>
6. Ларенок П.А., Копылов В.П. Таганрогское поселение: каталог случайных находок у Каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988-1994 гг. Ростов/нД., Gefest, 1994. 90 с.
7. Литвиненко В. Таганрог – земля древних цивилизаций // Таганрогская правда. 2009. 6-12 февр. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://taganrog-gorod.ru/taganrog/history/archaeologia/archaeological-excavations-in-taganrog/>
8. Трубникова Е.В., Цымбал А.А. Таганрог как старейший историко-культурный центр юга России // Вестник таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2 (24). С. 130 – 135.
9. Филевский П.П. История Таганрога. Таганрог: ООО Изд-во «Лукоморье», 2007. 457 с.
10. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.: Высш. школа, 1977. 240 с.

References

1. Archaeological excavations in Taganrog. [Electronic resource]. URL: <http://taganrog-gorod.ru/taganrog/history/archaeologia/archaeological-excavations-in-taganrog/>
2. Kachevsky P.S. History of the archaeological study of the early antique settlement at the Stone Stairs in Taganrog in the 20th century. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2015. No. 2. P. 359 – 362.
3. Kopylov V.P. The first Greek colony in the Azov region. Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don. Azov. 1991. No. 10. P. 42 – 47.
4. Kopylov V.P. Taganrog settlement - the harbor of Kremny? (written sources and archaeological realities). The Ancient World and Archaeology. 2011. No. 15. P. 223 – 239.
5. Kukushin V. Taganrog: Let's Preserve Our Cultural Heritage. RELGA. Scientific and Cultural Journal. 2013. No. 6 [262]. [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3517>
6. Larenok P.A., Kopylov V.P. Taganrog Settlement: Catalog of Random Finds at the Stone Staircase, Taganrog, Collections 1988-1994. Rostov/nD., Gefest, 1994. 90 p.
7. Litvinenko V. Taganrog – the land of ancient civilizations. Taganrog Pravda. 2009. 6-12 February. P. 4. [Electronic resource]. URL: <http://taganrog-gorod.ru/taganrog/history/archaeologia/archaeological-excavations-in-taganrog/>
8. Trubnikova E.V., Tsymbal A.A. Taganrog as the oldest historical and cultural center of the south of Russia. Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2016. No. 2 (24). P. 130 – 135.
9. Filevsky P.P. History of Taganrog. Taganrog: ООО Publishing House "Lukomorye", 2007. 457 p.
10. Yanin V.L. Essays on comprehensive source studies: Medieval Novgorod. Moscow: Vyssh. school, 1977. 240 p.

Информация об авторе

Кирюшин А.Д., Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 12a3k21@gmail.com

© Кирюшин А.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-162-174

Битва при Бленхейме 13 августа 1704 г.: военно-профессиональный взгляд и оценки современников

¹ Кутищев А.В.,

¹ Уральский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье рассматривается военное искусство периода войны за испанское наследство (1701-1714). **Предметом** исследования является сражение при Бленхейме 13 августа 1704 г., одно из самых известных и масштабных сражений рассматриваемой эпохи. **Объектом** исследования выступают военная корреспонденция Людовика XIV, Дж. Мальборо, Евгений Савойский, маршала Тальяра, воспоминания непосредственных участников сражения, а также документы, доклады, рапорта. **Целью** статьи является выявление особенностей тактики боя начала XVIII века на примере битвы при Бленхейме. **Научная новизна** заключается в том, что в статье на основании источников, до сих пор не отражённых в отечественной историографии, представлен взгляд на значительное событие западноевропейской военной истории, сражение между франко-баварской и англо-голландско-немецкой армиями, которое стало переломным моментом в войне за испанское наследство. Статья актуализирует проблемы общего и особенного в военном деле Западной Европы и России, заостряет вопрос о компаративном анализе военного искусства периода войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) и Великой Северной войны (1700-1721 гг.). Сражение при Бленхейме выявило как сильные, так и слабые стороны тактики боя XVIII века. В результате исследования автор **пришел к выводу**, что к поражению при Бленхейме маршалов Людовика XIV привел их выжидательный пассивный образ ведения войны. Их соперники, Джон Мальборо и Евгений Савойский, сумели вырваться за рамки общепринятого тактического методизма. Они действовали смело и решительно, умело управляя войсками, взаимодействуя и поддерживая друг друга. Залогом решительной победы стал высокий боевой дух союзников, дисциплинированность войск и исполнительность командиров. Важным условием победы стали личные и полководческие способности Мальборо и Евгения Савойского, их умение правильно оценивать обстановку, сильные и слабые стороны противника, использовать особенности местности, предвидеть события, навязывать свою волю противнику, увлекать войска личным примером и поддерживать их высокий морально-психологический настрой.

Ключевые слова: Битва при Бленхейме, Джон Мальборо, Евгений Савойский, маршал Тальяр, линейная тактика

Для цитирования: Кутищев А.В. Битва при Бленхейме 13 августа 1704 г.: военно-профессиональный взгляд и оценки современников // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 162 – 174. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-162-174

Поступила в редакцию: 29 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

The Battle of Blenheim, August 13, 1704: military and professional views and contemporary assessments

¹ Kutishchev A.V.,

¹ Ural State University of Railway Transport

Abstract: the article examines the military art of the War of the Spanish Succession (1701-1714). The subject of the study is the Battle of Blenheim on August 13, 1704, one of the most famous and large-scale battles of the era under consideration. The object of the study is the military correspondence of Louis XIV, J. Marlborough, Eugene of Savoy, Marshal Tallar, memoirs of direct participants in the battle, as well as documents, reports, and reports. The purpose of the article is to identify the features of battle tactics at the beginning of the 18th century using the Battle of Blenheim as an example. The scientific novelty lies in the fact that the article, based on sources that have not yet been reflected in Russian historiography, presents a view of a significant event in Western European military history, the battle between the Franco-Bavarian and Anglo-Dutch-German armies, which became a turning point in the War of the Spanish Succession. The article actualizes the problems of the general and the specific in military affairs of Western Europe and Russia, sharpens the issue of comparative analysis of military art during the War of the Spanish Succession (1701-1714) and the Great Northern War (1700-1721). The Battle of Blenheim revealed both the strengths and weaknesses of the 18th century battle tactics. As a result of the study, the author came to the conclusion that the defeat of the marshals of Louis XIV at Blenheim was caused by their wait-and-see passive way of waging war. Their rivals, John Marlborough and Eugene of Savoy, managed to break out of the generally accepted tactical method. They acted boldly and decisively, skillfully managing troops, interacting and supporting each other. The key to a decisive victory was the high morale of the allies, the discipline of the troops and the efficiency of the commanders. An important condition for the victory was the personal and military leadership abilities of Marlborough and Eugene of Savoy, their ability to correctly assess the situation, the strengths and weaknesses of the enemy, to use the terrain features, to foresee events, to impose their will on the enemy, to inspire the troops by personal example and to maintain their high moral and psychological spirit.

Keywords: Battle of Blenheim, John Marlborough, Eugene of Savoy, Marshal Talyar, linear tactics

For citation: Kutishchev A.V. *The Battle of Blenheim, August 13, 1704: military and professional views and contemporary assessments. Historical Bulletin.* 2025. 8 (1). P. 162 – 174. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-162-174

The article was submitted: September 29, 2024; Approved after reviewing: November 30, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена очередной военной эскалацией, вспыхнувшей между Россией и Западом и угрожающей человечеству реальными перспективами третьей мировой войны. Современный кризис цивилизаций активизировал не только утилитарные военные-политические практики, но и пробудил интерес научного сообщества к глубинным культурно-историческим смыслам. В этой связи, особый интерес представляют компаративные аспекты военной истории и культурно-исторический анализ военного искусства, как неотъемлемой части западноевропейской и русской цивилизаций. Настоящая работа продолжает серию статей, посвящённых войне за испанское наследство (1701-1714 гг.), крупнейшему военно-политическому конфликту с участием ведущих западноевропейских держав, проходившему одновременно с Великой Северной войной (1700-1721 гг.) [3-7, 9-11]. Толь-

ко одно это совпадение вызывает естественное желание провести параллели между крупнейшими войнами начала XVIII века, понять и сравнить военную культуру России и передовых европейских держав в эпоху позднего феодализма. При этом военное дело рассматривается как особенное своеобразие цивилизационной ойкумены, в котором Запад и Восток обречены на историческое сосуществование. Исследование войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) позволяет понять европейскую культуру накануне Нового времени с её ценностно-нравственными, властно-политическими и сословно-общественными императивами. Способствовать глубокому пониманию сущностных истоков культурных противоречий, содействовать попыткам формирования механизма их предупреждения и разрешения – такова, по большому счету, задача настоящего исследования. Работа основана на принципах анализа и синтеза, объективности.

Теоретическая база исследования. Сражение при Бленхейме 13 августа 1704 года всегда вызывало пристальное внимание исследователей, как наиболее грандиозная битва и переломный момент в войне за испанское наследство (1701-1714). Историография сражения, особенно, в англоязычном мире, представлена весьма широко и разносторонне [13, р. 123-151; 15; 16, р. 49-85; 21, р. 235-260; 22, р. 140-158]. Отечественная историография темы в последнее время также пополняется глубокими интересными исследованиями [1; 2; 8, с. 287-318; 12, с. 320-326; 30]. Разнообразный, заслуживающий внимания материал, касающийся сражения, представляют современные интернет-издания [39, 40]. Настоящая статья – это не хронологическое повествование, в чем в историографии сражения нет недостатка. Автор попытался перенести центр тяжести с событийного нарратива на осмысление события военно-профессиональным сообществом, непосредственными участниками и современниками. Масштабность сражения и значительность его последствий вызвала широкий резонанс не только среди военных профессионалов, но и в просвещенных слоях общества. В исследовании отражена военная корреспонденция Людовика XIV, герцога Дж. Мальборо, Евгения Савойского, маршалов Тальяра, Марсеня, воспоминаний непосредственных участников битвы, графа Мерода – Вестерлоо, генералов Окни, Сен – Илера, капеллана Хэйра, капитанов Блокадера, Паркера. В статье использован обширный эпистолярный и документальный материал 4 тома «Воспоминаний о войне за испанское наследство», составленного французскими военными историками Ж. Пеле и Ф. Волем. Чрезвычайно любопытны воспоминания маркиза Сюше, весьма информированного придворного Людовика XIV и, пожалуй, главного жизнеописателя придворной жизни Версаля, герцога Де Сен – Симона.

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования выступает историко-системный подход, в основе которого объект рассматривается как целостный комплекс взаимосвязанных элементов.

Задачи настоящего исследования – через призму общественной и военно-профессиональной рефлексии оценить деятельность французского и союзного командования перед и в ходе битвы при Бленхейме 13 августа 1704 года.

Практическая значимость настоящей статьи заключается в том, что материал, представленный в ней, особенно интересен в свете компаративного сопоставления этой общеевропейской войны и «нашей» Великой Северной войны 1700-1721 гг. Анализ военного дела России и Западной Европы начала XVIII века может стать новым импульсом

историософскому дискурсу об отечественной цивилизационно-культурной идентичности.

Результаты и обсуждения

Кульминация войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) пришлась на лето 1704 года. Почти трехлетняя изнурительная борьба на разных направлениях и театрах так и не выявила победителя – успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Наконец, в августе 1704 года армии противников столкнулись на левом берегу Дуная в районе деревни Бленхейм. По своим масштабам и последствиям сражение при Бленхейме стало не только одной из крупнейших битв войны за испанское наследство, но и важнейшим военным событием европейской военной истории. Не успели смолкнуть пушки на берегах Дуная, как появились первые, как критические, так и комплиментарные, отклики на это беспрецедентное событие. Но это было только начало развернувшейся впоследствии общественно-профессиональной дискуссии, по большому счету, касавшейся следующих элементов военной тактики и стратегии.

Пожалуй, именно в стремлении к решительно-му разгрому противника наиболее ярко проявилось полководческое новаторство Мальборо и Евгения Савойского, а в настойчивости, с которой они добивались этой цели – незаурядность личности обоих военачальников. Вообще полевой бой и разгром противника всегда занимали важное место в оперативных замыслах Мальборо – военачальника, что отличало его от многих генералов этой войны, как противников, так и союзников. Кампания 1704 года не стала исключением в этом плане. Ещё на этапе подготовки, весной 1704 года, когда европейская дипломатия пыталась склонить курфюрста Баварии к миру, он со скепсисом относился к переговорам и посредническим мерам. Он считал, что на дипломатию вряд ли стоит «серьезно полагаться» [24, р. 306, 314] и склонялся к более надежному методу – к умиротворению Баварии путем её решительного поражения. Эта мысль в самых ясных и конкретных формулировках неоднократно звучит в корреспонденции Мальборо и Евгения Савойского этого периода. 29 апреля 1704 года герцог пишет лорду-казначею Годольфину: «Я намерен двинуться со всеми английскими полками..., чтобы...сокрушить курфюрста Баварии» [37, р. 365]. 31 июля 1704 года – ему же: «Я был бы очень рад выступить на битву, потому что это решило бы все, что будет способствовать нашему делу, потому что наши войска очень хороши» [36 р. 344-345]. Он признается Гейнзиусу, секретарю Генеральных штатов Голландии: «...при малейшей возможности мы рискуем [атаковать противника – А.К.]» [21 р. 123]. Пожалуй, решимость

Мальборо наиболее резко и выразительно выразил граф Вратислав, посол Вены при английском дворе, в письме Императору: «Победа или смерть – только так и не иначе он видит выход из создавшейся ситуации» [14, р. 352]. В ходе кампании на Дунае Мальборо и Евгений настойчиво и решительно искали сражения с противником. Уже штурм Шелленберга 2 июля 1704 года невиданной для той эпохи жесточечностью и кровопролитием продемонстрировал бескомпромиссность их намерений [14, р. 785-807; 13, р. 136-139; 10, с. 151-160]. После кровавого штурма Шелленберга следует вторжение в Баварию, угроза захвата Мюнхена и других баварских центров. А когда и это не помогает вынудить курфюрста сражаться в поле, Мальборо прибегает к крайней мере – к разорению и опустошению его владений. Ещё более решительно был настроен принц Евгений Савойский, «самый молодой среди генералов Империи, ... сделавший головокружительную карьеру благодаря энергичности, незаурядному интеллекту и здравой рассудительности...» [19, р. 478]. Он полностью разделял тактические приоритеты своего соратника. Из его письма императору Леопольду от 4 августа 1704 года: «Еще есть надежда на успех этой баварской кампании, если только мы проявим более твердую решимость и будем действовать энергично и с большим рвением» [19, с. 138-141]. Более того, он временами даже упрекал Мальборо в недостаточной энергичности: «Они развлекались осадой Райна и сожжением нескольких деревень, вместо того, чтобы... идти прямо на врага». Принц требует «... преследовать его [противника – А.К.] беспрестанно, принудив тем к неизбежному сражению» [19, с. 131].

В отличие от Мальборо и Евгения Савойского франко – баварское командование исходило из устоявшихся канонов маневренной войны. Союзники всячески избегают боя, прямого столкновения, уклоняются от ударов, ведя осторожную позиционную войну. Июнь они провели в неприступном лагере в районе Диллингена – Лауингена, июль – за укреплениями и стенами Аугсбурга, игнорируя тщетные попытки Мальборо выманить их в поле. Наконец, прибывшая в начале августа армия маршал Тальяра позволила объединенным франко – баварским войскам действовать активнее. Они переправляются на левый берег Дуная с целью перерезать линии сообщения Мальборо с его тыловыми базами в Нёрдлингене и Франкфурте. По их логике, чтобы предотвратить потерю коммуникаций противник должен был отступать в направлении к своим базам снабжения – на Донауверт – Нёрдлинген. Так поступил бы сам Тальяр, так поступил бы любой военачальник конца

XVIII – начала XVIII вв., эпохи безраздельного господства маневра, догматического методизма и повышенного внимания к линиям снабжения. «Тальяр был слишком пронизан духом господствующих догм, чтобы поверить, что союзники нападут на франко – баварскую армию, если можно достичь своей цели ... без боя» [19, р. 475]. Но Мальборо и Евгений Савойский находили в ситуации уникальную возможность наконец-то разгромить противника. Сначала они действительно приступили к отводу войск: 10-12 августа они оставили Баварию, полностью очистили правый берег Дуная и переправились на левобережье [10, с. 151-160]. Эти действия как бы подтвердили оперативные ожидания франко – баварцев и несколько усыпили их бдительность. В это время Мальборо пишет А. Гейнзиусу, секретарю Генеральных штатов Голландии: «...Если только противник даст нам малейшую возможность, мы рискуем [атаковать противника – А.К.]» [21, р. 123]. Далее, по логике прикрытия коммуникаций должен был последовать марш Донауверт – Нёрдлинген. Но вместо прогнозируемого неспешного движения на север последовал бросок на запад – в сторону беспечного противника.

Маршал Тальяр предпочитает осторожность и осмотрительность. Он избегает любого рискованного маневра. 12 августа, за день до сражения, он докладывает королю о своих намерениях «удерживать территорию», то есть, оставаться в обороне [27, р. 420]. 10 августа на военном совете было решено, так как французские войска устали, и нужно было, прежде всего, дожидаться баварских подкреплений: «Мы согласились, что не было необходимости подвергать себя сражению до их подхода, и что каждый день, когда мы сможем избежать боя, будет равнозначен выигранному сражению» [26, р. 264-265].

Франко-баварское командование стало жертвой собственной зашоренности, оперативно-тактической узости, нежеланием выйти за рамки привычных схем и шаблонов. Мальборо и Евгений Савойский знали и умело использовали эти приоритеты противника.

Сосредоточение командования в одних руках всегда выступало неременным условием военного успеха, как и то, что почти всегда принцип единоначалия нарушался воюющими сторонами. И это понятно, так как в эпоху соперничества абсолютизма и аристократического сепаратизма монархи предпочитали не рисковать и в сфере военного управления придерживались другим принципом: династическим, феодально-иерархическим.

Выступление во главе армий монархов или принцев крови, обладающих полководческими компетенциями, таких, как, например, принц Конде или Карл XII, Петр I или тот же Макс-

Эммануэль, ознаменовалось на поле боя заметными успехами. Когда же военачальнику приходилось делить власть с членом правящей династии, кампания чаще всего завершалась неудачей, как это было в Баварии в 1703 г., в Италии в 1706 г. или в Нидерландах в 1708 г. [10, с. 151-160; 13, р. 201-222; 14, р. 603-622].

Проблема единоначалия усугублялась и тем, что часто действующие армии были коалиционными по составу. Это было заметным дестабилизирующим фактором в военном управлении многонациональными армиями. Сам Мальборо не раз сталкивался с данной проблемой в ходе войны [5; 10]. Остро эта проблема встала и в 1704 году. Его непременным условием оказания помощи Империи в 1704 году было сосредоточение командования всеми силами на Дунае в его руках. Это требование неоднократно обсуждалось в переписке с Веной, но так и не было удовлетворено [20, р. 88-89]. Фактически император Леопольд самоустранился от решения этого болезненного деликатного вопроса, рассчитывая, что военачальники как-то сами урегулируют проблему. Проблема действительно разрешилась, но не установленным служебно-должностным порядком, а – неофициальными дружескими отношениями. Именно такие отношения сложились и на долгие годы связали Мальборо с Евгением Савойским и стали залогом крупных военных успехов. Дуумвират двух талантливых военачальников был скреплен общностью интересов, бескорыстной мужской дружбой, полным доверием и взаимопониманием. Пожалуй, это действительно был уникальный случай, когда единоначалие, как принцип военного управления, было успешно реализовано на основе простых человеческих отношений. Полное согласие и настоящая дружба стали решающим фактором громкой военной победы.

Противная сторона была представлена двумя отдельными, фактически самостоятельными, армиями. Одной – командовал маршал Тальяр, другой – курфюрст Макс – Эммануэль. После объединения армий в начале августа под Аугсбургом курфюрст по праву суверенного монарха считался старшим военачальником. И маршал Тальяр по воле Людовика XIV должен был проявлять максимум деликатности: с одной стороны, уважать суверенные права Макса-Эммануэля, с другой – не забывать, что он несет личную ответственность за сохранение армии. Между Тальяром и курфюрстом на почве разногласий по оперативным решениям сразу установились прохладные, если не натянутые, отношения. Курфюрст выступал за более смелые действия и, не стесняясь, подшучивал над чрезмерной, как ему казалось, осторожностью

Тальяра. Его высокомерное насмешливое отношение с готовностью подхватило не только окружение курфюрста, но и часть французского генералитета. Вокруг маршала образовалась пренебрежительно-ироничная атмосфера, что не могло его не раздражать. Иногда он не выдерживал и срывался на резкость. Маршал Марсень, третий член генералитета, на военных советах или отмалчивался или занимал примирительную позицию. О нездоровой атмосфере в высших слоях Тальяр жаловался королю: «Большое несчастье все время потакать настроению такого принца, как курфюрст Баварии, особенно когда генералы обращаются к нему, минуя непосредственных начальников, угрожая ему во всем и вторя его настроениям своим раболепством, как это делали некоторые в армии де Марсеня» [28, р. 565-566]. Прохладные межличностные отношения сыграли свою роль при Бленхейме. Каждая армия фактически вела бой самостоятельно, не взаимодействуя и не оказывая помощи соседу, что вылилось, в конце концов, в настоящую катастрофу. Из плена Тальяр напишет королю, что «расхождение во мнениях...хорошо показывает и служит прекрасным уроком навеки, что только один человек должен возглавлять армию» [28, р. 565]. В очередной раз военная история получила доказательство необходимости обеспечения единоначалия и централизации военного командования.

Инициатива в сражении была на стороне союзников. Мальборо атаковал внезапно, поэтому имел возможность распределить силы в соответствии со своим замыслом. И наоборот, французы, застигнутые врасплох, едва ли располагали временем для релевантной перегруппировки. Об этом свидетельствует Мерод-Вестерлоо: «Все были ещё в палатках, хотя уже наблюдали выдвижение врага и даже считали их штандарты и знамена» [29, р. 299]. Французы были вынуждены принимать бой на условиях союзников. Шевалье Куинси в письме военному министру Шамильяру отмечал, что «армии вступили в бой в том порядке, в котором они располагались лагерем» [29, р. 80; 28, р. 573 – 582].

Замысел Мальборо и Евгения Савойского основывался на создании подавляющего превосходства на решающем участке сражения. На второстепенных направлениях их незначительные силы должны были сковать превосходящего врага. План был реальный, хотя и рискованный. Так Мальборо наносил главный удар в полосе между Бленхеймом и Оберглау. Против армии Тальяра он сосредоточил значительно превосходящие силы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение сил противников в битве при Бленхейме [28, p. 557].

Table 1

Distribution of enemy forces at the Battle of Blenheim [28, p. 557].

№ пп	Участники битвы при Бленхейме	Бтн.	Эск.	Арт. орудия (шт.)	Числ.
1	Макс-Эммануэль и Марсень	42	83	90	60 тыс.
2	Тальяр	36	44		
3	Всего франко-баварские силы	78	143		
4	Евгений Савойский	18	92	66	56 тыс.
5	Мальборо	48	82		
6	Всего силы союзников	66	181		

Для последней атаки на завершающем этапе сражения им были сконцентрированы 81 свежий эскадрон при поддержке 23 батальонов против 50-60 порядком потрепанных французских эскадронов и 9 батальонов [14, p. 775]. Этого удалось достичь благодаря отвлечению сил французов на второстепенных участках фронта. Так, на правом фланге, в полосе Оберглау – Лютцинген, Евгений Савойский своими яростными атаками удерживал силы курфюрста, двукратно превосходящие его в пехоте и более чем двукратно – в орудиях [14, p. 864]. В Бленхейме 16 батальонов генерала Каттса блокировали целую армию, 27 батальонов французов [14, p. 855], практически удалив их из боя.

В ходе войны французам неоднократно удавалось ускользнуть из-под ударов Мальборо, просто отступив на безопасное расстояние или укрывшись за укреплениями. Поэтому на Дунае в 1704 г. главной задачей Мальборо было не допустить их отхода и вынудить принять бой. Этого можно было достичь, действуя смело и неожиданно. Во многом оперативная внезапность стала результатом неосмотрительных действий самого противника, чем умело и быстро воспользовались союзники.

Накануне битвы, 12 августа, союзники раскинули лагерь у Мюнстера, в то время как Тальяр с курфюрстом – у Бленхейма. Расстояние между ними сократилось до дистанции одного ночного броска – 8 – 9 км. Но эти обстоятельства Тальяра и Макса-Эммануэля не тревожили – они были уверены, что противник будет отступать на север, на Нёрдлинген. Это подтверждала разведка, захваченные пленные и перебежчики. Кроме того, франко – баварская армия занимала довольно сильную позицию. Все были уверены, что атаковать её было бы безумием. Это невероятно, но всего за два часа до начала атаки Тальяр отослал Людовику XIV депешу, выдержанную в спокойном уверенном тоне: «Перед рассветом в 2 часа у противника пробили подъем, а через час – общий

сбор. Сейчас они формируют походные колонны, похоже, готовятся к длительному переходу. Ходят слухи, что цель их марша – Нёрдлинген» [28, p. 572].

Командующий фламандской кавалерией граф Мероде-Вестерлоо был разбужен рано утром 13 августа встревоженной прислугой. На противоположном берегу Небеля он увидел приближающиеся колонны противника. Граф немедленно поскакал в лагерь, где, к своему ужасу обнаружил, что все ещё безмятежно спали: «... ни одна душа не шевелилась: как будто нам ничего не угрожало. То же зрелище предстало мне, когда я добрался до лагеря – все еще уютно располагались в своих палатках, хотя враг... уже теснил наши дозоры». Граф приказал своим кавалеристам седлать лошадей, но старался действовать без лишнего шума. «Вскоре все уже были верхом, и я начал строить линию эскадронов за палатками, и только тогда я увидел первые признаки движения в деревне Бленхейм» [29, p. 166].

Вместе с тем, на развертывание правого фланга Евгения Савойского ушло довольно много времени. Его войскам пришлось двигаться по бездорожью через покрытые густой растительностью холмы – только к полудню они вышли на рубеж развертывания. Эта пауза, примерно с 10.00 до 12.30, предоставила французскому командованию достаточно времени для развертывания боевого порядка, который оно считало удовлетворительным. Впоследствии курфюрст Макс-Эммануил будет утверждать: «Лучше решения, принятого двумя маршалами, быть не могло, у нас для этого было достаточно времени» (27, p. 514). Таким образом, оперативная внезапность была достигнута союзниками, хотя и не была ими использована полностью. У французов не оставалось иного выбора, кроме как принять бой против своей воли, что было главной целью Мальборо и Евгения Савойского.

Правильная оценка обстановки, слабых и сильных сторон противников – все эти факторы не давали твердой уверенности в успехе. Чтобы идти на врага у Мальборо и Евгения Савойского должны быть более весомые аргументы. Таковым для них было одно неоспоримое превосходство – они как никогда были уверены в своих солдатах, в их высоком боевом духе и готовности идти до конца. Существует достаточно подтверждений высокой боеспособности английской армии, которую Мальборо привел на Небель. Так, Евгений Савойский, проводивший смотр английской кавалерии, был восхищен её состоянием: «всё можно купить, кроме бравого вида и задора, который я вижу в каждом из этих лиц» [14, р. 775; 24, р. 332-338, 394-409]. Сам Мальборо неоднократно с гордостью подтверждал это: «Войска, которые я привел с собой, были действительно хороши» [14 р. 856]. Даже Людовик XIV вынужден был признать боевое превосходство английских полков: «Необходимо уделять особое внимание тем батальонам, которым предстоит принять на себя первый удар англичан» [28, р. 19]. Солдаты Мальборо рвались в бой и проявляли высокий боевой дух, чего нельзя сказать о французах: «Почти все батальоны маршалов Тальяра и Марсеня...не укомплектованы и слишком малочисленны. Армия Марсеня получила очень мало пользы от рекрутов, прибывших к нему из Франции, большая часть которых погибла по дороге от голода, недостаточного ухода и от других невзгод. Болезни и падёж кавалерийских лошадей послужили причиной того, что наши эскадроны вели бой в 2-шереножном строю, значительно уступая противнику, который был в трех шеренгах, и даже при этом превосходил наших по протяженности фронта» [25, р. 79-80].

Высокий дух английских солдат отмечали многие участники. «Все они – пишет капеллан Хейр – шли охотно, со спокойными и весёлыми лицами, выказывая совершенную уверенность в себе в тот победный день» [14, р. 853]. В первых рядах наступала рота капитана Блаккадера, который вспоминал впоследствии: «Утром в бою ... я обращался к Отцу нашему за милостью и просил, чтобы Он укрепил мою веру и помог достойно выполнить мой долг». Свой духовный порыв Блаккадер старался передать окружающим, «и чтобы воодушевить солдат нашего полка я воскликнул, что мы должны либо отбросить их с позиций либо пленить их всех» [33, р. 21-22].

Высокому морально-боевому настрою британцев контрастирует поведение французов. Так, 8 эскадронов элитной жандармерии постыдно обращаются в бегство перед 5 эскадронами английских драгун. Невольным свидетелем этого эпизода

стал сам маршал Тальяр. Поражение жандармов произвело на него мрачное впечатление и пошатнуло его уверенность в своих силах. Уже в плену, оправдываясь перед королем, он упоминал об этом эпизоде, как о первом признаке грядущего разгрома: «Жандармерии не удалось сокрушить всего лишь пять английских эскадронов» [14, р. 855-856; 16, р. 68-69; 22, р. 146; 28, р. 575]. Тальяр вообще предъявлял большие претензии к боеспособности своих жандармов, элитной кавалерии королевского дома. Впоследствии в письме военному министру Шамильяру жандармы пытались оправдаться: «Вся армия знает, что мы уже дважды были в атаке, прежде чем наша кавалерия приблизилась к противнику, что мы оставались в огне до половины седьмого вечера и что нас не было в центре, где они (союзники – А.В.) прорвались и начали разгром..., что корпус не мог сделать ничего другого в той ситуации..., кроме как погибнуть без всякой пользы под огнем пехоты, укрытой за частоколом» [34, р. 91-92]. О низком настрое французской армии также свидетельствует то, что после сражения около 3 тыс. пленных французских солдат тут же решили перейти на службу к союзникам [31, р. 314]. Граф Мерод-Вестерлоо видел причину поражения французов, прежде всего, в их самонадеянности: «Французы проиграли по нескольким причинам. Во-первых, они всегда были слишком высокого мнения о своих способностях и пренебрежительно недооценивали противника» [29, р. 174].

Французы на поле Бленхейма занимали сильную позицию. Их фланги надёжно опирались на Дунай и лесистые холмы, а почти 10-километровый фронт защищали ручьи – притоки Небеля. «Наше правое крыло располагалось на левом берегу Дуная, – писал Мерод-Вестерлоо, – с деревней Бленхейм примерно в двухстах ярдах впереди... Перед этой деревней протекал небольшой ручей, вытекавший из раскинувшихся где-то левее в миле болот... Курфюрст и его люди удерживали позицию до деревни Лютцинген, где располагалась его штаб-квартира, а перед ним в сторону Нёрдлингена простиралась леса» [24, р. 251-252; 29, р. 30]. «Французский фронт опирался на эти деревни, сильные, хорошо обороняемые пункты» [14, р. 848]. Обычно критически настроенный к французам Мерод-Вестерлоо на этот раз признавал: «В общем, эта позиция была довольно неплохой...» [29, р. 30]. На самом деле таковой она была только на первый взгляд. Непроступность топкого Небеля, центрального элемента в профессиональной оценке местности, как оказалось, была переоценена. 12 августа французы, утомленные трудным маршем, сочли излишним еще раз проверить

его проходимость, полагаясь на мнение офицеров, сражавшихся здесь год назад. Один из участников битвы впоследствии с горечью признавал: «Пожалуй, самой непростительной ошибкой было то, что мы не обследовали болото и сочли его непроходимым» [27, р. 513]. Эта небрежность сыграла впоследствии фатальную роль. Английская пехота сумела достаточно легко форсировать ручей, перебросив через него около 12 мостков из подручного материала. Кавалерия переправлялась вброд. Наконец, восточный берег Небеля, где разворачивались войска Мальборо, был немного выше – западного. Поэтому, Тальяр, чтобы не подвергать своих солдат огню с противоположного берега, отодвинул свою линию подальше от Небеля [28, р. 570 – 571]. Именно это впоследствии вызовет наиболее резкую критику. Не удержался от сарказма и придворный мемуарист эпохи герцог Де Сен-Симон: «Из двух вариантов – или оборонять непосредственно берег реки..., чтобы не допустить переправы врага, или атаковать их во время форсирования, когда они придут в беспорядок..., оба приемлемые, но второй – лучше, наше командование приняло третий – мы предоставили им достаточно пространства между рекой и нашей армией» [30, р. 172]. Генерал Р. Канэ уверял, что Тальяр намеренно дал возможность противнику перейти Небель, чтобы мощной атакой сбросить их в болотистую пойму и уничтожить [23, р. 49]. Капитан Р. Паркер свидетельствовал о разногласиях между Максом-Эммануэлем и Тальяром на этот счёт: «Курфюрст настаивал на построении обороны по рубежу болота, чтобы не дать противнику его перейти». Но Тальяр, у которого предвзятость к курфюрсту, кажется, взяла вверх над здравым смыслом, самонадеянно отверг это предложе-

ние. Маршал гордо заявил, что не сомневается в своем успехе: «Чем больше их перейдет к нам, тем больше мы уничтожим». Курфюрст пытался его образумить: «Я часто сражался с этими войсками и хорошо их знаю, если однажды допустить их на этот берег, то будет трудно прогнать их обратно». Позднее Тальяр все же прислушался к нему: «Приказ войскам заключался в том, чтобы атаковать врагов, не давая им освоиться на этом берегу» [28, р. 570-573]. Это подтверждал и шевалье де Вилье, сражавшийся в первой линии кавалерии: «Тальяр поставил кавалерию на равнине с приказом атаковать и опрокинуть все войска, переправившиеся через ручей и болото и оказавшиеся перед ними» [27, р. 517]. Таким образом, сочетание небрежности в оценке естественных препятствий с неумением воспользоваться оборонительными возможностями расположенных на поле боя населенных пунктов стали одной из причин поражения франко-баварской армии.

Управление войсками в бою

Все тактические тонкости и детали не могли быть учтены Мальборо и Евгением Савойским перед боем. Замысел был принят в самой общей формулировке: Евгений должен был атаковать правое крыло Макса-Эммануила, Мальборо – левое крыло Тальяра с задачей прорвать боевой порядок противника и разгромить его. Расчет был на оперативное реагирование и своевременное принятие решений уже в ходе боя. Бой продемонстрировал, насколько французская сторона уступала союзникам в управлении войсками, что стало важной причиной их разгрома. В табл. 2 приведены сравнительные данные по некоторым наиболее важным решениям обеих сторон и их результаты.

Таблица 2

Принятие некоторых решений Мальборо и Тальяром в ходе боя при Бленхейме 13.08.1704.

Table 2

Some decisions made by Marlborough and Talyar during the Battle of Blenheim, 13 August 1704.

Время	Оперативная обстановка	Мальборо	Результаты	Тальяр	Результаты
13.30	Ген. Каттс тщетно пытается взять Бленхейм, неся тяжелые потери. Идет подготовка к очередной атаке.	Приказывает остановить атаки и блокировать Бленхейм с трех сторон.	5 тыс англичан блокировали в Бленхейме почти 10 тыс французов, которые так и не приняли участие в сражении.	Выехал на совещание с Марсеном и курфюрстом и не был поставлен в известность генералом Клерамбо о несанкционированном перераспределении пехоты.	Ген. Клерамбо, озадаченный решимостью англичан, вводит в Бленхейм всю пехоту правого фланга, лишив поддержки кавалерийский центр.

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Около 14.15	Французская кавалерия Тальяра практически прорвала правый фланг центра Мальборо.	Срочно просит помощи у Евгения. Выдвигает на угрожаемое направление бригаду Бернсдорфа из 2-ой линии и пушки.	Не смотря на трудное положение Евгений направляет на помощь кирасирскую бригаду Фуггера. Бернсдорф занимает указанную позицию. Кавалерийская атака французов захлебнулась.		
Около 16.00	Мальборо сосредоточил превосходящие силы на правом берегу Небеля и готовится к решительному удару по уставшей кавалерии Тальяра.			Приказывает ген. Клерамбо вывести из Бленхейма пехоту для усиления центра. Просит Марсень поддержать левый фланг центра своей кавалерией	Клерамбо не выполняет распоряжение. Кавалерия центра остается без прикрытия. Марсень отказывается, объясняя это трудной ситуацией.
Около 17.00	Кавалерийская атака Мальборо захлебнулась, остановленная огнем 3 французских бригад пехоты.	Отводит конницу, выдвигает пушки и пехоту, которые огнем сломили французскую пехоту и открыли путь коннице.			Французский центр прорван, армия в беспорядке отступает, Тальяр попадает в плен.

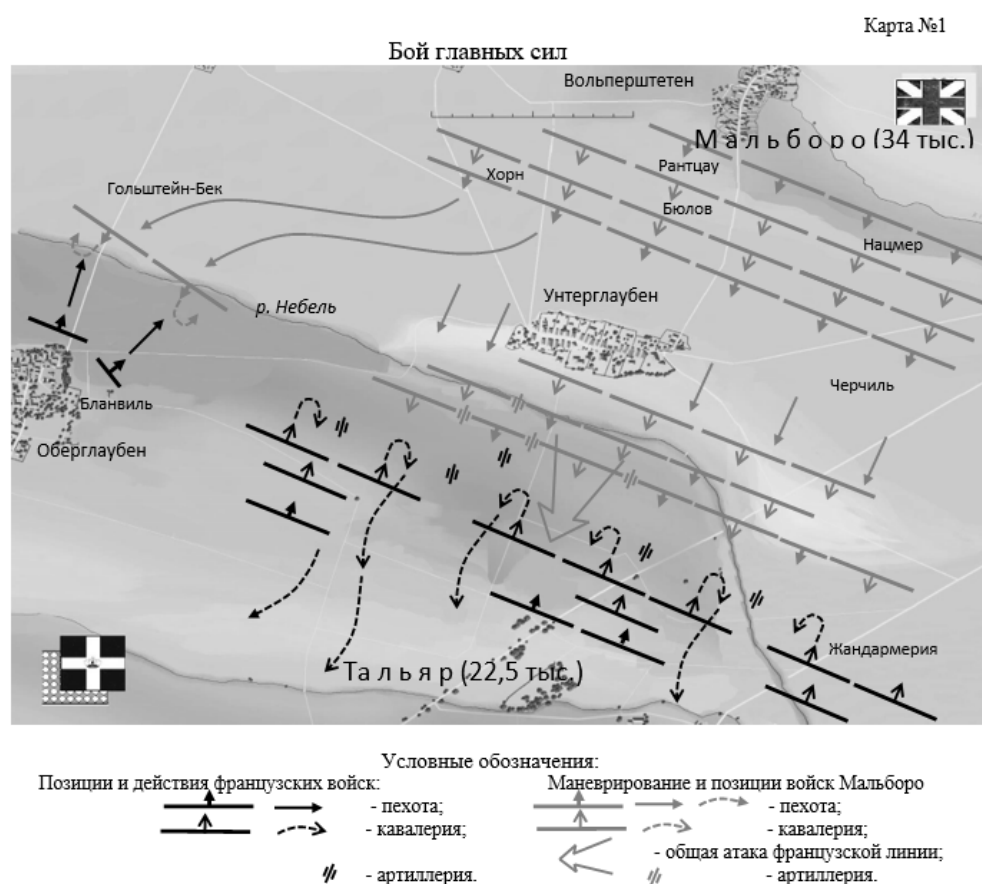

Рис. 1. Бой главных сил на плато между Бленхеймом и Оберглау.

Fig. 1. The battle of the main forces on the plateau between Blenheim and Obergla.

Взаимодействие кавалерии, пехоты и артиллерии стало важнейшим условием превосходства союзной армии над – франко-баварской. Особенно явно это продемонстрировал бой главных сил на плато между Бленхеймом и Оберглау (рис. 1). Мальборо и его ближайшие помощники смогли организовать тесное взаимодействие всех родов своей группировки. Фактически наступающая вверх по склону от Небея англо-голландско-немецкая армия представляла собой единый сплав кавалерии и пехоты, усиленный пушками. Именно благодаря тесной спайки всех родов войск Мальборо удалось выстоять против сильных контратак кавалерии Тальяра.

Дав переправиться противнику на свою сторону, Тальяр всеми силами обрушился на него, стараясь сбросить его в топкий болотистый ручей. Вдоль Небея около часа шла упорная схватка. Под ударами французской кавалерии, союзная конница не раз отступала, но благополучно укрывалась за линией пехоты, которая дружными залпами отгоняла французов. Для этого между пехотными батальонами преднамеренно были оставлены увеличенные интервалы. Под прикрытием пехоты союзные эскадроны перегруппировывались, отдыхали и вновь бросались вперед. Один из французских генералов вспоминал: «Все наши бригады энергично ударили, и заставили отступить вражеские эскадроны; но названные эскадроны имели поддержку в нескольких линиях конницы и пехоты, так что наших людей опрокинули на нашу вторую линию, находившуюся позади на некотором расстоянии, что дало противнику время захватить пространство, и наводнить его своими многочисленными частями, медленно идущими в плотных порядках» [28, р. 579]. Так повторялось раз за разом. В конце концов, французские кавалеристы просто выбились из сил, непрерывно, и как выяснилось, безрезультатно, контратакуя неуклонно надвигающиеся на них массы противника.

Что касается Тальяра, то он так и не смог наладить взаимодействие конницы и пехоты. Его линия почти сплошь состояла из кавалерии, уже уставшей в непрерывных атаках, обескровленной. Многие были ранены. По воспоминаниям маркиза Де ла Вальере, он участвовал в 7 контратаках и был дважды ранен в голову. Под графом Мерод-Вестерлоо в бою было убито 13 лошадей [17, р. 74]. Чтобы закрепиться на местности, у них не хватало пехотной поддержки. Приказ генералу Клерамбо прислать пехоту из Бленхейма был последним проигнорирован [17, р. 72-73; 29, р. 173]. Поэтому в решающей схватке 24 союзным батальонам Тальяр смог противопоставить лишь 9 бата-

льонов новобранцев, свой последний резерв. После бегства своей кавалерии они остались один на один перед целой армией союзников. Некоторое время они дружным огнем сдерживали англичан. Вперед были выдвинуты несколько немецких батальонов и артиллерия, которые почти в упор расстреляли их. Так пал последний оплот обороны французов. Стойкость этих батальонов не могли не признать и враги. Так, генерал Окни с уважением упоминал о героическом поведении молодых, французских солдат: «Подобной стойкости я не припомню,... они все не были изрублены в куски и пали практически целыми рядами и шеренгами, как и сражались» [16, р. 147].

Выводы

Сражение при Бленхейме 13 августа 1704 года стало переломным моментом в войне за испанское наследство (1701-1714 гг.). Стратегическая инициатива в Германии была вырвана из рук франко-баварской коалиции. Великий Альянс был спасен от распада. Бавария вынуждена была разорвать отношения с Людовиком XIV. В пользу Габсбургов и их союзников стала меняться обстановка и на других театрах войны. Политический престиж и военный потенциал дома Бурбонов был потрясен до основания. «Истинную катастрофу этой битвы какое-то время скрывали от Старого Луи, – утверждал осведомленный капитан Паркер, – ... Это был первый такой фатальный удар, нанесенный его величию за долгий век непрерывных побед и завоеваний» [29, р. 44]. В Северной Италии, Пьемонте, Нидерландах и Испании Бурбоны вынуждены были приостановить наступательные действия и перейти к обороне. На военно-политическом небосклоне зажглись новые восходящие звезды – герцог Мальборо и принц Евгений Савойский. Рефлексия этого события оставила заметный след, как в общекультурном, так и военно-профессиональном дискурсе эпохи. Самое пристальное внимание, естественно, оно вызвало в военной среде. Предметному разбору и квалифицированной оценке подвергались отдельные тактические моменты, проявленные в ходе сражения. Наиболее пристальное внимание уделялось деятельности командования, принятию замысла боя и частных решений, использованию местности и построению боевого порядка, управлению и тактике родов войск. Некоторые уроки, извлеченные из битвы при Бленхейме, были закреплены в виде непреложных правил и даже возвышены до ранга принципов. Они долго сохраняли свою актуальность в военной теории и практике. Им строго следовали европейские полководцы в войнах XVIII века. Профессиональная рефлексия сражения при Бленхейме внесла релевантный вклад в превращение военного ремесла в военное искусство

Список источников

1. Беспалов А.В., Ивонина Л.И., Ивонин Ю.Е. Армии и сражения войны за Испанское наследство (1701-1714). М.: ТрансЛит, 2014. 401 с.
2. Ивонина Л. И. Сражение при Бленхейме и его европейское значение // Актуальные вопросы всеобщей истории. Вып. 2. 2003. С. 129 – 137.
3. Кутищев А.В. Компаративный анализ Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714): культурно-цивилизационный и военно-профессиональный аспекты // Манускрипт. 2019. Т.12. Вып.11. С. 81 – 90.
4. Кутищев А.В. Бавария в войне за испанское наследство 1701-1714 гг. // Дунайская кампания 1703 года. Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 1. С. 52 – 60.
5. Кутищев А.В. Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников // Вестник Новосибирского ГУ. 2022, Т. 21. №1. С. 9 – 21.
6. Кутищев А.В. Война за испанское наследство 1701-1714 гг. Рейнская кампания 1703 года // Общество: философия, история, культура. № 4, апрель 2023. С. 115 – 123.
7. Кутищев А.В. Итальянская кампания 1703 года. Борьба за контроль над бассейном р. По // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 1360 – 1366.
8. Кутищев А.В. Герцог Мальборо и его время. М.: Кучково поле, 2012. 542 с.
9. Кутищев А.В. Поход 1703 года в Трентин по воспоминаниям его участников // Манускрипт. 2021. Т.14. Вып.10. С. 2053 – 2061.
10. Кутищев А.В. Перелом в войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) // Военная кампания 1704 года. Манускрипт. 2024. № 17. Вып. 3. С. 151 – 160.
11. Кутищев А.В. Покорение Пьемонта. Война за испанское наследство 1701-1714 гг. // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 182-195.
12. Марков М.И. История конницы. М.: Кучково поле – Гиперборея, 2007. Кн. 2. С. 320 – 326.
13. Chandler D.G. Marlborough as military commander. Bath: The Bath Press, 1973. P. 123 – 151.
14. Churchill W.S. Marlborough, His Life and Time: in 2 vols. London: Georg Harrap and Co LTD, 1939. Vol. I. 1054 p.
15. Erichsen J., Erichsen K.-H. Brennpunkt Europas 1704. Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim. Ostfildern: Thorbecke Verlag. 2004. 344 p.
16. Falkner J. Great and Glorious Days: Marlborough's battles 1704-1709. Spellmount, Stapelehurst. 2002. 49-85. 238 p.
17. Falkner J. ed. by. Blenheim Preparation. Spellmount, Stapelehurst. 2004. P. 235 – 260.
18. Falkner J. Battle Story: Blenheim 1704. Spellmount, 2014. 160 p.
19. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien: in 13 bands. Verlag des K.K. Generalstabes, 1879. I Serie. VI Band. 1257 p.
20. Francis D. Marlborough's march to the Danube, 1704 // Journal of the Society for Army Historical Research. 1972. Vol. 50. №. 202. P. 78 – 100.
21. Hoff B. van T. editor. The Correspondence 1701-1711 of John Churchill and Anthonie Heinsius. Hague. 1951. 640 p.
22. Hussey J. John Churchill, Duke of Marlborough, Hero of Blenheim. London: Weidenfeld and Nicolson, 2004. 140-158 255 p.
23. Kane R. The Campaigns of King William and Queen Anne from 1689-1712, also a new system of Military Discipline, London: Printed for J. Millan near Whitehall. 1745. 140 p. URL: https://www.google.ru/books/edition/Campaigns_of_king_William_and_queen_Anne/XnABAAAAQAQAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Kane+Richard.+The+Campaigns+of+king+William+and+Queen+Anne&printsec=frontcover (дата обращения 11.07.24)
24. Letters and Dispatches of John Churchill, first Duke of Marlborough, from 1701 to 1712: in 5 vols. Murray G. ed. by. London: John Murray Albemarle-street, 1845. Vol. 1. 660 p.
25. Memoire de Saint – Hilaire. Paris: Librairie de la societe de l'histoire de France. 1891. Vol. IV. 1704-1706. 438 p.
26. Memoire du Chevalier de Quincy. Paris: Librairie de la societe de l'histoire de France. Vol. 2. 1899. 414 p.
27. Oury C. Les défaites françaises de la guerre de Succession d'Espagne, 1704-1708. Histoire. Paris IV: Université Paris-Sorbonne, 2011. URL: <https://theses.hal.science>. (дата обращения 25.05.24)
28. Pelet J.J.G., Vault F.E. de le. Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne: en 11 vol. Paris: Imprimerie Royale, 1838. Vol. 4. 1092 p.

29. Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. D. Chandler ed. by. London: Longmann, Green and Co Ltd, 1968. 166-176; 37-46. 275 p.
30. Saint-Simon L. R. Mémoires de Saint-Simon: nouvelle édition augmentée des additions de Saint-Simon au journal de Dangeau, éd. par A.-M. de Boislisle, Paris, Hachette, 1874. Vol. XII. 886 p.
31. Scouller R. E. The Armies of Queen Anne. London: Clarendon Press, 1966. 420 p.
32. Scott C. The Battle of Oudenarde. London. Partisan Hress. 2008. 223 p.
33. Select passages from the Diary and Letters of the late John Blackader. Edinburg: Printed by J. Ritchy, 1806. 330 p.
34. Souches L. Mémoires du marquis de Souches sur le règne de Louis XIV, édités par G.-J. Cosnac et É. Pontal: en 12 vol. Paris: Librairie Hachette et cie, 1889. Vol. IX. 455 p.
35. The Chronicles of an Old Compaigner M. De La Colonie 1692-1717. London: John Murray. Albemakly Street. 1904. 523 p.
36. Snyder H.L. ed. by The Marlborough – Godolfin Correspondence 1701-1711: in 3 vols., Oxford: Clarendon Press. 1975. 1794 p.
37. Trevelyan G.M. England under Queen Anne. London: Longmann, Green and Co Ltd, 1931. Vol. I. 477 p.
38. Wolf John-Baptist, Louis XIV, Londres New York, Norton, 1968, 678 p.
39. Austrio est imperaturo orbi universe. <https://hofkriegsrat.blogspot.com/2016/11/13081704.html>.
40. Collection story of The War of the Spanish Succession (1701-14). URL: <https://militarymaps.rct.uk/war-of-the-spanish-succession-1701-14/friedberg-and-augsburg-1704-plan-du-terrein/occupe-par-larmee-des-allies-a/friedberg-walfrehausen/du> (дата обращения 20.04.24)

References

1. Bepalov A.V., Ivonina L.I., Ivonin Yu.E. Armies and battles of the War of the Spanish Succession (1701-1714). Moscow: TransLit, 2014. 401 p.
2. Ivonina L.I. The Battle of Blenheim and its European significance. Actual issues of general history. Issue 2. 2003. P. 129 – 137.
3. Kutishchev A.V. Comparative analysis of the Northern War (1700-1721) and the War of the Spanish Succession (1701-1714): cultural-civilizational and military-professional aspects. Manuscript. 2019. Vol. 12. Issue 11. P. 81 – 90.
4. Kutishchev A.V. Bavaria in the War of the Spanish Succession 1701-1714. The Danube Campaign of 1703. Historical Bulletin. 2023. Vol. 6, No. 1. P. 52 – 60.
5. Kutishchev A.V. Military Campaign of 1703 in the Netherlands Based on Correspondence and Memories of Its Participants. Bulletin of the Novosibirsk State University. 2022, Vol. 21, No. 1. P. 9 – 21.
6. Kutishchev A.V. War of the Spanish Succession 1701-1714. The Rhine Campaign of 1703. Society: Philosophy, History, Culture. No. 4, April 2023. P. 115 – 123.
7. Kutishchev A.V. Italian Campaign of 1703. The Struggle for Control over the Po River Basin. Manuscript. 2021. Vol. 14. Issue 7. P. 1360 – 1366.
8. Kutishchev A.V. The Duke of Marlborough and His Time. Moscow: Kuchkovo Pole, 2012. 542 p.
9. Kutishchev A.V. The 1703 Campaign to Trentino Based on the Memories of Its Participants. Manuscript. 2021. Vol. 14. Issue 10. P. 2053 – 2061.
10. Kutishchev A.V. The Turning Point in the War of the Spanish Succession (1701-1714). Military Campaign of 1704. Manuscript. 2024. No. 17. Issue 3. P. 151 – 160.
11. Kutishchev A.V. The Conquest of Piedmont. The War of the Spanish Succession 1701-1714. RUDN Bulletin. General History Series. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 182 – 195.
12. Markov M.I. History of the Cavalry. Moscow: Kuchkovo Pole - Hyperborea, 2007. Book 2. P. 320 – 326.
13. Chandler D.G. Marlborough as military commander. Bath: The Bath Press, 1973. P. 123 – 151.
14. Churchill W.S. Marlborough, His Life and Time: in 2 vols. London: Georg Harrap and Co LTD, 1939. Vol. I. 1054 p.
15. Erichsen J., Erichsen K.-H. Brennpunkt Europas 1704. Die Schlacht von Höchstädt. The Battle of Blenheim. Ostfildern: Thorbecke Verlag. 2004. 344 p.
16. Falkner J. Great and Glorious Days: Marlborough's battles 1704-1709. Spellmount, Stapelehurst. 2002. 49-85. 238 p.
17. Falkner J. ed. by. Blenheim Preparation. Spellmount, Stapelehurst. 2004. P. 235 – 260.
18. Falkner J. Battle Story: Blenheim 1704. Spellmount, 2014. 160 p.

19. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien: in 13 bands. Verlag des K.K. Generalstabes, 1879. I Serie. VI Band. 1257 p.
20. Francis D. Marlborough's march to the Danube, 1704. Journal of the Society for Army Historical Research. 1972. Vol. 50. No. 202. P. 78 – 100.
21. Hoff B. van T. editor. The Correspondence 1701-1711 of John Churchill and Anthonie Heinsius. Hague. 1951. 640 p.
22. Hussey J. John Chuchill, Ducke of Marlborough, Hero of Blencheim. London: Weidenfeld and Nicolson, 2004. 140-158 255 p.
23. Kane R. The Campaigns of King William and Queen Anne from 1689-1712, also a new system of Military Discipline, London: Printed for J. Millan near Whitehall. 1745. 140 rub. URL: https://www.google.ru/books/edition/Campaigns_of_king_William_and_queen_Anne/XnABAAAAQAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Kane+Richard.+The+Campaigns+of+king+William+and+Queen+Anne&printsec=frontcover (accessed 07/11/24)
24. Letters and Dispatches of John Churchill, fierst Duck of Marlborough, from 1701 to 1712: in 5 vols. Murray G. ed. by. London: John Murray Albemarl-street, 1845. Vol. 1. 660 p.
25. Memoire de Saint – Hilaire. Paris: Librairie de la société de l'histoire de France. 1891. Vol. IV. 1704-1706. 438 p.
26. Memoire du Chevalier de Quincy. Paris: Librairie de la société de l'histoire de France. Vol. 2. 1899. 414 p.
27. Oury C. Les défaites françaises de la guerre de Succession d'Espagne, 1704-1708. Histoire. Paris IV: Université Paris-Sorbonne, 2011. URL: <https://theses.hal.science>. (date of access 05/25/24)
28. Pelet J.J.G., Vault F.E. de le. Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne: en 11 vol. Paris: Imprimerie Royale, 1838. Vol. 4. 1092 p.
29. Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. D. Chandler ed. by. London: Longmann, Green and Co Ltd, 1968. 166-176; 37-46. 275 p.
30. Saint-Simon L. R. Mémoires de Saint-Simon: nouvelle édition augmentée des additions de Saint-Simon au journal de Dangeau, ed. par A.-M. de Boislisle, Paris, Hachette, 1874. Vol. XII. 886 p.
31. Scouller R. E. The Armies of Queen Anne. London: Clarendon Press, 1966. P. 420.
32. Scott C. The Battle of Oudenarde. London. Partisan Hress. 2008. 223 p.
33. Select passages from the Diary and Letters of the late John Blackader. Edinburgh: Printed by J. Ritchy, 1806. 330 p.
34. Sourches L. Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV, edités par G.-J. Cosnac et É. Pontal: en 12 vol. Paris: Librairie Hachette et cie, 1889. Vol. IX. 455 p.
35. The Chronicles of an Old Compaigner M. De La Colonie 1692-1717. London: John Murray. Albemaclu Street. 1904. 523 p.
36. Snyder H.L. ed. by The Marlborough - Godolfin Correspondence 1701-1711: in 3 vols., Oxford: Clarendon Press. 1975. 1794 p.
37. Trevelyan G.M. England under Queen Anne. London: Longmann, Green and Co Ltd, 1931. Vol. I. 477 p.
38. Wolf John-Baptist, Louis XIV, Londres New York, Norton, 1968, 678 p.
39. Austrio est imperaturo orbi universe. <https://hofkriegsrat.blogspot.com/2016/11/13081704.html>.
40. Collection story of The War of the Spanish Succession (1701-14). URL: <https://militarymaps.rct.uk/war-of-the-spanish-succession-1701-14/friedberg-and-augsburg-1704-plan-du-terrein/occupe-par-larmee-des-allies-a/friedberg-walfrehausen/du> (date of access 20.04.24)

Информация об авторе

Кутищев А.В., Уральский государственный университет путей сообщения, akutishev@usurt.ru

© Кутищев А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 94

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-175-180

«Недопустимое поведение» народного артиста как препятствие к выезду за границу: ВОКС и несостоявшаяся поездка в Иран В.К. Папазяна в 1934 г.

¹ Сурков М.Ю.,

¹ Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

Аннотация: целью статьи является анализ частного случая советской культурной дипломатии в Иране – поездки народного артиста Армянской ССР и Грузинской ССР В. К. Папазяна в Иран в 1933-1934 гг. и проблем с поездкой в эту же страну в 1934 г. На основе задействования методов интертекстуального анализа и историзма в статье отражены трудности, связанные с выездом за границу советских деятелей искусства и участием в этих процессах советских дипломатов и сотрудников Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). На основе неопубликованных архивных документов из фонда ВОКС в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в том числе отчета В. К. Папазяна о поездке в Иран в 1933-1934 гг. на русском и французском языках и опубликованных им мемуаров восстанавливаются подробности первой и успешной поездки советского артиста в Иран для содействия в организации национального театра. Отмечаются факторы, которые помешали В.К. Папазяну повторить поездку в Иран для участия в торжествах по случаю тысячелетия иранского поэта Абулькасима Фирдоуси осенью 1934 г. Автором доказано, что причиной, по которой В.К. Папазян не был включен в состав делегации для участия в торжествах, стало неблагоприятное впечатление, которое он произвел в Иране на советского полномочного представителя С.К. Пастухова, поскольку на объявлениях о своих выступлениях не подчеркивал, что он является советским народным артистом. Однако, автором также продемонстрировано, что слабое владение русским языком и непонимание советских реалий, а не преднамеренная провокация были реальными причинами того, что В.К. Папазян, приехавший в Советскую Россию только в 1922 г., не указывал соответствующую информацию на афишах.

Ключевые слова: Реза-шах, Армения, культурная дипломатия, Фирдоуси, советско-иранские отношения

Для цитирования: Сурков М.Ю. «Недопустимое поведение» народного артиста как препятствие к выезду за границу: ВОКС и несостоявшаяся поездка в Иран В.К. Папазяна в 1934 г. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 175 – 180. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-175-180

Поступила в редакцию: 3 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

People's actor's "unacceptable behaviour" barring him from travelling abroad: USCRFC and V.K. Papazyan's cancelled trip to Iran in 1934

¹ Surkov M. Yu.,

¹ Ural Federal University named after B.N. Yeltsin

Abstract: the aim of the article is to analyze a particular case of Soviet cultural diplomacy in Iran – the trip of the People's Artist of the Armenian SSR and the Georgian SSR V.K. Papazian to Iran in 1933-1934 and the problems with his trip to the same country in 1934. Using the methods of intertextual analysis and historicism, the arti-

cle reflects the difficulties associated with the travel abroad of Soviet artists and the participation of Soviet diplomats and employees of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (USCRFC) in these processes. Based on unpublished archival documents from the USCRFC collection in the State Archives of the Russian Federation (SARF), including V.K. Papazyan's report on his trip to Iran in 1933–1934 in Russian and French and his published memoirs, the article reconstructs the details of the first and successful trip of the Soviet artist to Iran to assist in organizing a national theater. The article notes the factors that prevented V.K. Papazyan from repeating his trip to Iran to participate in the celebrations of the millennium of the Iranian poet Abulkasim Firdawsi in the autumn of 1934. The author proves that the reason why V.K. Papazyan was not included in the delegation to participate in the celebrations was the unfavorable impression he made in Iran on the Soviet plenipotentiary representative S.K. Pastukhov, since he did not emphasize that he was a Soviet People's Artist in the announcements of his performances. However, the author also demonstrates that poor command of the Russian language and lack of understanding of Soviet realities, and not deliberate provocation, were the real reasons why V.K. Papazyan, who arrived in Soviet Russia only in 1922, did not indicate the relevant information on the posters.

Keywords: Reza Shah, Armenia, cultural diplomacy, Firdawsi, Soviet-Iranian Relations

For citation: Surkov M.Yu. People's actor's "unacceptable behaviour" barring him from travelling abroad: USCRFC and V.K. Papazyan's cancelled trip to Iran in 1934. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 175 – 180. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-175-180

The article was submitted: October 3, 2024; Approved after reviewing: December 1, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Ваграм Камерович Папазян (1888-1968) – советский актер театра армянского происхождения. Его судьба по-настоящему удивительна – он родился не доплыв до Константинополя, на борту парохода «Ваграм», во время бури в 1888 г., получил образование в армянской школе, входившей в состав сети образовательных учреждений Венецианской конгрегации мхитаристов – армянского католического монашеского ордена. Этот орден широко известен своим вкладом в развитие армянского языкознания и лексикологии, особенно в области классического армянского языка – грабара. Основатель ордена – Мхитар Себастиан – издал «Словарь армянского языка» (1749 г.), а вардапет конгрегации М. Чамчян издал классическую «Грамматику армянского языка». В школах конгрегации изучению грабара уделяли особое внимание, что оказалось важным для В.К. Папазяна впоследствии, когда он оказался в Иране.

По окончании школы, он учился в Италии – где в Армянском лицее в Венеции он также укрепил свои знания в области древнеармянского – у таких мастеров театра, как Э. Дузе, Э. Новелли и Э. Цаккони. В 1910-е гг. выступал в Османской империи, Европе, российском Закавказье, но в 1922 г. он сделал окончательный выбор в пользу переезда в Советскую Россию. Активно выступал на сцене множества театров СССР, проживал в Ленинграде. В 1933 г. ЦИК Грузинской ССР и ЦИК Армянской ССР присвоили ему звание народного артиста соответствующих республик. И именно в этом году, в сентябре, он получил приглашение от «Об-

щества Красного Льва и Солнца» (иранский Красный Крест) посетить Иран для оказания содействия в организации иранского национального театра и сыграть в нескольких спектаклях [4, с. 289]. По окончании этой поездки В. К. Папазяну было предложено принять участие в торжествах по случаю тысячелетия А. Фирдоуси осенью 1934 г., однако из-за противодействия со стороны Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) он этого не сделал. ВОКС было создано в 1925 г. для укрепления взаимопонимания между народами СССР и другими нациями [9, с. 20], а также создания положительного образа страны за рубежом и установления контактов в различных областях между советскими и зарубежными учреждениями [8, с. 1]. Работа велась как с западными странами [1, с. 513; 5, с. 476], так и со странами Востока [2, с. 10; 7, с. 112].

Материалы и методы исследований

Об этой поездке повествуют несколько источников, которые легли в основу настоящей работы. Во-первых, это мемуары В. К. Папазяна, опубликованные в 1937 г., где в заключительной главе [6, с. 329-348] он подробно описывает обстоятельства своего пребывания в Иране. Во-вторых, его отчет – хранящийся в специально заведенном для него в ВОКС деле [3, л. 4] – от 8 августа 1934 г. о поездке в Иран на русском и французском языках, представленный им в ВОКС (куда он предварительно обратился лично 3 августа – с ним беседовали заведующая Восточным отделом ВОКС В. Д. Линде и заместитель председателя правления Л. Чернявский). Причем очевидно, что отчет на русском – в

машинописной форме – представляет собой перевод с французского оригинала, а сведения из пояснительной рукописной записки к этому оригиналу на русском языке, написанной изящным почерком с легким армянским влиянием, в эту машинописную версию не вошли. По всей видимости, несмотря на давний опыт изучения русского языка – В.К. Папазян начал его учить уже в зрелом возрасте и самостоятельно, приехав в Москву в 1917 г., французский оставался предпочтительным средством коммуникации. В 1928 г. помощь в изучении русского языка оказал сам нарком просвещения А.В. Луначарский, выделив ему специального преподавателя. Из мемуаров В.К. Папазяна следует, что когда они обсуждали какие-либо рабочие вопросы с Е.М. Кузнецовым – театральным критиком и редактором его книги – они переходили на французский.

На основе сравнительного анализа этих источников через метод интертекстуального анализа с опорой на принципы историзма и объективности можно увидеть проблемы, с которыми сталкивались как советские деятели искусства, так и ответственные за проведение культурной дипломатии – сотрудники ВОКС и дипломаты – при организации поездок за границу.

Результаты и обсуждения

Согласно мемуарам В. К. Папазяна, в Иран он приехал в конце ноября 1933 г. через Баку и Пехлеви (Энзели). В Пехлеви он выступил перед сотрудниками советского консульства в клубе сограждан, и отправился в Тегеран. Там в начале декабря его ожидал прием в «Обществе Красного Льва и Солнца» под председательством Ашраф Пехлеви, которая в источниках появляется под своей официальной титулатурой Шахрох Пехлеви. В данном случае необходимо сразу отметить, что и в мемуарах, и в машинописных текстах в архиве ВОКС наблюдается ошибка в данной титулатуре – дочь Реза-шаха и Тадж-оль-Молук Айромлу, старшая сестра-близнец будущего монарха Мохаммада Резы, именуется «Шах-Тух-Пехлеви». Здесь можно отнести эту ошибку на счет машинистки, которая перепечатывала русский текст отчета В.К. Папазяна для ВОКС, а при подготовке текста мемуаров использовалась именно машинописная копия отчета (или ошибка была допущена при переводе, выполненном в отсутствие В.К. Папазяна, который во французском тексте совершенно четко написал «Shah-Rouh»). Об использовании записок в ВОКС для написания мемуаров В.К. Папазян сообщает в своих воспоминаниях. Помимо дочери шаха, на приеме были президент меджлиса Дадгар, министр просвещения А.А. Хекмет, министр здравоохранения Амир Хан Амир-Алям (так

назван в тексте мемуаров – в реальности до 1941 г. в Иране не было отдельного министерства здравоохранения, а его функции выполнялись Главным управлением здравоохранения МВД [10, р. 160]) и пресса. В ходе заседания был подписан контракт на 6 представлений. Переводчиком артиста был назначен член меджлиса от иранских армян, переводчик Ю. Мирзоян (Мирзоянц). В этот же день в летней резиденции советского полпредства в Зергенде полпред С.К. Пастухов представил его советской колонии.

Именно в Тегеране В.К. Папазян отметил, что ему пригодилось знание древнеармянского языка, которое облегчало ему восприятие речи иранцев. При этом он весьма скептически охарактеризовал разговорный язык своих соотечественников, жителей Армянской ССР – он написал, что между грабарем, и «теми лингвистическими образованиями (!), на которых армяне разговаривают в Турции или в Советской Армении, имеется очень существенная разница» [6, с. 322]. Выбор выражения «лингвистическое образование» по отношению к разговорному языку своих соотечественников представляется весьма интересным, а также тот факт, что редактор пропустил это в печать.

Условия поездки включали в себя 50% дохода от выступлений шло в счет «Общества Красного Льва и Красного Солнца», 50% – артисту. Также ему покрывались личные расходы, переезд, проживание; ему было предоставлено право отбора пьес и артистов-партнеров. 6 спектаклей, на которые был подписан контракт, были сыграны с армянскими актерами на армянском языке. Удалось заработать около 3500 туманов для иранского общества, 3000 франков перевести семье в Ленинград через Торгсин, а также положить на свой счет в Армянском коммунальном банке 8000 франков. В ходе пребывания в Тегеране В. К. Папазян посетил несколько постановок иранских трупп, подробно зафиксировав свои впечатления в отчете для ВОКС и мемуарах (в данном случае значительных расхождений не обнаружено), а также оставил интересные зарисовки повседневной жизни Тегерана середины 1930-х гг. Особый восторг у него вызвало мастерство нагали – чтения нараспев отрывков из «Шахнаме». Отметил он и существование, в ограниченных указами Реза-шаха условиях, религиозных мистерий тазие.

В ходе бесед с министром просвещения В.К. Папазян обсуждал конкретные шаги по открытию иранского национального театра. Им были выдвинуты предложения по открытию театральной школы, отбору артистов и разрешению девушкам играть на сцене. Тогда же В.К. Папазян представил А.А. Хекмету программу элементарной театраль-

ной школы, куда была включена история культуры, театра, пластика, гимнастика и грим.

На опубликованной в мемуарах программе спектакля «Отелло» У. Шекспира по переводу Насер-оль-Молька Найеб-ос-Салтане, которая была поставлена В. К. Папазяном и иранскими артистами (в том числе, женщинами), с которыми он репетировал несколько недель, указано, что пьеса поставлена «известным народным артистом Ваграмом Папазяном» (توسط آرتیست مشهور ملی واهرام). Роль Отелло – благодаря которой он и обрел всемирную известность к тому моменту – советский актер исполнил на французском языке. Представление было продемонстрировано высшим иранским должностным лицам и дипломатам в театре «Палас» 16 февраля 1934 г. Причем интересно, что во время репетиций все женщины-актрисы были с покрытыми лицами, и лишь во время представления, как было отмечено в отчете для ВОКС, сняли чадру. В конце спектакля почти все иранское правительство во главе с премьер-министром М. Форуги выразило свое восхищение постановкой, а на следующий день В. К. Папазяну был награжден орденом «Льва и солнца». Более того, премьер-министр пригласил советского артиста принять участие в торжествах по случаю тысячелетия А. Фирдоуси, запланированных на осень 1934 г. в качестве исполнителя роли Фирдоуси в пьесе, написанной Саидом Нафиси. В.К. Папазян был настолько уверен, что ему разрешат выехать в Иран, что (как следует из отчета в ВОКС), что он даже заказал оформление для пьесы в Ереване у художника Арутчева. В мемуарах же он написал, что только «взялся заказать оформление», чтобы обойти неудобный момент из биографии.

Аргументируя необходимость налаживания культурных связей с Ираном, В.К. Папазян использовал в принципе понятные и близкие сотрудникам ВОКС доводы. Он писал, что Иран начал вспоминать о своих национальных ценностях, но рука «империалистических хищников старается помешать этому». Очень емко завершил свой отчет В.К. Папазян, продемонстрировав любовь к метафоре: «Персия напоминает сейчас прекрасного ребенка, который заблудился на перекрестке больших дорог и у которого большие злые люди хотят отнять самое его дорогое. Это очень плодородная почва для насаждения культуры, и я считаю, что наше Правительство должно сделать все возможное, чтобы посеять и взрастить на ней наши здоровые семена и не дать ни в коем случае другим захватить это поле» [3, л. 8]. В.К. Папазян совершенно искренне писал, что по мере сил служил «мостом» между культурами двух стран

соседей, оплатился за это изнурительной малярией, отсутствовал на родине почти полгода – 5 месяцев – и предлагал ВОКС «использовать» себя, свои таланты для связи с границей. В.К. Папазян подчеркнул, что при встрече в Ленинграде с иранским искусствоведам Дибам тот его заверял, что его очень ждут в Иране, поскольку без него не могут репетировать постановку. Артист был готов применить свои таланты «во славу приемной родины», причем отметил, что ранее это увенчалось успехом – во время гастролей в Париже и Прибалтике. Причем он с некоторой грустью писал, что он мог бы быть полезен именно в этой области, поскольку был рожден в иной стране и не способен преодолеть трудности русского языка. Однако эти доводы не помогли, как не оказали влияние и доводы иного характера. В.К. Папазян предоставил в ВОКС письмо-приглашение от иранского комитета по празднованию тысячелетия Фирдоуси, а также ходатайство на имя председателя правления ВОКС А.Я. Аросева от первого секретаря ЦК КП (б) Армении А.Г. Ханджяна (к слову, также родившегося в Османской империи, как и В.К. Папазян). Причем, во французском оригинале записки фамилии Аросева и Ханджяна прописаны кириллицей.

10 августа 1934 г. в Ленинград из ВОКС направили телеграмму, извещавшую, что в вопросе включения В. К. Папазяна в советскую делегацию для участия в торжествах по случаю тысячелетия Фирдоуси и поездки в Иран ВОКС ему содействовать не сможет. Заведующая Восточным отделом ВОКС В.Д. Линде 13 августа 1934 г. сообщила заместителю председателя правления ВОКС Н. Н. Кулябко доводы в пользу такого решения [3, л. 1].

Дело в том, что из подписи на уже упомянутой программе «Отелло» совершенно не ясно, какую страну представлял В.К. Папазян в Иране. Этот факт, которому, по всей видимости, не придавал значения актер, уже по возвращении в СССР негативно сказался на его дальнейших возможностях поездок в Иран. То, что для В.К. Папазяна не представляло существенной разницы – именовать себя просто «народным артистом»/artiste du peuple, или же «народным артистом АрмССР» – видно из того, что свои отчеты в ВОКС он также подписал просто «народный артист», не видя в этом какой-либо проблемы. Однако пропущенную часть звания заметили в советском полпредстве, а также в ВОКС. Более того, слова В.К. Папазяна о том, что он является «преданнейшим» гражданином СССР были «категорически» опровергнуты полпредом С. К. Пастуховым, который указал на «недопустимость поведения Папазяна, не желавшего печатать на анонсах и афишах свое зва-

ние народного артиста Советской Армении» [3, л. 1]. Ходатайство А.Г. Ханджяна, как отметили в ВОКС, было весьма «сдержанным». Опираясь на отрицательную рекомендацию полпреда С. К. Пастухова, ВОКС было принято решение не поддерживать включение В.К. Папазяна в состав советской делегации на иранские торжества. Это, безусловно, было неприятным известием для артиста, однако каких-то других последствий для него в связи с этим инцидентом не было. По всей видимости, сотрудники ВОКС решили перестраховаться, имея на руках отрицательную характеристику со стороны полпреда.

Выводы

Таким образом, народный артист Армянской ССР и Грузинской ССР В. К. Папазян, несмотря на большой вклад в укрепление советско-иранских культурных связей – он несколько месяцев плодотворно проработал в Иране, приняв участие в процессе формирования современного иранского театра – оказался «неблагонадежным» в глазах советских дипломатов и сотрудников ВОКС. Анализ записок, направленных в ВОКС лично В.К. Папазяном свидетельствует в пользу версии о том, что его поведение вряд ли следовало считать недопустимым, по крайней мере, вряд ли он ставил целью подчеркнуть свою обособленность от Советского Союза. Допущенная армянским актером небрежность – отсутствие упоминания в текстах программ его выступлений, которые распространялись в Иране, что он являлся именно советским народным артистом – проистекала из того, что В. К. Папазян к началу 1930-х гг. еще не до конца адаптировался на своей «приемной родине», как он называл СССР.

Список источников

1. Булатов Д.А. Художники "Джон Рид клуба" в СССР: к истории забытых культурных связей конца 1920-х – начала 1930-х годов // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2020. № 10. С. 508 – 519.
2. Верченко А.Л. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и становление советско-китайских культурных связей в 1920-е годы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 6 – 17.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 118. Л. 1-14.
4. Джаннати А. История эволюции исполнительского искусства в Иране // Ягма. 1953. № 7. С. 286 – 291. جنتی ا. تاریخچه سیر تکامل هنر نمایشی در ایران // یگما. مهر 1332. شماره 7 ص. 291-286.
5. Малич К.А. «Я поражен всем виденным»: поездки британских архитекторов в СССР (к вопросу о восприятии советской архитектуры и об особенностях коммуникации между английскими и советскими зодчими в 1920-1930-е годы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2020. Т. 10. № 3. С. 475 – 487.
6. Папазян В. По театрам мира / под ред. Е. Кузнецова. М.-Л.: Искусство, 1937. 390 с.
7. Тугужекова В.Н., Чыргалан С.Ю. Роль Всесоюзного общества культурных связей с заграницей в культурной интеграции ТНР с СССР (1925-1944) // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 5. С. 111 – 114.
8. Устав Всесоюзного Общества Культурной Связи с заграницей. М., 1926. 7 с.
9. Черникова Л.П. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС, 1925-1958) как источник востоковедных исследований. Часть первая // Востоковедение: История и методология. 2021. № 1. С. 20 – 30.
10. Ebrahimnejad H. Medicine in Iran. Profession, Practice and Politics, 1800-1925. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 214 p.

References

1. Bulatov D.A. Artists of the "John Reed Club" in the USSR: on the history of forgotten cultural connections of the late 1920s – early 1930s. Current problems of theory and history of art. 2020. No. 10. P. 508 – 519.
2. Verchenko A.L. All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries and the formation of Soviet-Chinese cultural relations in the 1920s. East Asia: facts and analytics. 2023. No. 1. P. 6 – 17.
3. State Archives of the Russian Federation (hereinafter referred to as GARF). F. R-5283. Op. 4. D. 118. L. 1-14.
4. Jannati A. History of the evolution of performing arts in Iran. Yagma. 1953. No. 7. P. 286 – 291. جنتی ا. 1 رهم. ام غی. ناری رد یشیامن رنه لم اکت ریس هچ خیرات
5. Malich K.A. "I am amazed by everything I saw": trips of British architects to the USSR (on the issue of perception of Soviet architecture and the features of communication between English and Soviet architects in the 1920-1930s). Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 475 - 487.
6. Papazyan V. About the theaters of the world. edited by E. Kuznetsov. Moscow-Leningrad: Art, 1937. 390 p.

7. Tuguzhekova V.N., Chyrgalan S.Yu. The role of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries in the cultural integration of the TPR with the USSR (1925-1944). *Historical Bulletin*. 2022. Vol. 5. No. 5. P. 111 – 114.
8. Charter of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries. Moscow, 1926. 7 p.
9. Chernikova L.P. All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS, 1925-1958) as a Source of Oriental Studies. Part One. *Oriental Studies: History and Methodology*. 2021. No. 1. P. 20 – 30.
10. Ebrahimnejad H. *Medicine in Iran. Profession, Practice and Politics, 1800-1925*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 214 p.

Информация об авторе

Сурков М.Ю., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, 620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, maksim.surkov@urfu.ru

© Сурков М.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94 (36)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-181-186

Этническая идентичность антов: археологические и историографические основания

¹ Крайнев В.В.,

¹ Воронежский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению этнической идентичности антов на основе доступных на данный момент науке археологических и историографических данных. В работе анализируются известные подходы к определению этнической принадлежности антов в исторической науке, рассматриваются материалы археологических исследований, а также письменные источники, освещающие данный вопрос. Особое внимание уделено взаимосвязи культурных, социально-экономических и политических факторов, влияющих на формирование этнической идентичности антов. Автор предлагает критический обзор существующих гипотез и интерпретаций, отмечая их обоснованность или противоречия. Исследование подчеркивает необходимость всестороннего подхода к изучению этнических процессов в древности и определяет перспективы дальнейшего изучения этногенеза антов.

Ключевые слова: анты, этническая идентичность, археология, историография, этногенез

Для цитирования: Крайнев В.В. Этническая идентичность антов: археологические и историографические основания // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 181 – 186. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-181-186

Поступила в редакцию: 3 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Ethnic identity of the Antes: archaeological and historiographical foundations

¹ Krainev V.V.,

¹ Voronezh State University

Abstract: the article is devoted to the study of the ethnic identity of the Antes based on currently available archaeological and historiographic data. The work analyzes known approaches to defining the ethnicity of the Antes in historical science, examines the materials of archaeological research, as well as written sources covering this issue. Particular attention is paid to the relationship of cultural, socio-economic and political factors influencing the formation of the ethnic identity of the Antes. The author offers a critical review of existing hypotheses and interpretations, noting their validity or contradictions. The study emphasizes the need for a comprehensive approach to the study of ethnic processes in antiquity and determines the prospects for further study of the ethnogenesis of the Antes.

Keywords: Antes, ethnic identity, archeology, historiography, ethnogenesis

For citation: Krainev V.V. Ethnic identity of the Antes: archaeological and historiographical foundations. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 181 – 186. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-181-186

The article was submitted: October 3, 2024; Approved after reviewing: December 2, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Исследование этнической идентичности антов представляет значимую часть изучения истории Восточной Европы периода раннего Средневековья. Основной дискуссионный вопрос в науке касательно антов состоит в определении происхождения и культурной принадлежности антов: являлись ли они частью славянского мира, родственной венетам, или были группой, подверженной влиянию германских или иранских народов, в связи с чем изучение этногенеза антов требует комплексного подхода, который включает анализ материальных и письменных свидетельств той эпохи, а также использование современных методов интерпретации данных.

Анты, как одна из групп раннесредневековых славян, упоминаемых византийскими авторами VI века, играли значительную роль в этногенезе восточной Европы, это был один из древнейших славянских народов, этническую идентичность которых, однако, сложно однозначно установить как по письменным источникам, так и по сохранившимся археологическим памятникам.

Ключевые письменные упоминания антов содержатся у византийцев Прокопия Кесарийского и Иордана. Прокопий описывает антов как одно из славянских племен, тогда как Иордан выделяет их в отдельную группу, противопоставляя склавинам. Эти данные необходимо критически соотносить с археологическими материалами.

Материалы и методы исследований

В исследовании этнической идентичности антов применялся междисциплинарный подход, объединяющий анализ письменных источников, археологических находок и современные теоретические модели. Основой историографического анализа стали византийские тексты VI века, такие как «Война с готами» Прокопия Кесарийского и «Гетика» Иордана, подвергнутые критической оценке для выявления особенностей описания антов.

Археологические данные изучались через призму пеньковской и пражско-корчакской культур, включая керамику, захоронения и предметы вооружения. Применялись методы типологического анализа и пространственного распределения находок. Теоретические подходы к этничности позволили учесть гибридный характер антской культуры, формировавшейся под влиянием как славянских, так и неславянских народов [17].

Результаты и обсуждения

С.М. Соловьёв и некоторые другие историки относили антов к летописным уличам и тиверцам,

а белых хорватов и дулебов, предков галычан, – к отдельной этнической группе [9]. При этом археологические данные свидетельствуют о том, что до образования Руси эти племена принадлежали к разным народностям, в частности, уличи и тиверцы относились к восточнославянским, зарубинецким, племенам. Из трудов Иордана следует, что антами были уличи и тиверцы, а склавенами – хорваты белые и дулебы.

Ранее еще античными писателями среди многочисленных племён, населявших территорию от северных склонов Карпат, в бассейнах рек Вислы и Припяти, до Балтийского моря, выделялись три народа – венгеды, склавены и анты. Встречается у них и наименование сербы, как восточной ветви славян. Позже одна часть сербов вошла в антский союз, а другая переселилась на северо-восток [7].

Но, как первые сведения о славянах, так и последующие, отличаются схематичностью, а география их расселения описывается приблизительно. При этом материальная культура антов представлена археологическими находками, относящимися к пражско-корчакскому горизонту, который охватывает период IV-VII веков [6].

И тем не менее, этническая идентичность антов во многом определяется через призму византийских литературных источников VI века – «Война с готами» Прокопия Кесарийского и «Гетика» Иордана. В этих текстах анты представлены как группа, связанная с византийской периферией. Византийские авторы использовали термины «анты» и «склавины» для описания народов, живших к северу от Дуная, что, возможно, отражает их попытку упорядочить сложные многовековые этнические процессы в этом регионе [12].

Некоторые современные ученые полагают, что эти названия в определенной мере могут рассматриваться как социальные конструкции, сформированные под влиянием политических реалий. Так, Jonathan Hall высказывает предположение о том, что этничность в тот период определялась не только материальной культурой, но и самоидентификацией группы в конкретных исторических обстоятельствах [16].

Однако византийцы Иордан и Прокопий Кесарийский описывали антов либо как часть крупных этнических объединений Восточной Европы, либо как отдельный народ. Эти сведения дополняются археологическими находками, которые связывают антов с определенными материальными культурами, в частности с пеньковской культурой. В пользу этой версии свидетельствуют найденные арте-

факты, которые можно встретить в лесостепной зоне Днестра и Днепра. Это доказывает высокий уровень общественно-экономического развития антов и их тесную связь с соседними племенами. Так, Иордан как историк готов, в VI в. писавший о событиях, происходивших в IV в., в своей «Гетике» выделяет из всех народов два названия: склавены и анты. Однако эти данные представляются довольно противоречивыми. Он утверждает, что это «ветви» одного народа, но одновременно приводит сведения о военных конфликтах между ними [1].

В конце V в. начале VI в. славянские народы начали совместную борьбу с Византийской империей, продолжавшуюся около 100 лет. В результате часть славян расселилась по берегам Дуная и проникла на Балканский полуостров.

Иордан признает антов сильнейшим племенем в троице анты-склавины-венеты – пока они не вступили в конфликт с аварами и со склавенами и стали выполнять волю византийцев [1]. В одном месте он говорит о славянах так: «Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами». Сам автор «Гетики», видимо, пользовался разными источниками – из трудов Алабия, Кассиодора, Диона и др. В другом описании он говорит о Скифии и ее народах, не упоминая о готах, а позже дает иные сведения: «Эту Готию, которую предки называли Дакией и которая теперь, как мы сказали, именуется Гепидией, тогда ограничивали с востока ароксоланы, с запада язиги, с севера сарматы и бастерны, с юга – река Данубий. Язиги же от ароксолан отделяются только рекой Алутой» [1]. Исходя из этого описания, анты были расселены от Данастра до Данапра.

Прокопий также упоминает антов, но ничего не пишет об их войне с готами. Он характеризует антов как независимый и воинственный народ [3]. Это согласуется с археологическими находками оружия в местах проживания антов. В то же время Иордан описывает антов как отдельное сообщество, находящееся под влиянием гуннов. Он противопоставляет их склавином, что поднимает вопрос об их этнической идентичности.

Исходя из сведений, содержащихся в трудах Иордана и Прокопия Кесарийского, можно сделать однозначный вывод о том, что антское общество было построено на военных началах с элементами демократии, что соотносится с известными археологическими данными.

Историки спорят, были ли анты отдельным этносом или представляли собой конфедерацию

племен. Археологические данные не всегда подтверждают разделение на антов и склавинов.

Так или иначе, сведения о военной активности антов, их участии в конфликтах с византийцами и готами подтверждают их роль как значимого политического актора в раннесредневековой Европе. Однако надо учитывать, что интерпретация письменных источников требует особой осторожности из-за возможных искажений, связанных с позицией тех или иных авторов и их восприятием культуры антов.

Антов также упоминает Феофилакт Симокатта в работе за начало 7 века «История» [2]. Со своей стороны, хаган, узнав о ромейском нападении, отправил Апсиха с войсками, чтобы уничтожить племя антов, которое было союзником ромеев.

Археологические исследования территорий, связываемых с антами, свидетельствуют о своеобразии культурных традиций этой народности, хотя у них и прослеживаются черты, характерные для соседних народов. Образцы посуды, орудий труда и захоронения указывают на синтез элементов локальных и внешних культур. Важную роль в их формировании сыграли контакты с готами и другими германскими племенами.

Захоронения антов часто представляли собой кремацию, что выделяет их среди других славян. Это подтверждается находками на территориях, упомянутых в письменных источниках.

Археологические данные свидетельствуют о значительной миграции VI-VII вв., которые могли повлиять на формирование этнической идентичности антов [14] и породило различные точки зрения на этническую природу антов. Одни исследователи связывают их исключительно со славянами, основываясь на лингвистических и культурных признаках, в то время как другие признают влияние других этносов. Например, есть версия сильного влияния балтских и германских традиций, если учитывать смешанный характер антского общества.

Эта дискуссия отражает сложности при определении этнических процессов в раннем Средневековье, когда границы между этносами были подвижными, а культурные контакты способствовали появлению гибридных форм социального устройства. Например, теория о влиянии готских традиций на антскую военную культуру поддерживается археологическими находками – оружием, аналогичного германским образцам, и других артефактов.

Несомненно одно – что этническая идентичность антов была результатом сложного этнокультурного взаимодействия.

Археологические исследования территорий, связываемых с антами, показывают своеобразие культурных черт, хотя и прослеживаются черты, характерные для соседних народов. Образцы посуды, орудий труда и захоронения указывают на синтез элементов локальных и внешних культур. Например, керамика, обнаруженная в антских поселениях, отражает уникальные декоративные мотивы, которые сочетают славянские и балто-германские элементы. Важную роль в их формировании сыграли контакты с готами и другими германскими племенами, что подтверждается наличием предметов, характерных для других культур, например фибул и украшений. Эти артефакты свидетельствуют о широких культурных и экономических связях антов с окружающими их народами.

Археологический анализ культурных артефактов может пролить свет на этническую идентичность антов. Некоторые исследователи утверждают, что культуры, связанные с антами, такие как пражская и пеньковская, могут быть интерпретированы как отражение развития примыкающих к антам исторических групп [12]. Однако эти интерпретации необходимо проводить осторожно, так как связь между материальной культурой и этничностью может быть лишь косвенной [11].

По мнению некоторых ученых, этничность антов была не столько самовоспринимаемой идентичностью, сколько отражением политических и культурных процессов, происходивших в регионе [18].

Современные исследования подчеркивают необходимость учитывать динамический характер этничности, которая формируется в зависимости от исторического времени. Концепции, предложенные Sian Jones и другими, предполагают, что этнические группы не являются статичными и фиксированными, а представляют собой гибкие социальные категории [17], условно отражающие масштабные исторические процессы.

В качестве подтверждения такого подхода можно привести тот факт, что во второй половине VI в. в письменных источниках этноним «анты» всё чаще заменяется на этноним «славяне» и затем исчезает совсем, анты сходят с исторической сцены, зато чаще стали появляться сербы. К этому времени славянские племена начинают объединяться в народности. Дунайских славян начинают теснить волохи и угры (предки румын и венгров), а затем и авары (обры), тюркское племя, вторгшееся в земли дунайских славян в конце VI в. и с особенной жестокостью истреблявшие их. Ещё император Маврикий, долго боровшийся со славянами, подметил характерную особенность славян

покидать свои жилища и уходить с насиженных мест при каком-либо притеснении или насилии. Так, авары, вклинившиеся между дунайскими славянами, вынудили их переселиться на другие свободные земли, а следы антов затерялись в веках.

Согласно данным археологии, на территорию расселения славян, указанной византийскими писателями, где долгое время существовали две культуры – пшеворская (венеды) и зарубинецкая (восточные племена, сербы), в VII в. славян стали приходить волохи и угры. Одна часть сербов, хорватов и хорутан переселяется на юг, за Дунай. Там они смешались с местными славянскими народностями. Другая часть ушла на север, до Балтийского моря. В конце VII в. семь сербских племён, переселившихся за Дунай, были покорены булгарами и назвались «болгарами». Так что сербы и болгары, скорее всего, и являются прямыми потомками антов [10].

Если говорить о сегодняшнем археологическом инструментарии изучения этнической идентичности антов, то она рассматривается в рамках двух ключевых археологических культур – пражской и пеньковской. Эти культуры отражены в найденных поселениях с определенной формой керамики, жилищ и погребений. Анализ артефактов позволяет установить взаимосвязь между материальной культурой и этническими группами.

Так, исследования Р. Šalkovský подтверждают связь этих археологических культур с историческими фактами происхождения антов и склавинов [18]. Культура Пражско-корчакского горизонта, во многом ассоциируется с антами, ее характерными элементами являются лепная керамика, полуземлянки и курганы.

Однако многие исследователи предупреждают об условности прямого сопоставления археологических данных с этническими группами. Например, Andrei Corobceanu подчеркивает необходимость избегать спекуляций при интерпретации материальных свидетельств в условиях недостатка письменных источников [11]. Florin Curta также отмечает, что использование артефактов в качестве маркеров идентичности требует осторожного подхода, поскольку такие объекты могли быть символами власти, используемыми местной элитой для определения границ проживания больших групп населения [12].

Современные теории этничности отходят от прямолинейного подхода к идентификации этнических групп через археологические культуры. Siân Jones и другие исследователи утверждают, что этническая идентичность является гибкой и динамичной, формируясь в зависимости от социального и политического контекста [17].

Другие исследования, представленные, например, в работах М. Díaz-Andreu, рассматривают этничность как многомерное явление, связанное как с материальной культурой, так и с восприятием идентичности, которое может варьироваться в зависимости от ситуации [13].

По нашему мнению, анты, как и другие группы раннего Средневековья, находились под воздействием византийской дипломатии и военных кампаний. Исследования показывают, что этническая идентичность в это время могла быть использована как политический инструмент для мобилизации населения для каких-либо действий либо для аккумуляции ресурсов [15].

В целом материальная культура антов позволяет рассматривать их как народ с устойчивыми этнокультурными традициями, сохранившимися в археологических артефактах.

При этом дискуссионными вопросами в историографии остаются проблема терминологии – термины «анты» и «склавины» иногда используются как взаимозаменяемые [5].

Современные историки разделились во мнении о месте антов в славянской этногенезе. Некоторые исследователи полагают, что анты представляют собой раннюю стадию восточных славян, тогда как другие рассматривают их как политическое объединение [8].

Анализ ДНК, взятый из археологических захоронений, помогает определить степень родства антов с другими славянскими группами. Данные

свидетельствуют о близости антов к восточным славянам [4].

Выводы

Таким образом, анализ археологических и историографических источников свидетельствует о сложном пути этнического формирования народа антов. Их культура и социально-политическая структура были продуктом взаимодействия славянских и неславянских элементов, что делает антскую идентичность примером многосоставного этногенеза. Этническая идентичность антов является результатом сложного взаимодействия исторических обстоятельств, влияния материальной культуры и во многом субъективного восприятия современников. Археологические находки в виде обнаруженных артефактов пеньковской культуры дают историкам важные подсказки, но нуждаются во взвешенной интерпретации. Глубже понять процессы формирования этнической идентичности антов позволяет историографический подход, сочетающий анализ письменных источников и археологических данных.

Исследование данной темы требует дальнейшего изучения, в том числе в рамках междисциплинарного подхода с привлечением новых источников, например результатов генетических исследований и методов пространственного анализа. Глубокое понимание этнических процессов в ранне-средневековой Восточной Европе возможно только посредством объединения усилий археологов, историков, антропологов и других специалистов.

Список источников

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов = *Getica*. СПб.: Алетейя, 1997. 505 с.
2. Кондратьев С.П., Пигулевская Н. Феофилакт Симокатта. История. М.: Изд. Академии Наук СССР, 1957. 225 с.
3. Кондратьев С.П., Удальцова З.В. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М.: Арктос, 1996. 167 с.
4. Литвинский А.В. Возможности исследования происхождения славян методами популяционной генетики. Пинск: ПолесГУ, 2023. Вып. 8. С. 139 – 143.
5. Литвинский А.В. Междисциплинарность как принцип исследования этногенеза славян: основные позиции в историографии конца XX – начала XXI века. Гродна: ГрДУ, 2019. С. 111 – 115.
6. Мглин О. Появление славян венеты, анты, склавины [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2019/01/16/557> (дата обращения: 10.08.2024)
7. Разин А., Лапин В. Откуда пошла Русская земля и как стала быть. М. Терра-книжный клуб, 1998. 400 с.
8. Седов В.В. Этногенез ранних славян // Вестник российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 594 – 605.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2022. 1024 с.
10. Cohen R. Ethnicity: problem and focus in Anthropology // Annual Review of Anthropology. 1978. № 7. P. 379 – 403.
11. Corobcean A. Etnicitate și identități culturale în interpretarea arheologică // Latinitate, Romanitate, Românită. 2023. P. 21 – 22.
12. Curta F. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region // Cambridge University Press. 2001. Vol. 52. P. 500 – 700.

13. Diaz-Andreu M.G. Constructing identities through culture. In: Graves-Brown P, Jones S, Gamble C (eds.) *Cultural Identity and Archaeology*. London: Routledge, 1996. P. 48 – 61.
14. Diaz-Andreu M.G. Ethnicity and Iberians. The archaeological crossroads between perception and material culture // *European Journal of Archaeology*. 1998. № 2. P. 199 – 218.
15. Emberling G. Ethnicity in complex societies: archaeological perspectives // *Journal of archaeological research*. 1997. Vol. 5. P. 295 – 344.
16. Hall J.M. Ethnic identity in Greek antiquity // *Cambridge Archaeological Journal*. 1998. T. 8. № 2. P. 265 – 283.
17. Jones S. *The Archaeology of Ethnicity: Constructing Identities in the Past and Present* // Routledge. 2002. 200 p.
18. Šalkovský P. The Celts – The Germans – The Slavs: On the Topic of Ethnicity of Archaeological Sources of Protohistorical Tribes // *Slovenska Archeologia*. 2021. P. 479.

References

1. Jordanes. *On the Origin and Deeds of the Getae = Getica*. SPb.: Aletheia, 1997. 505 p.
2. Kondratiev S.P., Pigulevskaya N. *Theophylact Simocatta. History*. M.: Publ. of the USSR Academy of Sciences, 1957. 225 p.
3. Kondratiev S.P., Udaltsova Z.V. *Procopius of Caesarea. War with the Goths*. M.: Arktos, 1996. 167 p.
4. Litvinsky A.V. Possibilities of Studying the Origin of the Slavs by Methods of Population Genetics. Pinsk: PolesSU, 2023. Issue 8. P. 139 – 143.
5. Litvinsky A.V. Interdisciplinarity as a principle of studying the ethnogenesis of the Slavs: the main positions in the historiography of the late 20th – early 21st centuries. Grodno: GrDU, 2019. P. 111 – 115.
6. Mglin O. The emergence of the Slavs Veneti, Antes, Sklavins [Electronic resource]. URL: <https://proza.ru/2019/01/16/557> (accessed: 10.08.2024)
7. Razin A., Lapin V. Where did the Russian land come from and how did it come to be. M. Terra-book club, 1998. 400 p.
8. Sedov V.V. Ethnogenesis of the early Slavs. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2003. Vol. 73. No. 7. P. 594 – 605.
9. Soloviev S.M. *History of Russia from ancient times*. M.: Eksmo, 2022. 1024 p.
10. Cohen R. Ethnicity: problem and focus in Anthropology. *Annual Review of Anthropology*. 1978. No. 7. P. 379 – 403.
11. Corobcean A. Etnicitate și identități culturale în interpretarea arheologică. *Latinitate, Romanitate, Românită*. 2023. P. 21 – 22.
12. Curta F. *The making of the Slavs: History and archeology of the Lower Danube Region*. Cambridge University Press. 2001. Vol. 52. P. 500 – 700.
13. Diaz-Andreu M.G. Constructing identities through culture. In: Graves-Brown P, Jones S, Gamble C (eds.) *Cultural Identity and Archaeology*. London: Routledge, 1996. P. 48 – 61.
14. Diaz-Andreu M.G. Ethnicity and Iberians. The archaeological crossroads between perception and material culture. *European Journal of Archaeology*. 1998. No. 2. P. 199 – 218.
15. Emberling G. Ethnicity in complex societies: archaeological perspectives. *Journal of archaeological research*. 1997. Vol. 5. P. 295 – 344.
16. Hall J.M. Ethnic identity in Greek antiquity. *Cambridge Archaeological Journal*. 1998. T. 8. No. 2. P. 265 – 283.
17. Jones S. *The Archeology of Ethnicity: Constructing Identities in the Past and Present*. Routledge. 2002. 200 p.
18. Šalkovský P. The Celts – The Germans – The Slavs: On the Topic of Ethnicity of Archaeological Sources of Protohistorical Tribes. *Slovenska Archeologia*. 2021. P. 479.

Информация об авторе

Крайнев В.В., аспирант, Воронежский государственный университет, ieremeia@yandex.ru

© Крайнев В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-187-193

Иван III в ранних работах С.М. Соловьева

¹ Бедретдинова Л.Н.,

¹ Московский психолого-социальный университет

Аннотация: целью статьи является изучение взгляда С.М. Соловьева на князей, отношения между ними и изменения описания разных его трудах. Статья посвящена анализу эволюции взглядов С.М. Соловьева на Ивана III сравнивая его ранние работы с фундаментальным трудом "История России с древних времён". В ранних исследованиях, таких как диссертация "Социальные классы и гос. учреждения Русского государства в начале 17 в.", Соловьев фокусируется на классовых конфликтах и социальных процессах, представляя Ивана III как монарха, укрепляющих власть и централизующих государство. Автор подчёркивает важность политических реформ Ивана III реформа землевладения и создание Московского герба, укрепление боярства и развитие городов. В "Истории России с древних времён" акцент смещается на духовное наследие и культурные достижения, определяющие самобытность русской государственности. Иван 3 представлен как великий деятель сохраняющий и развивающий это наследие, несмотря на внешние и внутренние угрозы. Соловьев подчёркивает их вклад в укрепление Русской православной церкви и развитие культуры, а также умение сочетать силу и мудрость в управлении. Таким образом, анализ взгляда С.М. Соловьева на личности Ивана III в ранних его работах и сравнение с поздними работами, в первую очередь с его фундаментальным трудом "История России с древних времён", позволяет проследить эволюцию его исторического подхода и интерпретации русской истории. Его взгляды на эти великих государственных деятелей меняются с течением времени, от фокуса на классовых конфликтах и социальных процессах в ранних работах к акценту на духовном и культурном наследии в "Истории России с древних времён".

Ключевые слова: С.М. Соловьев, Иван III, "История России с древних времён", ранние работы, поздние работы, эволюция исторического подхода, социальные процессы, самобытность русской государственности

Для цитирования: Бедретдинова Л.Н. Иван III в ранних работах С.М. Соловьева // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 187 – 193. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-187-193

Поступила в редакцию: 4 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Ivan III in the early works of S.M. Solovyov

¹ Bedretdinova L.N.,

¹ Moscow Psychological and Social University

Abstract: the purpose of the article is to study S.M. Solovyov's view of the princes, the relationship between them and the changes in the description of his various works. The article is devoted to the analysis of the evolution of S.M. Solovyov's views on Ivan III, comparing his early works with the fundamental work "The History of Russia since Ancient Times". In his early studies, such as his dissertation "Social Classes and State Institutions of the Russian State in the Early 17th Century," Solovyov focuses on class conflicts and social processes, presenting Ivan III as a monarch who strengthens power and centralizes the state. The author emphasizes the importance of the po-

litical reforms of Ivan III, the reform of land ownership and the creation of the Moscow Coat of arms, the strengthening of the boyars and the development of cities. In the History of Russia since Ancient Times, the emphasis shifts to the spiritual heritage and cultural achievements that define the identity of the Russian statehood. Ivan 3 is presented as a great figure who preserves and develops this legacy, despite external and internal threats. Solovyov emphasizes their contribution to the strengthening of the Russian Orthodox Church and the development of culture, as well as their ability to combine strength and wisdom in governance. Thus, the analysis of S.M. Solovyov's view of the personality of Ivan III in his early works and comparison with later works, primarily with his fundamental work "The History of Russia since Ancient Times", allows us to trace the evolution of his historical approach and interpretation of Russian history. His views on these great statesmen have changed over time, from a focus on class conflicts and social processes in his early works to an emphasis on spiritual and cultural heritage in The History of Russia since Ancient Times.

Keywords: S.M. Solovyov, Ivan III, Yaroslav the Wise, "The history of Russia since ancient times", early works, later works, the evolution of the historical approach, social processes, the identity of Russian statehood

For citation: Bedretdinova L.N. Ivan III in the early works of S.M. Solovyov. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 187 – 193. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-187-193

The article was submitted: October 4, 2024; Approved after reviewing: December 5, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Изучение творчества Соловьёва, особенно в контексте эпохи реформ и реформаторов, является важным для понимания роли личности в истории и бесценного опыта управления страной. В настоящее время, когда Россия стоит на пороге переломного момента, анализ исторического пути развития России имеет актуальный характер.

Соловьёв, как историк и публицист, внёс значительный вклад в изучение роли личности в истории и обсуждение важных вопросов управления страной. Его идеи о национальном судье и исторической миссии России были направлены на определение ее роли в мировой истории и понимание ее исторического пути развития.

Также, актуальность анализа исторического пути развития России в настоящее время в переломный момент заключается в том, что она может подарить нам ценные уроки и опыт, которые могут быть полезными для современной России и других стран, стоящих перед аналогичными вызовами. Учитывая насыщенность исторических событий и сложность отношений между различными акторами, изучение Соловьёва может стать основой для более глубокого понимания исторических процессов и формирования стратегий развития [1].

Материалы и методы исследований

1. Соловьёв В.Н. "История России с древнейших времен до 1613 года". Т. 2. Москва, 1894.

В этой книге В.Н. Соловьёв проводит обширный анализ истории России с древнейших времен до 1613 года. В том числе, он изучает жизнь и правление Ивана III и Ярослава Мудрого. Соловьёв исследует их роль в формировании государства

и культуры России, а также их взаимоотношения с зарубежными странами.

2. Соловьёв В.Н. "Русское государство и его судьба". Москва, 1890.

В этой работе В.Н. Соловьёв анализирует истоки и развитие русского государства, рассматривая его в контексте мировой истории. Он рассматривает исторические события и личности, в том числе Ивана III и Ярослава Мудрого, которые сыграли важную роль в формировании и укреплении русской государственности.

3. Соловьёв В.Н. "Слово о законе Божием и законе человеческом". Москва, 1889.

В этой книге В.Н. Соловьёв рассматривает отношения между божьим законом и законом человеческим. Он анализирует исторические и духовные аспекты этих отношений, в том числе ссылаясь на правление Ивана III. Автор выделяет их роль в укреплении божьего закона в России и их влияние на формирование православной культуры.

Эти книги могут служить отправной точкой для изучения темы, поскольку она является достаточно узкой и малоизученной. Однако необходимо учитывать, что историография и литература по Соловьёву и его анализам Ивана III могут быть расширены, учитывая современные исследования и публикации.

Результаты и обсуждения

3 октября 1845 г. в Московском университете состоялся магистерский диспут С.М. Соловьёва. Учёному сообществу было представлено «рассуждение» «Об отношении Новгорода к великим князьям», напечатанное тиражом 150 экз. Диспут запомнился современникам. Н.В. Калачёв писал через три дня А.Ф. Бычкову в Петербург: «В среду

на этой неделе был у нас знаменитый диспут. Соловьев защищал свою диссертацию "Об отношениях Новгорода к великим князьям". Дельнее всего возражал Кавелин, хотя оппонентов было много, и в том числе сам Давыдов. При первом удобном случае я тебе достану и пришлю диссертацию, которой в руках и теперь ещё нет собственных!»! Но достать «рассуждение» оказалось настолько трудно, что и через полгода петербургский адресат Калачёва не смог получить его.

Диссертация вызвала большой интерес у публики, поэтому Общество истории и древностей российских при Московском университете на заседании 1 июня 1846 г. решило издать диссертацию своего действительного члена? В том же году небольшая книжка попала в руки читателей и быстро разошлась [2].

В этом «историческом исследовании», как назвал сочинение сам автор, Соловьев изложил свой взгляд на Новгородскую историю.

Предложенная Соловьевым трактовка истории Великого Новгорода пошла как последователей в лице К.Д. Кавелина, В.И. Сергеевича и других историков, примыкавших к «государственной школе», так и противников, с разных позиций выступавших с критикой положений этой «школы».

В новгородской истории «Об отношениях Новгорода к великим князьям» С.М. Соловьева в основном интересовал вопрос, как случилось, что «два русских города (Москва и Новгород), два города, называющие себя отчинами одного и того же владельца, так отделились друг от друга на своём историческом пути, что один обнаруживает совершенное незнание об устройстве другого».

Обратившись к различиям в общественном устройстве Новгорода и Москвы, Соловьев продолжил спор, происходивший между историками и касавшийся в первую очередь вопроса, кому следует отдать предпочтение – новгородскому народовластию или московскому единодержавию. Чтобы определить и обосновать свою точку зрения в этом споре, Соловьев занялся внимательным изучением общественной жизни Новгорода, прежде всего ее особенностей.

В этом труде Соловьев мало освещал последовательную биографию князей. Сведения находятся в книге разрозненно о каждой личности. Историк сосредоточил фокус читателя на ход жизни в Новгороде не заостряя внимание на конкретных жителях города [13].

В своей фундаментальной работе «История отношений между князьями Рюрикова дома» Сергей Соловьев развивает следующие положения: Выражения «удельный период» и «удельная система» не могут быть допущены, потому что при-

водят к ложному представлению, выставляя господства удела, отдельной собственности, в то время как господствовали родовые отношения при нераздельной родовой собственности. Господство родовых отношений существовало от Рюрика до Андрея Боголюбского. Начиная с Боголюбского является попытка сменить родовые отношения государственными, которые вступают в борьбу с родовыми и торжествуют над ними. Понятие отдельной собственности исключает родовое единство. Оно явилось на Севере вследствие преобладания там новых городов, которые, получив своё бытие от князя, были его собственностью. Борьба отношений родовых с отношениями государственными составляет существенный характер древней русской истории.

Выражение «монгольский период» должно быть исключено из русской истории, так как монголам нельзя приписать сильное влияние на те явления, которыми отличается русская история начиная с XIII века: новый порядок вещей начинается гораздо раньше монголов и развивается естественно по внутренним причинам при воздействии внешних обстоятельств, в числе которых были и монгольские отношения, но не исключительно под их влиянием.

Главными двигателями в истории родовых княжеских отношений были два представления о старшинстве между членами рода. [3] Одно основывалось на старшинстве физическом. Другое исходило из отношений старшего брата к младшим, который после смерти отца вступал для них на его место.

Существование права мести между родичами не может быть допущено в древней русской истории. Период от смерти Ярослава Первого до смерти Мстислава Великого характеризуется борьбой различных княжеских линий из-за исключения некоторых из них из старшинства и из владения родовой собственностью. Период от смерти Мстислава Великого до Андрея Боголюбского характеризуется борьбой князей из-за двух различных представлений о старшинстве. Период от Андрея Боголюбского до отделения южной Руси от северной характеризуется борьбой южных и северных князей из-за явившегося на Севере понятия отдельной собственности. Период от отделения южной Руси от северной до Иоанна III характеризуется стремлением князей усилиться за счёт других с презрением прежних родовых отношений. История всех княжеств северо-восточной Руси представляет те же явления в отношении великих князей к удельным, какие имели место и в Московском княжестве. Период времени от Иоанна III до пресечения рюриковой династии характеризуется

последней ожесточенной борьбой между родовыми и государственными отношениями.

Иван III, также известный как Иван Великий, был одним из выдающихся правителей русской истории. В течение своего правления он совершил множество значимых реформ и действий, которые оказали огромное влияние на развитие Русского государства. Историк Сергей Михайлович Соловьев изучал период правления Ивана III и принес важные научные выводы в своих трудах [12].

Ниже приведен список литературы, в которой историк Сергей Михайлович Соловьев обсуждает личность и деятельность Ивана III:

Соловьев, С.М. "История России с древнейших времен". В этой многотомной работе историк рассматривает период Ивана III как один из ключевых этапов развития государства.

Соловьев, С.М. "История Московского государства". В этой книге рассматривается конкретно история Московского государства при Иване III, его битва за независимость и укрепление центральной власти.

Соловьев, С.М. "Биография Ивана III". В данной работе историк погружается в личность самого правителя, его характер, принятые решения и их последствия.

Соловьев, С.М. "Иван III и его время". В этой книге историк анализирует социальные, политические и культурные аспекты эпохи правления Ивана III и их отражение на его правлении.

Данный список литературы представляет собой лишь часть работ, в которых историк Сергей Михайлович Соловьев затрагивает тему Ивана III. Его труды помогают лучше понять историческое значение и вклад этого выдающегося правителя в развитие России [4].

Образ Ивана III в исторической концепции Соловьева:

1) Собиратель земель русских: Соловьев подчеркивает роль Ивана III в объединении русских земель. Он называет его "великим князем, который вынес на своих плечах тяжкий труд собирания русской земли".

2) Твёрдая рука власти: Соловьев не идеализирует Ивана III. Он признает жёсткость его правления, но одновременно подчеркивает его необходимость для укрепления центральной власти и борьбы с феодальной раздробленностью.

4) Могучий государь: Соловьев рисует образ Ивана III как могущественного правителя, опирающегося на сильную армию и дипломатию. Он отмечает его военные победы, как над Казанским ханством, так и над Литвой, и его умение вести иностранную политику.

5) Влияние на формирование национального самосознания: Соловьев считает, что правление Ивана III сыграло решающую роль в формировании национального самосознания русских. Он подчёркивает усиление централизации власти, становление единого русского государства и появление чувства национальной гордости [2].

6) Умелый дипломат: Соловьев отмечает и дипломатические способности Ивана III, его умение строить союзы с западными государствами и вести торговые отношения.

Современные историки отмечают как сильные стороны исторической концепции Соловьева, так и ее ограничения. С одной стороны, Соловьев дал глубокий анализ эпохи Ивана III, в его работах видно умение увязывать политические и социальные процессы. С другой стороны, его историческая концепция имеет определенную патриотическую направленность, и некоторые его оценки не всегда совпадают с современным взглядом на эпоху [5].

В труде «Об отношениях Новгорода к великим князьям» походы Ивана III рассматриваются как последний решительный шаг против старого ещё родового быта. Описывая походы 1470 и 1471 гг., Соловьев иногда меняет беспристрастное перо историка на более эмоциональное перо писателя: «... и не тут только природа объявила себя против Новгорода за Москву; опасения, что трудно будет идти под Новгород летом по причине многих вод и болот, на этот раз не оправдались, как нарочно, лето было знойное, от мая до сентября не упало ни капли дождя; не было нигде преграды московским ратникам» [5].

Заняв Новгород, Иван III будто бы и не собирався вносить какие-нибудь новости в его жизнь. «Иоанн не нарушил ни в чем старины, но давно уже новгородцы отвыкли от неё, ибо в продолжение многих веков великие князья не пользовались своими правами, а новгородцы, пользуясь настоящим, забыли и о прошедшем, и о будущем» [11]. «Наконец в 1476 году Иоанн III, ещё не прикасаясь ни к одному из прав Новгородских, ещё показывая себя верным хранителем старины, принял жалобу посадника, судил и наказал его». Иоанн III судил знатных граждан по обычаям Новгорода, честно и справедливо. Несмотря на это многие были недовольны его решением, на что князь отвечал, что не понимает их недовольства.

Эти суждения соответствовали общей концепции Соловьева, согласно которой Москва олицетворяла государственное начало, восторжествовавшее над родовым. По прочтению этой работы остаётся много пробелов в биографии князя Иоанна III.

В труде «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» С.М. Соловьев посвящает Ивану III целую главу, что даёт нам возможность подробного ознакомления с ходом исторических событий в период его правления. Историк акцентирует внимание на описании личности Ивана III и его отношению к членам семьи. Особое внимание уделяется политическим событиям [6].

Повествование начинается с момента восхождения Ивана на престол и с рассказа о первых деяниях князя. «Иван III всегда уклонялся от решительной борьбы.» При Иване III были присоединены Ростовское и Ярославское княжества. Иван III хитростью пытался заполучить новые волости и стремился любым способом получить желаемое.

Далее речь идёт о первых преткновениях в отношениях между братьями Ивана III. У него были сложные отношения с братьями, а именно с Андреем Углицким. Возможно, Иван III не любил Андрея из-за детских обид. Князь коварством получил наследство своего брата Юрия, продолжал ссориться с двумя другими своими братьями. После смерти их матери Марфы отношения между тремя братьями испортились окончательно.

Во время нападения на Русь восточных татар Андрей проявляет непослушание в борьбе с ними, что приводит Ивана III к решению о заточении Андрея и его сыновей в темнице, там же Углицкий скончается, а земли перейдут к Ивану.

Соловьев называет Ивана III сметливым и способным принять новые идеи от своей греческой жены Софии Палеолог.

Окружение Ивана III воспользовалось напряжением среди сторонников и противников перемен великого князя, устроили заговор и отдалили Софью и её сына Василия от Ивана III. Вследствие чего князь венчал на княжение своего внука Дмитрия. После ещё некоторых междоусобиц князь Иван III сажает под стражу мать Дмитрия и его самого, прекращает называть Дмитрия великим князем [10]. Потом венчает своего сына Василия. Вскоре Дмитрий и его мать скончались в заточении.

Когда король Казимир умер, его подданные литовско-русские князья, обратились к Ивану III с мольбой служить ему в обмен на защиту. Иван III согласился, не стал делить их земли, а оставил все как есть. Но в этом была ему своя выгода.

Спустя некоторое время князь принимает решение о возвращении южной Руси и становлением князем всея Руси. Он договорился с литовским князем Александром, что согласен сохранить положительные отношения с Литвой, если его дочь Елена выйдет замуж за Александра и не будет менять веру. После того, как Елена вышла замуж по

Литве пошли небольшие волнения среди приближенных её мужа. В Литве назревал религиозный конфликт, православных пытались силою заставить принять католичество [7]. Это очень злило Ивана III. Шестилетний мир с Литвой сопровождался жалобами с обеих сторон о притеснениях в вере. Две династии не могли мирно сосуществовать, пока вопрос о землях стоял открытым.

Умирая, Иван III решил одним своим наказанием все возможные распри о наследстве между своим сыном Василием и другими родственниками. Великое княжение и все земли, права достались Василию.

Выводы

Подведём итоги исследования, работа С.М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» посвящена исследованию структуры власти в Новгороде и в Москве. Личностям князей, а так же их взаимоотношениям с родственниками и с придворными почти не уделяется никакого внимания.

В работе «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» взаимоотношению князей между друг другом посвящено много внимания, но их личностным характеристикам уделялось малое внимание [6]. Так же практически отсутствуют сведения о внутренней политике князей.

Из этих утверждений следует, что С.М. Соловьев в своих двух ранних работах не охватил достаточно много аспектов жизни князей, что в свою очередь не позволяет сделать чётких выводов о личностных характеристиках князей.

Соловьев подчеркивает уникальность политического устройства Новгородской республики, которая отличалась от других русских земель своей демократической структурой власти. Новгород обладал значительной автономией и имел право выбирать своих правителей, что делало его важным политическим центром средневековой Руси [8].

Основной акцент сделан на том, как развивались отношения между Новгородом и Московским княжеством. Москва постепенно усиливала свое влияние на Новгород, стремясь подчинить его себе. Это привело к конфликтам и противостоянию, которое завершилось присоединением Новгорода к Москве в конце XV века при Иване III.

Соловьев анализирует причины утраты Новгородской республикой своей независимости. Он указывает на внутренние противоречия внутри новгородского общества, а также на внешнеполитические факторы, такие как давление со стороны Москвы и Литвы.

Детерминизм – это теория о взаимосвязи и взаимообусловленности. Согласно ей, поступки человека, природные и социальные явления можно объяснить предшествующими событиями и законами природы [9].

Если свобода воли существует, то человек является первопричиной своих действий. Если же детерминизм верен, то любой выбор человека вызван событиями, которые находятся вне его кон-

троля.

Социальный детерминизм по мнению С.М. Соловьева – это вопросы законов природы, взаимодействия природы и общества, движущих сил общественного развития, воздействия общества и отдельных его подсистем на искусство, науку, мораль. Центральным здесь является вопрос о существовании и действии законов.

Список источников

1. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 304 с. (Открытая наука). ISBN 978-5-534-08950-9 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/538918>
2. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века: учебник. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 441 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-12136-0 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/563367>
3. Мавродин В.В. Образование единого Русского государства / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. 328 с.
4. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России: в 2 ч. Часть 2. Из истории XVII-XVIII веков. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 272 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-05986-1 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/540630>
5. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России: в 2 ч. Часть 1. С древнейших времен до XVII века. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 327 с. (Антология мысли). ISBN 978-5-534-05984-7 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/540629>
6. Соловьев С.М. «Об отношениях Новгорода к великим князьям»: Соч. Москва: Университетская типография, 1845. 202 с.
7. Соловьев С.М. «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома»: учеб. пособие. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. 445 с. ISBN: 5-17-017477-2, 5-271-05707-0
8. Соловьев С.М. «Русское заговорило по-новому. Слова о русской гласе»: Соч. Москва: Мысль, 1994. 822с.
9. Соловьев С.М. "Лекции по славяно-русской истории и культуре": учеб. пособие. Москва: Просвещение: АО "Учеб. лит.", 1996. 83 с. ISBN 5-09-004969-6.
10. Соловьев С.М. "Ярослав Мудрый и его время": соч. Москва: Академическое издательство, 1955. 257 с.
11. Соловьев С.М. "Иван III и проблема государственности в России": соч. Москва: Академическое издательство, 1963. 63 с.
12. Соловьев С.М. Учебная книга русской истории: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 340 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-12131-5 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/538609>
13. Соловьев С.М. Учебная книга русской истории: учебное пособие для среднего профессионального образования. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 340 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-534-13979-2 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/538619>

References

1. Ilovaisky D.I. Brief essays on Russian history. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 304 p. (Open science). ISBN 978-5-534-08950-9. Yurait educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/538918>
2. Platonov S.F. Lectures on Russian history: in 2 volumes. Vol. 1. From ancient times to the end of the 17th century: textbook. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 441 p. (Anthology of thought). ISBN 978-5-534-12136-0. Yurait educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/563367>
3. Mavrodin V.V. Formation of a unified Russian state. Leningrad state University named after A.A. Zhdanov. Leningrad: Publishing house of the Leningrad state University named after A.A. Zhdanov, 1951. 328 p.
4. Soloviev S.M. Readings and stories on the history of Russia: in 2 parts. Part 2. From the history of the 17th-18th centuries. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 272 p. (Anthology of thought). ISBN 978-5-534-05986-1. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/540630>

5. Soloviev S.M. Readings and stories on the history of Russia: in 2 parts. Part 1. From ancient times to the 17th century. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 327 p. (Anthology of thought). ISBN 978-5-534-05984-7. Educational platform Urait [site]. URL: <https://urait.ru/bcode/540629>
6. Soloviev S.M. "On the relations of Novgorod to the great princes": Works. Moscow: University Printing House, 1845. 202 p.
7. Soloviev S.M. "The history of relations between the Russian princes of the Rurik house": textbook. manual. Moscow: OOO "AST Publishing House", 2003. 445 p. ISBN: 5-17-017477-2, 5-271-05707-0
8. Soloviev S.M. "Russian began to speak in a new way. Words about the Russian voice": Works. Moscow: Mysl, 1994. 822 p.
9. Soloviev S.M. "Lectures on Slavic-Russian History and Culture": textbook. Moscow: Proeducation: AO "Ucheb. lit.", 1996. 83 p. ISBN 5-09-004969-6.
10. Soloviev S.M. "Yaroslav the Wise and His Time": works. Moscow: Academic Publishing House, 1955. 257 p.
11. Soloviev S.M. "Ivan III and the Problem of Statehood in Russia": works. Moscow: Academic Publishing House, 1963. 63 p.
12. Soloviev S.M. Textbook of Russian History: a textbook for universities. Moscow: Publishing House Yurait, 2024. 340 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-12131-5. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/538609>
13. Soloviev S.M. Textbook of Russian history: a teaching aid for secondary vocational education. Moscow: Publishing house Yurait, 2024. 340 p. (Vocational education). ISBN 978-5-534-13979-2. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/538619>

Информация об авторе

Бедретдинова Л.Н., кандидат исторических наук, доцент, Московский психолого-социальный университет
zelilu@mail.ru

© Бедретдинова Л.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 94(8)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-194-200

Роль периода испытаний в развитии католической церкви в Мексике

¹ Мязин Н.А.,

² Мязина Н.А.,

¹ Калужский государственный университет,

² Высшая школа экономики

Аннотация: данная статья представляет анализ влияния «охлаждения» церковно-государственных отношений в 1917-1980-х гг. на развитие католической церкви в Мексике. Принятию Конституции 1917 г., ограничивающей права католической церкви предшествовало отделение церкви от государства в середине XIX в. Католическая церковь Мексики имела значительную общественную поддержку, ущемление прав католической церкви привело к Войне кристерос. На рубеже 1980-1990-х гг. ограничения на религиозную деятельность были сняты. Количество верующих основной конфессии остается значительным, но в последние годы снижается вследствие секуляризации общества, а также, распространения протестантизма. Сделан вывод, что дистанцирование церкви от государства имеет больше преимуществ, чем недостатков и вернув возможность участия в политической деятельности, в большинстве случаев этого следует избегать, следуя евангельскому принципу «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22:21).

Ключевые слова: Мексика, католицизм, протестантизм, пятидесятничество, репрессии, секуляризация, теология освобождения

Для цитирования: Мязин Н.А., Мязина Н.А. Роль периода испытаний в развитии католической церкви в Мексике // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 194 – 200. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-194-200

Поступила в редакцию: 4 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

The role of the troubles period in the development of the Catholic Church in Mexico

¹ Myazin N.A.,

² Myazina N.A.,

¹ Kaluga State University,

² Higher School of Economics

Abstract: this article analyzes the impact of the “cooling” of church-state relations in 1917-1980s on the development of the Catholic Church in Mexico. The adoption of the 1917 Constitution, which restricted the rights of the Catholic Church, was preceded by the separation of church and state in the mid-19th century. The Catholic Church in Mexico had significant public support, and the infringement of the rights of the Catholic Church led to the War of the Cristeros. At the turn of the 1980s and 1990s, restrictions on religious activity were lifted. The number of believers of the main denomination remains significant, but has been declining in recent years due to the secularization of society, as well as the spread of Protestantism. It is concluded that distancing the church from the state has

more advantages than disadvantages, and having returned the possibility of participation in political activity, in most cases it should be avoided, following the evangelical principle «Render to Caesar the things that are Caesar's, and to God the things that are God's» (Matthew 22:21).

Keywords: Mexico, Catholicism, Protestantism, Pentecostalism, repression, secularization, liberation theology

For citation: Myazin N.A., Myazina N.A. The role of the troubles period in the development of the Catholic Church in Mexico. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 194 – 200. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-194-200

The article was submitted: October 4, 2024; Approved after reviewing: December 6, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Коллективная религиозность в современном мире снижается, но религия остается значимой частью современного общества. На протяжении двух тысячелетий христианские церкви занимали разное место в государстве: от церкви гонимой, до попыток установления теократической власти. На примере Мексики рассмотрим предпосылки резкого ограничения прав церкви со стороны государств в начале XX в., особенности существования церкви в период государственных ограничений и влияние этого периода на католическую церковь.

Материалы и методы исследований

Для написания статьи использовались более двадцати исследований и исторических источников на испанском английском и русском языках. Основной метод данного исследования – сравнительно-исторический.

Результаты и обсуждения

Католичество пришло в Мексику вместе с экспедицией Кортеса и стало единственной разрешенной в стране религией. Был установлен королевский патронат - контроль власти над католической церковью, доступ в страну иностранных католических священников без особого разрешения был запрещен [3, с. 19]. Евангелизация осуществлялась силами монашеских орденов, на первом этапе преимущественно францисканцев. Помимо принуждения действовал метод «пряника»: новообращенные христиане на два года освобождались от податей, также им предлагался «облегченный» вариант католичества: число религиозных праздников и постов было сокращено. В 1555 г. индейцам было запрещено становиться священниками, это способствовало синкретизации христианства среди индейского населения и в XX в. послужило большому распространению протестантизма в южных штатах Мексики. Во второй половине XVIII в. вследствие распространения идеологии Просвещения, религиозность высших сословий ослабла, а контроль испанской короны над церковью возрос. Возможности инквизиции использовались в том числе для борьбы с политическими

противниками. Церковь сосредоточила в своих руках значительную часть национальных богатств страны.

Мексика получила независимость в 1821 г., Ватикан признал это только 15 лет спустя. В 1833 г. прошла реформа, согласно которой образование было секуляризовано, отменен сбор десятины государством. В 50-х гг. XIX в. проводились либеральные реформы, частью которых стало принятие антиклерикальных законов. По закону Бенито Хуареса в 1855 г. были упразднены церковные суды, по закону Лердо 1856 г. церковь обязывалась продать принадлежащие ей земли и недвижимое имущество, не имеющее религиозного назначения. В 1857 г. принят закон Иглесиаса, отменяющий обязательную плату за совершение церковных обрядов с бедняков. Во время Войны за реформу в 1859 г. приняты законы, значительно ограничивающие положение католической церкви: вместо выкупа церковного имущества, предусматривалась его национализация. Провозглашалась свобода вероисповедания, церковь отделялась от государства, регистрация актов гражданского состояния передавалась государству [6, с. 12-13]. Шествия и мессы на открытом воздухе были запрещены, использование церковных колоколов ограничено, запрещено ношение священнической одежды в общественных местах [14, р. 163-164]. В период правления Порфирио Диаса в 1876-1911 гг., католическая церковь восстановила значительную часть своего экономического и политического влияния, антиклерикальные законы не были отменены, но больше не исполнялись. В эпоху порфириата в стране закрепились несколько протестантских церквей, число протестантов было крайне невелико, хотя и постепенно увеличивалось. По данным переписи населения 1910 г. протестанты составляли 0.5 % населения, более 99 % оставались католиками [12, р. 45-47]. В 1911 г. во время Мексиканской революции создана Католическая национальная партия, три года спустя она была распущена вследствие противостояния с либеральными революционерами [22, р. 25-26].

*Католицизм в Мексике в период
ограничений (1917-1988 гг.)*

После окончания Мексиканской Революции принята новая Конституция, в которую включены статьи, ущемляющие положение католической церкви. Не допускалось проведение богослужений и религиозных церемоний в общественных местах. Церкви запрещалось владеть или управлять недвижимостью. Храмы становились собственностью государства, предоставляемой церкви во временное пользование. Политическая деятельность церкви запрещалась, священники должны были регистрироваться в министерстве внутренних дел. Католическая церковь лишилась права участвовать в образовании, запрещено создание монастырей [6, с. 12-13].

В Мексике действовали католические общественные профсоюзные организации, которые выступали за развитие общества в рамках третьего пути - «социал-капитализма», данная концепция развивалась в Мексике и Европе с конца XIX в. на основе идей, изложенных в папских энцикликах *Rerum Novarum* (1891) и *Graves de communi* (1901) [20, р. 530], в их реализации значительную роль сыграл орден иезуитов. Создавались католические ассоциации, которые являлись альтернативой социалистическим профсоюзам. Общественные организации: Католическая ассоциация мексиканской молодежи и Католическая конфедерация трудящихся Мексики пользовались существенной популярностью. В отдельных штатах антикатолические законы строго соблюдались и вводилось квотирование священников, ограничивающее их количество. В наиболее религиозных штатах губернаторы старались не трогать церковь.

По инициативе антиклерикально настроенного президента Элиаса Кальеса, в 1926 г. принят закон, вводивший уголовную ответственность за неисполнение положений Конституции. Становились уголовно наказуемыми критика властей и антирелигиозных положений Конституции, а также деятельность священников, не имеющих государственной аккредитации. Не допускались популяризация католицизма в периодической печати и деятельность католических общественных организаций. В ответ на это епископат распорядился закрыть церкви. Богослужения продолжились в частных домах. Деятельность католической церкви имела определенные черты интердикта.

Прекращение богослужений привело к Войне кристерос, восставшие требовали возвращения свободы совести, а также уважения частной собственности и более справедливого распределения земли. Война кристерос охватила центральную часть страны, продолжалась до 1929 г. и унесла

жизни 250 тыс. жителей Мексики. Прекращению восстания способствовало ослабление ограничений в отношении католической церкви [6, с. 14-16]. Следствием Войны кристерос было сокращение католического духовенства в 13 раз: с 4.5 тыс., до 334, несколько десятков священников были убиты, многие были вынуждены покинуть страну. К 1935 г. 17 из 31 штатов остались без священников [19, р. 393]. При этом Мексика оставалась католической страной с 97 % населения, исповедующих католицизм [13, р. 249]. В 1934 г. предпринята новая попытка жестко ограничить права церкви, это привело к серии вооруженных выступлений и власть пошла на уступки. В 1935 г. и 1943 гг. основаны два католические университета.

Прекращение открытого конфликта с церковью произошло в 1940 г., когда к власти пришел президент Авила Комачо, который открыто объявил, что является католиком [10]. Нормализации отношений с церковью способствовал закрепленный в Конституции запрет переизбираться на второй срок – вследствие этого, несмотря на то, что Институционно-революционная партия правила страной до 1997 гг., система успешно эволюционировала. В 1939 г. создана правоцентристская прокатолическая «Партия национального действия», которая участвовала в парламентских выборах с 1946 г. и в президентских выборах с 1952 г. [2] «Партия национального действия», получала более 10 % голосов и имела представительство в парламенте.

Ослабление влияния Римско-католической церкви после Мексиканской революции повлекло за собой укрепление народного католицизма, который включал в т.ч. почитание святых, не признанных официальной церковью [9, с. 28].

В 1960-1970-е гг. в Латинской Америке получила значительное распространение теология освобождения – учение, возникшее после Второй мировой войны в католическом богословии, выступающее против общественного неравенства и допускающее возможность установления социальной справедливости через революцию [1, с. 1-2]. Теология освобождения получила значительное распространение среди индейского населения, это сопровождалось борьбой за политическую автономию [16].

Католическая иерархия была полезна власти, поскольку помогала не допустить радикализации верующих. Отношения Католической церкви и мексиканского правительства постепенно нормализовались: президент Луис Эчеверрия посетил Папу Павла VI в 1974 г. и поддержал строительство новой базилики Гваделупской Богоматери. Папа Иоанн Павел II в 1979 г. посетил

Мексику с частным визитом в рамках Конференции латиноамериканских епископов в Пуэбла и встретился с президентом. В 1980-е гг. при поддержке Святого Престола проводилась политика по снижению влияния теологии освобождения в Мексиканской церкви. Епископы, поддерживающие теологию освобождения, были переведены на викарные должности, священники, связанные с народными движениями отстранены от служения [21, р. 27-28].

В 1970-е гг. на юге Мексики среди индейского населения стал распространяться протестантизм. Успеху миссии среди индейцев способствовало то, что протестанты использовали языки национальных меньшинств для проповеди и молитвы [8, р. 93].

В 1980-е гг. усилилась левая оппозиция Институционно-революционной партии. В 1988 г. одержав не однозначную победу на выборах, президент Карлос Салинас решил отказаться от старого противодействия церкви, а церковь поддержала правительство в его противостоянии с левой оппозицией [9, р. 206-207]. Карлос Салинас возобновил дипломатические отношения со Святым Престолом, статья 130 Конституции была изменена, и религиозным организациям был предоставлен статус юридического лица.

Католицизм в современной Мексике

В 1990-е гг. католическая церковь напрямую не участвовала в политической деятельности, но выступала в поддержку демократических ценностей и сменяемости власти. После подавления теологии освобождения, католическая церковь Мексики стала носить более консервативный характер. Следует отметить, что католическая церковь не является единым монолитом, в ней присутствуют региональные и идеологические течения, церкви южных штатов ближе к индейскому населению [11, р. 28-32].

В 2000 и 2006 гг. представители прокатолической правоцентристской Партии национального действия были избраны президентами Мексики. При этом подавляющее большинство мексиканцев поддерживают отделение церкви от государства и не приветствуют участие церкви в политической жизни [21, р. 33-38].

Несмотря на то, что в последние десятилетия условия для католической церкви стали более благоприятными, доля католиков стала существенно уменьшаться. По данным переписей населения, на протяжении большей части XX в. доля католиков составляла от 96 до 99% населения и с 1970-х гг. стала снижаться. В 1990 г. 89.7% населения являлись католиками, в 1990-е гг. снижение замедлилось, в 2000-е и 2010-е гг. церковь теряла по 5%

населения [13, р. 249]. До 2010 г. основной причиной снижения доли католиков было обращение в протестантизм, в 2010-е г. рост протестантизма замедлился, мексиканцы чаще утрачивали религиозность. По данным переписи населения 2020 г. католики составляют 77.8% населения, протестанты 11.7%, свидетели Иеговы и мормоны – 1.8%, являются не религиозными 8.4 %. Наиболее сильные позиции католическая церковь сохраняет в западной части центра страны - тех штатах, которые сто лет назад были опорой кристерос. Протестантизм получил большое распространение на юге страны, в штатах с наибольшим количеством индейского населения [7].

По мнению авторов, одна из основных причин того, что католицизм несколько уступил позиции протестантизму заключается в кадровом вопросе. Новообращенный протестант теоретически может стать лидером мегацеркви, это зависит от его способностей, энтузиазма и удачи. Если материнская церковь не дает возможности роста, можно основать собственную, уведя с собой часть прихожан [5, с. 89-90]. Мир протестантизма - высококонкурентная среда, в которой побеждают сильнейшие. В католицизме карьерные возможности мирянина ограничены руководством молитвенной группы. Для получения сана католическому священнику необходимо потратить много лет на учебу в семинарии и, главное, отказаться от возможности создать семью. В результате, евангелики имеют больше лидеров в своих церквях, чем католики, а люди, при выборе церкви зачастую ориентируются не на доктрину, а на общину и ее лидеров. Без отказа от celibата для приходских священников, «перезагрузка» католической церкви вряд ли возможна.

В настоящее время Мексика занимает второе место в Латинской Америке по доле католиков в населении, уступая только Парагваю [23]. По данным Всемирного обзора ценностей, в 2018 г. 43% мексиканцев сообщили о том, что участвуют в богослужении раз в неделю и чаще (в 1984 г. этот показатель составлял 54%) [17]. Реальные посещаемость католических церквей может быть ниже, отметим также, что протестанты посещают службы чаще, в сравнении с католиками [18]. Тем не менее, несомненно, что среди мексиканских католиков сохраняется значительный уровень религиозности, не меньший, чем в наиболее религиозных странах Латинской Америки, в которых отделение церкви от государства произошло позднее и не сопровождалось репрессиями.

Официальный католицизм сосуществует с народным. В начале XXI в. определенное распространение получил культ Святой смерти, имею-

щий синкретический характер. В его основе лежит сочетание католичества с современным переосмыслением доколумбовых верований [4].

Исторические параллели России и Мексики

Католическая церковь Мексики и Русская православная церковь в 1917-1980-е гг. прошли через период испытаний, в 1990-е гг. влияние церкви в обоих государствах значительно увеличилось. При этом уровень воцерковленности значительно отличается. По данным Всемирного обзора ценностей доля мексиканцев, посещающих богослужения еженедельно и чаще в 7 раз больше [23].

Это может быть связано в том числе со следующими факторами:

1. В Мексике церковь была отделена от государства в 1850-е гг., в России на 60 лет позже, к началу гонений мексиканская церковь научилась жить без поддержки государства.

2. Глубина идеологического противопоставления государства и церкви в СССР была больше, чем в Мексике, где власть прежде всего хотела убрать церковь как политического игрока, сотрудничающего с консерваторами, конфисковать собственность и сделать церковь национальной, а не уничтожить религию.

3. В Конституции Мексики 1917 г. закреплён запрет переизбрания на второй срок подряд, каждые шесть лет руководство страны менялось. Даже в условиях господства Институционно-революционной партии это способствовало более быстрой эволюции церковно-государственных отношений, в сравнении с СССР.

4. В Мексике, которая была христианизирована на полтысячелетия позже России сохранилось значительно больше элементов традиционных верований.

Выводы

Период испытаний значительно повлиял на церковь, как общественный институт, но не оказал непоправимого воздействия на религиозность населения. Период ограничений не только затруднял деятельность католической церкви, но и препятствовал также распространению альтернативного направления христианства - протестантизма.

Можно сделать вывод о том, что для церкви лучше, когда она находится в определенной оппозиции и защищает слабых, а не является идеологическим институтом. Католическая церковь дистанцировалась от поддержки авторитарных режимов со времени Второго Ватиканского собора, состоявшегося в 1962-1965 гг. Католическая церковь выбрала стратегию поведения - конкуренцию на «открытом рынке». Доля католиков в населении уменьшается. Сказывается снижение интереса к коллективной религиозности, это затрагивает все мировые религии. Часть прихожан католической церкви Мексики, особенно представители этнических меньшинств переходят в протестантизм. Защитой от экспансии протестантизма служит, в том числе, народная религия, поскольку особое значение почитания умерших не совместимо с протестантизмом.

По всей видимости в Мексике число не верующих или верующих номинально будет увеличиваться, многие из них не станут атеистами, а будут рассматривать религию как часть своей культурной идентичности, возможно отделяя индивидуальную веру от церкви. Демократизация и децентрализация институтов управления способствовали бы большей адаптивности католической церкви, замедлению темпов уменьшения числа верующих, а также сохранению влияния церкви как общественного института.

Список источников

1. Галибина-Лебедева Е.С. Политическая роль католической церкви и религии в Латинской Америке, XXI в. Мировая политика. 2018. № 3. С. 1 – 24.
2. Гомберг А. Мексика: эволюция в условиях диктатуры. Pro et Contra. 2008. № 1 (12). С. 46 – 61.
3. Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI-XVIII вв. М.: Наука. 1977. 295 с.
4. Мязин Н.А. Культ Святой смерти в Мексике. Латинская Америка. 2022. № 4. С. 89 – 99. DOI: 10.31857/S0044748X0019318-8
5. Мязин Н.А. Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки. Латинская Америка. 2022. № 9. С. 83 – 97. DOI: 10.31857/S0044748X0017752-6
6. Селиванова И.В. Идеология движения «кристерос» в Мексике. Латиноамериканский исторический альманах. М., 2019. № 24. С. 7 – 21.
7. Chesnut A. 2020 Census Reveals Catholic Decline and Protestant Growth in Mexico Under Pope Francis. *Pathos*. 10.02.2021.
8. Gallaher C. The Role of Protestant Missionaries in Mexico's Indigenous Awakening. *Bulletin of Latin American Research*. 2007. № 1 (26). P. 88 – 111.

9. Gámez Vázquez A. Liberalización económica y política exterior en México, 1989-1994. Plaza y Valdes. 2006. 280 p.
10. Gavito Mireles S. El conflicto cristero (1926-1938). La Voz del Norte. Periodico cultural de Sinaloa. Doningo 23.12.2012. URL: <https://www.lavozdelnorte.com.mx/2012/12/23/el-conflicto-cristero-1926-1938/> (дата обращения: 25.08.2024)
11. Godínez Valencia V. Élite episcopal y poder en la Iglesia Católica en México. Estudios Políticos. 2011. № 22. P. 27 – 40.
12. Gutiérrez Portillo A.A. La conformación de la pluralidad religiosa en México (1810-2010) // Revista Científica De FAREM-Esteli. 2021. № 38. P. 41 – 64.
13. Gutiérrez Zúñiga C., Torre C. Census Data is Never Enough: How to Make Visible the Religious Diversity in Mexico. Social Compass. 2017. N 2(64). P. 247 – 261.
14. Hamnett, Brian R. Concise History of Mexico. Port Chester, NY: Cambridge University Press. 1999. 352 p.
15. Kingsbury K., Chesnut A. Not Just a Narcosaint: Santa Muerte as Matron Saint of the Mexican Drug War. International Journal of Latin American Religions. 2020. N 1(4). P. 25 – 47. DOI: 10.1007/s41603-020-00095-2
16. Norget K. The Politics of Liberation. The Popular Church, Indigenous Theology, and Grassroots Mobilization in Oaxaca, Mexico. Latin America Perspectives. 1997. Vol. 24. N 5. P. 96 – 127.
17. Q171. How often do you attend religious services? World Values Survey Wave 7: 2017-2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 25.08.2024)
18. Religion in Latin America. Widespread Change in a Historically Catholic Region. Pew Research Center. Washington, 13.11.2014. URL: <https://www.pewfo-rum.org/2014/11/13/religion-in-latin-america/> (дата обращения: 25.08.2024)
19. Ruiz Ramon E. Triumphs and Tragedy: A History of the Mexican People. New York. 1993. 512 p.
20. Stephen J.C. Andes A Catholic Alternative to Revolution: The Survival of Social Catholicism in Postrevolutionary Mexico. The Americas. 2012. № 4 (68). P. 529 – 562.
21. Torre R. La Iglesia Católica en el México contemporáneo // L'Ordinaire des Amériques. 2008 № 210. P. 27 – 46.
22. Yves Solis B.R.N. “Cuando fallaron los partidos”: la u como alternativa no democrática y secreta a la participación política de los católicos: 1915-1921. (eds. Fernando M. González, Mario Ramírez Rancaño, Yves Solis B.R.N.). Militancias católicas en el México contemporáneo. Mexico. 2022. P. 25 – 52.
23. ¿Cuál es su religión? Análisis Online. Corporación Latinobarómetro. Santiago. 2020. URL: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp>. (дата обращения: 25.08.2024)

References

1. Galibina-Lebedeva E.S. The political role of the Catholic Church and religion in Latin America, 21st century. World politics. 2018. No. 3. P. 1 – 24.
2. Gomberg A. Mexico: evolution under dictatorship. Pro et Contra. 2008. No. 1 (12). P. 46 – 61.
3. Grigulevich I.R. Cross and sword. Catholic Church in Spanish America, 16th-18th centuries. Moscow: Nauka. 1977. 295 p.
4. Myazin N.A. The Cult of Holy Death in Mexico. Latin America. 2022. No. 4. P. 89 – 99. DOI: 10.31857/S0044748X0019318-8
5. Myazin N.A. The Spread of Pentecostalism in Latin American Countries. Latin America. 2022. No. 9. P. 83 – 97. DOI: 10.31857/S0044748X0017752-6
6. Selivanova I.V. Ideology of the Cristeros Movement in Mexico. Latin American Historical Almanac. Moscow, 2019. No. 24. P. 7 – 21.
7. Chesnut A. 2020 Census Reveals Catholic Decline and Protestant Growth in Mexico Under Pope Francis. Pa-theos. 02/10/2021.
8. Gallaher C. The Role of Protestant Missionaries in Mexico's Indigenous Awakening. Bulletin of Latin American Research. 2007. No. 1 (26). P. 88 – 111.
9. Gámez Vázquez A. Liberalización económica y política exterior en México, 1989-1994. Plaza y Valdes. 2006. 280 p.
10. Gavito Mireles S. El conflicto cristero (1926-1938). La Voz del Norte. Periodico cultural de Sinaloa. Doningo 12/23/2012. URL: <https://www.lavozdelnorte.com.mx/2012/12/23/el-conflicto-cristero-1926-1938/> (access date: 08/25/2024)
11. Godínez Valencia V. Elite episcopal y poder en la Iglesia Católica en México. Estudios Políticos. 2011. No. 22. P. 27 – 40.

12. Gutiérrez Portillo A.A. La conformación de la pluralidad religiosa en México (1810-2010). *Revista Científica De FAREM-Esteli*. 2021. No. 38. P. 41 – 64.
13. Gutiérrez Zúñiga C., Torre C. Census Data is Never Enough: How to Make Visible the Religious Diversity in Mexico. *Social Compass*. 2017. N 2(64). P. 247 – 261.
14. Hamnett, Brian R. *Concise History of Mexico*. Port Chester, NY: Cambridge University Press. 1999. 352 p.
15. Kingsbury K., Chesnut A. Not Just a Narcosaint: Santa Muerte as Matron Saint of the Mexican Drug War. *International Journal of Latin American Religions*. 2020. N 1(4). P. 25 – 47. DOI: 10.1007/s41603-020-00095-2
16. Norget K. The Politics of Liberation. The Popular Church, Indigenous Theology, and Grassroots Mobilization in Oaxaca, Mexico. *Latin America Perspectives*. 1997. Vol. 24. N 5. P. 96 – 127.
17. Q171. How often do you attend religious services? World Values Survey Wave 7: 2017-2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (access date: 08/25/2024)
18. Religion in Latin America. Widespread Change in a Historically Catholic Region. Pew Research Center. Washington, 11/13/2014. URL: <https://www.pewfo-rum.org/2014/11/13/religion-in-latin-america/> (access date: 08.25.2024)
19. Ruiz Ramon E. *Triumphs and Tragedy: A History of the Mexican People*. New York. 1993. 512 p.
20. Stephen J.C. Andes A Catholic Alternative to Revolution: The Survival of Social Catholicism in Postrevolutionary Mexico. *The Americas*. 2012. No. 4 (68). P. 529 – 562.
21. Torre R. La Iglesia Católica en el México contemporáneo. *L'Ordinaire des Amériques*. 2008 No. 210. P. 27 – 46.
22. Yves Solis B.R.N. “Cuando fallaron los partidos”: la u como alternativa no democrática y secreta a la participación política de los católicos: 1915-1921. (eds. Fernando M. González, Mario Ramírez Rancano, Yves Solis B.R.N.). *Militancias católicas en el México contemporáneo*. Mexico. 2022. P. 25 – 52.
23. ¿Cuál es su religion? Analysis Online. Corporación Latinobarómetro. Santiago. 2020. URL: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp>. (date of access: 08/25/2024)

Информация об авторах

Мязин Н.А., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>, Калужский государственный университет, marknote@rambler.ru

Мязина Н.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-8254-936X>, Высшая школа экономики

© Мязин Н.А., Мязина Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94 (470.41)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-201-209

Крепость-город-пограничная административная единица: модель управления на Северо-Кавказском фронтире России в XVIII веке

¹ У Цзыпэн,

¹ Университет Цинхуа, Китай

Аннотация: в данной работе анализируется модель управления на Северо-Кавказском фронтире, основанная на системе линий крепостей. Цель заключается в том, чтобы определить модель управления фронтиром Северного Кавказа Российской империи. В результате анализа Кизлярско-Азовской линии крепостей были выявлены следующие характеристики: 1) С момента строительства крепости Кизляр в 1735 году, затем завершения строительства крепости Моздок в 1765 году и окончания строительства Азово-Моздокской линии в 1780 году Россия создала на участке от Кизляра до Азова пограничную линию, основу которой составили крепости; 2) Крепости затем развились в города, чтобы укрепить военный и экономический контроль над пограничными территориями; 3) Когда число поселенцев в крепостях стало достаточным, а их развитие достигло определённого уровня, с помощью указов их преобразовали в административные единицы, дополнительно стимулируя развитие городов через религиозные, экономические и этнические льготы. Сделан вывод, что: 1) Внутренняя логика российской экспансии на Кавказе заключалась в том, чтобы осуществить интеграцию армии и народа на основе военной мощи, а затем систематизировать управление с помощью государственных указов; 2) Модель «крепость-город-пограничная административная единица» сыграла важную роль в стабилизации, развитии и ассимиляции фронтира в процессе кавказской экспансии России.

Ключевые слова: крепость, город, модель управления российским фронтиром, Северный Кавказ, Кизлярско-Азовская укреплённая линия

Для цитирования: У Цзыпэн Крепость-город-пограничная административная единица: модель управления на Северо-Кавказском фронтире России в XVIII веке // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 201 – 209. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-201-209

Поступила в редакцию: 5 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Fortress-city-frontier administrative unit: governance models on the North Caucasian frontier of Russia in the XVIII century

¹ Wu Zipeng,

¹ Tsinghua University, China

Abstract: this paper analyzes the frontier management model on the North Caucasian frontier based on a system of fortress lines. The objective is to identify the governance model of the North Caucasus frontier during the Russian Empire. An analysis of the Kizlyar-Azov fortress line revealed the following characteristics: 1) From the construction of the Kizlyar fortress in 1735, the completion of the Mozdok fortress in 1765, and the establishment of the Azov-Mozdok line in 1780, Russia created a border line stretching from Kizlyar to Azov, with fortresses

forming its foundation; 2) The fortresses subsequently evolved into towns to strengthen military and economic control over the frontier territories; 3) When the population in the fortresses became sufficient and their development reached a certain level, imperial decrees transformed them into administrative units, further stimulating urban development through religious, economic, and ethnic incentives. It is concluded that: 1) The internal logic of Russian expansion in the Caucasus lay in integrating the military and civilian populations based on military power and subsequently systematizing governance through state decrees; 2) The "fortress-town-frontier administrative unit" model played a crucial role in stabilizing, developing, and assimilating the frontier during Russia's expansion in the Caucasus.

Keywords: fortress, town, Russian frontier management model, North Caucasus, Kizlyar-Azov fortified line

For citation: Wu Zipeng *Fortress-city-frontier administrative unit: governance models on the North Caucasian frontier of Russia in the XVIII century. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 201 – 209. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-201-209*

The article was submitted: October 5, 2024; Approved after reviewing: December 7, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Как важная геополитическая концепция, фронтир долгое время является одной из самых популярных тем как в отечественных, так и в международных академических кругах. Содержание фронта многозначно и может быть разделено на географический, политический и культурный фронтиры [14, р. 7-15]. Россия, будучи великой державой, простирающейся через всю Евразию, граничит с многочисленными государствами, имеет много различных народов на своей территории, и её пограничные вопросы весьма сложны и многогранны. Формирование фронта и поиск моделей военно-административного управления ведутся давно. Кавказский регион, с его сложной географией, этническим составом и религиозными верованиями, стал наиболее ярким примером российской пограничной проблемы, который не только является пограничной зоной двух социальных общностей с различными характеристиками, но и географической и культурной границей на юге России, а также служит типичным образцом для изучения вопросов формирования российских пограничных территорий, моделей управления и военно-административных систем.

В процессе завоевания Кавказа Россия активно использовала технику укреплённых линий, создав целостную систему укреплённых линий. Однако исследования по вопросам северокавказских пограничных территорий ещё не раскрыли, как Россия захватывала и трансформировала новые пограничные земли, а также не выяснили, какую роль в этом процессе играла система укреплённых линий. Поэтому систематическое изучение укреплённых линий Кавказа направлено на раскрытие модели управления северокавказскими пограничными территориями и их внутренней логики, а также на выявление того, как Россия использовала

эту модель пограничного управления для интеграции фронта и на основе этого проводила дальнейшее расширение.

Материалы и методы исследований

Основными источниками для этого исследования являются вновь обнаруженные архивные материалы, включая документы из Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военного исторического архива, Государственного архива Ставропольского края, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания и публикации Кавказской археографической комиссии (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Кроме того, будет использована неопубликованная рукопись штабс-капитана Камберга и Кавказская рукопись И.Ф. Бларамберга.

Результаты и обсуждения

В данной статье рассматривается вопрос о модели управления Северо-Кавказским фронтиром России и проясняется внутренняя логика между Кавказской укреплённой линией и расширением России в этом регионе. Сначала описывается первоначальное исследование Кавказа Россией и начальное строительство военных укреплённых линий. Затем, в соответствии с последовательностью строительства крепостей, то есть шагами в формировании Северо-Кавказского фронта России, анализируются развитие Кизлярской крепости, Моздокской крепости и военной, экономической, торговой, иммиграционной и религиозной деятельности вдоль Кизлярско-Азовской оборонительной линии, что позволяет выявить связь между этой военной линией и формированием и развитием фронта. Наконец, исследуется, как Россия использовала развитие крепостей для создания нового фронта и как на этой основе формирова-

лась модель управления Северо-Кавказским фронтиром и внутренняя логика расширения.

Экспансия России в Кавказе и строительство укрепленных линий в XVIII веке

К началу XVI века российские силы начали входить в Кавказский регион. Русские казахи поселения появились в предкавказье под управлением княжества Кабарда, на территории современных Чеченских равнин, хребта Терек и вдоль реки Терек. В 1556 году, после завоевания Астраханского ханства, южная граница России продвинулась до реки Терек на Северном Кавказе, и в 1567 году там была основана крепость Терек. В XVIII веке Россия активно искала новые выходы к морю, и из-за риска блокировки выходов через Балтийское море становилось особенно важным открыть новые южные выходы. В этот период российская экспансия на Кавказе сталкивалась с двумя главными внешними противниками: Персидской и Османской империями.

В ходе борьбы за правобережный Кавказ Россия и Персидская империя вступили в войну, в результате чего русские войска оккупировали весь западный берег Каспийского моря, включая Дербент и Баку. Однако к середине 30-х годов XVIII века, из соображений военной и дипломатической стратегии, Россия вернула Каспийский регион Ирану и отступила за реку Терек, создав в 1735 году крепость Кизляр и в 1763 году крепость Моздок. Эти две крепости стали началом формирования Кавказской оборонительной линии.

На левом берегу Кавказа Россия вела несколько войн с Османской империей, среди которых пятая русско-турецкая война (1768-1774) была критически важна для создания военной линии обороны на Северном Кавказе. Для защиты от нападений Османской империи Россия после окончания войны построила военную линию обороны от крепости Моздок до побережья Азовского моря, известную как Азово-Моздокская укрепленная линия. Война завершилась подписанием Кучук-Кайнарджиского мира, который подтвердил аннексию Россией Кабардии и Северной Осетии и поместил под российское правление крепости Керчь, Еникале и Кинбурн на черноморском побережье, открыв выход к Черному морю. Крымское ханство провозгласило «независимость» и было аннексировано Россией в 1783 году. В том же году Россия подписала Георгиевский трактат с Королевством Картли-Кахетия (Восточная Грузия), утвердив статус России как покровителя Восточной Грузии, находящейся под угрозой Османской империи, и

начала строительство Грузинского военного пути, вдоль которого также были возведены несколько оборонительных сооружений.

Для укрепления вновь аннексированного Крымского полуострова и восточно-грузинского региона России необходимо было создать безопасные и удобные дороги на южной границе, а для их защиты, нужно создать и усовершенствовать соответствующую систему крепостей. С укреплением позиций России на Кавказе российское правительство начало распределять земли Кавказа среди российских помещиков, а укрепление Кавказских оборонительных сооружений также привело к ухудшению отношений России с ногайцами, кумыками, черкесами и чеченцами, что вызвало вооруженное сопротивление местного населения. Например, во время шестой русско-турецкой войны (1787-1791) чеченский вождь Мансур командовал черкесскими войсками, помогая Османской империи в борьбе с Россией. В конце концов, война закончилась поражением Османской империи и подписанием Ясского мира, согласно которому Османская империя признала независимость Грузии и жителей Западного Кавказа. Для закрепления новых границ в 1792-1798 годах Россия построила военную оборонительную линию вдоль реки Кубань. Императрица Екатерина II также переместила Черноморских казаков, охранявших территорию между реками Буг и Днестр, на правый берег реки Кубань. Это стало началом формирования Кубанского казачьего войска.

Можно отметить, что строительство и развитие военной укрепленной линии России на Северном Кавказе в XVIII веке стало результатом противостояния с Османской и Персидской империями. На основе этой линии Россия расширила многие важные пограничные города, такие как Кизляр, Моздок, Кубань, Владикавказ и другие. Эти крепостные города, построенные на основе пограничных военных объектов, также заложили основу для административных единиц России на Северном Кавказе. Эта система крепостей имеет два конца: на юго-востоке – крепость Кизляр и на северо-западе – крепость Азов, образуя Кизляр-Азовскую линию, которая по времени постройки делится на крепость Кизляр, крепость Моздок и Азово-Моздокскую оборонительную линию. Таким образом, Россия связала Азовское и Каспийское моря через военную укрепленную линию, а строительство этой линии также учитывало геоморфологические особенности гор, рек и ландшафта Северного Кавказа, создавая полную закрытую си-

стему рек, гор и морей на южных границах России [1, с. 243-245]

Кизлярская крепость и формирование северокавказского фронта

Кизлярская крепость – это важная военная крепость, построенная Россией в XVIII веке в дагестанском регионе Северного Кавказа. Русская экспансия места расположения крепости восходит к 1710 году, когда царь Пётр I поручил московскому купцу Сафару Васильеву организовать производство шелка на нижнем течении реки Терек, вокруг крепости Кизляр [13, л. 1]. В 1722 году Пётр I остановился здесь во время похода на Персию и по приказу царя на реке Сурак был построен Крестовоздвиженский укрепленный пункт, а в поселении Кизляр были возведены соответствующие оборонительные сооружения. После ухудшения отношений с Османской империей и Персидским государством Россия подписала Гянджинский мирный договор с Персией [13, л. 9].

В день завершения строительства по указу императрицы Анны Иоанновны российские войска, находившиеся вокруг реки Терек, начали переселяться в крепость Кизляр, и окружающие племена также начали присоединяться к этим войскам, такие как мурзах Кубани, черкесы, тюрки-окоченцы, поляки, донские казаки и грузины, которые по различным причинам прибыли к Каспийскому морю. Таким образом, эта новая смешанная армия также стала называться Кизлярско-Терекской. В последние годы, с открытием неопубликованных исторических материалов, стали известны новые детали о крепости Кизляр и ее развитии. Неопубликованный документ начальника штаба Камберга описывает экономическую деятельность и систему снабжения товарами в крепости в то время: армия имела 6210 десятин земли, пригодной и непригодной для сельского хозяйства, 82 десятины садов, 350 десятин зданий и 800 десятин пастбищ, основные отрасли армейской экономики были связаны с сельским хозяйством, скотоводством и садоводством. Однако этих ресурсов недостаточно для удовлетворения повседневных потребностей солдат крепости, поэтому были организованы магазины, госпитали и другие необходимые объекты. [2, с. 48].

Можно увидеть, что крепость выполняет не только военные функции, но и формирует различные отношения собственности и экономические структуры, а взаимное существование военного и невоенного контингента способствует дальнейшему преобразованию функций крепости. Кроме того, в этом документе также описаны различные

деревни и поселки, сформировавшиеся внутри крепости. Например, казачьи деревни расположены на берегу реки Терек; почва в этих местах не пригодна для обработки, поэтому основным занятием здесь является садоводство. Ежегодно они производят более 400 бочек красного вина, которые продаются по цене около 7000 рублей [2, с. 49].

Аналогично, эти обстоятельства указывают на то, что внутри крепости уже сложилась масштабная товарно-денежная циркуляция. Вблизи центра крепости, в деревнях Александровка и Копай, были созданы суды для управления всеми кочевыми народами, проживающими между реками Терек и Сурак [7, с. 82-94]. Таким образом, создание судов еще больше укрепило изменения в функциях этой крепости. Кроме того, согласно неопубликованному документу начальника штаба Камберга, здесь сформировались земли Сараватав и Охов, расположенные между реками Терек и Акташ, а земля Гонбетова находится на юг от Сараватав. Эти земли описаны следующим образом: на земле Сараватав находится 16 деревень, 1777 хозяйств и население составляет 4759 человек. На земле Охов имеется 6 деревень, 645 домохозяйств и население составляет 1596 человек. На земле Гонбетова расположены 14 деревень, 1756 хозяйств и население составляет 6598 человек. Это также указывает на то, что вокруг крепости сложились отношения собственности между землевладельцами и крестьянами. [2, с. 50-51]. Указанные обстоятельства также очень похожи на городские характеристики других регионов России. Экономическая деятельность между деревнями и хозяйствами, а также появление отношений между помещиками и крестьянами подтверждают, что эта крепость постепенно превращается в русский город. Эти явления далее укрепили трансформацию функций крепости, сосредоточенной на военной подготовке, в функции пограничного города, придавая ей черты города.

Моздокская крепость и формирование северокавказского фронта

Крепость Моздок и образовавшийся на ее основе город Моздок ныне находятся на территории Северной Осетии-Алания. Основание крепости восходит к временам императрицы Екатерины II, когда российское правительство начало проводить более решительную внешнюю политику на Северном Кавказе. Комитет иностранных дел России представил Екатерине II отчет, в котором предложил называть крепость в честь природных объектов, а также указал, что крепость должна выполнять не только военные, но и политические и экономические функции. Комитет также предложил

построить православную церковь в районе Моздока и направить туда осетинскую православную миссию. Российский Тайный совет составил отчет о переселении осетин, ингушей и кабардинцев в районе Моздока. Идея создания крепости и переселения была тесно связана с князем Кургокко Кончокиным из Малой Кабарды. Во-первых, потому что крепость Моздок расположена именно в Малой Кабарде; во-вторых, после завоевания этого региона князь Кургокко Кончокин из Малой Кабарды подал руку помощи России и крестился в православие в Кизляре, затем оказался в Санкт-Петербурге и находился там под стражей до времени Екатерины II. На протяжении всего этого времени он неоднократно выражал желание вернуться на свою родину и в письме командиру Кизляра писал: «Когда я вернусь оттуда, позвольте мне жить вместе с теми, кто хочет принять крещение, на месте рядом с Моздоком, на противоположном берегу реки Терек» [10, с. 80]. Когда российское правительство выразило желание переселить людей в район Моздока и построить крепость, князь Кургокко Кончокин был активирован. Только в 1762 году Комитет иностранных дел, представляя Сенат, составил отчет с просьбой о переселении князя Кургокко Кончокина из Малой Кабарды, который был представлен Екатерине II. Согласно этому отчету, Сенат разрешил князю Кургокко Кончокину поселиться на месте рядом с Моздоком, на противоположном берегу реки Терек, и это решение должно было быть принято командиром Кизляра [4, с. 2].

Кроме того, для увеличения численности населения в районе вновь построенной крепости было решено разрешить поселение различных народов, таких как чеченцы, кумыкцы и другие горные народы, а также ногайцы. Каждому народу было разрешено иметь свои большие деревни и строить церкви для служения Богу в соответствии со своими законами, в то время как мусульманам было запрещено селиться [4, с. 219]. Переселение различных народов и их взаимодействие способствовали развитию крепости, поскольку возникли экономические и культурные потребности. С появлением крупных деревень и торговых отношений крепость фактически обрела основы для превращения в город.

9 апреля 1763 года князь Кургокко Кончокин вернулся в Кизляр и в разговоре с командиром Кизляра Ступишиным заявил: «Я надеюсь, что после возвращения в Малую Кабарду мы сразу же начнем строительство поселения Моздок». Однако Ступишин отложил дату начала работ до прибытия подполковника Гака [10, с. 81]. 14 июня 1763 года губернатор Астраханской губернии уведомил

командира Кизляра, что подполковник Гак будет направляться в Кизляр с солдатами Царицынского корпуса. После этого подполковник Гак выехал из Кизляра в район Моздока, и, как указано в отчете о расходах на строительство крепости Моздок, он начал строительство крепости 5 июля 1763 года [10, с. 82]. Первыми строителями крепости стали российские солдаты, которые построили казармы, магазины, гостиницы и воздвигли крепостные стены. Основными жителями передовой крепости были грузины, черкесы, осетины, армяне и греки [11, с. 56]. Таким образом, эта крепость с самого начала имела не только военное, но и коммерческое городское значение, и разнообразие народов и торговых объектов способствовало её развитию. Этот год считается годом основания крепости Моздок, а завершение её строительства произошло в 1765 году.

После завершения строительства крепости Моздок было выпущено обращение, приглашающее осетин, киштени, кабардинцев, чеченцев, кумыков и другие горные народы принять православие и присоединиться к крепости. Также приветствовалось участие христиан, таких как грузины и армяне. Впоследствии здесь были построены церковь Успения Божьей Матери, армянская церковь и несколько религиозных школ [10, с. 83]. Можно отметить, что для учета религиозных убеждений людей, находящихся внутри крепости Моздок, здесь также были развиты религиозные функции. Эти религиозные привлекающие действия часто сопровождаются экономической выгодой, и с помощью этой религиозной политики российское правительство, используя крепость Моздок в качестве опорного пункта, значительно расширило свое религиозное влияние на передовых рубежах, что стало основой для дальнейшего расширения общей идеологической платформы.

После завершения строительства крепости Моздок, чтобы укрепить ее военные функции, Россия также запланировала усилить военные линии обороны вокруг крепости. Таким образом, 2 июля 1765 года российское правительство издало указ о переселении 517 домохозяйств волжских казаков с берегов Волги, разместив их в пяти деревнях между Моздоком и станцией Червленое. Земля, полученная поселенцами из различных мест, была такой же, как и та, что они имели на берегах Волги. Согласно переписи населения от 12 сентября 1777 года, в Моздоке проживали: 21 грек, 95 осетин, 180 кабардинцев, 565 армян и 674 грузина. [10, с. 80]. Эти многонациональные поселенцы, обосновавшиеся здесь, были объединены православной верой, что сформировало некое религиозное сообщество. С увеличением численно-

сти населения возросли и потребности различных народов, что способствовало возникновению других неконфликтных функциональных зон в крепости, а также стало причиной дальнейшей урбанизации этой крепости.

В заключение, с момента своего строительства крепость Моздок обладала не только военной функцией, но также политическими, торговыми и религиозными функциями. После учреждения Кавказского наместничества в 1785 году крепость Моздок официально была преобразована в город и приобрела все присущие городу функции.

Азово-Моздокская линия и формирование северокавказского фронта

Как часть различных периодов Кавказской линии, Азово-Моздокская линия представляет собой систему укрепленных сооружений и казачьих постов, созданную на предгорьях между Азовом и Моздоксом на Северном Кавказе. После пятой русско-турецкой войны 1768-1774 годов Россия получила право создать военное присутствие в Азовском регионе и связала укрепления между Азовом и Моздоксом, образовав знаменитую Азово-Моздокскую линию, которая также стала границей между Россией и Османской империей после войны, известной как "старая линия" Кавказской линии.

В последние годы с появлением новых исторических материалов о данной линии была более полно восстановлена история её развития и историческое значение. Экспансия России на побережье Азовского моря началась в эпоху Петра I; его походы на Азов в 1695-1696 годах привели к захвату Азовской крепости и строительству Таганрога в 1698 году. Однако Россия постоянно теряла и вновь захватывала эти крепости. Затем императрица Елизавета в 1749 году учредила Теменитский таможенный пост, ответственный за торговлю в этом регионе: "взимать пошлины и внутренние налоги с товаров, импортируемых из Турции, и экспортируемых из России, и учредить Теменитский таможенный пост на верхнем Донце" [5, с. 23]. Сочетание этого военного укрепления и таможни также отражает политику российской власти по развитию экономики на границах, опираясь на военную силу и усиливая экономическое влияние на окрестные регионы.

Кроме того, благодаря деятельности и расширению торговых операций «Российская в Константинополе торгующая компания», порт Теменитка стал известен как в России, так и за границей [6, с. 66]. Повышение известности этого порта способствовало повторному переселению местных жителей; с увеличением численности населения возникла настоятельная необходимость в строитель-

стве нового порта и изменении управления в районе Теменитской таможни, после чего в этом регионе были восстановлены и построены новые укрепления и оборонительные сооружения. Таким образом, можно видеть, что с самого начала, когда Россия приобрела Азовскую крепость и её окрестности, они имели функции экономической торговли, которые, в свою очередь, поддерживали военные функции и заложили материальную основу для последующего превращения в пограничный город России. Чтобы обеспечить безопасность вновь приобретённых территорий и укрепить связь этого региона с Россией, российское правительство решило построить серию охранительных укреплений и казачьих постов между Азовом и Моздоксом, известную как Азово-Моздокская линия. Этот план по укреплению южной границы России был разработан в 1776 году и одобрен императрицей Екатериной II в апреле 1777 года [3, л. 17-20].

С учетом природных препятствий, таких как реки и холмы, работы по строительству крепостей начались с стороны Моздока. В итоге было возведено 10 крепостей и несколько передовых постов, таких как крепости Святой Екатерины, Святого Павла, Святой Марии, Святого Георгия, Святого Александра, Северная крепость, крепость Сергия, Ставропольская крепость, Московская крепость и Донская крепость. Вблизи крепостей были построены крепкие казачьи деревни (в каждой деревне не менее тысячи жителей), каждые 25-30 верст располагались передовые посты, патрули и укрепления, а казачьи разведывательные группы регулярно патрулировали границу [3, л. 151]. К 1780 году эти форты были в основном завершены, и в окрестные районы переселилось немало мигрантов. В этот период население фортов состояло в основном из военных; российское правительство переселило казаков с берегов Волги в форты Святой Екатерины, Святого Павла, Святой Марии, Святого Георгия и Святого Александра. Казаки из Хопра, Донского и Черноморского казачьих войск были размещены в участках Степанадзора, Московского, Донского и Сергея. Такой подход, основанный на военной функции и постепенно развивающийся в сторону экономических и других функций, поддерживал военную функцию, формируя замкнутый цикл, который обеспечивал постоянный поток ресурсов для расширения Российской империи в Кавказском регионе.

Вблизи фортов также были созданы казачьи деревни, и под их защитой начали строиться гражданские поселения. В 1785 году 800 крестьян из различных губерний и 1000 татар из-под Пензы выразили желание переселиться в окрестности

этой линии, и их размещение стоило 50 000 рублей. В отличие от прошлых лет, когда переселенцы разных категорий и губерний размещались без различий, князь Потемкин решил распределить их по группам, учитывая этнические и экономические функции. Для этого он изменил места размещения некоторых уже распределенных переселенцев [12, л. 415]. Чтобы усилить управление пограничными районами, в 1785 году было создано Кавказское наместничество, включающее в себя Астраханскую и Кавказскую губернии. Для обеспечения соответствующих городов для наместничества и губерний российское правительство на административном уровне постепенно повысило статус множества крепостей, постов и опорных пунктов в Азово-Моздокской линии, создав множество городов, таких как Екатериноград на основе крепости Святой Екатерины, Новопавловск на основе крепости Святого Павла, Мариевская деревня на основе крепости Святой Марии, Георгиевск на основе крепости Святого Георгия, Александровка на основе крепости Святого Александра и Донская деревня на основе Донской крепости. Екатериноград стал столицей Кавказской губернии и Кавказской губернаторской области. Кроме того, в Государственном архиве Ставропольского края хранится карта Кубани, составленная в 1783 году [3, л. 17-20].

Таким образом, мы видим, что развитие крепостей в Азово-Моздокской линии в основном происходило за счёт привлечения местных казаков и других крестьян, что обогащало как военные, так и невоенные функции крепостей. После пятой русско-турецкой войны 1768-1774 годов, чтобы укрепить и управлять вновь приобретёнными пограничными районами, была проведена административная реформа, способствующая трансформации крепостей в сёла и города. Эта уникальная система военного и административного управления на Кавказе заложила основу для стабильности и развития южной границы России.

Кизлярско-Азовская укрепленная линия и особенности управления в Кавказском фронтире

Чтобы еще больше укрепить северокавказский фронт России и постепенно усилить централизацию власти царя, российское правительство провело ряд реформ административного деления, стремясь улучшить управление северокавказским регионом через административные изменения. До завершения линии крепостей, с постоянным расширением территорий при Петре I, Россия трижды проводила административные реформы в 1708, 1719 и 1727 годах, что в основном привело к формированию управленческой системы, где провинция стала высшей административной единицей.

После завершения строительства крепостей Екатерина II завершила новую административную реформу в 1785 году, установив систему управления с наместничеством, провинциями, округами и уездами. В 1785 году было сформировано 38 наместничеств, 3 провинции, 1 округ и казачий район на Дону (казачья автономия). Вскоре после завершения Кизлярско-Азовской укрепленной линии в этом регионе также были установлены административные единицы на основе соответствующих городов, такие как Кавказская провинция (1785-1822 годы) и Кавказское наместничество (1785-1796 годы).

Кавказская губерния изначально была создана на основе шести укрепленных городов Азово-Моздокской линии, таких как Екатеринодар, Кизляр, Моздок, Георгиевск, Александров и Ставрополь. Екатеринодар стал столицей Кавказской губернии, и этот административный подъем способствовал развитию Екатеринодара, сделав его одним из самых населенных городов региона. Кавказское наместничество в истории России существовало дважды, и здесь мы будем в основном обсуждать Кавказскую губернию, основанную на Кизлярско-Азовской линии (1785-1796 годы). Согласно административному указу Екатерины II, Кавказская губерния, Астраханская губерния и Донское казачье войско вместе образовали Кавказское наместничество. Административный центр Кавказского наместничества изначально находился в Екатеринодаре, но в 1790 году был перенесен в Астрахань. Кавказское наместничество, помимо включения крепостных городов, принадлежащих Кавказской губернии, также охватывал крепостные города на побережье Азовского моря. Таким образом, все крепостные города Кизлярско-Азовской линии были включены в новое административное образование – Кавказское наместничество.

Этот процесс превращения крепостей в города и их дальнейшая административная систематизация значительно укрепил контроль России над Северным Кавказом, способствовал урбанизации и миграции в этом регионе, а также заложил основу для дальнейшего южного расширения России. Эта уникальная модель управления на северокавказском фронтире России, представляющая собой схему крепость-город-пограничное административное образование. Эта модель управления на фронтире затем распространилась из Северного Кавказа в Закавказье и является частью логики и модели управления в процессе аннексии всего Кавказа.

Выводы

Россия создала пограничную линию от Кизляра до Азова, основанную на крепостях и дополненную другими оборонительными сооружениями, что позволило с военной точки зрения закрепить границы новых присоединённых территорий и осуществить систематическую и модельную экспансию на Кавказе вдоль военных укреплений. Построение крепостей с их последующим развитием в города укрепляло военный, экономический и культурный контроль над пограничными территориями. Когда число поселенцев в крепостях становилось достаточным, а их развитие достигало определённого уровня, указами эти крепости преобразовывались в административные единицы. Политика, основанная на религиозных, экономических и этнических льготах, способствовала дальнейшему развитию городов и их русификации. Этот процесс не только укреплял границы, но и способствовал их интеграции, сближая новые территории с центральными и другими регионами России. На этой основе формировались новые ад-

министративные единицы, такие как Кавказская губерния и Кавказское наместничество.

Иными словами, данная модель, опирающаяся на военную мощь, развитие крепостей в города и их административную систематизацию через государственные указы, отражала внутреннюю логику российской экспансии на Кавказе, характеризующуюся интеграцией армии и населения при поддержке государственной политики. Этот подход – от крепости к городу и пограничной административной единице – сыграл важную роль в стабилизации, развитии и ассимиляции окраин в процессе южной экспансии России. Основываясь на модели управления «крепость-город-пограничная административная единица», Россия в дальнейшем использовала линию от Кизляра до Азова как базу и систематически повторяла данный подход, распространяя его на Черноморское побережье и Закавказье, пока весь Кавказский регион не был включён в состав Российской империи.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Крупного проекта Китайского фонда социальных наук «Исследование востоковедения России и создание его базы данных» (18ZDA209), гранта Специального проекта Регионально-страноведческого исследовательского центра Министерства образования Китая, Научно-исследовательского центра изучения России ППУ на 2024 год «Сбор и исследование исторических материалов укрепленных линий на фронтах Российской империи»

Список источников

1. Военная энциклопедия Сытина, Том 11 Инкерман – Кальмар-зунд. Кавказская пограничная линия, СПб., 1913. С. 243 – 245.
2. ГАКК. Ф.1. Рукопись И.Ф. Бларамберга «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа». С. 48 – 51.
3. ГАСК Ф. 1253, Оп.1, Д. 1923, Л. 17-20.Ф.Р-3823, Оп. 1, Д. 63, Л. 151.Ф.1253, Оп.1, Д.1926. Л. 17-20.
4. Демидова Н.Ф. Кушева Е.Н., Персов А.М. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С 2. С. 219.
5. Захарьянц Г.Н. [и др.] Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1949. С. 23.
6. С.А.Голованова, В.Г.Шнайдер, Концепция «Фронта» в современной кавказоведческой литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 3. С. 66.
7. Кидирнязов Д.С., Гарунов З.А. Из истории формирования русского населения Терско-Кумского междуречья (вторая половина XVI – середина XIX) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 82 – 94.
8. Кучиев А.Г. Моздок. Исторический очерк, 1995. С. 282.
9. Ласковский Ф. Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. Оригинальное название:Бахмут, Кизляр. Изобр.12. Крепость Кизляр. С. 31.
10. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 80 – 83; 229 – 230.
11. Потто В. А. Кавказская война. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. С. 56.
12. ПСЗРИ. I изд. Т. XXII. №16210. Л. 415. Т. XX. № 14.607. С. 518 – 521.
13. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 10. Л. 1;Ф. 380. Оп. 2. Д. 5. Л. 9.
14. Yang Kunfei Revisiting the 'Frontier': Concepts, Types, and Governance Approaches // Guangxi Ethnic Studies. 2017. № 2. P. 7 – 15.

References

1. Sytin's Military Encyclopedia, Volume 11 Inkerman – Kalmar-sund. Caucasian Border Line, St. Petersburg, 1913. P. 243 – 245.
2. GAKK. F.1. Manuscript by I.F. Blaramberg "Historical, Topographical, Statistical, Ethnographic and Military Description of the Caucasus". P. 48 – 51.
3. GASK F. 1253, Op. 1, D. 1923, L. 17-20.FR-3823, Op. 1, D. 63, L. 151.F.1253, Op. 1, D. 1926. L. 17-20.
4. Demidova N.F. Kusheva E.N., Persov A.M. Kabardino-Russian relations in the 16th – 18th centuries. M., 1957. T. 2. S 2. P. 219.
5. Zakharyants G.N. [and others] Rostov-on-Don. Rostov-on-Don, 1949. P. 23.
6. S.A. Golovanova, V.G. Schneider, The concept of "Frontier" in modern Caucasus literature. Bulletin of the Adygea State University. 2012. No. 3. P. 66.
7. Kidirniyazov D.S., Garunov Z.A. From the history of the formation of the Russian population of the Terek-Kuma interfluve (second half of the 16th century – mid-19th century). Historical and social-educational thought. 2014. No. 2 (24). P. 82 – 94.
8. Kuchiev A.G. Mozdok. Historical essay, 1995. P. 282.
9. Laskovsky F.F. Maps, plans and drawings for part III of materials for the history of engineering art in Russia. Original title: Bakhmut, Kizlyar. Fig. 12. Kizlyar fortress. P. 31.
10. Omelchenko I.L. Terek Cossacks. Vladikavkaz, 1991. P. 80 – 83; 229 – 230.
11. Potto V.A. Caucasian war. T. 1. From ancient times to Ermolov. P. 56.
12. PSZRI. 1st ed. T. XXII. No. 16210. L. 415. T. XX. No. 14.607. P. 518 – 521.
13. CGARD. F. 379. Op. 1. D. 10. L. 1; F. 380. Op. 2. D. 5. L. 9.
14. Yang Kunfei Revisiting the 'Frontier': Concepts, Types, and Governance Approaches. Guangxi Ethnic Studies. 2017. No. 2. P. 7 – 15.

Информация об авторе

У Цзыпэн, аспирант, Университет Цинхуа, Китай, wzp18255278971@163.com

© У Цзыпэн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 398.22

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-210-219

Этногеография башкир по данным эпических сказаний

¹ Антонов И.В.,

¹ Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация: рассмотренные в статье эпические сказания дают возможность выделить различные этногеографические группы в составе башкир. Эпос «Конгур-буга» сообщает о делении башкир на южных и северных. Северные башкиры приходят на помощь южным башкирам, на которых напали враги. Героями эпоса «Алдар и Зухра» выступают Алдар – представитель степных башкир и Зухра – представительница лесных башкир. Степными назывались юго-восточные башкиры Ногайской и Сибирской, лесными – северо-западные башкиры Казанской и Осинской дороги. Алдар прибывает к отцу Зухры – Кидрясу, кочевавшему в районе озера Кандры. Кидряс созывает ближних и дальних гостей на джиин – сход, народный праздник. Эпос называет шесть групп башкир, прибывших на джиин, маркируя их по названиям рек: к первой группе относятся башкиры, живущие на реке Кармасан, ко второй группе – башкиры, живущие на реке Бирь, к третьей группе – башкиры, живущие на реке Дема, к четвертой группе – башкиры, живущие на реке Уфа, к пятой группе – башкиры, живущие на реке Ашкадар и вверх по реке Белой, к шестой группе – башкиры, живущие на реке Чермасан. Функцию поддержания социальных и политических связей между родовыми структурами башкир выполняли народные собрания – йыйыны (джиины). Зухра выходит замуж за Алдара и прибывает в его кочевье на реке Урал. Герой эпоса «Ек-Мэргэн» происходил из степных башкир. Он сплотил вокруг себя лесных башкир и возглавил их борьбу против Казанского ханства. Деление башкир на группы не нарушало единства этноса. Башкиры обладают общим этническим самосознанием, языком и религией, ведут кочевой образ жизни, занимаются скотоводством, приходят на помощь друг другу, вступают в браки друг с другом.

Ключевые слова: южные и северные башкиры, степные и лесные башкиры, эпические сказания, «Конгур-буга», «Алдар и Зухра», «Ек-Мэргэн»

Для цитирования: Антонов И.В. Этногеография башкир по данным эпических сказаний // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 210 – 219. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-210-219

Поступила в редакцию: 6 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Ethnogeography of the Bashkirs according to the data of epic legends

¹ Antonov I.V.,

¹ R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the epic tales considered in the article make it possible to distinguish various ethnogeographical groups within the Bashkirs. The epic "Kongur-Buga" reports on the division of the Bashkirs into southern and northern. The northern Bashkirs come to the aid of the southern Bashkirs, who are attacked by enemies. The heroes of the epic "Aldar and Zukhra" are Aldar, a representative of the steppe Bashkirs, and Zukhra, a representative of

the forest Bashkirs. The south-eastern Bashkirs of the Nogai and Siberian roads were called steppe, and the north-western Bashkirs of the Kazan and Osa roads were called forest. Aldar arrives at Zukhra's father, Kidryas, who is a nomad in the area of Lake Kandra. Kidryas summons near and far guests to jiin - a gathering, a folk holiday. The epic names six groups of Bashkirs who arrived on the jiin, marking them by the names of the rivers: the first group includes the Bashkirs living on the Karmasan River, the second group includes the Bashkirs living on the Bir River, the third group includes the Bashkirs living on the Dema River, the fourth group includes the Bashkirs living on the Ufa River, the fifth group includes the Bashkirs living on the Ashkadar River and up the Belaya River, the sixth group includes the Bashkirs living on the Chermasan River. The function of maintaining social and political ties between the clan structures of the Bashkirs was performed by people's assemblies - yiyins (jiins). Zukhra marries Aldar and arrives at his camp on the Ural River. The hero of the epic "Ek-Mergen" came from the steppe Bashkirs. He rallied the forest Bashkirs around him and led their struggle against the Kazan Khanate. The division of the Bashkirs into groups did not violate the unity of the ethnos. The Bashkirs have a common ethnic identity, language and religion, lead a nomadic lifestyle, are engaged in cattle breeding, come to the aid of each other, and marry each other.

Keywords: southern and northern Bashkirs, steppe and forest Bashkirs, epic tales, "Kongur-buga", "Aldar and Zukhra", "Ek-Mergen"

For citation: Antonov I.V. *Ethnogeography of the Bashkirs according to the data of epic legends. Historical Bulletin.* 2025. 8 (1). P. 210 – 219. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-210-219

The article was submitted: October 6, 2024; Approved after reviewing: December 9, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

По арабским, монгольским, западноевропейским и русским источникам выделяются две группы башкир. Западные (внутренние) башкиры находились в тесном контакте с волжскими булгарами, тогда как восточные (внешние) башкиры преимущественно контактировали с кочевыми народами степной полосы Волго-Уральского региона – печенегами, гузами, кыпчаками, монголами, ногайцами, калмыками [3, с. 172-181]. Отрывочные сведения, сообщаемые иностранными авторами, которым в большинстве случаев самим не довелось побывать на территории Башкирии, не позволяют изобразить эти две группы башкир на карте. Недостаток сведений письменных источников по средневековой истории башкир отчасти восполняют произведения устного народного творчества. Ценным источником являются предания и легенды, рассказывающие о различных событиях в истории башкир [6]. Эти произведения давно уже получили признание исследователей, они постоянно используются в работах по истории и археологии Южного Урала. Значительно меньше внимания исследователи уделяют башкирскому эпосу. В отличие от преданий, эпос не рассказывает о реальных исторических событиях, его героями выступают вымышленные персонажи, нередко действующие в разное время, но объединенные сюжетом повествования. Эти герои сражаются не только с мифическими существами, но и с врагами, нападающими на землю башкир. Защита родной земли является главной темой произведений

устного народного творчества. Эпос содержит ценные сведения по истории расселения различных групп башкир, их взаимоотношений между собой и с соседями. Так, в эпосе сохранились сведения о делении башкир на южных и северных – степных и лесных, что связано с особенностями этнической истории, различными компонентами, принимавшими участие в сложении родоплеменных и территориальных групп.

Материалы и методы исследований

В статье проведен сравнительный анализ сведений таких башкирских эпических сказаний, как «Конгур-буга», «Алдар и Зухра», «Ек-Мэргэн», о территории расселения башкир, их этногеографических группах. Эти сведения сопоставлены с данными исторической этнографии, систематизированными Р.Г. Кузеевым, об истории расселения башкирских племен. Сведения эпических сказаний также сопоставляются с материалами картографирования памятников археологии, исследованных на Южном Урале, датированных эпохой позднего средневековья. Сравнительный анализ позволил выделить несколько этногеографических групп башкир, охарактеризовать их родоплеменной состав и территорию расселения.

Результаты и обсуждения

О делении башкир на южных и северных сообщает эпос «Конгур-буга»:

«На южных башкир напали враги. На помощь им от северных башкир во главе войска прибыл Минэй-батыр. Он яростно сражался с врагами, нападшими на страну, - хунскими тюрками, и сво-

им богатырством изумил всех. За мужество, которое проявил он в той битве, башкиры этого края решили выдать за него замуж Тандысу, считавшуюся первой красавицей этих мест. Родители Тандысы проводили дочь в дом жениха, дав ей в приданое бурую корову (Конгур-бугу. – И.А.).

Прихватив с собой ту корову, Минэй и Тандыса пошли по низовьям и сыртам Урала на север, на родину батыра. Они полюбили друг друга и начали жить в счастии и согласии. У них родились красивые и крепкие дети» [8, с. 208-209].

Очень сомнительно, что на башкир могли напасть хунны (гунны). Сами башкиры пришли в Волго-Уральский регион на раннее VIII в., двигаясь в авангарде печенежской миграционной волны [11, с. 432]. Очевидно, имеются в виду более поздние враги, часто нападавшие на землю башкир. В предании «Беда-гора» тоже рассказывается о нападении на башкир гуннских тюрок [6, с. 93], хотя в другой версии того же предания речь идет о казахских набегах [6, с. 171].

Родина южных башкир в эпосе «Конгур-буга» связывается с Сакмар-рекой и Мохак-рекой. Сакмара – самый большой правый приток Урала, Мохак – река в Абзелиловском районе Башкирии.

Тандыса, навестившая родителей, «вышла на дорогу, по которой сюда (на родину. – И.А.) добиралась, и много дней шла так и шла по Уралу. Недели и месяцы миновали. А она все шла, и вот вдалеке засинела в верховьях Идели (Белой. – И.А.) гора Иремель (в северо-восточной Башкирии. – И.А.)» [8, с. 224-225].

Таким образом, в эпосе речь идет о башкирах, живущих в юго-восточной и северо-восточной Башкирии. Две группы башкир составляют единый народ, они приходят друг другу на помощь, вступают друг с другом в брачные отношения. «Дорога Конгур-буги», связывающая две группы башкир, проходит по Уральским горам.

В эпосе «Алдар и Зухра» повествование ведется от лица главной героини – Зухры, которая рассказывает своим гостям, как она познакомилась с Алдаром и вышла за него замуж. Сама Зухра кочует «между гор Ирентицких» [8, с. 338]. Это Ирендык, Ирентик – горный хребет в юго-восточной части Башкирии. Кочевье отца Зухры Кидряса отстоит от ее кочевья «на тридцать дней езды на добром коне. Места кочевьев родов наших занимают великое пространство, начиная от устья реки Уфы – впадающей в Ак-Идил (Белая. – И.А.), и вниз по оной по обоим берегам до устья ее Чолман-Идил (Кама. – И.А.). Не только берега реки сей занимают кочевья наши, но и на каждую оной сторону до пяти дней езды. В зимнее время живем мы в дремучих лесах, а при вскрывшейся

весне выходим на просторные степи рек Ак-Идила и Солман-Идила (Белой и Камы. – И.А.), о которых упоминала. Оные так широки, что самый сильный батыр едва может перекинуть стрелу с одного берега на другой, в разлитии ж своем кажутся они морями. Быстрый наш Яик (Урал. – И.А.) и Сакмара в сравнении их ручейки. Отец мой кочевал по рекам – Кармасану и Чермасану (левым притокам Белой. – И.А.) и доходил в половину лета до озера, именуемого Кандра (в Туймазинском районе Башкирии. – И.А.)» [8, с. 355]. Имеются в виду нижнебельские башкирские племена, территория которых «вытянута узкой полосой с юга на север. Крайние южные пределы их расселения находятся в верховьях рек Ик, Усень, Сюнь, База, Чермасан, Кармасан, северные – на правобережье Белой, достигая среднего течения Таныпа. Каждое племя, следовательно, располагало вотчинами как в лесной, так и в степной зонах» [11, с. 335]. Этнографические данные, таким образом, подтверждают сведения эпоса о кочевом образе жизни северо-западных башкир.

Время, в котором живут и действуют герои эпоса «Алдар и Зухра», установить трудно. Так, Зухра встречает посла царя болгарского, прибывшего «из великого царства болгарского», т. е. Волжской Булгарии [8, с. 360-362]. Отсюда можно сделать вывод, что действие происходит в период существования самостоятельного болгарского государства, т. е. до монгольского нашествия. Близость к Волжской Булгарии, возможно, обусловлена тем обстоятельством, что Зухра является представительницей лесного народа [8, с. 367]. Лесные башкиры, «пребывая в спокойствии, добры нравами, меж собою не враждуют, единое их дело пасти стада, разводить пчел и ездить на звероловство». Алдар же, напротив, предстает батыром из степного народа, живущего по другую сторону Уральских гор [8, с. 372-374]. Он говорит Зухре, что «мы с вами хотя и одного племени, но в одежде и в житье не одинаковы. Имя мое Алдар, я считаюсь батыром и наездником между нашими семиродцами». Алдар, таким образом, пользовался любовью и похвалой своих семиродцев [8, с. 375].

Слова Алдара заставляют обратиться к более позднему периоду. «Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян» рассказывает, что башкиры этих четырех племен послали к царю Ивану Васильевичу Грозному одинаково знатных людей. По просьбе башкирских послов Иван Грозный повелел отмерить им их земли. «Для этого в Ногайскую и Сибирскую дороги направил повелительные письма; опираясь на эти письма, народ ете ырыу, то есть «семи племен» (из которых названы только четыре. – И.А.), посоветовав-

шись [между собой] и согласившись [друг с другом], решили земли, которыми владели их племена, как-то степи и леса, разделить». Речь идет о существовавшем в XIV-XVI вв. в юго-восточной Башкирии союзе семи племен, в который входили племена бурзян, тамьян, тангаур, усерган и кыпсак (последнее подразделялось на самостоятельные роды кари-кыпсак, санкем-кыпсак и собственно кыпсак, которые входили в объединение на равных началах с другими племенами) [7, с. 73]. Таким образом, степными назывались юго-восточные башкиры Ногайской и Сибирской дороги. В таком случае лесными назывались северо-западные башкиры Казанской и Осинской дороги.

Вся территория Башкирии во второй половине XVI в. составила Уфимский уезд, делившийся на четыре дороги – Казанскую на западе, Ногайскую в центре и на юге, Сибирскую на востоке, Осинскую на севере [15, с. 82-83]. В XVII в. Башкирия делилась на две крупные хозяйственные области – земледельческо-скотоводческую (Казанская и Осинская дороги) и скотоводческую (Ногайская и Сибирская дороги). Правда, башкиры Казанской дороги еще выезжали летом на кочевки, но зимой содержали скот в стойлах. Башкиры Ногайской и Сибирской дорог занимались полукочевым скотоводством [15, с. 88]. Переход башкир к оседлости и земледелию еще не получил отражение в эпосе «Алдар и Зухра». Как следует из эпоса, степных и лесных башкир разделяло значительное расстояние. Алдару пришлось переехать Уральский хребет и переправиться через Белую, чтобы найти аул своего будущего тестя Кидряса «близ озера Кандры» [8, с. 378-379].

Наступил день, в который Кидряс созвал ближних и дальних гостей на джиин (сход, народный праздник). Вначале прибыли люди, о которых Кидряс сказал Алдару так: «Это ближние мои соседи, кочующие по берегам Кармасана, степи у них просторные, и скотоводство великое. Овцы их приносят длинную и белую, как снег, волну, и для того видишь ты их одетых в белую одежду, кони их крепки, но не рослы».

Далее с северной стороны прибыла большая артель, в которой Кидряс увидел «жителей быстрой и каменистой реки Бирь». Река сия берет начало свое из горы Урала и впадает в Ак-Идил. Берега ее покрыты непроходимыми лесами... Жители сей страны – великие пчеловоды, каждый из них имеет по сто и более бортей, и ежегодно их прибивают, а пчелы не оставляют их праздными, прививаясь, приносят обильно меду. Но часто разоряемы бывают сии труды их от медведей, кои в лесах бирских великое множество. Нередко и жители сих хищников побивают, быв великие зве-

роловцы, и для того видишь ты на всяком шапку, сделанную из молодого медведя...».

Взойдя на пригорок, Алдар и Зухра «увидели всадников в красных кафтанах». Зухра повела Алдару следующее: «Сей народ есть из богатейших в нашем краю. Он кочует на тучных пажитях глубокой реки Дим (Дема, левый приток Белой. – И.А.), она течет из степной вашей стороны и впадает так же в Ак-Идил. Воды ее черны, и при устье своем отличаются они чернотой от белизны Ак-Идила. По берегам реки сей растут дуб и ильм. Она весьма рыбна, а жители богаты скотом. Кони их самые лучшие по росту, стати и доброте, на них-то догоняют они в степях своих волков и лисиц: приметь, что на каждом всаднике шапка из чернобурой лисицы. Народ сей, как я думаю, самому тебе известно, принадлежит к вашему, ибо кочуют они более по степям, нежели в лесах...».

«Потом увидели мы народ, кочующий около реки Уфы. «Сии наши единоплеменники, – сказала я ему, – меньше батыры, нежели все прочие. Звероловство их состоит в ловле куниц и в стрельбе белок. Их убивают такое множество, что на всяком увидишь кунью шубу. Лучших куниц ловят у них в роде Гайнинском, и скота у них не столько много, как у прочих жителей сего края». После сего сказала я Алдару, что не вижу еще жителей, кочующих от устья реки Ашкадара (левый приток Агидели в среднем ее течении. – И.А.) вверх по Ак-Идилю». Но вскоре и те прибыли. Последней прибыла малая артель, кочующая по реке Чермасану [8, с. 386-389].

Таким образом, эпос называет шесть групп башкир:

- 1) «кочующие по берегам Кармасана»;
- 2) большая артель «жителей быстрой и каменистой реки Бирь»;
- 3) народ, кочующий «на тучных пажитях глубокой реки Дим»;
- 4) «народ, кочующий около реки Уфы»;
- 5) жители, кочующие «от устья реки Ашкадара вверх по Ак-Идилю»;
- 6) малая артель, кочующая по реке Чермасану.

Не все эти группы можно отнести к лесным башкирам. Так, о кармасанских башкирах сказано: «степи у них просторные, и скотоводство великое». К лесным башкирам определенно относятся жители реки Бирь, берега которой «покрыты непроходимыми лесами». Бирские башкиры занимаются пчеловодством и охотой на медведей. Это единственные башкиры, не названные кочевниками. Демские башкиры «богаты скотом». Они занимаются степной охотой. Об этом «народе» так и сказано, что он принадлежит к степным башкирам, «ибо кочуют они более по степям, нежели в ле-

сах». Уфимские башкиры тоже названы кочевниками, хотя занимаются они в первую очередь звероловством. Скотоводство и военное искусство развиты у них не настолько. Башкир, кочующих по Белой, выше устья Ашкадара, как и демских, логично отнести к степным. Чермасанские башкиры по своим занятиям, очевидно, близки соседним с ними кармасанским башкирам.

Племенная принадлежность перечисленных групп башкир не названа, за исключением гайнинского рода, отнесенного к уфимским башкирам. Племя гайна относится к северным башкирам [11, с. 331], расселенным «по Тулве и Бую – правым притокам Камы (это опечатка, имеются в виду левые притоки Камы. – И.А.), верховьям Быстрого Таныша, а также по среднему течению р. Уфы в районе впадения в нее рек Сарс, Тую и Юрюзань». До XIX в. «пределы башкирских земель на севере были значительно шире». Со временем гайнинцы были оттеснены к югу и востоку [11, с. 337-338]. В эпосе упоминается наездник и борец Бикбердебатыр, приехавший на джиин «с вершин реки Уфы» [8, с. 394], где жили башкиры. На реке Кармасан живут башкиры племени каршин, в верховьях реки Чермасан и на озерах Асликуль и Кандрыкуль – башкиры племени канлы, в низовьях реки Чермасан – башкиры племени дуваней [11, карта 13]. Р.Г. Кузеев считает маловероятным предположение о местном, финно-угорском происхождении племени каршин, он указывает на тюрко-монгольские истоки каршинцев, об этнической истории которых известно чрезвычайно мало [11, с. 363-365]. Канлы восходят к средневековым канглам. В Западную Башкирию канлинцы пришли в XIII – начале XIV в. в составе кыпчакской миграционной волны [11, с. 357-359]. Племя дуван мигрировало в Приуралье из Дешт-и Кыпчака, где смешалось с кыпчаками [11, с. 352-355]. Значит, племена канлы и дуваней до монгольского нашествия на современной территории их расселения еще не жили.

Основу демских башкир составляют башкиры племени мин, расселявшиеся на обширной территории бассейна Демы от ее верховьев до устья [11, с. 299]. В Башкирию минцы пришли из Дешт-и Кыпчака в XIV в. [11, с. 465]. Зухра неслучайно сказала Алдару, что народ сей, как ему самому известно, принадлежит к степному народу, ведь минцы имеют южное происхождение.

В бассейне Ашкадара и его притоков, а также по обоим берегам Белой вверх от впадения в нее Ашкадара, расселены башкиры племени юрматы [11, карта 2]. В XIII-XIV вв. юрматынцы кочевали в междуречье верховьев рек Зай и Шешма, а в начале XV в. переселились на юго-восток, т. е. на

занимаемую ныне территорию [11, с. 118-120]. Племя юрматы Р.Г. Кузеев относит «к раннему (булгаро-угорскому) этническому слою башкирского этноса, образовавшемуся на базе смешения тюркского и угорского (древнемадьярского) населения на территории формирующейся Волжской Булгарии и сопредельных областей» [11, с. 186]. Поэтому Зухра и не относит ашкадарских башкир к степному народу, хотя живут они южнее демских башкир и, казалось бы, более связаны со степным миром.

Мать сказала Зухре, выходящей замуж за Алдара: «Далеко ты от нас будешь, любезная дочь! А жениха такого, как Алдар, из единоплеменных ты не сыщешь». Единоплеменником Зухры назван Муйнак, выйти замуж за которого она отказалась [8, с. 403]. А Муйнак был представителем ашкадарских башкир [8, с. 388]. Таким образом, единоплеменными считались все шесть групп западных башкир. Эти группы представляют собой некое единство. Их представители собираются на съезд и сообща решают важные вопросы. Возможно, имеется в виду племенной союз западных башкир.

Территория обитания этих башкир совпадает с ареалом памятников чиялыкской археологической культуры. Например, на р. Кармасан находятся Ахметовские I и II, в междуречье рр. Уфы и Белой – Рязановский (Дмитриевский), Биктимировский, на р. Деме – Ново-Троицкий, Нижне-Хозятовский, Горновский, Караякуповский, Нижегородский III, Демский, Уфимский II, Алексеевский, в среднем течении р. Белой – Шиповский, Охлебининский, Ибрагимовский, Шах-Тауский грунтовые могильники XIII-XIV вв., погребения в которых совершены по мусульманскому обряду, а языческие пережитки встречаются в виде исключения [10, с. 182, рис. 1]. Поселенческие памятники этого времени представляют собой остатки зимних и летних временных стойбищ, которые мало подвергались стационарным исследованиям. На некоторых селищах выявлены остатки переносных жилищ – войлочных юрт, а также берестяных шалашей и чумов, которые находят полные аналогии в этнографии башкир [10, с. 190].

Основным районом расселения древнебашкирских племен в Приуралье Р.Г. Кузеев считал Бугульминскую возвышенность [11, с. 438]. Эпос «Алдар и Зухра» дает нам несколько иную картину. Если кармасанские и чермасанские башкиры живут на северных, а демские и ашкадарские башкиры на восточных склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности, то бирские и уфимские башкиры вообще живут за пределами Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В то же время озеро Кандрыкуль, близ которого Алдар

нашел аул Кидряса, находится как раз в центральной части Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Там и состоялся джиин (йыйын), на который прибыли представители всех шести групп приуральских башкир (сам Кидряс, скорее всего, относился к чермасанским башкирам). Р.Г. Кузеев неслучайно писал: «Есть сведения, позволяющие утверждать, что в XV-XVI вв. обширный регион в районе озер Асылы-куль и Кандры-куль был центром позднесредневековой Башкирии. На это указывает Долина Тамг близ деревни Слак-баш Альшеевского района, где на скалах, крупных каменных монолитах обнаружены изображения тамг всех башкирских племен» [12, с. 38]. Данный вопрос слабо освещен в источниках, но сведения эпоса «Алдар и Зухра», правда, непривязанные к конкретному хронологическому периоду, позволяют предполагать существование центра племенного союза западных башкир в районе озера Кандрыкуль.

По мнению Б.А. Азнабаева, йыйыны – народные съезды – являлись надплеменной структурой, выполнявшей интегративную функцию в башкирском обществе, регулировавшей применение военной силы. Общебашкирские йыйыны созывались не только во время восстаний и войн, но и в тех случаях, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие интересы всех башкир. Хотя инициатором созыва йыйына, как правило, являлась группа влиятельных башкир, йыйыны не были только собраниями башкирской знати. В мероприятии мог участвовать любой взрослый мужчина. Принятое решение было обязательным для всех, независимо от присутствия на съезде или несогласия с его постановлением. «Характер народного празднества не позволяет видеть в башкирских йыйынах только собрания знати, своего рода консилиумы феодалов. Эти многолюдные собрания выполняли свою главную функцию – поддержание социальных и политических связей между родовыми структурами башкир. Йыйыны представляли собой традиционный институт, консолидирующий политическое единство башкирского народа». Проводились не только совместные молебны и угощения, но и традиционные соревнования спортивного и артистического характера [1, с. 290-297]. Эпос не сообщает, что послужило причиной созыва йыйына Кидрясом. Возможно, он устроил праздник, на котором выдавал свою дочь замуж за Алдара. Может быть, на йыйыне решались какие-то более важные вопросы, имеющие отношение ко всем приуральским башкирам. Общебашкирским мероприятием созданный Кидрясом йыйын не был, так как представители зауральских башкир в нем не участвовали. Алдар

прибыл к Кидрясу с другой целью – сватать за себя Зухру. Но, выдавая дочь замуж за Алдара, Кидряс хотел породниться с зауральскими башкирами, что имело очень большое значение с точки зрения поддержания социальных и политических связей между западными и восточными башкирами.

О свадебном обряде Зухра рассказывает так: «Наутрие, около полудня, взял отец мой меня и Алдара и привел к собравшемуся народу. Призванный мулла прочел никах (акт бракосочетания по мусульманскому обряду. – И.А.). И тем соединил нас с Алдаром. Потом муж мой дарил всю мою родню и старейшин наших, сколько упомянуть могу». Так Зухра описывает щедрость своего мужа. «Отцу моему и матери множество надарил шелковых и бумажных тканей, которые ... получают они на вымен от ногайцев» [8, с. 407-408]. Отсюда следует, что, как лесные, так и степные башкиры к тому времени были уже мусульманами и соблюдали мусульманские обряды. Проникновение ислама в Башкирию началось уже в домонгольский период, но захоронения с признаками мусульманского погребального обряда того времени крайне немногочисленны. Распространение ислама в Башкирии происходит в эпоху Золотой Орды, о чем свидетельствуют раннемусульманские грунтовые могильники чияликской культуры. Утверждение ислама в Башкирии наступает уже после распада Золотой Орды, что было связано с переходом к ортодоксальному мусульманскому погребальному обряду, принятому у башкир в настоящее время [2, с. 74-88]. Нслучайно Алдар оказывается современником Ногайской Орды. Степные башкиры поставляют ногайцам свои товары, взамен получая шелковые и бумажные ткани. Ногаи перепродавали заграничные товары, в частности шелковые ткани [14, с. 518]. Они меняли скот, оружие, меха и другие товары на «дешевый (для массового, всенародного потребления) среднеазиатский текстиль, который выделялся из хлопка узбекскими и таджикскими ткачами специально для вывоза в Дешт-и Кипчак» [14, с. 525]. Эти изделия, очевидно, поступали и к башкирам. Ислам довольно прочно укоренился в Ногайской Орде. Несмотря на относительно позднее внедрение новой религии в ногайях можно видеть уже мусульманское общество [14, с. 547-557]. Таким же мусульманским обществом предстают и башкиры в эпосе «Алдар и Зухра». Герои эпоса постоянно обращаются с молитвами к Аллаху и Мухаммеду, призывая их себе в покровители. Нормы ислама пронизывают их жизнь и быт.

Зухра простилась с родителями и уехала с Алдаром. В путь они отправились по луговой, т. е. левой, стороне Белой, вверх по ее течению. Справа

они оставили озеро Ачелы (Асылыкуль в Давлекановском районе Башкирии), близ устья переправились через Дему, подъехали к Уршаку (левый приток Белой в ее среднем течении) и переправились через реку близ Узяна, впадающего в Уршак. Переправившись через Ашкадар, они встретились с Муйнаком, который сватался к Зухре. Муйнак забыл свою обиду. Алдару он предлагает развлечься «степными нашими забавами» [8, с. 412-413]. Алдар дарит коня. Обращаясь к Муйнаку, он сказал: «Благодарю тебя за сладкую твою пищу и в знак дружества моего к тебе прошу принять сего коня с седлом и все, что на нем привязано. Лук сей, стрелы и саблю отнял я у сильного ногайского батыра с жизнью. Он приезжал отгонять стада наши, а пал от руки моей» [8, с. 415]. Эти слова еще раз указывают на то, что Алдар жил в эпоху Ногайской Орды.

С южной группой башкир, представителем которой был Муйнак, могут быть связаны многочисленные поселенческие памятники эпохи железа в среднем течении р. Белой, систематизированные В.Д. Викторовой. Селище Береково по поливной керамике желтого цвета датируется XIII-XIV вв. На поверхности поселения остались впадины от углубленных в землю круглых жилищ типа юрт. В.Д. Викторова считает селище Береково кратковременным поселением какого-то кочевого племени, возможно, какого-то господствующего татарского или ногайского рода. Культурный слой селищ Каныкаево II, Береговское III, Иткучуково II, Хлебодаровка IV, Смаково, Красноярское I и II «очень беден находками, содержит зольник, расколотые кости, камни и очень редко фрагменты гончарной керамики». Эти селища отнесены к памятникам ишкульовского типа, названным по Ишкульовскому селищу, определенному К.В. Сальниковым как место башкирской кочевки XIV-XV вв. [9, с. 155-173]. Возможно, на каком-нибудь из этих селищ и находилась ставка Муйнака. Жилища-полуземлянки Берековского селища частично обследованы Н.А. Мажитовым в 1965 г. Исследователь датирует памятник примерно XV-XVII вв. и считает его стойбищем-зимником, где длительное время проживала большая группа людей. Раскопанные полуземлянки очень напоминают башкирские жилища, увиденные и описанные в XVIII в. И.И. Лепехиным и П.С. Палласом [13, с. 346-347].

Кочевья семиродцев находились в степных местах, удобных к пастбищу. Алдар и Зухра, наконец, увидели вдали пространные степи с множеством скота, пасущегося на них. «И как страна сия известна была одному Алдару, то и показывал он нам разные аулы, называя каждый по имени своего аксакала».

«Таким образом, едуци, приближались мы к кочевью Алдарову, которое стало быть видно на берегу быстрого Яика». Так рассказывает Зухра о своем путешествии на родину мужа [8, с. 459-461].

В качестве единственного примера аулов семиродцев можно привести Ишкульовское селище в Абзелиловском районе. Памятник находится на левом берегу р. Бол. Кизил, правого притока Урала. Как и на памятниках ишкульовского типа в бассейне Белой, на Ишкульовском селище видны круглые впадины жилищ-полуземлянок. «В 1951 г. К.В. Сальниковым вскрыта площадь 158 кв. м. Обнаружены кости, обломки чугунных котлов, черепки гончарной посуды, слиток меди. Памятник определен как башкирская стоянка XI-XV вв.» [4, с. 200, № 1907].

В основном же памятники среднего и нижнего течения р. Урал представлены курганами кочевников золотоордынского периода (XIII-XIV вв.). В степных районах Башкирии исследованы Комсомольские, Тавлыкаевские II, Ивановские IV, Башкир-Беркутовские, Юлдыбаевские II, Ишкульовские II курганные могильники [5, с. 55-56].

Таким образом, эпос «Алдар и Зухра» делит башкир на лесных и степных. Лесные башкиры живут на реках Уфа, Белая, Кама, Кармасан, Чермасан, Бирь, Дема, Ашкадар, Уршак, Узян. Это реки бассейна Волги. О степных башкирах известно меньше. Сообщается лишь, что они живут на реках Яик и Сакмара. Это реки бассейна Урала. Лесные и степные башкиры составляют единый народ. Они говорят на одном языке и исповедуют единую религию, вступают в брак друг с другом. В то же время значительное расстояние между ними препятствует их непосредственному общению. Надо сказать, что эти две группы башкир не вполне соответствуют северным и южным башкирам, о которых сообщает эпос «Конгур-буга». Лесные и степные башкиры, скорее, маркируют собой западных и восточных, нежели северных и южных башкир. Поэтому названия «лесные» и «степные» башкиры являются условными. Лесные башкиры живут в основном в зоне лесостепи, занимая на севере лесные, а на юге степные пространства. Археологические памятники лесных башкир представлены поселениями и грунтовыми могильниками чиялыкской культуры, памятники степных башкир — курганными могильниками эпохи позднего средневековья.

Героиней эпоса «Ек-Мэргэн» выступает старуха Тугызак-эби, устроившаяся на летовку со своими детьми на высоком берегу Агидели. Она «была женой знаменитого предводителя войск». Муж ее, «знатный бий, собрал однажды лучших воинов своих и отправился в дальний поход — в долины

рек Агидели (Белой. – И.А.) и Сулмана (Камы. – И.А.). С того похода он не возвратился домой». Тугызак осталась одна с девятью сыновьями. Они «стали отправляться в боевые походы – дорогами своего отца». После возвращения из очередного похода их настиг отряд мстителей, приплывших по реке в лодках. Все девять братьев-батыров погибли. В живых остался лишь один из внуков Тугызак. Мальчик вырос среди лесных зверей и рано возмужал. «Лесной народ боялся одной его тени». Найдя стан своих предков, он уснул и увидел во сне отца, завещавшего ему оружие и коня.

«Проснувшись, Ек (так назвал его отец. – И.А.) откопал под деревом лук и стрелы, отыскал одинокого аргамака и, забравшись на него, поехал в сторону запада. Дело в том, что в ту пору западные башкиры платили дань Казанскому хану. Вскоре Ек сплотил вокруг себя западных башкир и запретил им платить дань. Не раз и не два приводил он в смятение казанских ханов, делая на них внезапные набеги вместе с подчиненными ему воинами. Его стрела никогда не запускалась беспечно». За меткость в стрельбе его прозвали Мэргэн. «Его неотразимой стрелы страшились также киргизские (казахские. – И.А.) батыры за Уралом, именитые яицкие бии, атаманы Казанского ханства».

Потерпев поражение в сражении, Ек-Мэргэн попадает в плен. Но казанский хан, пораженный меткостью и выдержкой джигита, «даровал ему свободу и отпустил его на родные берега Агидели» [8, с. 491-496].

Очевидно, Ек-Мэргэн происходил из степных башкир, граничивших с казахами за Уралом. Эти башкиры на летовки откочевывали на север и совершали походы на лесных башкир, живших в долинах Белой и Камы. Лесной народ боялся Ек-Мэргэна и платил дань Казанскому ханству. Ек-Мэргэн сплотил вокруг себя западных башкир и возглавил их борьбу против Казанского ханства, которая растянулась на долгие годы и закончилась поражением. Степные башкиры предстают более

воинственными по сравнению с лесными башкирами.

Выводы

Таким образом, рассмотренные нами эпические сказания сообщают о делении башкир на две группы: южных и северных («Конгур-буга»), степных и лесных («Алдар и Зухра», «Ек-Мэргэн»). Эти сведения представляют большую историческую ценность. Они дают информацию о местах проживания, хозяйственных занятиях, образе жизни, общественном устройстве, материальной и духовной культуре, различного рода отношениях между собой и с окружающими их народами южных и северных, точнее, юго-восточных и северо-западных башкир. Башкиры знают, к какой группе они относятся, и в то же время обладают единым этническим самосознанием. Можно выделить некоторые обстоятельства, объясняющие деление башкир на группы, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие группы. Во-первых, разнообразные природно-географические условия территории Башкирии, расположенной на стыке степной и лесной зоны. Во-вторых, различные археологические культуры и типы памятников, представленные в степной и лесостепной зонах Башкирии. В-третьих, различные этнические компоненты, принимавшие участие в формировании башкирского этноса. В-четвертых, сложный родоплеменный состав башкир. В-пятых, не менее сложный антропологический состав башкир. В-шестых, отсутствие единообразия в материальной культуре различных этнографических групп башкир. В-седьмых, различные диалекты и говоры башкирского языка. Но все эти обстоятельства не нарушают единства этноса. Дальнейшие исследования в области изучения письменных источников, произведений устного народного творчества, археологии, этнографии, антропологии и лингвистики будут способствовать получению более полного представления об этногеографии башкир в эпоху средневековья.

Финансирование

Работа осуществлена в рамках выполнения государственного задания по теме «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели» № АААА-А21-121012290083-9

Список источников

1. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. 370 с.
2. Антонов И.В. О времени принятия ислама населением Южного Урала // Genesis: исторические исследования. 2022. № 11. С. 74 – 88.
3. Антонов И.В. О двух группах башкир в эпоху средневековья (по данным письменных источников и башкирских преданий) // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 6. С. 172 – 181.

4. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 268 с.
5. Археологические памятники Башкортостана / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.
6. Башкирские исторические предания и легенды / Автор-составитель Ф.А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. 528 с.
7. Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.
8. Башкирское народное творчество / Гл. ред. Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. Т. 1. 544 с.
9. Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Уральский государственный университет, 1962. Вып. 4. С. 155 – 173.
10. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. 2015. С. 181 – 198.
11. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
12. Кузеев Р.Г. Межнациональные отношения: история, теория, пути демократического обновления. Уфа: Знание, 1990. 59 с.
13. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
14. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
15. Устюгов Н.В. Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII вв. Политика царизма. Феодальные движения // Очерки по истории Башкирской АССР / Под ред. А.П. Смирнова, Н.В. Устюгова, А.И. Харисова, Г.Ф. Шафикова, Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1956. Т. I. Ч. 1. С. 81 – 123.

References

1. Aznabaev B.A. Bashkir society in the 17th – first third of the 18th century. Ufa: Bashkir State University, 2016. 370 p.
2. Antonov I.V. About the time of adoption of Islam by the population of the Southern Urals. Genesis: historical studies. 2022. No. 11. P. 74 – 88.
3. Antonov I.V. About two groups of Bashkirs in the Middle Ages (according to written sources and Bashkir legends). Historical Bulletin. 2023. T. 6. No. 6. P. 172 – 181.
4. Archaeological map of Bashkiria. Rep. ed. HE. Bader. M.: Nauka, 1976. 268 p.
5. Archaeological monuments of Bashkortostan. Rep. ed. Yu.A. Morozov. Ufa: Gilem, 1996. 280 p.
6. Bashkir historical traditions and legends. Author-compiler F.A. Nadrshina. Ufa: Kitap, 2015. 528 p.
7. Bashkir shezhere. Compilation, translation of texts, introduction and comments by R.G. Kuzeeva. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1960. 304 p.
8. Bashkir folk art. Ch. ed. N.T. Zaripov. Ufa: Bashkir book publishing house, 1987. T. 1. 544 p.
9. Viktorova V.D. Materials for the archaeological map of Iron Age monuments in Southern Bashkiria. Questions of archeology of the Urals. Responsible. ed. V.F. Gening. Sverdlovsk: Ural State University, 1962. Issue 4. Pp. 155 – 173.
10. Garustovich G. N. Chiyalik Archaeological Culture of the Middle Ages in the Southern Urals. Ufa Archaeological Bulletin. Issue 15. 2015. P. 181 – 198.
11. Kuzeev R.G. Origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement. Moscow: Nauka, 1974. 571 p.
12. Kuzeev R.G. Interethnic relations: history, theory, paths of democratic renewal. Ufa: Znanie, 1990. 59 p.
13. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. History of Bashkortostan from ancient times to the 16th century. Ufa: Kitap, 1994. 360 p.
14. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. 2nd ed., rev. and additional Kazan: Kazan Real Estate, 2016. 764 p.
15. Ustyugov N.V. Socio-economic relations in Bashkiria in the second half of the 16th and 17th centuries. Politics of tsarism. Feudal movements. Essays on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Ed. A.P. Smirnova, N.V. Ustyugova, A.I. Kharisova, G.F. Shafikova, R.G. Kuzeeva. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1956. T. I. Part 1. P. 81 – 123.

Информация об авторе

Антонов И.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Orcid ID: <https://orcid.org/0000-0002-1188-1785>, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 450077, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, igan73@yandex.ru

© Антонов И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.620)"19/20"

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-220-225

Возрождение национальных общественных организаций на Кубани в конце XX – начале XXI вв.

¹ Садым К.Б.,

¹ Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России

Аннотация: *введение:* статья посвящена анализу процесса возрождения национальных общественных организаций на Кубани в конце XX – начале XXI вв. В указанный период регион вошёл в особую фазу этнокультурных и социополитических изменений, связанных с распадом СССР и демократизацией общественно-политической жизни. Автор рассматривает исторические условия, предшествовавшие процессу возрождения, и особенности функционирования данных организаций в условиях трансформации российского общества.

Материалы и методы: в работе используется междисциплинарный подход, включающий историко-социологический анализ, сравнительный метод и системный подход к изучению общественных процессов. Источниковую базу исследования составляют архивные документы, законодательные акты, материалы периодической прессы, а также данные полевых исследований, таких как интервью с представителями национальных организаций.

Результаты: автор выявляет, что ключевую роль в возрождении национальных организаций сыграли смена государственной идеологии, либерализация общественной жизни и рост этнической идентичности. На Кубани, издавна известной своим этнокультурным разнообразием, сформировались десятки национально-культурных объединений, включая армянские, украинские, белорусские, греческие, казачьи и другие сообщества. Эти организации сосредоточили свои усилия на сохранении национальной культуры, языка, традиций, а также на адаптации населения к изменяющимся условиям. Однако процесс их становления сопровождался рядом трудностей, включая проблемы с финансированием, отсутствие четкого правового регулирования, а также конкуренцию между объединениями.

Заключение: исследование демонстрирует, что возрождение национальных общественных организаций на Кубани стало важным фактором в процессе формирования гражданского общества в регионе. Деятельность подобных объединений способствовала сохранению этнокультурного многообразия и укреплению межнационального диалога. Однако для их дальнейшего развития необходимы меры государственной поддержки и создание благоприятных условий для работы. Статья актуальна для понимания процессов регионального развития в многонациональном обществе.

Ключевые слова: Кубань, национальная организация, возрождение, консолидация, национальные меньшинства

Для цитирования: Садым К.Б. Возрождение национальных общественных организаций на Кубани в конце XX – начале XXI вв. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 220 – 225. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-220-225

Поступила в редакцию: 6 октября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 9 декабря, 2024 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2025 г.

Revival of national public organizations in Kuban at the end of the 20th - beginning of the 21st century

¹ *Sadym K.B.,*

¹ *Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Abstract: introduction: the article is dedicated to analyzing the revival process of national public organizations in Kuban at the end of the 20th and the beginning of the 21st century. During this period, the region entered a special phase of ethnocultural and sociopolitical changes associated with the collapse of the USSR and the democratization of public and political life. The author examines the historical conditions preceding the revival process and the specific characteristics of these organizations' functioning within the context of Russian society's transformation.

Methods and Materials: the study employs an interdisciplinary approach, including historical-sociological analysis, comparative method, and a systematic approach to studying societal processes. The research's source base consists of archival documents, legislative acts, materials from the periodical press, as well as data from field studies, such as interviews with representatives of national organizations.

Results: the author identifies that the change in state ideology, the liberalization of public life, and the growth of ethnic identity played a key role in the revival of national organizations. In Kuban, long known for its ethnocultural diversity, dozens of national-cultural associations were formed, including Armenian, Ukrainian, Belarusian, Greek, Cossack, and other communities. These organizations focused their efforts on preserving national culture, language, and traditions, as well as helping the population adapt to changing conditions. However, their establishment process was accompanied by several difficulties, including funding issues, the lack of clear legal regulations, and competition among associations.

Conclusion: the study demonstrates that the revival of national public organizations in Kuban has become an important factor in the formation of civil society in the region. The activities of such associations have contributed to preserving ethnocultural diversity and strengthening interethnic dialogue. However, further development will require government support measures and the creation of favorable conditions for their work. The article is relevant for understanding the processes of regional development in a multiethnic society.

Keywords: Kuban, national organization, revival, consolidation, national minorities

For citation: *Sadym K.B. Revival of national public organizations in Kuban at the end of the 20th – beginning of the 21st century. Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 220 – 225. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-220-225*

The article was submitted: October 6, 2024; Approved after reviewing: December 9, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

На протяжении продолжительного исторического периода, обусловленного чередой политических преобразований и спецификой географического положения, Кубань постепенно сформировалась как один из наиболее полиэтнических уголков Российской Федерации, где сегодня бок о бок проживают представители свыше ста народов. Среди ярких признаков консолидации этнических меньшинств в регионе особенно выделяются национальные общественные объединения, которые в конце XX – начале XXI вв. претерпели активное возрождение и приобрели существенное влияние на формирование многообразия культурных практик.

Материалы и методы исследований

В начале XX столетия на Кубани впервые зародились институциональные формы нацио-

нальных объединений, которые стали своеобразными точками соприкосновения и диалога для представителей разных этносов. Документы, сохранившиеся в Государственном архиве Краснодарского края (1), включая уставные положения, годовые отчеты, а также подзаконные акты, позволяют реконструировать структуру и направления деятельности этих организаций. Становление таких объединений происходило при участии представителей многочисленных народов, среди которых греки, адыги и армяне, и было ориентировано прежде всего на укрепление идентичности, сохранение традиций и языка внутри диаспор [2].

Однако начавшийся в первые десятилетия советской власти процесс национализации и централизации значительно ограничил возможности самостоятельной деятельности подобных

обществ [3]. В 1930-е гг. на территории региона действовали лишь национальные районы, в которых компактно проживали греческие, армянские, адыгские и немецкие сообщества, но работа этих районов оказалась недолговечной и уже вскоре фактически сошла на нет.

Продолжительное время культурная жизнь этнических диаспор на Кубани протекала преимущественно в личном или семейном кругу, без создания официальных общественных структур. Такая ситуация отражала доминирующую государственную политику в сфере межнациональных отношений, где любые инициативы по формированию независимых этнокультурных объединений пресекались. По воспоминаниям участников национальных диаспор, обучавшихся в высших учебных заведениях региона, неоднократные попытки обратиться к органам власти за разрешением официальной регистрации новых обществ оставались безуспешными. В итоге оставался лишь неформальный путь: студенческая молодежь и активисты собирались в кружках, где изучали родной язык, знакомились с историей и фольклором. С течением времени в регионе стихийно возникали фольклорные коллективы армян, греков или адыгов, которым власть, в отличие от инициатив по созданию формальных объединений, не мешала. Уже тогда в стенах краснодарских университетов проводились национальные вечера с целью укрепления культурного самосознания и популяризации наследия предков.

Перестроечные реформы второй половины 1980-х годов привели к заметному росту общественной активности населения. Культурная интеллигенция и лидеры национальных диаспор, осознавшие особую значимость возрождения этнокультурных традиций, стали двигателем появления новых движений, стремившихся сохранить самобытность родного языка, передать следующие поколения тонкости национальных обычаев и укрепить самоидентификацию. Поначалу местные власти продолжали сдерживающую политику в отношении создания таких объединений. Тем не менее активисты развернули широкую кампанию по проведению встреч и собраний внутри своих диаспор, куда приглашались и чиновники. Постепенно становилось очевидным, что для гармоничной интеграции этносов требуются легальные общественные структуры.

Первой официально зарегистрированной в краевом центре в 1989 году стала организация «Возрождение», объединившая российских

немцев [4]. Свои первоначальные собрания она проводила на базе библиотеки им. А. С. Пушкина. Следом за этим создалось армянское общество «Маштоц», чьи учредительные документы подготовили активисты в стенах КубГУ [5]. На фоне назревшей перестройки общественно-политического курса в короткие сроки к подобному опыту обратились и другие этнические группы края, которые впоследствии обрели статус зарегистрированных национальных организаций.

Результаты и обсуждения

Одним из значимых шагов в данном направлении явилось основание в 1992 г. «Центра национальных культур» в поселке Лазаревское города Сочи. Здесь совместно функционировали подразделения, представлявшие культуру адыгов, армян, греков, казаков, русских, украинцев и белорусов, а ключевой задачей оставалась деятельность по сохранению и распространению уникального наследия данных народов [6].

В том же 1992 году в краевом центре появилось не менее значимое формирование – «Центр национальных культур» города Краснодара, объединившее под своим началом целый ряд национально-культурных организаций. основополагающими направлениями его работы стали поддержание межэтнической гармонии, укрепление контактов между представителями различных диаспор и выстраивание эффективной системы сотрудничества в городе и крае [7]. Аналогичные структуры вскоре были учреждены и в других муниципалитетах края (Анапе, Новороссийске и Сочи), расширив поле своей деятельности в середине 1990-х гг.

Местные органы власти начали устанавливать формальные контакты с представителями национальных обществ в контексте разнообразных городских программ, ориентированных на профилактику социальных конфликтов. Такая взаимная работа включала методическую и материальную поддержку, а также предоставление информационных ресурсов, необходимых для развития социокультурных проектов в сфере межнациональных коммуникаций.

В период с 2005 по 2008 гг. в Краснодаре была осуществлена муниципальная программа «Краснодар – город межнационального сотрудничества». Начиная с 2009 года и вплоть до 2014 г. в городе регулярно проводились мероприятия, призванные предупредить экстремизм и укрепить согласие между этническими группами, в рамках профильной программы местных властей по гармонизации межнациональных отношений. Начиная с 2015 года, данные инициативы продолжились

посредством специализированной подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика терроризма и экстремизма», являющейся частью масштабной муниципальной программы «Развитие гражданского общества» в Краснодаре [8].

Кроме того, на уровне Краснодарского края была сформулирована «Программа гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур», главной целью которой провозглашалось всестороннее развитие национальных культур и сохранение многообразия всех этносов региона. В соответствующих разделах этой программы [9] содержались меры по формированию правовой базы, распределению финансовой помощи в пользу национально-культурных объединений и созданию предпосылок для эффективного долгосрочного управления межэтнической политикой. Указанные в ней задачи предполагали сохранение целостности российского государства при одновременном поощрении духовного взаимопроникновения и уважительного отношения к обычаям каждого народа. Документ ставил перед собой задачу не только уберечь общество от ксенофобии и экстремизма, но и способствовать укреплению гражданского согласия, обеспечивая тем самым мирное сосуществование многонационального населения Кубани.

В завершение первого десятилетия XXI столетия на территории Краснодарского края насчитывалось свыше 150 различных национально-культурных объединений, которые обрели официальную регистрацию и действовали под эгидой региональных и муниципальных органов. Основопологающим направлением их функционирования явились просветительские и социокультурные инициативы, включавшие системное изучение родных языков, знакомство с музыкальным и танцевальным фольклором, а также регулярное проведение этнических торжеств, среди которых особенно выделялись «Ханука» и «Сабантуй». Кроме того, значимую роль играли традиционные культурные вечера и поездки за пределы Российской Федерации, позволяющие участникам укреплять связи с исторической родиной и расширять культурный кругозор. Ярким символом межэтнической кооперации стали ежегодные фестивали «Венок дружбы народов Кубани» и «Культура сближает народы», куда прибывали представители не только коренного населения региона, но и гости из Беларуси, Дагестана, Сибири, Армении, Польши и Германии. Начиная с 2006 года, география

подобных праздников значительно расширилась, что подтверждали чешские фольклорные встречи в Туапсинском районе, третий международный фестиваль славянской культуры «Славянск – 2006», проводившийся в Славянске-на-Кубани, а также масштабные польские фестивали в Краснодаре, Лермонтово и Джубге.

Проанализировав динамику деятельности данных организаций в период с конца XX и вплоть до начала XXI вв., можно констатировать, что большинство из них имели во многом сходный спектр целей. К наиболее универсальным целям относились:

- Сохранение и приумножение культурных традиций, а также укрепление духовной и физической гармонии человека, опираясь на базовые принципы общечеловеческих ценностей.
- Популяризация историко-культурного наследия, стремление к ознакомлению жителей Кубани с обычаями и обрядами многочисленных народов.

Для решения указанных целей был выработан ряд конкретных задач, которые включали:

- Развитие национальной самобытности путём изучения исторического опыта и культурных артефактов.
- Налаживание всестороннего взаимодействия с соотечественниками в России и за её рубежами, укрепление этнокультурной коммуникации.
- Содействие распространению исторических и культурных ценностей, характерных для народов России и всего мира, формирование у гражданин(ок) толерантного и дружественного отношения ко всем этносам, предупреждение разжигания межнациональных споров.
- Активная пропаганда принципов интернационализма и неприятие любых форм дискриминации по расовому или национальному признаку.
- Поддержка реформаторских усилий государственной власти в экономической и социальной сферах, а также участие в различных мероприятиях, проводимых краевыми и муниципальными структурами с целью укрепления правопорядка и общественного благополучия.
- Обеспечение материальной и моральной поддержки для беженцев, пенсионеров, сирот и иных уязвимых категорий граждан, а также содействие в поиске рабочего места тем, кто испытывал сложности с трудоустройством.
- Организация сбора и систематизация благотворительных вкладов, пожертвований и иных форм гуманитарной поддержки.

- Своевременное распределение гуманитарных и иных видов помощи, поступающих от зарубежных и отечественных фондов, общественных институтов и дипломатических представительств.

Вместе с тем, повсеместно наблюдались и общие проблемные аспекты в деятельности подобных национальных обществ. Главным образом, это касалось организации специализированных школ с обучением на родном языке либо введения языковых курсов в обычных образовательных учреждениях. Отсутствие стабильного государственного финансирования, равно как и недостаточная финансовая поддержка со стороны спонсоров, затрудняли реализацию всех заявленных инициатив [10].

Выводы

Подобные ассоциации, действующие на Кубани

в обозначенный промежуток времени, фактически охватывали все элементы социокультурной жизни этнических диаспор, начиная от неформального досуга и заканчивая вопросами социальной адаптации. Их популярность среди национальных меньшинств объясняется необходимостью культурного взаимодействия, поиска эмоциональной и материальной опоры вдали от исторической родины. Функционирование данных объединений в завершающие десятилетия XX века и на рубеже XXI столетия способствовало построению более гармоничных межэтнических отношений в нашем многонациональном крае, формируя условия для конструктивного диалога и предотвращения этнических столкновений, а также укрепляя общественную стабильность и толерантность в регионе.

Список источников

1. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. ГАКК. Ф. Р-365.
2. Садым К.Б. Генезис и основные тенденции развития греческих общественных организаций на Кубани. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90). С. 3257 – 3262.
3. Ракачев В.Н. Национальная политика в Краснодарском крае в 1930-е годы // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани. Межрегиональная научно-практическая конференция. Краснодар, 2007. С. 223 – 224.
4. Интервью со священником Армянской апостольской церкви г. Краснодара В. Г. Кукуяном (4.05.2017).
5. Интервью с первым председателем немецкого общества «Возрождение» А. Баумунком (23.10. 2007).
6. Лазаревский Центр Национальных Культур. Сочи, 2007.
7. Интервью с заместителем председателя «Центра Национальных Культур» г. Краснодара С. З. Шамовой (15.02.2017).
8. Межнациональные отношения. <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/departament-posvyazyam-s-obschestvennostyu-vzaimodeystviyu/mezhnatsionalnye-otnosheniya/> (дата обращения 10.03.2024)
9. Бурмагин А.Г. Некоторые аспекты развития межнациональных отношений в муниципальном образовании город Краснодар // Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2005. С. 23.
10. Садым К.Б. Роль национальных общественных организаций Кубани в сохранении культурного наследия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5-2. С. 104 – 106.

References

1. GAKK. F. 454. Op. 2. GAKK. F. R-365.
2. Sadym K.B. Genesis and main trends in the development of Greek public organizations in Kuban. Issues of national and federal relations. 2022. Vol. 12. No. 9 (90). P. 3257 – 3262.
3. Rakachev V.N. National policy in the Krasnodar Territory in the 1930s. Socio-economic, political and historical aspects of the development of Kuban. Interregional scientific and practical conference. Krasnodar, 2007. P. 223 – 224.
4. Interview with the priest of the Armenian Apostolic Church of Krasnodar V.G. Kukuyan (05/04/2017).
5. Interview with the first chairman of the German society "Renaissance" A. Baumunk (23.10. 2007).
6. Lazarevsky Center of National Cultures. Sochi, 2007.
7. Interview with the deputy chairman of the "Center of National Cultures" of Krasnodar S.Z. Shamova (15.02.2017).
8. Interethnic relations. <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/departament-posvyazyam-s-obschestvennostyu-vzaimodeystviyu/mezhnatsionalnye-otnosheniya/> (date of access 10.03.2024)

9. Burmagin A.G. Some aspects of the development of interethnic relations in the municipality of the city of Krasnodar. Interethnic relations in Krasnodar at the present stage: prospects for sustainable development. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, 2005. P. 23.

10. Sadym K.B. The role of national public organizations of Kuban in preserving cultural heritage. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2014. No. 5-2. P. 104 – 106.

Информация об авторе

Садым К.Б., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России, karinakor@mail.ru

© Садым К.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930 (39)476

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-226-232

Анты как народность в сочинениях Прокопия Кесарийского

¹ Крайнев В.В.,

¹ Воронежский государственный университет

Аннотация: анты – древнее восточнославянское этническое сообщество, существовавшее предположительно, в IV-VII веках. Они были тесно связаны со славянами и являлись их этническими соседями и соратниками. Анты упоминаются в ряде исторических источников, включая произведения византийских историков. Их история и культура не до конца исследованы, но они считаются важной частью раннего этногенеза восточных славян. В данной статье проведен анализ летописания жизни народа антов в сочинениях Прокопия Кесарийского, византийского историка VI века. Исследование направлено на выявление фактологической основы в его отчасти художественных текстах-хрониках, что, тем не менее, позволяет более глубоко понять исторический контекст жизни этого народа. Автором анализируются политические, военные, социальные и культурные аспекты взаимодействия антов с Византийской империей, исходя из фактов, представленных в произведениях Прокопия Кесарийского, а также роль этих хроник в формировании образа антов в исторической науке. История антов часто переплеталась с историей других славянских племен, таких как полабские славяне, дреговичи и другие. Несмотря на то, что анты больше не существуют как отдельное этническое сообщество, их история остается значимой для понимания ранней истории славян и формирования этнической карты восточной Европы.

Ключевые слова: Прокопий Кесарийский, анты, византийская историография, великое переселение народов, славянская история, культурное взаимодействие

Для цитирования: Крайнев В.В. Анты как народность в сочинениях Прокопия Кесарийского // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 226 – 232. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-226-232

Поступила в редакцию: 7 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

The Antes as a nation in the writings of Procopius of Caesarea

¹ Krainev V.V.,

¹ Voronezh State University

Abstract: the Antes are an ancient East Slavic ethnic community that lived presumably existing in the IV-VII centuries. They were closely connected with the Slavs and were their ethnic neighbors and comrades. The Antes are mentioned in a number of historical sources, including the works of Byzantine historians. Their history and culture are not fully explored, but they are considered an important part of the early ethnogenesis of the Eastern Slavs. This article analyzes the chronicle of the life of the Antes people in the writings of Procopius of Caesarea, a Byzantine historian of the 6th century. The study is aimed at identifying the factual basis in his partly artistic texts-chronicles, which, nevertheless, allows for a deeper understanding of the historical context of the life of this people. The author analyzes the political, military, social and cultural aspects of the interaction of the Antes with the Byzantine Empire, based on the facts presented in the works of Procopius of Caesarea, as well as the role of these

chronicles in shaping the image of the Antes in historical science. The history of the Antes was often intertwined with the history of other Slavic tribes, such as the Polabian Slavs, Dregovichs and others. Although the Antes no longer exist as a distinct ethnic community, their history remains significant for understanding the early history of the Slavs and shaping the ethnic map of eastern Europe.

Keywords: Procopius Caesarius, Antes, Byzantine historiography, Great Migration of Peoples, Slavic history, cultural interaction

For citation: Krainev V.V. *The Antes as a nation in the writings of Procopius of Caesarea*. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 226 – 232. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-226-232

The article was submitted: October 7, 2024; Approved after reviewing: December 10, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Изучение исторического и культурного наследия древних народностей Восточной Европы является ключевым аспектом в понимании формирования современных европейских государств и культур. Особенно значимой темой в этом контексте является анализ истории антов – народа, который сыграл важную роль в эпоху Великого переселения народов.

Об антах повествуют Иоанн Эфесский, Агафий Миринейский, Прокопий Кесарийский [13, с. 23], Менандр Протиктор [9], Феофилакт Симокатта [6, 15] и император Маврикий [5]. Титул «антский» (Ἀντικός) также можно встретить в титулатуре римских императоров [1, с. 261-262], например, в последний раз – в титулатуре императора Ираклия [10, с. 33-34].

Сочинения византийского историка Прокопия Кесарийского предоставляют ценные сведения о социальной структуре, культуре и межэтнических отношениях антов, в которых он описывает антов как группу, тесно связанную со славянами, что поднимает вопросы о их этнической идентичности и политической организации.

В данной статье предпринимается попытка анализа известных исторических сведений об антах, особенно в контексте их взаимоотношений со славянами и византийцами, а также того, как эти отношения могли повлиять на политический ландшафт Восточной Европы в раннем Средневековье. Анализ первоисточников помогает углубить понимание динамики исторического развития народности антов, культурных и социальных аспектов жизнедеятельности этого этноса, а также их роль в цивилизационных процессах того времени.

Целью данной статьи является анализ дошедших до нашего времени исторических и литературных сведений о народе антов, изложенных в трудах средневекового историка Прокопия Кесарийского. Это исследование направлено на выявление исторических фактов о жизни антов на фоне

их художественной интерпретации в произведениях хроникера, что позволит лучше понять взаимодействие фактологических и функциональных элементов в древних источниках. Для достижения этой цели было необходимо решить ряд задач, а именно: выделить фактологические данные о народности антов их художественных текстов Прокопия Кесарийского, включая описание социальной структуры этого народа, его военных и культурных достижений; определить географический ореол проживания антов на основе как художественных памятников, так и археологических свидетельств; разграничить исторические факты и их авторскую интерпретацию для понимания того, как личные взгляды и текущая политическая ситуация могли повлиять на историческое изложение событий Прокопием Кесарийским.

Изучение жизни народности анты не только расширяет наше понимание сложных исторических процессов, происходивших на территории Восточной Европы в первые века нашей эры, но и помогает пролить свет на более широкие вопросы этногенеза славянских народов и их взаимодействия с другими цивилизационными и политическими силами того времени.

Материалы и методы исследований

Для достижения целей данного исследования использовались первичные и вторичные источники, включая сочинения Прокопия Кесарийского и ссылки на работы других современных ему авторов, таких как Иордан, Агафий и др. В исследовании применяются различные методы анализа для глубокого понимания контекста создания исторических хроник и выявления в них как объективной информации, так и субъективных интерпретаций событий, с учетом авторских намерений и политической обстановки.

Историко-текстуальный анализ позволяет изучать древние тексты на предмет их событийной содержательности, а сравнительный анализ используется для сопоставления трактовок фактологии Прокопием Кесарийским с другими аналогич-

ными источниками того времени и формирования более полной картины событий. Междисциплинарный подход интегрирует данные из археологии, лингвистики и этнографии, что способствует более комплексному историческому анализу.

Результаты и обсуждения

Эпоха раннего Средневековья, охватывающая примерно V-VII века нашей эры, характеризуется как период значительных миграционных процес-

сов в Европе, известный как Великое переселение народов. Это время было отмечено массовыми перемещениями германских, славянских, тюркских и других народов, что привело к кардинальным изменениям в политической картине Европы. Анты как одна из ключевых групп этого периода активно участвовали в этих перемещениях, оказывая влияние на развитие событий в Восточной Европе (рис. 1).

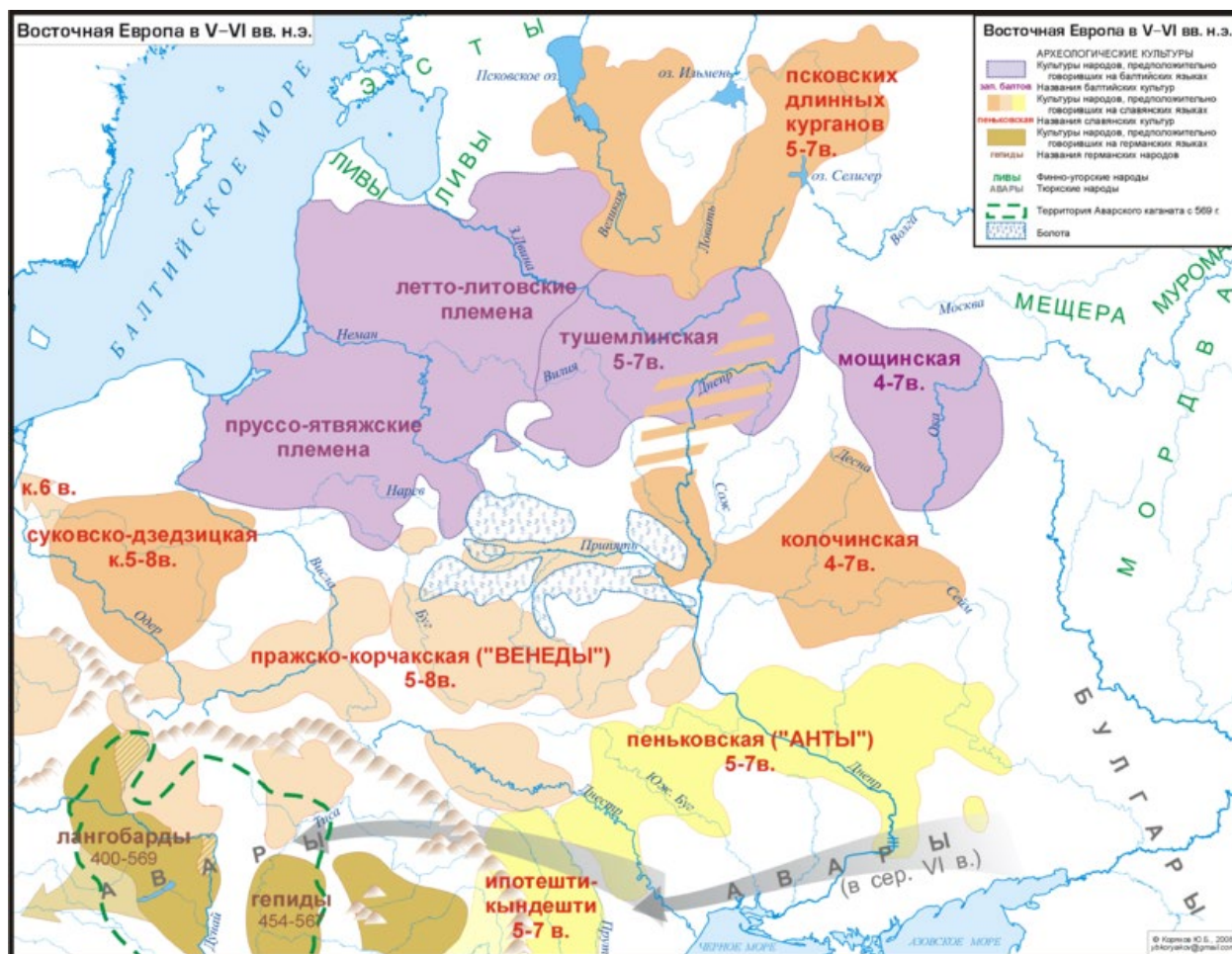

Рис. 1. Карта балтийских и славянских археологических культур V-VII вв. [7].

Fig. 1. Map of Baltic and Slavic archaeological cultures of the 5th-7th centuries [7].

Рассматривая роль антов в контексте событий раннеславянской истории, стоит отметить, что Анты были важной частью сложного этнокультурного ландшафта Восточной Европы. Исторические и археологические исследования показывают, что они могли быть одним из объединяющих звеньев между различными славянскими и неславянскими группами.

Прокопий Кесарийский и другие историки того времени описывают антов как выдающуюся военную силу, которая существенно влияла на полити-

ческую ситуацию в регионе, включая отношения с Византией и готами.

Задолго до своих славянских родственников племя антов расширило свои территории от Дуная до берегов Днепра, где впоследствии возникнет Древняя Русь [5, с. 5,9]. Анты стали первыми славянами, осевшими вдоль берегов Северного Причерноморья [11, с. 74-85]. Прокопий Кесарийский описывает ореал обитания жителей побережья Азовского моря (ранее известного как Меотийское озеро), уточняя, что в древности эти земли населяли киммерийцы, а сейчас – утигуры. Севернее их

территорий простираются обширные владения племён антов (αὐτὴ δὲ ἡ Λίμνη ἐς τὴν ἀκτὴν Πόντου τοῦ Εὐξείνου τὰς ἐκβολὰς ποιεῖται, ἄνθρωποι δέ, οἱ ταύτῃ φκηνται, Κιμμέριοι μὲν τὸ παλαιὸν ὠνομάζοντο, τανῦν δὲ Οὐτίγουροι καλοῦνται, καὶ αὐτῶν καθύπερθεν ἐς βορρᾶν ἄνεμον ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἀμετρα ἴδρυνται [12, с. 21-25].

Если учесть тот факт, что значимые этнические изменения не происходили в этом регионе вплоть до X-XI веков, можно предположить, что антские поселения сохранялись здесь до IX века. При этом М.В. Биков считает, что история антов не связана напрямую с историей Руси [14, с. 57-63] и что, вероятнее всего, в районе, где расселялись анты, следует искать корни причерноморской Руси.

Прокопий Кесарийский, имевший личные знакомства с представителями как склавенских, так и антских племён, отмечает различия между этими группами, но также подчеркивает их родственные связи: «У тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешнею они друг от друга ничем не отличаются, ибо все и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как и у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, – впрочем, они менее всего коварны и злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали „спорами“, как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища» [1, с. 183-185].

Труд Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»), который первым упоминает этноним анты (Antes), предоставляет следующую информацию о них: «У левого их (Альп) склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами... Анты – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов» [2, с. 71-72].

Византийские источники, такие как работы Прокопия Кесарийского, содержат ценные сведения о взаимодействиях антов с Византийской империей. Эти отношения часто носили конфликтный характер, но также включали периоды союзов и дипломатии, особенно в контексте борьбы империи с другими варварскими нашествиями. Анты

иногда выступали как союзники Византии в её военных кампаниях против других народов, что подчеркивает их значимость в региональной политике того времени.

Прокопий Кесарийский, известный своими подробными и обстоятельными хрониками, особенно ценится историками за свою работу «О войне с готами» [4]. Это сочинение является частью более широкого корпуса его исторических трудов, в котором он описывает военные кампании византийского императора Юстиниана. В контексте данного исследования работа Прокопия о готах особенно важна, так как предоставляет дополнительный контекст для понимания характера взаимодействия антов с другими народами и Византией [8, с. 27-36].

В своей работе «О войне с готами» Прокопий Кесарийский описывает серию конфликтов между Византией и готскими племенами в Италии, что помогает понять конфигурацию международных отношений того времени. Эти описания могут быть полезны для сравнения с ситуацией на восточноевропейском театре военных действий, в которых также активно участвовали анты. Он описывает их как сильных и высоко организованных воинов, которые зачатую становились союзниками Византии в борьбе против общих врагов, таких как готы или другие славянские и варварские племена.

Тем не менее, анты регулярно совершали набеги на Византийскую империю. Прокопий Кесарийский описывает последствия этих нападений следующим образом: «ни одного места, ни одной горы, ни одной пещеры, ни чего-либо другого на римской земле не осталось не разграбленным, причём многим местам случалось подвергнуться разграблению не менее пяти раз» [3]. И тем не менее, в Византийской империи антов высоко ценили за их военные качества и активно вербовала в свои войска.

Прокопий Кесарийский детализирует военную тактику и стратегии антов, применяемые в конфликтах, что важно для понимания общих принципов ведения войн в тот период. Изучение его летописей помогает лучше представлять, как могли вести себя анты в аналогичных ситуациях.

Кроме того, Прокопий портретирует ключевых фигур того времени, характеризует их лидерские качества и дает оценку их политическим решениям. Это особенно важно для сравнения действий лидеров антов и их политических стратегий. Прокопий порой описывает антов словами восхищения, особо акцентируя их боевые качества и мужество. Он также отмечает их способность к политическому маневрированию и умение поддерживать

мирные отношения с Византией, когда это было выгодно обеим сторонам.

В исторических хрониках, особенно таких как труды Прокопия Кесарийского, часто присутствует тонкая грань между фактологией и художественным преувеличением. Художественные приемы могут быть использованы для усиления впечатления от описываемых событий, для формирования определенного образа персонажа, а также для оценки последствий тех или иных поступков. Особенно это актуально при анализе описаний жизнедеятельности варварских народов, где политические воззрения Прокопия и его личные этические представления могли сильно влиять на степень объективности оценок фактологии.

В этой связи для историков важно опираться на данные из различных источников. В случае антов Прокопий предоставляет нам информацию об их социальной структуре, военных походах и взаимодействии с другими народами и Византийской империей. Эти данные сопоставляются с археологическими находками и свидетельствами других историков того же периода для верификации и уточнения представленной информации.

В авторской табл. 1 представлен аналитический обзор основных аспектов культуры народа антов, основанный на изучении исторических источников, археологических данных, а также литературных свидетельств, в том числе трудов Прокопия Кесарийского, которые освещают различные стороны жизни и развития цивилизации антов.

Таблица 1

Аналитический обзор тезисов о народе Антов.

Table 1

Analytical review of theses about the Ant people.

Категория	Описание
Идентичность Антов	Анты рассматриваются как самостоятельный народ, а не только как племя славян или балтов. Особенности культуры, такие как коневодство и уникальные имена, отличают их от соседних народов.
Исторические источники	Прокопий Кесарийский и Иордан отмечают различия и сходства Антов с другими славянскими и балтийскими племенами, указывая на общий язык и внешность между антами и склавенами.
Археологические находки	Археологические данные свидетельствуют о развитии уникальных культур Антов наряду с другими племенами, подтверждая их культурное разнообразие и взаимодействие.
Социальная структура и образ жизни	Анты вели простой образ жизни, имели воинскую прослойку, особенности в отношении к рабству, где Ант не мог быть рабом другого Анта.
Военные и дипломатические аспекты	Анты активно участвовали в военных действиях, включая столкновения с Византией и Аварами. Они были высоко ценными воинами и наемниками.
Культурные особенности	Отсутствие развитой религиозной структуры с анимистическим культом и поклонением Перуну. Культурные практики включали музыку и верования, связанные с природными объектами как местами поклонения.
Гипотетические сценарии развития	Предположения о возможном развитии Антов как основы для раннего славянского государства, если бы не произошел конфликт с Аварами. Потенциально, Анты могли бы стать сильнейшим народом в Европе.

Сравнительная таблица позволяет глубже понять социокультурные особенности этого загадочного народа, исторических сведений о котором осталось не так много, а также получить представления о возможных сценариях их дальнейшего эволюционного развития.

Прокопий Кесарийский, благодаря своему высокому положению при византийском дворе и участию в военных кампаниях, предоставил уникальные сведения о народах, с которыми Византийская империя вступала в контакт. Его описания антов важны для понимания сложных этнополи-

тических процессов в Восточной Европе в период раннего Средневековья. Они помогают исследователям реконструировать картину международных отношений, военных конфликтов и миграционных потоков того времени.

Прокопий не только описывал антов как военную силу, но и дал оценку их роли в контексте византийских военных и дипломатических стратегий. Художественные хроники жизнедеятельности антов играли ключевую роль в формировании византийского восприятия славянских и других варварских народов и влияли на характер проводимой

в отношении них политики, во многом отражая известный политический подход Византии «разделяй и властвуй», а также давая по ходу описания оценку образующимся союзам и военным конфликтам между различными племенами.

Точность и объективность описаний исторических событий Прокопием Кесарийским часто подвергаются сомнению из-за политической подоплеки его трудов. Однако, несмотря на возможные преувеличения или упущения, его записи чрезвычайно ценны для современного понимания как реальных политических и культурных аспектов жизни народности антов того периода, так и византийских интерпретаций их коллективного образа и отношений с другими народами.

Выводы

В рамках данного исследования были рассмотрены различные аспекты жизнедеятельности народа антов на основе данных, изложенных в сочинениях Прокопия Кесарийского. Анализ текстов этого византийского историка позволяет оценить как фактологические, так и художественные аспекты описания характера этой народности, что в равной степени является важным источником для понимания исторического развития территории

Восточной Европы в раннем Средневековье и образа жизни ее населения.

Прокопий, будучи свидетелем и участником многих значимых событий того времени, предоставляет детальные сведения о политическом и военном взаимодействии между Византией и антами, а также другими народами, что дает нам возможность не только реконструировать исторические факты, но и понять механизмы влияния различных участников на международную политику и дипломатию той эпохи. В работе были предприняты шаги для разграничения фактологической точности и литературных комментариев, что позволило обеспечить более объективное и всестороннее изучение материала.

Таким образом, исследование описания антов в работах Прокопия Кесарийского может внести свой вклад в понимание их роли в истории эволюции народов Восточной Европы. Эти данные не только расширяют знания о сложной мозаике восточноевропейской цивилизации, но и способствуют более глубокому анализу влияния исторических нарративов на современное восприятие прошлого.

Список источников

1. Гиндина Л.А., Литаврина Г.Г. Свод древнейших письменных известий о славянах. 1994. Т. 1.
2. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. 1960. С. 71 – 72.
3. Кесарийский П. Тайная история // DirectMEDIA. 991. 96 с.
4. Кесарийский П., Война с готами // Рипол Классик. 2013. 515 с.
5. Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 1. С. 5 – 9.
6. Скржинская Е.Ч. О склавенах и антах, о Мурманском озере и городе Новиеуне (Из комментария к Иордану) // ВВ. 957. Т. 12. С. 3 – 30.
7. Этногенез славян по данным археологии [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.08.2024)
8. Ярцев С.В. Война готов Северного Причерноморья с антами и гуннами в конце IV века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10-2. С. 27 – 36.
9. Ditteri H. Slawen im byzantinischen Heer von Justinian I. bis Justinian II // Hrsg. H. Kipstein, F. Winkelmann. B. 1976. Anm. 47. P. 83.
10. *Jus Graeco-romanum* // Ed. CE. Zachariae a Lingenthal. Pars III. Lipsiae. 857. P. 33 – 34.
11. Kardaras G. The Byzantine-Antic Treaty (545/46 A.D.) and the Defense of Scythia Minor // BS. 2010. Т. 68. P. 74 – 85.
12. Procopius Caesariensis. *De bello Gothico*. IV. 4. 7 / Ed. J. Нашу. Vol. 2. Lipsiae. 1963. P. 501.21-25.
13. Баришић Ф. Прокопије // Византиски извори за историју народа Југославије. Т. 1. Београд, 1955. С. 23.
14. Bikov M. Byzantino-Rossica and the Case of the Antes // Hrsg. K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M.A. Stassinopoulou. Wien; Köln; Weimar. 2007. P. 57 – 63.
15. Bonev C. Les antes et Byzance // EB. 1983. № 3. P. 109 – 120.

References

1. Gindina L.A., Litavrina G.G. Collection of the oldest written information about the Slavs. 1994. Vol. 1.
2. Jordanes. On the origin and deeds of the Getae. *Getica*. 1960. P. 71 – 72.
3. Caesarea P. The Secret History. DirectMEDIA. 991. 96 p.
4. Caesarea P., War with the Goths. Ripol Classic. 2013. 515 p.
5. The Tale of Bygone Years. PSRL. Vol. 1. P. 5 – 9.
6. Skrzhinskaya E.Ch. On the Sclaveni and Antes, on Lake Murmansk and the city of Novietun (From the commentary to Jordanes). VV 957. V. 12. P. 3 – 30.
7. Ethnogenesis of the Slavs according to archaeology [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 10.08.2024)
8. Yartsev S.V. War of the Goths of the Northern Black Sea region with the Antes and Huns at the end of the 4th century. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 10-2. P. 27 – 36.
9. Ditteri H. Slawen im byzantinischen Heer von Justinian I. bis Justinian II. Hrsg. H. Kipstein, F. Winkelmann. B. 1976. Anm. 47. P. 83.
10. Jus Graeco-romanum. Ed. CE. Zachariae a Lingenthal. Pars III. Lipsiae. 857. P. 33 – 34.
11. Kardaras G. The Byzantine-Antic Treaty (545/46 A.D.) and the Defense of Scythia Minor. BS. 2010. T. 68. P. 74 – 85.
12. Procopius Caesariensis. De bello Gothico. IV. 4.7. Ed. J. Ours. Vol. 2. Lipsiae. 1963. P. 501.21-25.
13. Barishih Ф. Prokopye. Byzantine history for the history of the people of Yugoslavia. T. 1. Beograd, 1955. P. 23.
14. Vikov M. Byzantino-Rossica and the Case of the Antes. Hrsg. K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M.A. Stasinopoulou. Wien; Cologne; Weimar. 2007. P. 57 – 63.
15. Bonov S. Les antes et Byzance. EV. 1983. No. 3. P. 109 – 120.

Информация об авторе

Крайнев В.В., аспирант, Воронежский государственный университет, ieremeia@yandex.ru

© Крайнев В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 911.3:61 (470.44-25)

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-233-238

Анализ санитарного законодательства Российской Империи XIX в.

¹ Володина Ю.А.,

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье проводится подробный анализ санитарного законодательства XIX в., в первую очередь Устава медицинской полиции и Устава врачебного, включенных в Свод законов Российской империи и служивших юридической основой организации санитарного дела в России. Подробно рассмотрены проблемы применения данных законодательных актов, в частности, что в развитие и разъяснение Устава медицинской полиции по разным ведомствам было издано значительное число инструкций и циркулярных распоряжений. Вследствие всего этого пользование Уставом представлялось чрезвычайно затруднительным. Отдельную проблему составлял факт отсутствия правительственного или частного издания, которое объединяло бы в себе все законоположения, относящиеся в частности, к санитарно-эпидемиологическому благополучию населения и санитарному состоянию населенных мест.

Также проанализирован Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями за проступки против общественного благоустройства и против народного здоровья, изданный для наложения взысканий на нарушителей постановлений Устава медицинской полиции.

Исследованы и представлены статистические данные о постановке санитарного дела в городах Российской империи в начале XX в.

Методология исследования включает в себя глубокий всесторонний анализ исторических источников, в первую очередь действующих в XIX в. нормативно-правовых актов по обозначенной проблеме.

Сделан вывод, что санитарные нормы в Российской империи XIX в. были регламентированы достаточно подробно потребностям того времени, но отсутствие общей санитарной организации и контроля со стороны государства негативно сказывались на санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, а также на формирующейся отрасли санитарного законодательства.

Ключевые слова: санитарное законодательство, санитарные требования, ответственность, законодательные акты, санитарное благоустройство, санитарный надзор

Для цитирования: Володина Ю.А. Анализ санитарного законодательства Российской Империи XIX в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 233 – 238. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-233-238

Поступила в редакцию: 8 октября 2024 г.; *Одобрена после рецензирования:* 11 декабря, 2024 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2025 г.

Analysis of sanitary legislation of the Russian Empire of the XIX century

¹ Volodina Yu.A.,

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

Abstract: the article provides a detailed analysis of the sanitary legislation of the 19th century, primarily the Statute of the Medical Police and the Statute of the medical, included in the Code of Laws of the Russian Empire and served as the legal basis for the organization of sanitary affairs in Russia. The problems of applying these legislative acts are considered in detail, in particular, that a significant number of instructions and circular orders have

been issued in various departments to develop and clarify the Statute of the medical police. As a result of all this, the use of the Charter was extremely difficult. A separate problem was the fact that there was no government or private publication that would combine all the legal provisions related, in particular, to the sanitary and epidemiological welfare of the population and the sanitary condition of populated areas.

The article also analyzes the Statute on Punishments imposed by magistrates for offenses against public amenities and against public health, issued to impose penalties on violators of the regulations of the Medical Police.

Statistical data on the establishment of sanitary affairs in the cities of the Russian Empire in the early twentieth century are studied and presented.

The research methodology includes an in-depth comprehensive analysis of historical sources, primarily the normative legal acts in force in the 19th century on the designated problem.

It is concluded that sanitary standards in the Russian Empire of the 19th century were regulated in sufficient detail to the needs of that time, but the lack of a general sanitary organization and control by the state negatively affected the sanitary and epidemiological welfare of the population, as well as the emerging branch of sanitary legislation.

Keywords: sanitary legislation, sanitary requirements, responsibility, legislative acts, sanitary improvement, sanitary supervision

For citation: Volodina Yu.A. Analysis of sanitary legislation of the Russian Empire of the XIX century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 233 – 238. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-233-238

The article was submitted: October 8, 2024; Approved after reviewing: December 11, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

В работах различных исследователей, касающихся санитарного законодательства XIX в., зачастую встречается мнение, что санитарные требования и правила регламентировались недостаточно [5, с. 9], либо «примитивно предусматривали обязанность и ответственность обывателя» [10, с. 320], а также совершенно отсутствовали законодательные акты, регламентирующие санитарное благоустройство населенных местностей и санитарную охрану труда [3, с. 111].

В период своего зарождения в начале XIX в. санитарный надзор осуществлялся управлением Медицинского департамента Министерства полиции. В 1826 г. он был передан в подчинение Министерству внутренних дел (МВД). В губерниях имелись подчиненные этому департаменту врачебные управления, осуществлявшие врачебно-полицейские задачи по предотвращению в том числе причин, служивших источником болезней населения [6, с. 183].

Материалы и методы исследований

Данное исследование основано на анализе санитарного законодательства Российской империи XIX в.

Основными материалами для анализа послужили: Устав медицинской полиции 1857 г., Устав врачебный 1857 г., Устав лечебных заведений 1895 г., а также отдельные постановления, распоряжения и инструкции по санитарным мерам изданные в обозначенном периоде.

В ходе исследования использовались общена-

учные методы анализа, синтеза и конкретизации. Диалектический метод и метод структурно-функционального анализа позволили получить целостное представление о санитарном законодательстве указанного периода.

Результаты и обсуждения

Санитарное дело в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., в процессе своего становления, проходило процесс включавший выработку и законодательное оформление норм санитарного обустройства населенных пунктов, мер по охране народного здоровья, практик обращения с отходами, учреждение новых должностей и совещательных органов в системе местного самоуправления и пр. [1, с. 30].

Санитарное законодательство XIX в., в первую очередь, было представлено Уставом медицинской полиции, изданным в 1857 г. Данный Устав, входил в XIII том Свода законов Российской империи.

В 1886, 1887 и 1889 гг. в Устав были внесены изменения и дополнения. В частности, в 1886 г. – об учреждении комитетов общественного здоровья с обязательным включением в состав уездного или городского врача (ст. 837) [9, с. 4].

Устав излагал правила «о ограждении народного здоровья от всего, что может иметь вредное на оное действие, в особенности же предотвращении и пресечении повальных и заразительных в народе болезней, а сверх сего о предохранении домашнего скота от падежей и болезней» (ст. 833) [9, с. 1].

В целом меры по охранению народного здоровья

включали в себя: охранение чистоты воздуха, безвредности жизненных припасов, ограничении употребления ядовитых веществ, врачебных пособий одержимых болезнями и подвергшимся разным несчастным случаям, а также в погребении мертвых по установленным правилам (ст. 843) [9, с. 8].

Меры по охранению народного здоровья от действия повальных болезней представлены были в третьем разделе данного законодательства. Статьей 945 определялся порядок действия местного самоуправления при возникновении заразных болезней. На полицию, совместно с врачом, возлагалось освидетельствование заразных заболеваний и отлучение больных от здоровых [9, с. 44].

Значительная часть Устава была посвящена карантинным мерам в различных отраслях жизни государства: по морской и сухопутной границах, внутри государства, конкретно на местах, а также о карантинных преступлениях и наказаниях [9, с. 81-178].

В Свод законов Российской империи были включены отдельные распоряжения по санитарным мерам для различных ведомств. Например, распоряжения Правительства о принятии мер против холерной эпидемии по министерству внутренних дел, министерству финансов, министерству путей сообщения, в части беспрошленного пропуска дезинфекционных средств; по военному ведомству, министерству народного просвещения и др. (утв. 12.09.1884) [9, с. 239-339].

Обязательные постановления по санитарной части, входившие в указанный Свод, также содержали: Постановление Санкт-Петербургским столичным по фабричным делам присутствия (30.04.1889, № 96) – о мерах охранения жизни и здоровья рабочих на фабриках, заводах и мануфактурах [9, с. 454-465]; обязательные Постановления Санкт-Петербургской Городской думы по санитарной части – о порядке содержания в чистоте улиц и площадей, ретирадных мест, ватерклозетов, сточных труб, хранилищ для домашних отбросов и общие санитарные требования по содержанию жилых и нежилых помещений в столице [9, с. 467-480].

Публиковались законы о взысканиях за нарушение постановлений Устава медицинской полиции. В 1885 г. был издан Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями за проступки против общественного благоустройства, против народного здоровья, в котором, например, за несоблюдение предписанных законов общих мер предосторожности против распространения «прилипчивых и повальных болезней» виновные подвергались аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей [9, с. 496-499].

За нарушение «Устоев карантинных», например, за сопротивление мерам по предупреждению чумы, виновному полагалось лишение всех прав состояния и смертная казнь (ст. 831) [9, с. 500].

В 1861 г. МВД и Министерством финансов была издана инструкция по составлению актов освидетельствования съестных припасов и напитков и установлен надзор за состоянием здоровья рабочих в части заразных болезней и сифилиса [5, с. 184].

Некоторые вопросы санитарного надзора регламентировались «Уставом врачебным» 1857 г., который также входил в XIII том Свода законов Российской империи.

Министерству внутренних дел отводилось главное управление гражданской врачебной частью (ст. 1).

Губернские врачебные управления, согласно статьям 41, 43, 44 и др. должны были проводить работы в области санитарного надзора: наблюдать за чистотой в городах, за съестными припасами, издавать правила и наставления по соблюдению «народного здоровья», следить за соблюдением общих мер охраны безвредных жизненных припасов, воды, заниматься устранением причин возникновения повальных болезней [7].

В Уставе лечебных заведений 1895 г., с прилагаемой инструкцией, утвержденной министром внутренних дел, значились вопросы организации санитарного благоустройства лечебных заведений.

Согласно п. 2 Инструкции, прилагаемой к Уставу, на главного врача, возлагалась забота о гигиеническом устройстве и содержании больничных помещений [8, с. 29]. Также, главный врач наблюдал за санитарным состоянием кухни, качеством пищи, чистотой белья, постели (п. 9 Инструкции) [8, с. 30].

В соответствии со статьей 29 Устава, ответственными за гигиеническое состояние отделения являлись старшие врачи [8, с. 12]. Помещения для заразных больных должны были быть обособлены (ст. 43) [8, с. 14], больные с заразными формами болезней изолировались от прочих (пп. 3, 122 Инструкции) [8, с. 29]. Если больной переводился из заразного отделения вне заразное, он должен был принять дезинфицирующую ванну и переменить белье и платье (п. 123 Инструкции) [8, с. 57].

В палаты, занятые заразными больными, посетители не допускались. В экстренных случаях – только с разрешения главного или дежурного врача, при соблюдении особых мер предосторожности (п. 125 Инструкции) [8, с. 58].

Также Устав лечебных заведений предусматривал ведение отёчности, в том числе о количестве заразных больных; о санитарных условиях, в которых находится лечебное заведение, о случаях госпитальных заболеваний (тиф, рожа и др.) и причинах их появления; о способах очищения и обезвреживания одежды и белья, больничного имущества, употребляемого при лечении заразных больных, о дезинфекции приемников (при ватер-клозетах), отхожих мест и помойных ям, а также способов обезвреживания нечистот при выемке и вывозе оных [8, с. 52].

При поступлении в лечебное заведение больных с острыми заразными болезнями главный врач был немедленно обязан донести об этом врачебному управлению губернского правления и полиции (п. 6 Инструкции) [8, с. 30].

Вопросы дезинфекции в лечебных заведениях регламентировались пунктами 137-139 Инструкции: собственное белье, платье, обувь, заразных больных, а также больничные принадлежности, выдаваемые в пользование им, подвергались дезинфекции. Ответственность за надлежащую дезинфекцию и уничтожение вещей заразных больных возлагалась на главного врача [8, с. 60]. К тому же, если при больнице имелась часовня для отпевания умерших, то в ней должна была осуществляться своевременная дезинфекция [8, с. 51].

Санитарные нормы в Российской империи XIX в. были регламентированы достаточно подробно потребностям того времени. Но возникает другой вопрос. При отсутствии централизованной системы государственного санитарного надзора и наличии разрозненных организаций и отдельных должностных лиц, несущих санитарные функции, исполнялось ли данное законодательство? Кем осуществлялся контроль за соблюдением санитарных законодательных норм на местах?

Журналист и редактор издания «Россия в географических картах по губерниям» А.Е. Рябченко в 1892 г. в предисловии к Уставу медицинской полиции указывал, что «с Уставом Медицинской полиции у нас почти никто не знаком, его мало знают даже лица, имеющие прямое отношение к предмету народного здоровья. Устав был издан в 1857 г., после чего неоднократно изменялся и дополнялся продолжениями к своду законов 1886, 1887, 1889 гг. Помимо этого, существовали законоположения, относящиеся к сему Уставу, которые не были внесены в Свод Законов. Кроме того, в развитие и разъяснение Устава по разным ведомствам было издано значительное число инструкций и циркулярных распоряжений. Вследствие всего этого пользование Уставом представлялось чрезвычайно затруднительным. До сего

времени не было сделано ни правительственного, ни частного издания, которое объединяло бы в себе все законоположения, относящиеся к сему Уставу и важнейшие правительственные распоряжения, изданные в его развитие и разъяснение» [9].

По документальным свидетельствам в конце XIX – начале XX вв. городские управления проводили действенные мероприятия по улучшению санитарной обстановки лишь в случаях возникновения массовых заболеваний или при угрозе возникновения оных. После того, как эпидемия отступала, все возвращалось в прежний вид. Не принимались меры к улучшению водоснабжения, оздоровлению городской почвы, улучшению санитарных условий жилищ и пр. [4, с. 13].

В разных областях страны санитарное дело находилось на разном уровне развития. В некоторых регионах санитарные бюро вообще отсутствовали или создавались лишь на время для прекращения эпидемий. Это объясняется неоднозначным отношением к санитарным врачам, недоверием и непониманием, а также препятствиями со стороны властей [2, с. 208].

Во многих городах к началу XX в. имелись санитарные врачи, но зачастую на них возлагалось столько обязанностей, в том числе и не относящихся к санитарному делу, что сложно перечислить. Например, в Екатеринбурге, санитарный врач в своем отчете прямо указывает: «что ему такая работа не по силам, и он не в состоянии повсюду успеть и все исполнить добросовестно» [4, с. 6].

Санитарный врач П.А. Грацианов в 1904 г. на съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова озвучил следующую статистику. Проводя исследование о постановке санитарного дела в городах, были составлены обращения к более чем 70 Городским Управлениям. Ответ был получен только из 58. Выяснилось, что 17 городов на санитарную организацию не тратят средств вообще. Два города (Уфа и Тараща) менее 50 рублей в год, 9 городов до 1000 руб., 6 городов от 1000 до 2500 руб. И только в 24 городах имелось что-то похожее на правильную организацию санитарного дела [4, с. 2].

Выводы

Таким образом, вопросы санитарного благоустройства населенных мест находились в ведении местного самоуправления. Городские и земские органы самоуправления, как правило, начинали обращать внимание на санитарное состояние, а также соблюдение принятых правовых актов, только в случае угрозы эпидемий.

Несмотря на то, что на начало XX в. были при-

няты нормативно-правовые акты, заложившие правовую основу института государственного санитарного надзора, отсутствие общей санитарной организации и контроля со стороны государства

негативно сказывались на санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, как и на формирующейся отрасли санитарного законодательства.

Список источников

1. Агафонова А.Б. Санитарные попечительства в дореволюционной России // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 30.
2. Ахмедханов А.А., Ермолаева Е.В. Развитие санитарного дела в России // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. С. 208.
3. Бычков И.Я., Советское санитарное законодательство за 20 лет // Гигиена и санитария 1938. № 11. С. 111 – 119.
4. Грацианов П.А., Санитарная организация в городах. Доклад секции городской медицины на IX Пироговском съезде // Типография М. Акинфеева и И. Леонтьева, Басейная, 14, СПб., 1904. С. 23.
5. Заблудовский П.Е., Развитие русской медицины в первой половине XIX в. М., 1955. С. 9, 11.
6. Мах И.И., История становления государственного надзора в Российской империи с начала XIX в. до 1917 г.: основные этапы и их институализация // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 2 (20). С. 181 – 185
7. Устав врачебный. Свод Законов Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388226/#page/469/mode/1up> (дата обращения 29.08.2024)
8. Устав лечебных заведений ведомства Министерства внутренних дел с инструкцией по упр. этими заведениями: (Собр. узак. и расп. Правит. 1893 г. № 99 и 1894 г. № 114): [Утв. 10 июня 1893 г.] // Изд. неофиц. СПб.: Юрид. кн. маг. Мартынова. 1895. 66 с.
9. Устав медицинской полиции: (Св. зак. т. XIII, Уст. врачеб., кн. 2, изд. 1857 г.): С изм. по Прод. Св. зак. 1886, 1887 и 1889 гг., доп. 1) узаконениями, обнарод. по 1 авг. 1892 г. и 2) распоряжениями правительства: а) о принятии мер против холер. эпидемии и б) по вет. части: С прил. Сост. А.Е. Рябченко // Неофиц. изд. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1892. 511 с.
10. Фрейберг Н.Г. Сборник законов и распоряжений правительства РСФСР по врачебно-санитарному делу с 1-го сентября 1919 г. по 1-е января 1925 г. М.: Госмедторгпром, 1925. 880 с.

References

1. Agafonova A.B. Sanitary guardianship in pre-revolutionary Russia. Ural Historical Bulletin. 2021. No. 1 (70). P. 30.
2. Akhmedkhanov A.A., Ermolaeva E.V. Development of sanitary affairs in Russia. Bulletin of medical Internet conferences. 2016. P. 208.
3. Bychkov I.Ya., Soviet sanitary legislation over 20 years. Hygiene and Sanitation 1938. No. 11. P. 111 – 119.
4. Gratsianov P.A., Sanitary organization in cities. Report of the section of urban medicine at the IX Pirogov Congress. Printing house of M. Akinfeev and I. Leontiev, Basseynaya, 14, St. Petersburg, 1904. P. 23.
5. Zabudovsky P.E., Development of Russian medicine in the first half of the 19th century. Moscow, 1955. Pp. 9, 11.
6. Makh I.I., History of the formation of state supervision in the Russian Empire from the beginning of the 19th century to 1917: the main stages and their institutionalization. Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2020. No. 2 (20). P. 181 – 185
7. Medical charter. Code of Laws of the Russian Empire [Electronic resource]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388226/#page/469/mode/1up> (date accessed 29.08.2024)
8. Charter of medical institutions of the department of the Ministry of Internal Affairs with instructions for the management of these institutions: (Collection of laws and regulations of the Government of 1893, No. 99 and 1894, No. 114): [Approved June 10, 1893]. Unofficial pub. St. Petersburg: Legal Prince Martynov. 1895. 66 p.
9. Charter of the Medical Police: (Holy Laws, Vol. XIII, Medical Constitution, Book 2, 1857 edition): As amended by Prod. Holy Laws. 1886, 1887 and 1889, suppl. 1) by laws promulgated by August 1, 1892 and 2) by government orders: a) on taking measures against the cholera epidemic and b) on the veterinary part: With app. Comp. A.E. Ryabchenko. Unofficial ed. St. Petersburg: A.S. Suvorin printing house, 1892. 511 p.
10. Freiberg N.G. Collection of laws and orders of the government of the RSFSR on medical and sanitary affairs from September 1, 1919 to January 1, 1925. Moscow: Gosmedtorgprom, 1925. 880 p.

Информация об авторе

Володина Ю.А., соискатель ученой степени кандидата исторических наук, преподаватель, Благовещенский государственный педагогический университет, yuliya-volodina@mail.ru

© Володина Ю.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 94(430)87

DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-239-244

Эволюция стратегического партнерства в ФРГ: от В. Брандта до Г. Шредера

¹ Хорошевский Г.А.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в статье рассматривается эволюция концепции стратегического партнерства в истории Федеративной Республики Германии на примере двух значимых политических феноменов: восточной политики Вилли Брандта и стратегического партнерства Герхарда Шредера. Автор, опираясь на историко-генетический метод и приемы статистического анализа проанализировал электоральный и политический контексты, в рамках которых сформировалась восточная политика В. Брандта и стратегическое партнерство Г. Шредера. Использование контент анализа для изучения партийных программ и речей идеологов позволило определить сходство и различия политических явлений. Также в рамках исследования была предпринята попытка воссоздать корреляцию между развитием стратегического партнерства и экономическим взаимодействием между странами. Используя указанный выше методологический инструментарий, автор приходит к выводу о том, что восточная политика В.Брандта и стратегическое партнерство Г.Шредера – взаимосвязанные, но отличающиеся в политических аспектах явления. Различия между ними находятся в плоскости иерархии взаимодействия между акторами (переход к системе актор-актор), способах взаимодействия между странами (привлечение института посредника в виде ЕС) и проблематизации политики, в рамках которой виден сдвиг в сторону научных и культурных контактов.

Ключевые слова: Россия, ФРГ, новая восточная политика, стратегическое партнерство, Вилли Брандт, Герхард Шредер

Для цитирования: Хорошевский Г.А. Эволюция стратегического партнерства в ФРГ: от В. Брандта до Г. Шредера // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 239 – 244. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-239-244

Поступила в редакцию: 8 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

Evolution of strategic partnership in the Federal Republic of Germany: from W. Brandt to G. Schroeder

¹ Khoroshevsky G.A.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: the article observes the evolution of the concept of strategic partnership in the history of the Federal Republic of Germany on the example of two significant political phenomena: Willy Brandt's eastern policy and Gerhard Schroeder's strategic partnership. The author, based on the historical-genetic method and statistical analysis techniques, analysed the electoral and political contexts within which the eastern policy of Willy Brandt and the strategic partnership of Gerhard Schroeder were formed. The use of content analysis to study party programmes and speeches of ideologues allowed to identify similarities and differences of political phenomena. The study also attempted to reconstruct the correlation between the development of strategic partnership and economic interaction between the countries. Using the above mentioned methodological tools, the author concludes that W. Brandt's Eastern policy and G. Schroeder's strategic partnership are interrelated but different in political aspects. The differ-

ences between them are in the hierarchy of interaction between actors (transition to the actor-actor system), ways of interaction between countries (involvement of an intermediary institution in the form of the EU) and problematisation of policy, within which we can see a shift towards scientific and cultural contacts.

Keywords: Russia, Germany, New Eastern Policy, Strategic Partnership, Willy Brandt, Gerhard Schroeder

For citation: Khoroshevsky G.A. Evolution of strategic partnership in the Federal Republic of Germany: from W. Brandt to G. Schroeder. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (1). P. 239 – 244. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-239-244

The article was submitted: October 8, 2024; Approved after reviewing: December 12, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Стратегическое партнерство – многогранное явление, значение которого адаптировалось, уточнялось, усложнялось в зависимости от исторического контекста. Если обратиться к истории ФРГ, то его своеобразным прообразом с точки зрения нарратива (изменение природы взаимоотношений между Востоком и Западом в пользу мирного сосуществования двух идеологически непримиримых лагерей) можно считать новую восточную политику В. Брандта. В современной отечественной историографии до сих пор ведется дискуссия об авторстве и времени появления этой концепции.

Например, Стрелец М.В. утверждает, что автором концепции можно считать Герхарда Шредера [4, с. 153] – федерального министра иностранных дел ФРГ (1961-1966 гг.) и члена Бундестага от фракции ХДС/ХСС (1969-1980 гг.). Его точке зрения, используя методологию контент анализа, оппонирует Келлер А.В., утверждая, что политика Вилли Брандта представляла собой уже другое явление, с другими смысловыми акцентами [2, с. 101]. Схожую, но более компромиссную точку зрения для Келлера А.В. можно найти в тексте немецкого политолога Торстена Опенланда [6, с. 74], где подчеркивается, что политику Шредера можно считать скорее «мостом» между консервативным Адэнауэром и либеральным Брандтом.

Вне зависимости от историографических дебатов о конкретных аспектах явления, можно синтезировать объединяющую их позицию. Восточная политика – единственный случай в XX веке, когда выбор социал-демократического нарратива на выборах коренным образом изменил внешнеполитическую колею страны [10, с. 323-329].

Материалы и методы исследований

В основу исследования положен теоретико-аналитический подход, направленный на изучение эволюции концепции стратегического партнерства в контексте внешнеполитической линии Федеративной Республики Германии с акцентом на периоды руководства Вилли Брандта и Герхарда Шредера. В статье применен метод историко-

сравнительного анализа для выявления схожестей и различий в подходах к реализации стратегических инициатив в разные временные отрезки.

Для определения смысловых акцентов и динамики изменения нарратива использована методология контент-анализа официальных документов, речей и публикаций, относящихся к восточной политике Брандта и стратегическому партнерству Шредера.

С целью синтеза различных научных подходов и преодоления противоречий в историографической трактовке концепций были изучены точки зрения отечественных и зарубежных исследователей, включая полярные мнения о ключевых аспектах политики. При этом анализ не ограничивался исключительно внешнеполитическим контекстом: особое внимание уделено внутренним политическим и экономическим предпосылкам, включая роль коалиционных механизмов, электоральных предпочтений и партийных программ.

Применение сравнительно-исторического метода позволило выделить преемственность и новаторство в политических подходах социал-демократической партии Германии, а также определить значимость экономических, культурных и общественных факторов в формировании стратегического партнерства. Особое внимание уделено методологическому синтезу электоральных данных с политическим контекстом, что позволило установить взаимосвязь между изменениями в обществе и трансформацией внешнеполитического курса.

Результаты и обсуждения

Анализ электоральных и экономических предпосылок стратегического партнерства 1998 г.

Для изучения содержания стратегического партнерства необходимо провести анализ электоральной статистики, т.е. выявить особенности политического поведения граждан того времени и определить его причины.

Руководствуясь доводами статистики о выборах 1998 г., можно констатировать, что социал-демократы повторили и даже улучшили результат

досрочных выборов 1972 г., когда правительство вновь возглавил Вилли Брандт, проводивший новую восточную политику [4, с. 5-6]. Причины блестящей победы разнообразны, однако в большинстве своем они связаны с внутренней социально-экономической повесткой германского общества, а не с внешнеполитическими нарративами, как в случае Вилли Брандта.

Конкретизируя вышесказанное, социал-демократы, выступая с трибун парламентской оппозиции, грамотно аккумулировали недовольство Гельмутом Колем и сделали акцент в своей предвыборной программе на концепты социального государства и борьбу с безработицей, что вызывало больший отклик у избирателей. Единственным элементом внешней политики, оказавшим значимое (с точки зрения привлечения нового кластера избирателей) влияние можно считать «Петерсбергский переворот» 1992г., в рамках которого был осуществлен пересмотр традиционной политической установки социал-демократов об отказе участия Германии в военных миссиях. После него истеблишмент СДПГ стал сторонником использования сил Бундестага за рубежом, но ограничил его применение эгидой ООН [9, с. 117-118].

Дополнительным фактором, стоящим упоминания в контексте исследования, можно считать общий принцип коалиционного строительства Германии. Народные партии (Volkspartei) лишены возможности единоличного воплощения политики. Парламентское большинство и соответствующий карт-бланш для осуществления любой правительственной деятельности строился вокруг наличия коалиционного партнера и договоренностей с ним.

Коалиционным партнером (и обладателем портфеля министерства иностранных дел) СДПГ стала партия «Зеленые», которую можно охарактеризовать как идеологически близкую, но более либеральную в своих воззрениях. Например, в партийной программе, СДПГ используются гораздо менее резкие формулировки по отношению к России и НАТО, чем у Зеленых [11, с. 44-45].

Причина таких (пусть и минорных) нарративных различий сокрыта в историческом контексте. В 1990-ые годы партия «Зеленые» выступала единым фронтом с другой левой партией – «Союз 90». Тандем гармонично занимал смысловую нишу радикального пацифизма, от которой социал-демократы со временем дистанцировались (надо полагать ради переманивания более консервативного электората ХДС/ХСС). Таким образом, социал-демократы на уровне партийных программ вынуждены были взаимодействовать с функционерами, манифестировавшими ядерное разоружение держав-гегемонов, демилитаризацию военных

блоков и ставкой на расширение гражданского взаимодействия по образу и подобию франко-германского взаимодействия [7, с. 143].

Такой нарративный дисбаланс сдержанности и радикальности диктовал развитие стратегического партнерства в первые годы: с одной стороны партийные программы центра оставляли определенное пространство для внешнеполитического маневра в отношении России. С другой, коалиционная и общественная формация ограничивало его.

Герхард Шредер унаследовал от своего предшественника, Гельмута Коля, значительный багаж критики со стороны немецкого общества в отношении политики по отношению к России. Так называемая «саунная дипломатия» (Saunadiplomatie), связанная с неформальным стилем взаимодействия Коля с российским руководством, воспринималась как неэффективная и слишком лично ориентированная. Дополнительным осложняющим фактором в межгосударственных отношениях выступило участие Германии военной операции в Косово без мандата ООН.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что внешне и внутривнутриполитическая конфигурация ФРГ не была настроена на активные действия по сближению с Россией. Пример европейского формата партнерства оставался за рамками внимания политических элит, кроме вопросов экономического толка.

Раскрывая экономическую часть межстранового взаимодействия, отметим, что, несмотря на негативный контекст, связи между странами не прерываются. Новое Федеральное правительство продолжает активно финансировать становление России в качестве демократического государства, выдавая займы, как на межгосударственном, так и институтском уровне (кредитное обеспечение через Парижский клуб).

У этого исторического факта есть две трактовки. С одной стороны, Герхард Шредер [8] в своей речи упоминает о том, что Германия, выполняя свою европейскую и трансатлантическую миссию готова нести (и несет) определенные расходы. С другой стороны, российский историк Павлов трактует это как конец политики «чековой книжки» [3, с. 487], подразумевая, что с переходом на уровень института, Германия стремится сбросить оковы особой персональной ответственности.

Таким образом для продуктивного развития стратегического партнерства в фундаментальных сферах «реальной политики» (как и было при Вилли Брандте) было необходимо глобальное совпадения интересов и событие-импульс. Отметим, что импульс был найден при консолидации действий на внешней арене в рамках треугольника

ФРГ-Франция-Россия против Америки (осуждения действий американских ВС на территории Ирака [1, с. 168]).

Сравнительный анализ новой восточной политики и стратегического партнерства

Несмотря на схожесть явлений (стратегическое партнерство и восточная политика) с точки зрения нарративного оформления, можно выделить следующие различия:

1. Иерархия взаимодействия между акторами. Если, в случае реализации восточной политики, имела место быть система взаимоотношений: актор – гегемон, то после объединения Германии и распада Советского союза, можно говорить о становлении системы актор-актор со всем возникающим комплексом сдержек и противовесов интересов. В современной немецкой историографии, это называется «Russia first» [5, с. 16]. В собирательный термин входит описание ситуации, когда в советское время политика по отношению к Восточной Европе строилась исключительно через Россию, игнорируя других участников. В нашей логике, это утрата Россией статуса Гегемона с соответствующими последствиями.

2. Способ реализации политики также подвергся изменениям. В политическом контексте новосформированного ЕС и европейской идентичности, связанной с ним, ФРГ выстраивает любое взаимодействие с помощью привлечения института-посредника, а не напрямую с участником международного процесса.

3. Проблематика политики. Повестка дня переходит в другое русло. Несмотря на сохранения тесных экономических связей: экономическая доктрина газ – трубы [13] Вилли Брандта, и крупные займы федерального правительства Гельмута Коля и Герхарда Шредера, тематика межгосударственных взаимоотношений переориентируется в пользу культурных, научных контактов, оставляя внешнеполитический аспект за скобками. Единственным исключением из этого правила стало сближение Франции и ФРГ на фоне противостояния с США во время операции в Ираке.

Выводы

Анализ новой восточной политики Вилли Брандта и стратегического партнерства Герхарда Шредера выявил как элементы преемственности, так и значительные различия в явлениях, обусловленные изменением исторического и политического контекстов. В статье были проанализированы следующие аспекты:

1. С точки зрения проектирования международных отношений, восточная политика Брандта развивалась в системе взаимодействия «актор-

гегемон». При этом то в период канцлерства Шредера формат взаимодействий трансформировался в систему «актор-актор», что стало следствием ряда геополитических масштабных геополитических событий: объединения Германии, распада Советского Союза и новой роли Германии в международной системе.

2. Стратегическое партнерство Шредера, в отличие от политики Брандта, реализовывалось с использованием институционализированных механизмов: Привлечение посредников в лице Европейского Союза отражало не только изменение международных реалий, но и стремление Германии укрепить свою позицию через многосторонние форматы взаимодействия.

3. Также был отмечен сдвиг в приоритетах политики. Если в эпоху Брандта акцент делался на внешнеполитических инициативах и стабилизации отношений между идеологически противоположными лагерями, то Шредер перенес фокус на развитие культурных и научных контактов. Это отражает изменения в общественном восприятии международных отношений, а также новые требования со стороны электората.

4. Экономическая составляющая оставалась важнейшим связующим звеном обеих стратегий. Несмотря на политические сложности, Германия продолжала активное экономическое сотрудничество с Россией, будь то предоставление кредитов или поддержка совместных энергетических проектов. Это подчеркивает роль экономики как стабильного элемента двусторонних отношений.

5. Кроме того, отдельным аспектом исследования выступил анализ внутриполитического контекста ФРГ. Так, Электоральный успех СДПГ под руководством Шредера был достигнут благодаря акценту на социально-экономических проблемах, что отличало его кампанию от ориентированной на внешнюю политику программы Брандта. Важную роль в формировании стратегического партнерства сыграла коалиция с партией «Зеленые», чьи либеральные взгляды и пацифистские идеалы влияли на ключевые решения, создавая баланс между радикальными и более умеренными подходами.

В итоге, несмотря на различия, новая восточная политика и стратегическое партнерство могут рассматриваться как последовательные этапы эволюции социал-демократической внешнеполитической линии Германии. Эти явления демонстрируют гибкость подходов к международным отношениям, обусловленную изменяющимися приоритетами, политическими реалиями и международной обстановкой.

Список источников

1. Егоров А.И. Россия Германия: от «Стратегического партнерства» к прагматическому сотрудничеству (2001-2008 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1 (17). С. 167 – 175.
2. Келлер А.В. "Новая восточная политика" Вилли Брандта в контексте экономического сотрудничества между ФРГ и СССР 1963-1973 гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 1. С. 100 – 108.
3. Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением): Научное издание. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2017. 560 с.
4. Стрелец М.В. Вилли Брандт и реалии XX в // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 149.
5. Meister S., Jilge W. After Ostpolitik: A New Russia and Eastern Europe Policy Based on Lessons from the Past [Электронный ресурс] // DGAP URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/86641/ssoar-2023-meister_et_al-After_Ostpolitik_A_New_Russia.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2023-meister_et_al-After_Ostpolitik_A_New_Russia.pdf (дата обращения: 29.08.2024)
6. Oppelland T. Der „Ostpolitiker“ Gerhard Schröder. Ein Vorläufer der sozialliberalen Ost-und Deutschlandpolitik? // Historisch-Politische Mitteilungen. 2001. Т. 8. № 1. С. 73 – 94.
7. Programm zur Bundestagswahl 1998. Grün ist der Wechsel [Электронный ресурс] // Boell.de URL: https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/1998_Wahlprogramm_Bundestagswahl.pdf (дата обращения: 29.08.2024)
8. Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder bei der 37. Kommandeurstagung der Bundeswehr am 29. November 1999 in Hamburg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzler-gerhard-schroeder-808490> (дата обращения 29.08.2024)
9. Reschke M., Krell C., Dahm J. History of Social Democracy [Электронный ресурс] // FES.de URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/10390.pdf> (дата обращения: 29.08.2024)
10. Sassoon D. One Hundred Years of Socialism. The West European Left in the Twentieth Century. New York: Bloomsbury Publishing, 1996. P. 323 – 329.
11. SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998. Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit [Электронный ресурс] // FES.de URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/wahlprogramm_bundesparteitag_leipzig_1998.pdf (дата обращения: 29.08.2024)
12. Stöss R., Neugebauer G. Die SPD und die Bundestagswahl 1998. Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland [Электронный ресурс] // Freie Universität Berlin. Arbeitshefte. URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsocz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (дата обращения: 29.08.2024)
13. Trotz Gegenwind: eine historische Energiepartnerschaft [Электронный ресурс] // Ostausschuss URL: <https://www.ost-ausschuss.de/de/trotz-gegenwind-eine-historische-energiepartnerschaft> (дата обращения: 29.08.2024)

References

1. Egorov A.I. Russia Germany: from "Strategic Partnership" to Pragmatic Cooperation (2001-2008). Bulletin of Tomsk State University. History. 2012. No. 1 (17). P. 167 – 175.
2. Keller A.V. "New Eastern Policy" of Willy Brandt in the Context of Economic Cooperation between the FRG and the USSR in 1963-1973. Ural Historical Bulletin. 2016. No. 1. P. 100 – 108.
3. Pavlov N.V. Russia and Germany: a failed alliance (a story with a continuation): Scientific publication. Moscow: Publishing House "Aspect Press". 2017. 560 p.
4. Strelets M.V. Willy Brandt and the Realities of the 20th Century. Questions of History. 2013. No. 9. P. 149.
5. Meister S., Jilge W. After Ostpolitik: A New Russia and Eastern Europe Policy Based on Lessons from the Past [Electronic resource]. DGAP URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/86641/ssoar-2023-meister_et_al-After_Ostpolitik_A_New_Russia.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2023-meister_et_al-After_Ostpolitik_A_New_Russia.pdf (date accessed: 29.08.2024)
6. Oppelland T. Der „Ostpolitiker“ Gerhard Schröder. Ein Vorläufer der sozialliberalen Ost-und Deutschlandpolitik? Historisch-Politische Mitteilungen. 2001. Vol. 8. No. 1. P. 73 – 94.

7. Programm zur Bundestagswahl 1998. Grün ist der Wechsel [Electronic resource]. Boell.de URL: https://www.boell.de/sites/default/files/assets/boell.de/images/download_de/publikationen/1998_Wahlprogramm_Bundestagswahl.pdf (date of access: 29.08.2024)
8. Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder at the 37th Federal Assembly meeting on 29. November 1999 in Hamburg [Electronic resource]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundeskanzler-gerhard-schroeder-808490> (accessed on 29.08.2024)
9. Reschke M., Krell C., Dahm J. History of Social Democracy [Electronic resource]. FES.de URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/10390.pdf> (accessed on 29.08.2024)
10. Sassoon D. One Hundred Years of Socialism. The West European Left in the Twentieth Century. New York: Bloomsbury Publishing, 1996. pp. 323 – 329.
11. SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998. Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit [Electronic resource]. FES.de URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/wahlprogramm_bundesparteitag_leipzig_1998.pdf (access date: 08/29/2024)
12. Stöss R., Neugebauer G. Die SPD und die Bundestagswahl 1998. Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland [Electronic resource]. Freie Universität Berlin. Arbeitshefte. URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/empsoz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (date of access: 29.08.2024)
13. Trotz Gegenwind: a historical energy partner [Electronic resource]. Ostausschuss URL: <https://www.ost-ausschuss.de/de/trotz-gegenwind-eine-historische-energiepartnerschaft> (date of access: 29.08.2024)

Информация об авторе

Хорошевский Г.А., аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, georgh1998@gmail.com

© Хорошевский Г.А., 2025